

ΒΥΖΑΝΤΙΝΑ ΧΡΟΝΙΚΑ

ΤΟΜΟΣ ΕΙΚΟΣΤΟΣ ΕΚΤΟΣ

ВИЗАНТИЙСКИЙ ВРЕМЕННИК

ИЗДАВАЕМЫЙ

ИНСТИТУТОМ ИСТОРИИ

Академии Наук Союза Советских Социалистических
Республик

ΤΟΜ Ι (XXVI)

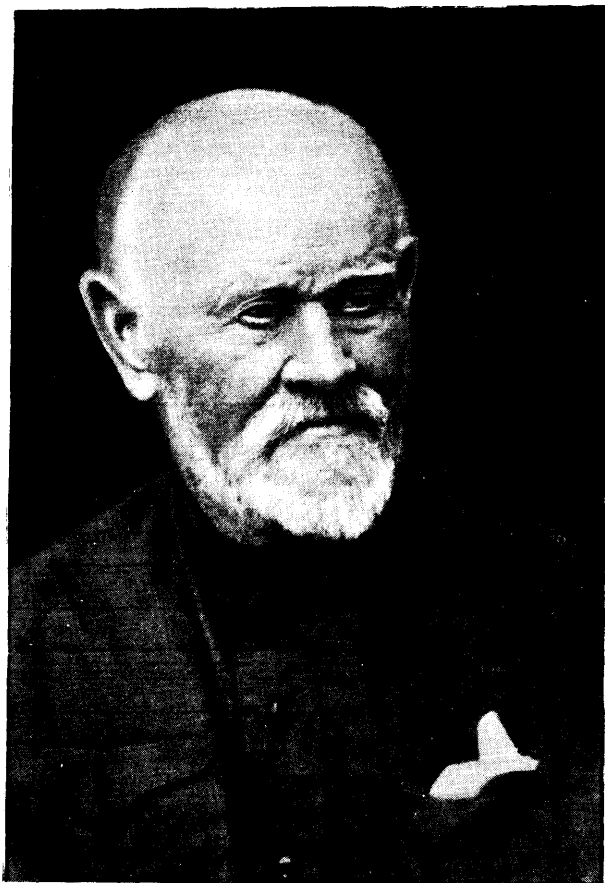
МОСКВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

1947

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

академик *Б. Д. Греков*, академик *Е. А. Косминский* (отв. редактор),
М. В. Левченко, член-корреспондент АН СССР *Н. В. Пигулевская*,
Б. Т. Горянов (отв. секретарь)

Ф. И. УСПЕНСКИЙ

*Снимок сделан в 1928 г., незадолго до смерти Ф. И. Успенского.
Воспроизводится впервые по материалам архива Академии Наук СССР*

ОТ РЕДАКЦИИ

Русское византиноведение имеет славное прошлое; во второй половине XIX в. выдвинулся ряд выдающихся исследователей, обогативших науку своими ценными трудами. Русское византиноведение достигло особенного расцвета благодаря трудам академика В. Г. Васильевского, а затем академика Ф. И. Успенского, ставшего общепризнанным главой русского византиноведения. В разработке вопросов социально-экономической истории Византии русское византиноведение занимало в мировой исторической науке первое место, признанное всеми. Так, например, греческий византинист Андриадис в своей книге по истории греческого народного хозяйства, изданной в Афинах в 1918 г., писал, что „есть отрасль византиноведения, в которой русские, без сомнения, являются хозяевами, — это внутренняя история Византии“. Значение русского византиноведения заставило византинистов всего мира специально изучать русский язык, так как, по заявлению ряда ученых, ни один византинист не может обойтись без изучения работ В. Г. Васильевского, Ф. И. Успенского и многих других представителей русского византиноведения.

Ф. И. Успенский всю свою жизнь посвятил изучению истории Византии, тесно связывая его с изучением истории южных славян. В Русском археологическом институте в Константинополе, бесменным директором которого был Ф. И. Успенский, он широко поставил и неустанно развивал межбалканские исследования, привлекая к ним ученых славянских стран Балканского полуострова и объединяя их вокруг руководимого им Института. Когда Академия Наук СССР восстановила издание „Византийского Временника“, редактором которого в свое время был В. Г. Васильевский, его редактирование, естественно, было поручено Ф. И. Успенскому.

После Великой Октябрьской социалистической революции в развитии византиноведения наступил некоторый перерыв. Влияние

так называемой „школы Покровского“, недооценившей этой важнейшей исторической дисциплины, повлекло за собой почти полное прекращение научно-исследовательских работ в этой области. В настоящее время Академия Наук СССР принимает решительные меры, чтобы воскресить и развить традиции русского византиноведения.

Сейчас, когда героическая Красная Армия и советский народ победоносно закончили Великую Отечественную войну против германского фашизма, перед советским византиноведением встают новые ответственные задачи. Советский Союз, в результате всемирно-исторической победы, освободившей народы Европы от угрозы германской агрессии, высоко поднял свой авторитет среди свободолюбивых народов всего мира. Одним из главных последствий этой победы является то, что „вековая борьба славянских народов за свое существование и свою независимость окончилась победой над немецкими захватчиками и немецкой тиранией“ (Сталин. Обращение к народу 9/V 1945).

Необычайно высоко поднялся моральный престиж Советского Союза среди балканских народов, история которых тесно связана с историей Византийской империи. Это настоятельно требует усиления и дальнейшего развития исследований в области взаимных связей Византии и балканских стран, всегда занимавших большое место в русском византиноведении.

Советская историческая наука при переходе к мирному периоду, осознавая ответственность поставленных перед нею задач, находится перед новым мощным подъемом. Большой подъем переживает и советское византиноведение. Отмечая память Ф. И. Успенского по случаю исполнившегося в 1945 г. столетия со дня его рождения, Академия Наук СССР в числе других мероприятий постановила приступить к изданию сборников исследований из области византийской истории под названием „Византийский Временник“. Совершенно естественной явилась мысль целиком посвятить настоящий первый том новой серии „Византийского Временника“ памяти его последнего редактора — академика Ф. И. Успенского.

Издание „Византийского Временника“ даст возможность советским византинистам знакомить научную общественность с результатами своих исследований. Эти исследования многосторонни и разнообразны. Однако основной линией научных интересов советских византинистов является изучение внутренней истории Византии. В свое время Ф. И. Успенский, освещая работу русских византинистов на страницах журнала „Byzantion“ (II, стр. 20),

говорил: „Наше внимание, нас, русских византинистов, было особенно направлено на выяснение проблем экономических, административных, социальных и других, относящихся к внутренней истории Византии. Крестьянский класс и земельная собственность, с париками, подчиненными владельцу и сидящими на его земле, и в то же время следы общинной собственности, вот вопросы, которые у нас никогда не переставали и не перестанут быть в порядке дня“. Эти слова главы русского византиноведения остаются и в настоящее время программой работы советских византинистов, продолжающих лучшие традиции русского дореволюционного византиноведения.

История византийского феодализма является центральной темой исследований, над которыми работают советские византинисты.

Генезис византийского феодализма и славянство, византийское феодальное поместье, феодализм и гибель Византийской империи — вот темы, отраженные в перспективном плане Академии Наук СССР в области исторической науки.

Ф. И. Успенский неустанно доказывал, что вне изучения социально-экономического строя Византии нельзя до конца осмыслить также и историю развития западноевропейского феодализма. Нет сомнения, что изучение византийского феодализма в его своеобразии, в его отличиях от западноевропейского будет содействовать уяснению характерных черт процесса развития феодализма как общественно-экономической формации.

Большая роль городов и городской торговли на протяжении всех Средних веков является одной из основных особенностей в социально-экономическом развитии Византийской империи. Между тем, изучение византийского города почти не привлекало внимания исследователей. Мировая наука не только не создала обобщающих трудов в этой области, но даже не стала до сих пор на путь подготовительных монографических исследований, которые освещали бы отдельные вопросы этой важнейшей темы или показывали бы развитие византийского города в локальном разрезе. Поэтому на этом участке предстоит большая и сложная работа. Необходимо определить место городского хозяйства внутри византийского феодального общества, исследовать происхождение и развитие византийских ремесленных цехов и торговых корпораций, показать эволюцию форм городского самоуправления в Византии. Зарождение новых городских классов, городской буржуазии и городского плебса; классовая борьба внутри византийского города; борьба за торговые пути между Византией и итальянскими городскими республиками в XIII—XV вв., — вот вопросы, которые должны

занять значительное место в исследовательской работе советских византистов.

Совершенно исключительное место должна занимать Византия в изучении международных отношений средневековой Европы и Востока. Византия представляла узловой пункт, где скрещивались интересы Киевской и Московской Руси, стран Западной Европы, Ближнего Востока и Средиземноморья. Эта тема приобретает тем больший интерес, что она имеет немалое значение для истории нашей великой Родины и ее международных связей в Средние века.

Совершенно недостаточно изучена история византийской культуры, византийского искусства, общественно-политической и философско-религиозной идеологии Византии. Изучение этих отраслей важно особенно потому, что отдельные части территории Советского Союза (Крым, Армения, Грузия), а также Киевская и Московская Русь находились в длительном взаимодействии с византийской культурой. В этой области у советских византистов непочатый край работы.

Наконец, нужно не забывать, что в наших советских собраниях, особенно в собрании Московского государственного исторического музея (бывшее собрание Синодальной библиотеки), Ленинградской публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Библиотеки Академии Наук СССР хранятся большие фонды византийских рукописей, имеющие мировое значение. Эти фонды содержат большое количество неопубликованных рукописей. Изучение этих фондов, публикация новых неизданных первоисточников, введение их в научный оборот для расширения поля исследований по всем областям истории Византии является также одной из неотложных задач. В свое время в России появились переводы византийских историков. Эта серия переводов тогда не была доведена до конца. Сейчас советские византисты заняты разработкой плана продолжения переводов византийских историков, которые явились бы ценными источниками для изучения истории Византии и пособием для изучающих эту историю в наших университетах.

„Византийский Временник“, которым руководили корифеи русского византиноведения — академики В. Г. Васильевский и Ф. И. Успенский, должен стать пропагандистом и организатором работы советских византистов, центральным органом, объединяющим и направляющим их усилия в борьбе за выполнение стоящих перед ними больших и ответственных задач.

„Византийский Временник“ отличался образцово поставленным отделом критики и библиографии, в котором читатели могли зна-

комиться со всеми достижениями мирового византиноведения. Развивающаяся после окончания второй мировой войны связь ученых СССР с учеными Европы и Америки позволит в восстанавливаемом органе советского византиноведения знакомить читателей с работами зарубежных византистов. В журнале намечается также широко поставить отдел хроники, в котором будет помещаться систематическая информация о научной работе советских и зарубежных византистов.

Старый „Византийский Временник“ завоевал себе почетное место в мировой науке. Опубликованные в нем труды, публикации первоисточников изучались и еще теперь изучаются византистами всех стран. Советские византисты, развивая свою работу во всех областях византийской истории, ставят целью снова завоевать своему органу то почетное место, которое он всегда занимал. Это будет лучшим памятником последнему редактору „Византийского Временника“, главе русского византиноведения, академику Ф. И. Успенскому.

Ф. И. УСПЕНСКИЙ

ДВИЖЕНИЕ НАРОДОВ ИЗ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ЕВРОПУ.

I. ТУРКИ. II. МОНГОЛЫ.

Последние годы своей жизни, начиная приблизительно с 1926 г., академик Ф. И. Успенский посвящает изучению большой проблемы, связанной с взаимоотношениями между Западом и Востоком в XI—XIV вв., а именно — вопросу о значении для Европы, в частности и для Византии, появления на арене мировой истории турок и монголов. Ф. И. Успенский занимается этой темой почти до последних дней своей жизни: на некоторых из относящихся сюда его рукописях, хранящихся в Архиве Академии Наук СССР в Ленинграде, можно видеть пометки с датой „февраль 1928 г.“¹, а Ф. И. Успенский, как известно, умер 10 сентября того же 1928 г.

Тема разрабатывается Ф. И. Успенским весьма широко. Одновременно им дается глубокий анализ изучаемых явлений на основе постоянно привлекаемого материала первоисточников. Как трактовал Ф. И. Успенский поставленную проблему, видно из следующего. В одной из рукописей незаконченной, видимо, статьи, носящей название „Значение выступления монголов в общеевропейской истории XIII и XIV вв.“, мы находим такие строки:² „центральным пунктом, на котором сосредоточиваются главнейшие исторические факты и куда переносятся самые живые духовные и материальные притязания европейского человечества, являются восточные побережья бассейна Средиземного моря. Отсюда находится в зависимости и в достаточной степени может быть объяснена как политика римского папы и императора, так и судьбы грозной для Европы, организующейся на Востоке империи Чингиз-хана. Самая история

¹ Ф. 116, оп. I, № 30.

² Ф. 116, оп. I, № 27.

этой империи и характер монгольского господства на Руси не могут быть объяснены, если не принимать во внимание настоячивых и вместе с тем весьма убедительных советов, направлявшихся из Египта в Константинополь и Сарай. Словом, выяснение направляющей роли в событиях XIII в., подготовивших, с одной стороны, неудачу европейцев прочно утвердиться в Азии после IV крестового похода, с другой же — разложение империи монголов и падение Золотой Орды, должно быть перенесено в другое русло и найти себе объяснение в такой комбинации фактов, которая, давая предпочтение Средиземноморским политическим и торгово-промышленным интересам, переносит сюда главный интерес изучения¹.

Эта цитата достаточно убедительно разворачивает тот круг вопросов, который интересовал Ф. И. Успенского, определяя в то же время вполне четко основные контуры его концепции.

В Архиве Академии Наук СССР в Ленинграде находится несколько работ Ф. И. Успенского на эти темы. При выборе материала для опубликования в „Византийском Временнике“ мы руководствовались соображениями хронологического порядка, полагая, что, например, работа „Морское и сухопутное движение из Центральной Азии и обратно в XIII—XIV вв.“ должна быть напечатана позднее в нашем журнале, чем печатаемая ныне, равно как и другая статья Ф. И. Успенского „Монголы и мусульманство во второй половине XIII в.“ Иные статьи, как, например, „Ближайшие годы по смерти Чингиз-хана“, казались более подходящими для сборника статей Ф. И. Успенского, чем для „Византийского Временника“ — органа византиноведческих знаний.

Ни в стиле, ни в самом изложении в работе Ф. И. Успенского никаких изменений не сделано. Очень незначительные поправки и дополнения, преимущественно библиографического характера, обозначены прямыми скобками. Статья подготовлена к печати ст. научн. сотрудником Института истории АН СССР Н. С. Лебедевым.

* * *

Редакция

С тех пор, как прирожденное чувство пылкости направило ум человека к уразумению бытия его в прошлом, появилось множество мнений и теорий о начале человеческого общежития и об исконной колыбели человека в географическом смысле. Господствующая теория, усваивая сесеру Европы наименование *vagina gentium*, *officina nationum*, исходит из наблюдений над явлениями исторической жизни при переходе от древности к Средневековью; другая теория, опираясь на факты гораздо более удаленные, сведения о коих

почерпаются из народных преданий, записанных в древности, указывает на Восток, как на первоначальное место происхождения человеческого рода и первых форм общежития. Из этой теории получает объяснение известная формула „ex Oriente lux“.

Мы не предполагаем здесь вдаваться в общие рассуждения о месте происхождения первого человека, наша цель более скромная: проследить и до известной степени объяснить бурный поток, направляющийся в течение нашей эры в Европу из Азии. Всякому известно, что нашествие гуннов и движение монголов в этом отношении представляет самые выразительные события. Совершенно понятно также, что последний факт в форме татарского господства над Русью особенно привлекает к себе внимание наших ученых и во многих отношениях заслуживает углубленного изучения в интересах русской науки и культуры. В последнее время прекрасные исследования академика В. В. Бартольда, посвященные монгольской истории,¹ внесли много нового света в этот вопрос и тем придали монгольской истории особенную привлекательность в научном отношении.

Но прежде всего здесь надлежит дать себе отчет в особенном характере и процессе научной работы по истории монголов, которая, что касается фактической и формальной стороны, всецело основывается на восточных источниках и составляет предмет востоковедов. Что касается области, доступной в этом отношении незнакомому с восточными языками, она ограничивается методическими приемами изучения и применения к местной истории наблюдений, вынесенных из работ над всеобщей, в частности средневековой, историей. Арабские, персидские и турецкие писатели, с которыми здесь приходится иметь дело, независимо от особенностей языка, отличаются еще разнообразными и существенными качествами по самому темпераменту и по способу выражения своих взглядов на наблюдаемый предмет, о котором имеют передать свое мнение. Для примера укажу на следующие вступительные слова к истории Хулагу: „Соловьи, поющие на лугах предания и разливающие песни свои по цветнику повествований, в ухо разумных людей принесли следующую весть“.² После этого вступления исследователь должен

¹ В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, I—II, СПб., 1900; его же. Образование империи Чингиз-хана. СПб., 1896 (Отд. от. из Записок Восточного отд. Имп. русского археол. общ., т. X); его же. Улугбек и его время, П., 1918 (Зап. Рос. Академии Наук, т. XIII, № 5).

² Хандемир. перевод Григорьева, стр. 43 [История монголов от древнейших времен до Тамерлана. Перевод с перс., СПб. 1834].

запастись большой осмотрительностью в смысле оценки источника как материала для истории в нашем смысле.

Переходя к теме предстоящего исследования, мы ставим на очередь, с одной стороны, вопрос об особенном характере восточных писателей, сообщающих сведения о монголах, и, с другой стороны, об одинаковом в расовом, этническом и культурном отношении тех народов и племен, которые предшествовали и следовали за монголами в передвижении из Центральной Азии в Европу с X в. и позднее. Не может возбуждать сомнений, что восточный писатель передает свою точку зрения на предмет, соответствующую его психике и мировоззрению.

Важнее другая сторона дела, на которую нужно обратить здесь внимание. Если ограничиться сравнительно лишь небольшим временем, когда Передняя Азия и юговосточная Европа стали подвергаться особенной опасности со стороны восточных кочевых племен, т. е. периодом движения турок-сельджуков с XI в., монголов и, наконец, османских турок — покорителей Константинополя и Балканского полуострова, то в общем мы должны отметить у всех этих народов, кроме этнических одинаковых черт, общий всем кочевой быт, соединенное с ним родовое или кланное устройство с преобладанием родовых старшин в качестве местной аристократии. Во главе нескольких сотен или тысяч кибиток выделяется власть племенного начальника или хана, который вследствие потребностей новых мест для кочевья своего племени или по личным неудовольствиям против соседних племен, стремится к объединению их под своей властью и создает своеобразную империю, придав ей военное устройство. Сельджукские Тогрул-беки, Сулейманы и Арсланы, монгольские Чингиз-ханы и Тамерланы, наконец, турецкие Баязиды и Магометы — завоеватели Константинополя, представляют много сходства и выражают одну общую им черту — завоевательный характер. Выступает также их, свойственная им всем, особенность, выражающаяся в веротерпимости. Пока мусульманство не наложило на них свою печать и пока муллы и хаджи не завладели волей и совестью народа, турецкое и монгольское господство среди христианских населений почиталось последними как счастливый выход из отчаянного положения под властью христианских властителей.

В высшей степени важно, наконец, отметить, что при передвижении из Центральной Азии восточные народы встречали на пути сходственные обычаи, в особенности военные, не совсем чуждый язык и близкие религиозные воззрения. Все это располагало к тому, чтобы во вновь занятых областях через некоторый период наступало сближение между победителями и побежденными. Обладая сравни-

тельно большим количеством сведений для монголов Золотой Орды в сборнике Тизенгаузена, мы можем сослаться на целый ряд известий у разных писателей, что монголы скоро подчинились условиям жизни в Кипчакской стране, начали вступать в браки с местными жителями и уподобились им по жизни и нравам.¹

Сделанные выше предварительные заключения позволяют нам в настоящее время войти в существо предмета и попытаться ознакомиться с процессом движения монголов через земли, населенные народами, стоявшими к ним в близких отношениях.

Начнем с описания страны, которую им предстояло завоевать, и народов, с которыми им нужно было встретиться. Это были, главнейшие, турки-сельджуки и греки.

1. ТУРКИ

При Константине Мономахе, с 1047 г. турецкий вопрос на отдаленной восточной границе приобретает первостепенное значение.

Турки-сельджуки вносили в историю Византии, и до некоторой степени в историю Восточной Европы, новый элемент вражды к христианскому строю жизни, хищничества и разрушения, от которого империя могла считать себя навсегда освободившейся после одержанных над мусульманством побед. Кроме того, сельджуки не ограничивались нападениями на пограничные области и не долго оставались лишь соседним народом, но, скоро воспринявши на себя исконные задачи магометанского мира в борьбе с христианским и с энергией молодого воинственного народа, стали оттеснять культурное население империи и занимать исконные имперские области. В половине XI в. мы присутствуем при начале громадного движения народов с отдаленного Азиатского востока, напоминающего до некоторой степени эпоху великого переселения народов; в этом последовательном росте народных передвижений турки-сельджуки предшествуют монголам или татарам и сменяются османскими турками, в конце концов в известной мере осуществившими идею борьбы мусульманства с христианством. Из сказанного видно, что турецкий вопрос в истории Византии и христианских стран занимает важное место.

Новыми исследованиями выдвинут, кроме того, тот замечательный

¹ Наиболее выразительные места из сборника Тизенгаузена, В. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. I. Извлечения из сочинений арабских, СПб., 1884; Эломари, стр. 235. „В древности это государство было страной Кипчаков, но когда ими завладели татары, то Кипчаки...“ и пр.; Ибн-батута, стр. 282; Ибн-халдун, стр. 385, прим.; Элайни, 505.

факт, что между различными кочевыми народами, занимавшим Среднюю Азию и Южную Россию, большинство, несмотря на различие наименований, принадлежит к одному и тому же этнографическому корню, то-есть к турецкому племени. Какие бы имена ни придавались турецко-татарским племенам, в общем между ними находится племенное родство и сходство в языке.¹

Движение турецко-татарского или тюркского племени от первоначальных мест обитания его на Алтае к Китаю и Туркестану и далее на запад выразилось в двух всемирно-исторических явлениях: 1) в стремлении сельджуков занять области, находившиеся в сфере влияния Багдадского калифата и Византийской империи в XI в., 2) в движении монголов или татар на восток под предводительством Чингиз-хана в XIII в.

Первая волна переселения захватила гузов и туркмен, которые двинулись против Армении и Малой Азии; от них выделились османы, впоследствии завоевавшие Византийскую империю и основавшие в Европе прочное господство. Само собой разумеется, теперь наше внимание должно сосредоточиться на обстоятельствах, сопровождавших это первое движение. Гузы в первый раз упоминаются в Бухаре и Самарканде, они разделялись на несколько колен, из коих сельджукское занимало главное место. Наименование происходит от имени Сельджука, племенного старшины, давшего части гузов свое имя и выдвинувшего ее на историческое поприще в конце X в. Военные подвиги сельджуков начинаются при внуках Сельджука Тогрул-беке и Чакыр-беке и совпадают, как сказано выше, с царствованием Константина Мономаха. Для точности заметим, что для нашей цели главное значение имеют две ветви сельджуков: сирийско-месопотамская и малоазиатская, иначе — иконийская.

Нет сомнения, что усиление власти турок-сельджуков на счет мусульманских князей Персии и Месопотамии и напор их на восточную границу империи вызвали большое брожение среди населения Багдадского калифата; точно так же и самый успех турецкого движения столько же может быть объясняем военными дарованиями первых вождей, как религиозной борьбой между шиитами и суннитами и внутренними усобицами. Есть драгоценное описание тогдашнего мусульманского мира, принадлежащее современному

¹ Главные пособия: В. Г. Васильевский. Византия и печенеги. Труды, т. I, СПб., 1908. Приложение I. О Куманском (Половецком) слове (То же, ЖМНП, декабрь, 1872); Weil. Geschichte der Chalifen, III, S. 81 sq; Müller. Der Islam im Morgen- und Abendlande, I, S. 627; II, S. 71—96; Parker. The origin of the Turks (The English historical review, II, p. 208); Gibbon. The history of the decline and fall of the Roman Empire, ed. Bury, VI, p. 224.

персидскому путешественнику Нассыр-Хозрою, который в течение семи лет (1045—1052) сам осмотрел главнейшие мусульманские страны.¹ Его вывод, между прочим, выразился в довольно суровом приговоре: „Справедливость и порядок соблюдались только в четырех местах: в Деште (близ Тавриза), в Дейлеме, в Египте и в Табеси, да и то лишь при некоторых правителях. Но кроме Египта упомянутые места представляют собой удаленные горные области, лежащие вне сферы влияния гузов и сельджуков». Он жалуется на отсутствие безопасности в Хорасане; под господством Тогрул-бека Басру и другие города он нашел в развалинах; в Мекке, в 1050 г. было, по его словам, не более 2500 мужского населения. Хотя новые вожди турок хорошо понимали, что успех их зависит не от хищнических и опустошительных набегов, а от некоторой созидательной работы, тем не менее история возникновения самостоятельного турецкого государства сопровождалась обыкновенными сценами убийства и хищения, которое довело Малую Азию до крайнего обнищания и одичания. Завоевательная карьера Тогрул-бека в течение 20 лет показывает, что в его распоряжении были большие силы, которые подновлялись новыми охотниками, привлекаемыми жаждой добычи и новых завоеваний. Походы Тогрул-бека начинаются с 1042 г., когда он присоединил Горчак и Табаристан; в то же время брат его Чакыр-бек завоевал область Балх. В следующие годы они распространили завоевания на Ховарезм и Испанию. В 1048 г. брат Тогрул-бека Ибрагим Инал сделал вторжение в Армению, находившуюся в вассальной зависимости от Византии. Уже тогда турецкое завоевание могло бы угрожать значительными успехами и заставить империю принять надлежащие меры предосторожности, но между братьями вспыхнула усобица, окончившаяся поражением Ибрагима в 1049—1050 гг. Большим также облегчением для Византии было и то обстоятельство, что предводителю турок предстояла задача определить свое положение относительно Багдадского калифа или, правильнее сказать, многочисленных эмиров, ависимых от Хозроя Фируса, тогдашнего эмира Аль-Омра, всемогущего правителя калифата. Тогрул-бек решил свергнуть Бундскую династию, но для этого ему было необходимо завладеть Багдадом. В 1055 г. он сделал нападение на столицу калифа, воспользовавшись постоянными раздорами между суннитами и шиитами и личными раздорами между руководителями политикой калифата. Трудно судить о подробностях, но известно, что в том же году наступил конец господству в Багдаде великого эмира Аль-Омра и с тем вместе значению рода Бундов. В дальнейшем обращают

¹ Schefer. Sefer Nameh, relation du voyage de Nassiri Knosrau, Paris, 1881.

на себя внимание заботы Тогрул-бека заручиться родством с калифом, чтобы упрочить значение своего рода в глазах мусульманского мира. Несмотря на преклонный возраст, в 1062 г. он женился на дочери калифа и тем закрепил за своим потомством право на власть над правоверными. В следующем году он умер, 70 лет от роду.

Уже при жизни Тогрул-бека турки не раз входили в столкновение с византийскими наместниками в Армении и Грузии. Как ни спутаны относящиеся сюда немногочисленные известия, можно, однако, видеть, что опустошения, производимые турецкой конницей и повторяемые не один раз, причиняли большие бедствия мирному населению. По словам современного армянского историка, „Двери небесного гнева отверзлись на нашу землю. Из Туркестана выступили в большом числе военные отряды на конях, быстрых, как орлы... Достигши Васпуракана, как голодные волки, они напали на христиан“.¹ Здесь имеется в виду поход Ибрагима Инала, брата Тогрул-бека, когда против него так несмело и неудачно действовали Катакалон и Аарон,² что допустили его захватить и разграбить богатый торговый город Армении Арзен, ныне Эрзерум.

После небольшого перерыва, объясняемого возмущением Ибрагима, Тогрул-бек вновь сделал вторжение в вассальную византийскую область в 1053 г. По свидетельству Матвея Едесского, „Тогрул султан, происходящий из косматого и отвратительного народа турок, напал на Армению с войском, многочисленным, как песок морской. Он взял приступом Пергри и, наложив оковы на знатнейших граждан, отвел их в плен, захватил и другие города и уничтожил в них население. Как черная туча, сверкающая молнией, он отмечал свой путь губительным градом. Подвергнув осаде город Ардиш в течение 8 дней, он заставил жителей покорно сдаться. С помощью больших приношений золотом, серебром, конями и мулами они исходатайствовали предварительные условия мира и при этом сказали: султану, властителю мира, остается взять Манцикерт, и тогда мы и вся Армения будем ему принадлежать“. Упомянутый город, имеющий трагическое значение в истории войн империи с турками, находился у берегов Аракса, недалеко от Карса; был защищен тогда тройной стеной и составлял действительно одну из важнейших крепостей Армении. Тогрул немедленно приступил к осаде города, который, однако, был хорошо подготовлен к обороне своим стратигом армянского происхождения Василием Апокапи. Видя безуспешность

¹ Arisdaguès de Laschiverd приведено у Schlumberger, III, p. 551.

² Cedreni, II, 575.

обложения столь крепкого города, султан предпочел заняться опустошением открытых мест, для чего снял осаду, между тем как, по словам местного историка, стоило еще 10 дней постоять под городом, и он бы сдался. Часть турецкого войска напала на соседние области и между прочим проникла в пограничную фему Халдию и опустошительно прошла по значительной части Грузии, доведя набеги до Абхазии и гор Кавказа. Манцикерту, однако, предстояло выдержать вновь усиленную и продолжительную осаду, которая велась с редкой настойчивостью со стороны осаждающих, и с удивительным искусством и самопожертвованием со стороны городских защитников. В течение целого месяца султан два раза каждый день делал приступы, один раз утром при восходе солнца, другой — вечером. Но будто бы в самом совете султана был изменник, который сообщил осажденным обо всех предполагавшихся со стороны турок военных предприятиях против города. Наконец, доставлена была из Битлиса особенно большая стенобитная машина, с помощью которой начали бить стены города. Тогда Василий Апокапи объявил в своем гарнизоне большую награду тому, кто бы нашел способ сжечь эту дьявольскую машину. В городе действительно нашелся искусный инженер — франк по происхождению, который при помощи изготовленного им секретного воспламеняющегося состава, приблизившись к машине под видом вестника, имеющего поручение к султану, успел бросить в машину три снаряда и произвести пламя, от которого она погибла. Это было большим торжеством для осажденных, которые стали смелее относиться к своему положению и не давали неприятелю никакой надежды на скорую сдачу. Тогда Тогрул принужден был снять осаду и удалиться, похваляясь, что на будущую весну он возвратится с новыми осадными средствами. Оборона Манцикерта доставила большую славу вождю греческого гарнизона, который скоро был назначен стратигом Эдессы.

Выше мы видели, что важнейшим делом Тогрул-бека после рассказанных военных событий было торжественное вступление в Багдад, где он занял при калифе самое влиятельное положение и перед смертью женился на его дочери. Первый султан сельджуков украшен всеми добродетелями под пером писателей суннитского толка, но византийские источники свидетельствуют об нем, как о вожде диких полчищ, вносивших огонь и опустошение во все области, куда только появлялись турки. После Тогрул-бека не осталось сыновей, между тем как от Чакрыл-бека происходит многочисленное потомство. Его дети Алп Арслан, Якут, Кавуд и Сулейман остались [претендентами] на власть султана. Несмотря на

попытку произвести переворот и выдвинуть вместо старших сыновей Чакыр-бека младшего — Сулеймана, который пользовался расположением умершего султана и был им усыновлен, военная партия одержала перевес и высказалась в пользу Арслана.

Объявленный султаном в 1063 г. Алп Арслан может быть назван настоящим основателем сельджукского могущества. При нем и при его сыне Мелик-паше (1072—1092) неограниченная власть в султанате принадлежала визирю Гассан-ибн-Али, названному Низам-Эль-Мульк. Его заслугой нужно считать то, что он побудил Алп Арслана отменить суровые законы против шиитов и тем дать некоторое удовлетворение персидским подданным во владениях калифата, который во второй половине XI в. действительно на короткое время обнаружил признаки новой энергии и жизненности. Освобожденные от забот внутреннего управления сельджукские султаны тем успешнее могли предаваться военному делу и распространять на востоке и западе пределы своей власти. Гузы и туркмены внутренней Азии, привлеченные победами и жадой добычи, составили главную силу сельджукского государства. После занятия Багдада (1054) они распространились по Персии и Месопотамии, а позднее турецкая орда, постоянно обновляемая новыми притоками свежих сил, разлилась, как весенняя вода, по Сирии, Армении и Малой Азии, занимая новые области то именем султана, то для собственных поселений. „Нужно признать, — говорит по этому поводу доктор Мюллер,¹ — весьма умной политикой сельджукских владык, что они эти не поддающиеся дисциплине, но превосходно приспособленные против внешнего врага иррегулярные войска предоставили главнейших собственным вождям вести в византийские области и в магометанские пограничные земли Месопотамии и Сирии. Правительство выигрывало от этого, правда, на счет тех областей, которые принуждены были платить громадными жертвами за капризы отдельных эмиров.“ Ближайшие приобретения, сделанные на счет Фатимидов и Византийской империи, заключались в следующем. Скоро Алп Арслан укрепил свое положение на Востоке, усмирив восстание Кутулмышы и других вождей в Рее (Тегеран); он с началом 1064 г. пошел в Армению с целью продолжать начатые отцом его завоевания. Поход сопровождался успешным занятием укрепленного города Ани, опустошением страны, разрушением церквей и обращением их в мечети. Худшее же было в том, что тогда в первый раз для туркменской конницы открылась дорога в Малую Азию. Как прежде сарацинские наезды из-за Тавра, так в настоящее время туркменские походы, простиравшиеся до Каппадокии, Понта

¹ Müller. Der Islam, II, 87.

и Фригии, наносили непоправимый ущерб трудолюбивому земледельческому населению этих областей, оттесняли культурное население и обращали в пастбища занимаемые ими земли.

Но прежде чем закончить историю первых сельджукидов, считаем нужным объяснить, что как на западной, так и на восточной границе к концу Македонского периода народились новые народы, которым принадлежало ближайшее будущее. К сожалению, византийское правительство оказалось далеко не в состоянии оценить значение этих новых народов, которым было суждено оказать глубокое влияние на исторические судьбы империи. Существенное значение сельджукского вопроса выражается ближайше в том, что не дальше как в 1081 г. вся Малая Азия до Никеи оказалась в руках турок, что Сулейман, сын Кутулмышы, имел смелость основать свою резиденцию у самых почти ворот столицы империи, в знаменитой по церковным воспоминаниям Никее.

2. МОНГОЛЫ

Для первоначальной истории монголов и основных черт организации монгольской империи, можем сослаться на исследование академика В. В. Бартольда, не принимая на себя задачи входить в подробности.¹

Нас будет здесь занимать история движения монголов из первоначальных мест обитания в культурные страны Центральной Азии и далее на Запад, в области Каспийского и Черного моря. Военная удача уже к 1211 г. привела монгольские отряды к северным частям Семиречья, но вследствие начавшейся тогда же войны с Китаем Чингиз-хан должен был приостановиться с движением на Запад. После победы над Китаем и взятия Пекина, особенно увеличившей славу монгольского завоевателя, наступает пора энергичного движения его в направлении к Туркестану и знаменитым древней культурой областям Месопотамии.

С конца XII в. в Центральной Азии политическое преобладание принадлежало тюркской династии, имевшей столицей Хорезм и известной под именем хорезмшахов. Современником монгольского нашествия был хорезмшах Мухаммед (1200—1220), борьбой с которым отмечаются первые успехи Чингиз-хана в Туркестане и Персии или в Мавераннахре (по течению Аму-дарьи). Столицей его был Гургандт, или Ургенч, получивший новое значение в XII в. как сто-

¹ В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, СПб., 1900, ч. II, стр. 409; его же. Улугбек и его время, П., 1918, стр. 9—11 (Записки Рос. Академии Наук, т. XIII, №5).

лица могущественной династии хорезмшахов. Когда эта династия сделалась самой могущественной во всем мусульманском мире, ее столица должна была обогатиться сокровищами завоеванных стран. Якут, бывший здесь в 1219 г., считает Гургандт едва ли не самым обширным и богатым из всех виденных им городов. Наиболее подробное перечисление городов и селений Хорезма находим у Макдиси. Хорезмшахи заключили союзы с сельджукидами и имели на службе кипчаков.

В высшей степени важно дать себе отчет в первых сношениях Чингиз-хана с тюркским миром, в большинстве исповедовавшим магометанскую религию и в религиозном отношении стоявшим в подчинении к Багдадскому калифату. Хотя с точки зрения господства мусульманского можно было бы представить области Центральной Азии, начиная с китайского Туркестана и продолжая Месопотамией и Малой Азией, как объединенные и в политическом отношении, но на самом деле восточная и западная часть всей Центральной Азии состояла под главенством: первая — хорезмшахов со столицей в Ургенче, вторая — сельджукидов, имевших наиболее могущественного представителя в султане Икония и многочисленных эмиров и мелких владетелей, зависевших от калифа в Багдаде. Следует еще принять во внимание, что от Монголии и Китая шла торговая караванная дорога к Европе, пользовавшаяся покровительством властей восточной и западной половины Центральной Азии. Первые столкновения монголов с хорезмшахами произошли на почве торговых интересов и велись по торговому караванному пути, направление которого много объясняет и в истории движения Чингиз-хана на Запад. Чтобы не оставаться далее под влиянием преувеличенной и часто ошибочной теории о весьма низком культурном состоянии монголов, мы должны помнить, что в Мавераннахре они встретили оседлое население, обладающее высокими культурными преданиями, идущими глубоко в древность. Не входя в детали, укажем на некоторые явления.

Ал-Катиб ас Самарканди¹ приводит характерный анекдот о султане Синджаре, который будто бы сказал, что ограждение сильных от обиды со стороны слабых еще более необходимо, чем защита слабых от произвола сильных; оскорбление слабых сильными — только несправедливость, тогда как оскорбление сильных слабыми — и несправедливость и позор. Если народные массы выйдут из повиновения, то произойдет полный беспорядок: „Малые будут исполнять дела великих, а великие не могут исполнять дела

малых“, то-есть простой народ захочет вести жизнь знатных людей, и некому будет исполнять работы, составляющие удел простолюдинов. Еще более характерный отзыв о классе „ремесленников и земледельцев“ мы находим в одном из официальных документов времени Синджара: „Они не знают языка царей, и для них недоступно понятие о согласии с правителями или о возмущении против них; все их дела имеют только одну цель — добыть средства к жизни и прокормить жен и детей...“ Таким образом, наемное войско составляет единственную опору престола, и государь в собственных интересах должен был отдать ему предпочтение перед гражданскими элементами. Насколько мы можем судить по дошедшим до нас официальным документам, в государстве хорезмшахов существовали те же главные должности, как в сельджукской империи, именно должности визиря, казия и мустауфи.

Слухи о событиях в Китае не могли не распространиться в Азии, где всегда жива была мысль о богатствах Китая и куда мечтали добраться восточные сельджукиды и хорезмшахи. Естественно было желание проверить сведения о монголах и о силах Чингиз-хана еще в Китае. Это было еще в 1216 г. Принимая посольство, Чингиз-хан отнесся к хорезмшаху со всей любезностью и велел ему передать, что считает его владыкой запада, как себя владыкой востока, и выражает пожелание, чтобы купцы свободно переезжали из одной страны в другую.¹

Чтобы дать себе отчет в политическом положении двух восточных владык, мы должны точно обозначить границы хорезмшаха Махмуда.² Центром его господства была Хива, называемая у восточных писателей Хорезм и Хорасан, со столицей в Гургандте, впоследствии Ургенч, на левом берегу Аму-дарьи. К Хорезму принадлежали Персия, Афганистан, Белуджистан и весь бассейн Аму-дарьи и Сыр-дарьи до границ Китайской империи на востоке и до линии нынешних Оренбург—Семипалатинск на севере. Было бы трудно описывать подробности этого первого столкновения, которое отмечается обычными преувеличениями и фантастическими картинами восточных писателей. Повидимому, интересы торговли были одним из мотивов, поведших на первое время к сношениям Чингиз-хана с Мухаммедом. В XII и XIII вв. сухопутная торговля европейских купцов с Китаем имела значительное развитие, и потому весьма естественна была отправка торгового каравана из пограничных областей хорезмшаха в Монголию к Чингиз-хану. Партия товаров, пришедшая к монголь-

¹ В. Бартольд. Туркестан, стр. 405.

¹ В. Бартольд. Туркестан, стр. 423—424.

² Мухаммеда? Ред.

скому хану, была принята радушно, и скоро последовало ответное посольство тоже с товарами. В 1218 г. это посольство представилось Мухаммеду в Бухаре, или Мавераннагре, где и состоялся договор между сторонами о мире и торговых отношениях. Караван, отправленный из Монголии, прибыл в 1218 г. в пограничный город владений хорезмшаха Отрар. Но здесь произошла неожиданная катастрофа, сопровождавшаяся избиением посольства и разграблением товаров. По известиям современника, из всего каравана в 450 человек спасся только один, принесший Чингиз-хану трагическое известие, имевшее громадные последствия не только для взаимных отношений монгольского и мусульманского тюркского мира, но и в событиях всемирной истории. Впоследствии в Европе появились рассказы, что монголов подстрекнул к движению на Запад император Фридрих II или, по другой версии, папа. На Востоке же появилась другая версия: что калиф, нуждаясь в союзниках для борьбы с сельджукидами, обратился с предложением к Чингиз-хану направить свою орду во владения хорезмшаха.

Хорезмшахи, начиная с Атсыза, вступившего на престол в 1127 г., и продолжая его ближайшими преемниками (Иль-Арсланом и Текешем), были в вассальных отношениях к сельджукской династии. Представителями сельджуков были во второй половине XII в. Синджар и его преемник Гияс-ад-дин. Распространение их власти шло от Персии на запад в Малую Азию и, в лице султана иконийского, достигало высшей политической силы в Передней Азии, в бывших владениях византийских императоров. Направление сельджукской политики было другим, чем у хорезмшахов, — у первых заметно сильное влияние византийской культуры и западных феодальных обычаев как следствие продолжительных сношений с крестоносцами и всяческих связей с христианскими княжествами, основанными на Востоке (Антиохия, Эдесса). Хорезмшахи остались в стороне от этих влияний, но на долю Хорасана, на образование его политического и, в особенности, военного слоя, влияло соседство на севере с кипчакскими степями, причем главные военные силы набирались из кипчаков. Что касается ранней политики Чингиз-хана, то необходимо отправляться в этом отношении от тех настроений, какие были им вынесены с родины, то-есть из Монголии. В самый критический момент — в 1219—1220 гг. Чингиз-хан находился еще на реке Иртыше, занимаясь организацией армии, подготовляемой для похода против Мухаммеда. Здесь ему нужно было иметь дело с кипчаками, и ближайшее направление его было на Кашгарию. Очень любопытно, что, начиная с первых сношений с мусульманами, Чингиз-хан и его полководцы заявили себя терпимыми к чужой религии, так что кашгарцы

считали прибытие монголов милостью божией.¹ Но что нас особенно должно интересовать до похода в Туркестан, это то, что у Чингиз-хана не оказывается мировластительских притязаний. Следовательно, можно думать, что идея мировой империи развивалась у него постепенно и направлялась далеко не таким путем, который бы обеспечивал ближайший и крупный успех. Имеем в виду, что мировая конкуренция велась не в южнорусских степях, а в восточном бассейне Средиземного моря, и, следовательно, для осуществления мировой политики Чингиз-хану было бы верней, не задерживаясь на успехе в борьбе с мусульманами Туркестана и Персии, идти тем путем, на который вступили османские турки: Урхан, Баязид и Магомет II.

При некотором внимании к развитию политических идей среди среднеазиатских кочевников с X по XV в., можно заметить, что из поколения в поколение у них углубляется и расширяется понимание исторических проблем и что монголы в этом отношении восприняли опыт у турок-сельджуков, зашедших слишком глубоко в области Рума и очень внимательно всмотревшихся в существо идей, на которых основывалось политическое бытие Ромейской империи и греческого народа. К монголам подобные идеи не могли перейти раньше как во втором и третьем поколении после Чингиз-хана.

Повидимому, принятое монголами Чингиз-хана направление должно быть объяснено недостаточно выясненным положением старшего сына Джучи в семье Чингиз-хана, о чем будет сказано ниже.

Начиная с 1218—1219 гг., все внимание Чингиз-хана занято борьбой с представителем тогдашней могущественной среднеазиатской восточной империи, централизовавшейся в Хорасане и заключавшей в себе наиболее культурные промышленные и торговые области с городами Самаркандом, Бухарой, Ургенчем, не говоря о богатых и многочисленных городах Персии. Процесс подчинения этих обширных и богатых мест вскрывает собственно военную славу Чингиз-хана и результаты беспримерно блестящих подвигов, заканчивающихся через 5—6 лет после того основанием империи из четырех улусов, по числу сыновей Чингиз-хана, составляя тот узел, тот комплекс событий, который необходимо умело распутать и выяснить современному исследователю. Прежде всего предстоит расчленить факты и объяснить каждый в отдельности. Чингиз-хан умер в 1227 г.; затем начинает вырисовываться роль следующего поколения в лице частью его сыновей, частью внуков. Естественно поэтому остано-

¹ В. Бартольд. Туркестан, стр. 433.

вить внимание прежде всего на происхождении четырех улусов и на образовании в них политических и этнографических сепаративных тяготений, которые уже через четверть века заявляют о себе в истории монголов.

От Чингиз-хана происходят Джучи, Чагатай (Джагатай), Угэдэй (Октай) и Тулуй. Все они имели особые владения, полученные еще при жизни отца. Но какое право преобладало в распределении улусов или владений между сыновьями Чингиз-хана, об этом возможны сомнения, — точными данными источники нас не снабжают. Руководствуясь сборником Тизенгаузена, можно приходить к некоторым заключениям, которые, однако, нуждаются в проверке и в объяснениях, если даже выбирать из них те, где меньше фантазии и „словесных песен“.

Повидимому, таким характером отличается известие Эльмуфалда:¹ от Берке прибыли два посла с требованием, „чтобы дому Батыеву была уплачена причитающаяся ему, согласно принятому обычаю, часть из того, что собрано с завоеванных земель. Обычай же этот заключался в том, что все добытое в землях, которыми они овладевали и над которыми они властвовали от реки Джейхуна на запад, собиралось и делилось на 5 частей: две части великому хану, две части войску и одна часть дому Батыеву. Когда Бату умер и на престол вступил Берке, то Хулавун удержал долю его“.

Этим писатель хочет объяснить причину вражды дома Джучи к дому Хулавуна, то-есть Хулагу.

К сожалению, мысль о делении всех доходов на 5 частей, с вычетом двух из них в пользу великого хана и двух в пользу войска и одной доли в пользу только улуса Джучи, с лишением двух улусов, принадлежащих второму и третьему брату, всякого участия в государственных доходах, не укладывается в порядок имеющихся в нашем распоряжении фактов и отношений между улусами, но нельзя не видеть, что она может быть применена к объяснению хорошо известного исторического факта, именно вражды между двумя соседними улусами, которая может быть рассматриваема как одна из причин падения империи монголов. Роль старшего сына Чингиз-хана, получившего самый удаленный удел, во многих отношениях представляется не совсем согласной с общей политикой монгольской империи. Старший сын неоднократно возбуждает неудовольствие со стороны отца и, наконец, Джучи иногда выводится в коллизии со своими братьями и подвергается их презрению и насмешкам. Все эти обстоятельства заслуживают серьезного внимания со сто-

¹ В. Тизенгаузен. Сборник, 1, стр. 188.

роны исследователя, как любопытный намек, извлекаемый из народных преданий о семейных отношениях дома Чингиз-хана.

В 1260 г. между Хулагидами и Джучидами происходила постоянная и ожесточенная вражда, о которой имеем известия у восточных писателей, помещенные в сборнике Тизенгаузена.¹

Но так как эта вражда коренится, повидимому, в старых отношениях в самом семействе Чингиз-хана, из которых должна быть объясняема и роль Джучи в образовании Дешт-Кипчака, или Золотой Орды, то необходимо несколько остановиться на этой стороне дела. Начать с того, что господствующее утверждение, будто порядок, в котором следуют 4 улуса по старшинству четырех сыновей Чингиз-хана, установлен еще самим основателем династии, т. е. до 1227 г., на самом деле не соответствует действительности. Если можно принять за бесспорный факт старшинство Джучи и соответственное тому удаление его улуса на крайний запад, то сейчас же за тем обнаруживаются вопиющие нарушения этого, казалось бы, столь положительного порядка.

Во-первых, рядом с уделом Джучи, в соседстве с Золотой Ордой, ожидалось бы иметь улус следующего за ним Чагатая, затем Угэдэя, наконец, Тулуя. На самом же деле в Персии, западнее Туркестана, утверждается линия младшего члена династии Тулуя и только за ним следовал улус Чагатая (китайский Туркестан, Кашгар, Уйгурия); наконец, следует Большая, или Великая, Орда, предоставленная Угэдэю.

Во-вторых, порядок старшинства и последовательность в занятии улусов были нарушены личным распоряжением Чингиз-хана, назначившего своим преемником по занятию главного улуса в Большой Орде третьего сына Угэдэя, вместо старшего, каковым при смерти Чингиз-хана был Чагатай, если только принять за несомненное, что Джучи умер несколькими месяцами ранее отца и что весть о том своевременно была получена Чингиз-ханом.

В-третьих, против точного применения порядка старшинства, который бы напоминал русское лестничное восхождение, свидетельствуют и такие факты, как появление имен Менгу и Кубилая, сыновей Тулуя, на месте ханов Большой Орды.

Пока можно положительно утверждать, что порядка в наследовании улусами не наблюдается даже в первой половине XIII в., когда еще воля Чингиз-хана была законом. Нельзя также не видеть, что Джучи и его ближайшие преемники стоят в стороне от событий в Большой Орде и заняты выполнением непосредственных задач, касающихся Дешт-Кипчака.

¹ Таковы известия Ибн-Халдуна, стр. 385, прим.

В связи с обстоятельствами, на которые мы обращаем внимание, могут получить особенное значение те факты, а частью намеки и указания на ненормальное положение Джучи в семье. Сюда относятся ряд фактов, характеризующих самостоятельную политику его между прочими родичами, вызывавших неудовольствие отца и презрительные насмешки братьев. Что касается тяготения Джучи к северным степям и к кипчакам и неисполнения прямых приказаний отца, об этом будет сказано ниже; что же касается отношения Чагатая к Угэдэю, весьма характерны посылаемые ему укоризны с намеком на его происхождение и с указанием, что его мать родила Джучи при странной обстановке, возвратившись беременной из отлучки или из плена. Насколько в этом намеке было правды и откуда почерпнуто это предание, не беремся судить, но такая сцена между братьями должна иметь объяснение в довольно ненормальных семейных отношениях, каковые в настоящее время трудно разгадать.

Попытаемся разобраться в известиях, относящихся к периоду от 1219 до 1225 г. Это тот период, который положил основание власти монголов в Туркестане и Персии, когда Чингиз-хан должен был располагать целесообразно всеми военными силами. Благодаря тщательному рассмотрению событий в книге В. В. Бартольда,¹ мы имеем в настоящее время возможность с некоторым успехом всмотреться как в общие, так и в частные военные предприятия, порученные отдельным вождям, между которыми читаются и имена сыновей Чингиз-хана. Точкой отправления для нас служит занятие Отрара. Отсюда монголы пошли на Бухару (1220), причем главные силы под начальством самого Чингиз-хана и Тулуя держались прямой дороги от Бухары на Самарканд, а часть под командой Джучи прошла вниз по Сыр-дарье; можно догадываться, что этому отряду было назначено угрожать хорезмшаху с тыла или с боков. Под Самаркандом была употреблена особенная стратегическая мера, чтобы устрашить врагов численностью нападающих. Монголы, имея у себя множество пленных, выстроили их в боевой порядок, число пленников возросло до громадных размеров с прибытием Чагатая и Угэдэя после окончания дела в Отраре. Напуганные громадным числом осаждающего войска, жители Самарканда не долго сопротивлялись и на пятый день решили сдаться. После завоевания Самарканда монголы были заняты преследованием хорезмшаха.

В этот период весьма решительных действий в Туркестане и Персии Чингиз-хан должен был располагать всеми своими силами; даже известные его полководцы Субутай и Джэбе, которые в преследовании Мухаммеда дошли до Каспийского моря, где (в 1220—1221 гг.)

¹ В. Бартольд. Туркестан, стр. 238.

был потерян след его и которые скоро за тем через Кавказские горы проходят в южнорусские степи, — участвовали в выполнении общего плана войны. Действия Джучи не могут быть объяснены в смысле содействия тому же плану. По всем данным¹, осада столицы хорезмшаха Ургенча началась в 1220—1221 гг.; в это время сам Чингиз-хан оставался на берегу Аму-дарьи, где были удобные места для стоянки конницы. Сюда же были стянуты отряды Джучи (из Дженда), который доселе оперировал на северо-востоке в областях с кыпчакским населением, равно как отряды Чагатая и Угэдэя. При осаде города возникли неожиданно раздоры между Чагатаем и Джучи, которые опять-таки должны быть приняты в соображение, особенно ввиду того, что под Ургенчем сыновья Чингиз-хана в последний раз сошлись вместе. Это было в 1221 г. Джучи остался в Хорезме, а Чагатай и Угэдэй возвратились к стоянке Чингиз-хана.

Не входя в подробности дальнейших операций против преемника Мухаммеда — его сына Джелал-ед-Дина, равно как по усмирению восстания в Хорасане, окончившегося уничтожением городов Балха и Мерва, ограничимся упоминанием, что возвращение Чингиз-хана в Монголию должно относиться к 1225 г. и что лето 1224 г. им проведено на Иртыше.² В последние годы жизни Чингиз-хана не подлежит сомнению разрыв между Джучи и отцом. В то время, как остальные сыновья его вернулись на восток, Джучи оставался в Хорезме, несмотря на приказание отца явиться. „Явное стремление Джучи, — говорит академик В. В. Бартольд,³ — основать государство, не зависящее от центра империи, было причиной столкновения между сыном и отцом. По Джузджани, Джучи настолько полюбил Кипчак, что решил избавить эту страну от разорения; он сказал своим приближенным, что Чингиз-хан потерял рассудок, так как губит столько земель и столько народу; потому он, Джучи, хочет убить отца во время охоты и заключить союз с мусульманами“. Об этом сообщил Чингиз-хану сын его Чагатай.

К сожалению, надо принять во внимание наивное изложение обстоятельств у восточных писателей, в котором нельзя видеть реальных исторических фактов, а лишь отражение ходячих рассказов и легенд, на основе не совсем ясных семейных отношений в семье Чингиз-хана. Дата смерти Джучи, по позднейшим источникам, указываемым у академика В. В. Бартольда,⁴ относится к февралю 1227 г., а его отца — к августу того же года.

¹ В. Бартольд. Туркестан, стр. 471.

² Там же, стр. 493.

³ Там же, стр. 494—495.

⁴ Там же, стр. 495, прим. 5.

Возвращаясь к тому, что составляет главную мысль нашего рассмотрения положения Джучи в семье Чингиз-хана, мы приходим к заключению, что определенной воли на переход Дешт-Кипчака в удел старшего сына Чингиз-хана Джучи никогда не было заявлено. Кроме того, и постепенное занятие Кипчака, начатое во время военных операций против хорезмшаха в 1221—1222 г. и не доведенное до конца при смерти Джучи, исключает мысли о том, чтобы обладание землями на севере, куда только ходили кони монголов, было поставлено в задачу Джучи и назначено в его удел.

Дальнейшие враждебные отношения между джучидами и хулагидами, давшие истории монголов совершенно неожиданное направление (о чем — в другом месте), должны иметь основание в условиях образования улуса Джучи.

СТАТЬИ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Б. Т. ГОРЯНОВ

Ф. И. УСПЕНСКИЙ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ В ВИЗАНТИНОВЕДЕНИИ

(К столетию со дня рождения 1845 — 7 февраля — 1945 г.)

ВВЕДЕНИЕ

1. Русское византиноведение до Ф. И. Успенского

Русская историческая наука внесла большую и ценную долю в сокровищницу мировой науки, в частности, — в византиноведение. Причины этого коренятся прежде всего в особых условиях развития исторической науки в России. Нужно иметь в виду, что первыми источниками, по которым русское общество знакомилось со всеобщей историей, были византийские летописи и хронографы. Содержащиеся в них исторические факты, перемешанные с апокрифическими сказаниями, перешли в русскую историческую литературу уже начиная от первых летописцев. В древнерусской литературе византийская история была представлена повестями, компиляциями и пересказами из византийских историков и хронистов — Георгия Амартола, Иоанна Малалы, Константина Манассии, Иоанна Зонары, Симеона Логофета и других.

Научное византиноведение зародилось в России в конце XVIII в. по почину и под руководством Академии Наук. Академик Шлецер неутомимо проповедывал необходимость византиноведческих занятий в России, указывая, что научная разработка вопросов византийской истории является обязательным, настоятельно необходимым делом русских историков. Академия Наук поручила Штриттеру (1740—1801) составить собрание сведений, сообщаемых византийскими писателями о народах, населявших в древности территорию России. Штриттер выполнил колоссальную подготовительную работу,

на основе которой в 1770—1779 гг. вышли четыре больших тома капитального издания „*Memoriae populorum, olim ad Danubium etc... incolentium*“, переведенного впоследствии на русский язык. Эта работа и до настоящего времени служит ценным пособием для исследователей, занимающихся древнейшей историей Византии и южных славян.

В начальном периоде русского византиноведения наиболее видным его представителем был академик А. А. Куник (1814—1899). Как отмечал впоследствии Ф. И. Успенский, научная разработка византиноведения была задачей А. А. Куника на протяжении всей его жизни. Для развития византиноведения в России большое значение имело выступление в 1850 г. Т. Н. Грановского. „Нужно ли говорить, — писал он, — о важности византийской истории для нас, русских? Мы приняли от Царьграда... начатки образования. Восточная империя ввела молодую Русь в среду христианских народов. Но, кроме этих отношений, нас связывает с судьбой Византии уже то, что мы — славяне. Последнее обстоятельство не было, да и не могло быть по достоинству оценено иностранными учеными... На нас лежит некоторого рода обязанность оценить явление (т. е. византизм), которому мы так многим обязаны“¹. Поэтому, уже после выступления Т. Н. Грановского, А. А. Куник выступал на почве возросшего интереса ученого мира России того времени к вопросам византиноведения.

В 1853 г. А. А. Куник читал в собрании Академии Наук записку на тему „Почему Византия остается доныне загадкой во всемирной истории?“² А. А. Куник занимался исследованием легенды о Георгии Амастридском, историей основания Трапезунтской империи, разысканиями о русско-византийских монетах. А. А. Куник, сознавая значение изучения византийской письменности и истории для правильного толкования всеобщей и, в особенности, русской истории, считал, что „самое многостороннее и сильное покровительство России византийским занятиям никакой стране не доставит столько приобретений, как самой России“, и настаивал на том, чтобы приступить к „лингвистическому введению“ в исследование памятников византийской литературы, заняться критической их обработкой.

В середине XIX в. изучением истории Византии занимался А. П. Зернин, все главные труды которого относятся к области византиноведения. В 1846 г. он защитил магистерскую диссертацию,

¹ Т. Н. Грановский. Собрание сочинений, 4-е изд., М. 1890, стр. 378.

² Ученые записки Академии Наук по I и III отд., т. II, СПб., 1853.

представив сочинение „Об отношении Константинопольского патриархата к русской иерархии“. Другими его работами по истории Византии являются: „Император Василий Македонянин“,¹ „Очерк жизни константинопольского патриарха Фотия“.² Наиболее значительным трудом А. П. Зернина было исследование „Жизнь и литературные труды императора Константина Багрянородного“ (Харьков, 1858), для своего времени явившееся выдающимся сочинением по глубине анализа и смелости выводов.

К этому же времени относятся научная деятельность В. И. Григоровича. Его работа „О Сербии в ее отношении к соседним державам преимущественно в XIV и XV ст.“ (Казань, 1859) имела большое значение потому, что ставила вопрос о необходимости тесной связи между изучением истории Византии и южных славян. С этой стороны имеют значение также его труды: „Протоколы Константинопольского патриархата XIV ст.“³ и „Как выражались отношения Константинопольской церкви к окрестным северным народам и преимущественно к болгарам в начале X в.“ (Одесса, 1866).

В лице В. И. Григоровича научное славяноведение слилось в один поток с научным византиноведением.

В 1866 г. вышла работа А. К. Завадского-Краснопольского — „Влияние греко-византийской культуры на развитие цивилизации в Европе“, печатавшаяся в „Киевских университетских известиях“ и затем выпущенная отдельным изданием. В 1869 г. В. С. Иконников защитил докторскую диссертацию, представив сочинение на тему „Опыт исследования о культурном значении Византии в русской истории“. В этой работе было много ошибок и неточностей, но тем не менее это была первая попытка дать синтетический обзор влияния Византии на развитие русской культуры, начиная с Киевской Руси и кончая московским периодом.

Весь этот период можно назвать подготовительным в истории развития русского византиноведения. В этом периоде нащупывались пути, ставились задачи, над которыми должны были в будущем работать русские византилисты. Подлинный расцвет русского византиноведения неразрывно связан с именами В. Г. Васильевского (1838—1899) и Ф. И. Успенского (1845—1928).

В этом кратком очерке, ставящем себе задачу изложить состояние русского византиноведения до появления на арену русской науки Ф. И. Успенского, мы не будем касаться творчества В. Г. Васильевского.

¹ Современник, 1854.

² Чтения Московского об-ва истории и древностей российских, 1858.

³ ЖМНП (Журнал Министерства народного просвещения), 1874.

14 февраля 1871 г. состоялось торжественное заседание Петербургского славянского благотворительного комитета, на котором должны были быть объявлены результаты конкурса на Кирилловскую премию за лучшее сочинение на тему „О трех первых попытках государственного объединения западных славян“. Лучшее сочинение получило блестящие отзывы К. Н. Бестужева-Рюмина и В. И. Ламанского. По вскрытии конверта с девизами оно оказалось принадлежащим перу студента IV курса историко-филологического факультета Петербургского университета Ф. И. Успенского и было напечатано в 1872 г. под названием „Первые славянские монархии на северо-западе“. Это было первое выступление на арене научной деятельности Ф. И. Успенского, которому суждено было стать главою русского византиноведения.

2. Краткая биография Ф. И. Успенского

Федор Иванович Успенский родился 7 февраля 1845 г. в погосте Горки, Галичского уезда, Костромской губернии, в семье пономаря местной церкви Ивана Яковлевича Успенского. Имея большую семью, родители Ф. И. очень нуждались, сами обрабатывали землю и никогда не сводили концов с концами.

С 1854 по 1860 г. Ф. И. учился в Галичском духовном училище. По окончании училища осенью 1860 г. он поступил в Костромскую семинарию, которую окончил в числе первых учеников 31 июля 1866 г. Его происхождение из духовной среды, весь ход его образования как будто бы естественно приводили его на путь завершения его образования в духовной академии, о которой мечтали лучшие из учеников семинарий. Однако Ф. И. не привлекала духовная карьера. Со школьной скамьи он стремился к научной работе и мечтал о поступлении в Московский университет. В смысле формирования научных интересов Ф. И. большое влияние на него оказал его преподаватель истории в Костромской семинарии М. И. Горчаков, который впоследствии был профессором церковного права в Петербургском университете. Родители Ф. И. не могли отправить его за свой счет в университетский город, и, для того чтобы собрать средства на поездку, он поступил преподавателем русского языка в Галичское уездное училище. В результате целого года работы, отказывая себе во всем, Ф. И. собрал 30 рублей и с этими деньгами отправился в Москву. На пароходе между Костромой и Ярославлем он случайно познакомился с одним пассажиром, от которого узнал, что в Петербурге открывается Институт истории и филологии, где студенты должны были содержаться за счет государства. Это сооб-

щение заставило Ф. И. переменить направление и вместо Москвы отправиться в Петербург.

Прибыв в Петербург, Ф. И. встретился там с некоторыми земляками, которые усиленно стали советовать ему поступить в университет. Ко времени приезда в столицу у Ф. И. в кармане оставалось всего 15 рублей, и мысль о поступлении в новый институт, где он мог бы учиться, не заботясь о добывании средств к существованию, его очень соблазняла. Однако старая мечта об университете взяла верх, и Ф. И. оказался студентом историко-филологического факультета Петербургского университета.

Жизнь в университетском городе была для Ф. И. очень тяжелой. Он поселился очень далеко от университета, на Охте, где за уроки получил комнату и стол, и ради экономии должен был пешком ходить в университет. Родители к этому времени умерли, и Ф. И. приходилось помогать своим младшим братьям. В университете Ф. И. попал в среду наиболее выдающихся студентов, из которых многие впоследствии выдвинулись в различных областях русской науки и культуры. Наиболее близкими из его друзей были И. Н. Жданов, Д. Ф. Беляев, П. И. Анненков и П. И. Аландский, а среди более старших — В. И. Срезневский, А. С. Будилович, И. В. Помяловский и Ф. И. Фортинский.¹

Из своих преподавателей Ф. И. всегда особенно вспоминал о читавшем греческий язык К. Я. Люгемиле, слависте В. И. Ламанском и К. Н. Бестужева-Рюмине. Ф. И. в своих воспоминаниях о своих университетских годах с благодарностью говорит о К. Я. Люгемиле, который ввел его в понимание истории и критики текстов, хотя часто при этом приходилось тратить целые часы на объяснение 2—3 строк греческого историка.²

Интересно проследить, кому обязан Ф. И. Успенский в направлении его научных интересов в сторону византиноведения. Это направление не могло быть вызвано влиянием В. Г. Васильевского: когда Ф. И. был уже на последнем курсе университета, В. Г. Васильевский был еще только молодым начинающим доцентом. Сам Ф. И. неоднократно указывал в своих воспоминаниях, что толчок к изучению истории Византии он получил у К. Н. Бестужева-Рюмина. „Никто из моих профессоров в университете, — писал впоследствии сам Ф. И., — не имел такой высокой идеи о значении, которое

¹ V. N. Beneševič. Théodore Uspenskij. Essai de biographie. L'art byzantin chez les slaves. Deuxième recueil dédié à la mémoire de Théodore Uspenskij, Paris, 1932, p. II.

² Ф. И. Успенский. Петербургский университет в 1867—1871 гг. по воспоминаниям студента. Дела и дни, I (1920), стр. 166.

³ Византийский Временник, том I (XXVI)

имеют для нас византийские исследования".¹ Глубокое влияние оказал на Ф. И. также и известный славист В. И. Ламанский.

Когда Ф. И. Успенский перешел на третий курс историко-филологического факультета, Петербургский славянский благотворительный комитет объявил конкурс на соискание Кирилловской премии за лучшее сочинение на тему „О трех первых попытках государственного объединения западных славян“. В. И. Ламанский, который уже давно отмечал Ф. И. как одного из своих самых выдающихся учеников, побудил Ф. И. принять участие в этом конкурсе. Ф. И. долго не соглашался на это предложение, считая, по своей скромности, что подобная работа ему не по силам, однако настойчивые уговаривания В. И. Ламанского заставили его в конце концов взяться за эту работу. Тяжелые условия, в которых находился Ф. И., сильно тормозили работу молодого исследователя. Он пишет об этом в своих воспоминаниях: „Я падал под тяжестью этой трудной задачи и временами хотел от нее отказаться“. Однако его руководитель широко помогал ему, предоставив ему пользоваться своей богатой библиотекой, и уже к 1 января 1871 г. Ф. И. мог закончить свою работу. Это студенческое сочинение представляло собою книгу в 266 страниц. Оно было глубоким исследованием, основанным на изучении большого количества первоисточников — летописей, хроник, грамот. Работа Ф. И. получила первую премию и в 1872 г. появилась в печати под заглавием „Первые славянские монархии на северо-западе“. Как отмечал впоследствии В. Г. Васильевский, это — „лучшее историческое обозрение судеб Польского и Чешского государства. Если бы мы имели десяток один-другой таких книг по славянской истории, то и образованная публика не могла бы жаловаться на недостаток доступных для нас общих сочинений по этому предмету, и публицистика не имела бы основания упрекать русских ученых в невнимании к потребностям общества".² Эта первая научная работа Ф. И. Успенского выделяется по своей теме из всего остального его литературного наследства, так как подавляющая часть его произведений принадлежит изучению истории Византии и южных славян, так тесно связанных между собою в ходе исторического процесса всего Средневековья до самого конца существования византийской империи.

В 1874 г. Ф. И. Успенский успешно сдал свои магистерские экзамены. В этом же году вышла в свет его работа „Византийский писатель Никита Акоминат из Хон“. 2 сентября 1874 г. он успешно защитил эту работу в качестве магистерской диссертации, а 24 сен-

¹ Ф. И. Успенский. Цит. соч., стр. 168.

² ЖМНП, июль 1879, стр. 144.

тября был назначен доцентом в незадолго до этого основанный Новороссийский университет в Одессе. Этим начался первый, одесский, период ученой и преподавательской деятельности Ф. И. Успенского, который продолжался два десятилетия (1874—1894).

Для молодого византиниста условия работы в Одессе оказались очень благоприятными. Здесь он встретил группу профессоров-исследователей, занимавшихся историей Византии и византийского искусства — Н. П. Кондакова, Н. Ф. Красносельцева, А. И. Кирпичникова, Ф. К. Бруна и других. Как отмечает сам Ф. И. Успенский, „в семидесятые и восьмидесятые годы приглядывающийся к русской университетской жизни не может не отметить особенного оживления и подъема на филологическом факультете некоторых университетов. Не входя в детали, ограничусь напоминанием любопытного обстоятельства из моих одесских впечатлений. Профессора Кирпичников, Красносельцев, Кондаков и Успенский составили кружок с целью углубления в византийские занятия и собирались вместе в определенные дни для чтения источников и обсуждения некоторых вопросов, которые представляли трудности для каждого по одиночке".¹

В 1876 г. Ф. И. Успенский получил научную командировку за границу. Работа в библиотеках и хранилищах рукописей Запада дала ему возможность собрать материалы для работы „Образование второго болгарского царства“. 23 апреля 1879 г. Ф. И. защищал эту работу в качестве диссертации и получил степень доктора всеобщей истории.

В среде одесских ученых, интересы которых вращались вокруг византийских занятий, возникла идея образования византийского общества и издания при нем специального органа.² Чрезвычайно характерно отношение царских правительственных органов к организации новых научных предприятий, о чем рассказывал впоследствии Ф. И. в статье „Из истории византиноведения в России".³ Наиболее активным организатором нового общества был Ф. И. Успенский. Как вспоминает Ф. И., начальник Одесского учебного округа был противником всякой новой инициативы профессорско-преподавательского состава, поэтому Ф. И. обратился к одесскому генерал-губернатору Х. Х. Роопу с докладной запиской, в которой развивал свою излюбленную идею о том, что изучение Византии

¹ Ф. И. Успенский. Памяти Никодима Павловича Кондакова. Известия Академии Наук СССР, VI серия, т. XX (1926), 15 мая, № 9, стр. 568—569.

² Ф. И. Успенский. Из истории византиноведения в России. Анналы, (1922), стр. 119.

³ Анналы, I (1922), стр. 110—126.

и Востока является национальной русской темой. „Изучение судеб единоплеменных и единоверных народов, входивших в состав Византии, — писал Ф. И. в докладной записке, — является важнейшей научной задачей России“. Вокруг организации одесского византийского общества развернулась волокита, тормозившая его открытие. Генерал-губернатор Х. Х. Рооп, зная отрицательное отношение к этому вопросу начальника учебного округа, не взял на себя решение вопроса и перенес его на усмотрение министра народного просвещения Делянова.¹ Делянов ответил, что рассмотрение вопроса об открытии византийского общества следует отложить, так как „сейчас возбужден вопрос об организации Института в Константинополе, который будет преследовать те же задачи, которые возлагаются по проекту устава на византийское общество“. Таким образом, идея объединения ученых для развития византийских занятий была похоронена в дебрях ведомственной переписки. Взамен этого предприятия в 1890 г. при Новороссийском университете было создано Историко-филологическое общество под председательством Ф. И. Успенского; при обществе была образована византийская секция.

Одесский период деятельности Ф. И. сопровождается большой организационной работой и участием во многих археологических съездах. В 1884 г. он участвует в археологическом съезде в Одессе, в 1890 г. — в Москве, в 1893 г. — в Вильне, в 1896 г. — в Риге. В 1886 г. Ф. И. был в заграничной командировке, в течение которой собрал много неизданных материалов, позволивших ему написать ряд блестящих очерков, сведенных затем в отдельном издании в книгу „Очерки по истории византийской образованности“, вышедшую в свет в 1892 г.

Ф. И. Успенский был инициатором и организатором Русского археологического института в Константинополе, директором которого он был с первого до самого последнего дня существования Института. Годы работы Ф. И. в Институте в Константинополе являются вторым периодом его научной деятельности, периодом наиболее яркого расцвета творческой энергии. До открытия этого Института русская историческая наука не была представлена подобными учреждениями за границей, отставая в этом отношении от ряда западноевропейских стран, которые уже давно работали на Ближнем Востоке, особенно по изучению классической древности, имея к тому времени первоклассные научные учреждения со вспомогательными организациями, школами, курсами, библиотеками, главным образом

¹ *Анналы*, I (1922), стр. 125.

в Афинах. Русское правительство, пожалуй, еще долго не пошло бы на открытие такого Института, если бы оно не рассчитывало превратить его, в основном, в орудие своей внешней политики на Ближнем Востоке. Зато иностранные ученые уже давно оценили заслуги русских ученых перед мировым византиноведением. Это хорошо выразил в своем приветствии ко дню открытия Института директор французской школы в Афинах Омольт, который писал: „Мы радовались со всем ученым миром предполагаемому открытию Института, этому важному для науки событию. Его осуществление внушает нам наилучшие надежды, так как в Афинах мы научились ценить талантливость и научный дух русских ученых, и нам доставляло особое удовольствие быть в общении с ними и содействовать им по мере сил“.

Институт был открыт 26 февраля 1895 г. Рассказывать об этих годах жизни Ф. И. Успенского значило бы излагать историю деятельности Русского археологического института в Константинополе, что мы рассчитываем сделать в отдельной главе. Личная жизнь Ф. И. Успенского в эти годы целиком сливается с работой Института, его любимого детища, которому он отдавал все свои силы и способности. Ни одна работа не велась в Институте без прямого участия в ней Ф. И. Ему принадлежит обработка большинства материалов, добытых археологическими экспедициями и всеми остальными научными исследованиями Института. Он написал за это время огромное количество монографий, статей, рецензий. Ему принадлежат также отчеты о деятельности Института, печатавшиеся в очередных номерах „Известий“ Института. Ф. И. заботливо относился к выращиванию новых сил на поприще русского византиноведения и среди многосторонней, целиком его поглощавшей работы находил время для систематического чтения лекций молодым ученым, прикомандированным к Институту университетами и научными учреждениями. С 29 декабря 1893 г. Ф. И. был членом-корреспондентом Академии Наук, а 7 октября 1900 г. он был избран действительным членом Академии Наук.

Годы работы Ф. И. Успенского в Константинополе совпадают с подготовкой к печати большого синтетического труда, его „Истории Византийской империи“, которую он рассматривал как подведение итогов и обобщение выводов всей его исследовательской работы по истории Византии. Первый том этой работы, в котором изложение доводится до 717 г., вышел в свет в 1913 г.

Первая мировая война и разрыв России с Турцией, перешедшей в число союзников империалистической Германии, прервали деятельность Института, и Ф. И. Успенскому пришлось, оставив в

Константинополе свою личную библиотеку и имущество, неожиданно вернуться в Петроград, где он и провел все остальные годы своей жизни.

Некоторые русские византилисты не приняли Великой Октябрьской социалистической революции и оказались в рядах белоэмигрантов. Виднейший византист Ф. И. Успенский остался верным сыном своей Родины и сейчас же после Октябрьской революции со всей присущей ему энергией начал, как он говорил, работу „воссоби́рания рассыпавшейся было хранины византологии“. Несмотря на трудные условия, в которых ему приходилось работать в первые годы после революции, несмотря на преклонный возраст (ему шел в это время уже восьмой десяток), Ф. И. добился больших успехов в развитии советского византиноведения. Ценою невероятных усилий ему удалось восстановить центральный орган русского византиноведения „Византийский Временник“, который снова начал выходить под его редакцией. Уже 10 апреля 1918 г. Ф. И. обратился с докладной запиской в Отделение истории и философии Академии Наук, в которой он излагал свои планы восстановления и развития советского византиноведения. Ему удалось собрать вокруг этой задачи значительные силы советских ученых и направить их усилия с целью поддержать „академические традиции по изучению Византии“.¹ По его предложению создается комиссия по изучению трудов Константина Порфирородного, а затем русско-византийская словарная комиссия, неизменно возглавляемые Ф. И. Успенским. Кроме большой организационной работы, Ф. И. до конца своих дней не оставлял исследовательской работы. За время от революции до его смерти он напечатал свыше 40 трудов, среди них такие капитальные исследования, как „Вазелонские акты“ и „Очерки по истории Трапезунтской империи“. Кроме того в его архиве осталось около 20 неизданных произведений, темой которых служили в большинстве случаев доклады, сделанные им за последние годы.

Ф. И. не удалось увидеть завершение печатания его „Истории Византийской империи“. Печатание первой части второго тома сильно задержалось из-за трудностей, которые переживала страна в первые годы после революции. Первая половина второго тома вышла в свет в 1927 г. и давно является библиографической редкостью. Целиком готовые к печати вторая половина второго тома и весь третий том, завершающие изложение всего хода истории Византии, находятся в Ленинграде, в архиве Академии Наук СССР. По решению Отделения истории и философии АН СССР, предпринимается полное издание всех трех томов „Истории Византийской империи“.

¹ Византийский Временник, XXIII (1917—1922), стр. 137—139.

До последних дней Ф. И. Успенский неутомимо работал над развитием своей любимой науки. Он никак не мог примириться с тем, что институт в Константинополе прекратил свое существование. Еще за два года до смерти Ф. И. выражал надежду на восстановление института.¹ Но увидеть осуществление этой мечты Ф. И. уже не было суждено. Он скончался 10 сентября 1928 г. в больнице имени Нечаева в Ленинграде и похоронен на Смоленском кладбище.

ГЛАВА I

ВОПРОС О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ ВИЗАНТИИ И СЛАВЯН В ТРУДАХ Ф. И. УСПЕНСКОГО

Вопрос о взаимоотношениях Византии и славян не является новым. Задолго до начала научной деятельности Ф. И. Успенского буржуазная историческая наука проделала большую подготовительную работу, направленную в основном на собирание огромного фонда первоисточников по истории взаимоотношений Византии и славян, общественного строя древних славян и составления сводов этих первоисточников. Эта работа велась начиная с первой половины XVIII в. Для примера укажем хотя бы труды Иордана, который собрал значительное количество сведений о славянах, добытых им в результате изучения большого количества первоисточников.² Эта работа была продолжена Штриттером по заданию Российской Академии Наук, в результате чего появились четыре большие тома извлечений из произведений византийских и других писателей о славянах.³ В развитии научного славяноведения большую роль сыграли работы чешских ученых Домбровского, Палацкого, Шафарика и др., которые создали славянскую филологию и положили прочное начало научной разработке истории славянства. Исключительно ценный для своего времени материал собрал П. Шафарик, „отец славяноведения“, в своем труде о славянских

¹ Byzantion, II (1926), p. 43.

² I. C. de Jordan. De originibus slavicus, tt. I—II, Vindobonae, 1745.

³ I. Stritter. Memoriae populorum olim ad Danubium, pontem Euxinum et inde magis ad septentriones incolentium e scriptoribus historiae byzantinae erutae et digestae, I—IV, Petropolis, 1771—1779. Имеется русский перевод. Штриттер, Известия византийских историков, объясняющих историю России древнейших времен, I—IV. СПб. 1770—1774.

древностях.¹ Нужно отметить составленный с исключительной тщательностью и снабженный солидным научным аппаратом свод текстов-памятников о южных славянах, изданный в 60-х годах XIX в. в Загребе.² Много внимания влиянию славян на Византию уделял Фальмерайер,³ точка зрения которого на роль славян вызвала продолжительную дискуссию, в которую были вовлечены К. Гопф-Цинкейзен, А. А. Васильев и ряд других крупнейших представителей исторической науки.

Работы иностранных, особенно чешских ученых дали толчок развитию русского славяноведения в 40-х годах XIX в., причем идейными продолжателями западноевропейского славяноведения в России были славянофилы. Историческая концепция славянофилов была провозглашена в статье П. В. Киреевского "О древней русской истории" в 1845 году и была в дальнейшем развита его старшим братом И. В. Киреевским в статье "О характере просвещения Европы и о его отношении к России". Их основным тезисом было противопоставление завоевания и призвания как основного различия в историческом процессе Западной Европы и России. "В то время как на Западе европейские государства, начавшись насилием, — писал И. В. Киреевский, — должны были развиваться переворотами, в русском обществе господствовало внутреннее единство. На Востоке Европы — греческий мир с его художественно-созерцательной культурой, восточная мистика, Византия и православие, на Западе — рассудочная римская культура, католическое христианство, извращенное западным рационализмом".⁴

Дальнейшее развитие эти теории получили в трудах А. С. Хомякова, одного из самых ярких представителей славянофилов. По его учению, на Западе основой всей жизни является культурное противоречие завоевателей и римской культуры, в то время как славянский мир, восприняв православие через Византию, свободен от этого противоречия и сохранял неприкосновенно обычаи и нравы незапамятной старины.⁵

Большую роль в развитии русского славяноведения сыграл В. И. Ламанский (1833—1914), создавший целую школу русских

¹ P. Schafarik. *Slavische Altertümer*, Bd. 1—2, Leipzig, 1843.

² *Monumenta spectantia historiam Slavorum meridionalium*. I—V, Zagrabiae, 1868—1875.

³ Fallmerayer. *Geschichte der Halbinsel Morea während des Mittelalters*. Stuttgart, 1836.

⁴ "Московский сборник", т. IV, М., 1852, стр. 28.

⁵ А. С. Хомяков. Вместо введения к сборнику исторических и статистических сведений о России. Полное собр. соч., т. I, стр. 482.

ученых-славистов, из которых ряд историков выпустили ценные произведения по средневековой истории южных славян. Будучи славянофилом и панславистом, В. И. Ламанский поддерживал великодержавное направление русских славистов, вследствие чего его школа не встречала сочувствия среди студенческой молодежи и вообще прогрессивных кругов русского общества. Однако неоспоримой заслугой В. И. Ламанского является его борьба против враждебного отношения немецко-буржуазной науки к славянству.¹ Как уже отмечалось выше, В. И. Ламанский оказал на первых порах влияние также и на Ф. И. Успенского в направлении его научных интересов в сторону изучения истории славянства и Византии.²

Мы видим, что к тому времени, когда Ф. И. Успенский выступил на арену научной деятельности, славяноведение в России уже достигло значительных успехов. Заслуга Ф. И. Успенского состоит в том, что он впервые поставил и научно обосновал положение о глубоком влиянии славян на все стороны жизни византийского государства. Это положение было излюбленным тезисом Ф. И. Успенского, который красной нитью проходит через всю его многолетнюю работу исследователя. Уже в 1875 г., начиная свой курс по всеобщей истории в Новороссийском университете в Одессе, Ф. И. Успенский указывал, что западная и, особенно, немецкая историческая наука "предвосхищает первичную культурную роль в средней и новой истории почти исключительно в пользу немецкого племени... Между тем соседний с ним (германо-романским миром. — Б. Г.) восточноевропейский или греко-славянский мир не только в силу давности на Европейском материке, но и по своеобразной культуре, историческому назначению, важной роли во всех европейских событиях — заслуживает по меньшей мере столь же усердного изучения, как и романо-германский мир; без тщательного изучения этого мира событиям средневековой истории по необходимости придается ложный свет и неверное толкование".³

Подобными высказываниями о роли славян полны многие про-

¹ В. И. Пичета и У. А. Шустер. *Славяноведение в СССР за 25 лет* Сборник "25 лет исторической науки в СССР", Изд. АН СССР, М.—Л., 1942, стр. 224.

² Ф. И. Успенский. *Воспоминания. Дела и дни*, I (1920). См. также Ф. И. Успенский. *Notes sur l'histoire des études byzantines en Russie*, Byzantion, II (1925), p. 11.

³ Ф. И. Успенский. *Значение византийских занятий в изучении средневековой истории* (вступительная лекция по всеобщей истории). *Записки имп. Новороссийского университета*, т. XVI, Одесса, 1875, стр. 2—3.

изведения Ф. И. Успенского. Укажем еще на одно из них, когда в своем большом синтетическом труде, в котором он как бы подводил итоги своей научной деятельности, Ф. И. Успенский говорит: "И по своему безотносительному значению и по продолжительности воздействия на все стороны жизни византийского государства и, наконец, по взаимодействию государственных, правовых и культурных начал — славяне занимали большое место в истории Византии ..."¹ Обоснованию этих положений посвящены многие произведения Ф. И. Успенского, к ним он постоянно возвращался на протяжении всей своей научной деятельности.

Мы видели уже выше, что первым научным трудом Ф. И. Успенского, написанным еще в студенческие годы, было исследование, представленное им на соискание Кирилловской премии по конкурсу, объявленному Петербургским славянским благотворительным комитетом, на лучшее сочинение на тему „О трех первых попытках государственного объединения западных славян“. Оно было глубоко научным трудом, написанным на основе исчерпывающего изучения летописей, хроник, грамот, в нем излагались судьбы государства Само, Великой Моравии до появления угров и разложения Моравской державы, западных славян „под чешскими князьями“, Польши при Болеславе Храбром. По отзыву В. Г. Васильевского, это было „лучшее историческое обозрение судеб Польского и Чешского государства. Если бы мы, — говорит далее В. Г. Васильевский, — имели десяток один-другой таких книг по славянской истории, то и образованная публика не могла бы жаловаться на недостаток доступных для нее общих сочинений по этому вопросу и публицистика не имела бы основания упрекать русских ученых в невнимании к потребностям общества“.² Уже в этой работе Ф. И. Успенский сделал первые наброски своего отношения к вопросу о расселении славян на Балканском полуострове и об их иммиграции в пределы Византийской империи. Взгляды Ф. И. Успенского высказывались им в его многочисленных произведениях, но итоги его научной деятельности по этому вопросу были подведены в его большом синтетическом труде „Истории Византийской империи“. Поэтому для того, чтобы представить в виде стройного целого взгляды Ф. И. Успенского по этому вопросу, нам необходимо рассмотреть соответствующие места этой капитальной работы.

Для изучения взаимоотношений славян и Византии чрезвычайно

¹ Ф. И. Успенский. История Византийской империи, т. I, СПб., 1913, стр. 386.

² В. Г. Васильевский. Рецензия на книгу Ф. И. Успенского „Образование Второго болгарского царства“, ЖМНП, ч. 204, июль 1879 г., стр. 144.

важно было установить, когда в Византийской империи впервые начали появляться сведения о тех племенах, которые в V—VI вв. были известны под именем славян. Мы знаем, что империя зорко, внимательно следила за передвижениями варварских племен, появившихся в это время на ее северных границах. Еще в 448 г. Феодосий II отправил в лагерь Атиллы, расположенный на р. Тиссе, в нынешней Венгрии, посольство, которое имело предписание собрать необходимые сведения о передвижениях варварских племен. Результаты разведывательной работы этого посольства известны нам благодаря сохранившимся отрывкам сочинения участвовавшего в посольстве Приска Панийского. На описание Приска обращает внимание Ф. И. Успенский: „В описании Приска некоторые черты заслуживают особенного внимания. Прежде всего следует вспомнить, что занятая гуннами земля, по которой держало путь византийское посольство, вскоре затем становится славянским достоянием. Но весьма может быть, что гунны нашли уже здесь славян и покорили их своей властью“.¹

С 493 г. пристальное внимание императора Анастасия было привлечено событиями в дунайских областях. В это время, отмечает Ф. И. Успенский, славяне уже появляются под своим собственным именем. Правительство Анастасия правильно оценило значение непрерывно происходивших славянских передвижений. Мало этого, Византия до конца осознала горькую истину о невозможности противопоставить реальную силу постоянно возобновлявшимся славянским вторжениям из-за Дуная. Наиболее убедительным фактом, иллюстрирующим такую точку зрения византийского правительства, является построенная в 512 г. императором Анастасием, для защиты от нападений славян, линия укреплений от Селимбрии на Мраморном море до Дерконта на Черном море, которая получила название „Длинной стены“ и которую церковный историк Евагрий называл „знаменем бессилия, памятником трусости“. Большое значение придает Ф. И. Успенский восстанию Виталиана, расценивая его как факт, свидетельствующий о возникновении в это время некоторой организации среди федератов в придунайских областях. Как показывают источники, Виталиан имел связи с различными варварскими народами, в том числе и со славянами, которые, учитывая успехи восстания на отдельных его этапах, изменили свое прежнее представление об империи, поняли, что она вовсе не представляет несокрушимого по своей внешней силе государства.

Совершенно справедливо опровергает Ф. И. Успенский имевшую

¹ Ф. И. Успенский. История Византийской империи, т. I, СПб., 1913, стр. 180.

место в науке точку зрения, будто славяне мирным путем захватили Балканский полуостров и будто византийское правительство по собственной воле, без военного давления со стороны славян, уступало им свои слабо населенные провинции для колонизации. Его исследования привели его к прочно установленной им точке зрения, что с начального периода вторжений славян Византия прекрасно понимала военную силу славян, чувствовала себя бессильной перед лицом этого нового врага, появившегося на северной границе империи. Таким начальным периодом истории южных славян Ф. И. Успенский считает правление Юстина (518—527), когда впервые появляется упоминание о славянах под их собственным именем, в связи с первым их организованным нападением на Византию.¹

Ф. И. Успенский шаг за шагом прослеживает постепенное укрепление политической и военной организации славян. К концу VI в. точкой отправления для славянских нападений служит уже не правый берег Дуная, а сам Балканский полуостров. Для изучения хода славянской иммиграции Ф. И. Успенский привлек большое количество новых источников, в частности „Деяния св. Димитрия“ (Acta Sanctorum под 8 октября), произведения Иоанна Эфесского, летописи Иоанна Никиусского, хронику Михаила Сирийца и др. Изучение этих источников позволило Ф. И. Успенскому прийти к выводу, что походы славян были направлены к двум целям: к завладению Балканским полуостровом и к господству на Эгейском море, что в конце VI в. эти цели уже были осуществлены. В этом периоде, как показал Ф. И., славяне уже имели свой флот, делали многочисленные набеги на острова и приморские города, мешали торговым связям столицы на Мраморном море, прочно осели в Фессалии и Греции и уже неоднократно пытались овладеть Фессалоникой. В половине VII в. Балканский полуостров имеет почти однородное население, с повсеместным преобладанием славянских элементов. Только теперь, как показывает на ряде убедительных примеров Ф. И. Успенский, Византия пошла на предоставление славянам роли колонистов, назначая их для несения пограничной военной службы.²

Ф. И. Успенский дает мастерской анализ причин того исторического факта, что южные славяне оказались слабыми в борьбе с империей, не могли ее уничтожить, как это случилось на Западе,

¹ Ф. И. Успенский. История Византийской империи, т. I, СПб., 1913, стр. 464.

² Там же, стр. 620 и сл.

а вошли в состав населения империи, придав этим византизму новые черты и испытав его разнообразные глубокие влияния.¹ Причину этого Ф. И. Успенский видит в семейно-родовом быте как исконной форме общественного устройства славян, составлявшей большое препятствие для образования у славян значительных племенных союзов и развития государственной организации.

Ускорению развития государственной организации среди славян способствовало, по мнению Ф. И. Успенского, появление и утверждение на юге от Дуная болгар, что Ф. И. считает наиболее важным фактом в истории славян VII в., посвящая ему особую главу (VI глава третьего периода) в I томе „Истории Византийской империи“. Военная организация у болгар была выше, чем у славянских племен, с которыми они вошли в соприкосновение. Поэтому, уступая по численности славянским племенам, с которыми им пришлось встретиться за Дунаем, болгары скоро получили перевес и могли образовать сильное государство.

Этапом, имеющим большое значение в развитии взаимных отношений Византии и славян, Ф. И. Успенский считает иконоборческое движение, анализируя в этом направлении деятельность иконоборческих императоров. Реформы иконоборческого периода были внешним выражением того факта, что византийское правительство вынуждено было в своей законодательной деятельности считаться с обычным правом славян. Еще Цахария фон Лингенталь выступил с теорией, которая объясняла выступление свободного крестьянства в Земледельческом законе, указывала на роль свободной сельской общины, принесенной славянами в Византийскую империю и зафиксированной в законодательстве иконоборцев. Эта теория была воспринята и развита далее В. Г. Васильевским,² которому удалось установить сходство Земледельческого закона с Эклогой и на этом основании прийти к выводу, что эти законы изданы почти одновременно и несомненно должны считаться памятником законодательства иконоборческих императоров. Заслугою Ф. И. Успенского было дальнейшее развитие и окончательное утверждение этой теории. Именно в результате трудов Ф. И. наукой прочно был усвоен вывод о влиянии славянской иммиграции, общественного устройства и общинного землевладения славян на социально-экономическое развитие Византийской империи, вывод о том, что эти законы предназначались, главным образом,

¹ Ф. И. Успенский. История Византийской империи, т. I, СПб., 1913, стр. 675.

² В. Г. Васильевский. Законодательство иконоборцев, ЖМНП, октябрь—ноябрь 1878 г.; его же, — О синодальном списке Эклоги, ЖМНП, январь 1879 г.

для нового славянского населения, будучи приспособлены византийским правительством для его быта и общественного строя. В другой работе Ф. И. идет еще дальше, считая, что в Земледельческом законе следует видеть не памятник византийского права в славянской оболочке, а памятник славянского права на греческом языке.¹ Он утверждает далее, что и Земледельческий закон и Эклога исаврийских императоров составляют древнейшую редакцию обычного права тех славян, которые жили в пределах империи.² Таким образом, продолжает в этой работе Ф. И. Успенский, присутствие славянских элементов в законах VIII в. Византийской империи ведет к заключению, что наплыв славян в VI и VII вв. не был волной, которая разбилась бы о крепкие устои греческой цивилизации, не оставив по себе никакого следа. Если зависимость славянских государств от Византии, говорит Ф. И., имела разнообразные влияния на всю культуру славянских племен, то нельзя отрицать и того, что славянство, в свою очередь, оказало влияние на Византию, да и не могло его не оказать, составляя главную податную и военную силу империи.³ По мнению Ф. И., греческий текст рисует ту эпоху, когда славянская община в Византии имела автономию и когда правительство не нарушало еще ее прав назначением промиров, что началось в XII в.⁴

Ф. И. Успенский показывает, что складывавшееся на славянской основе Болгарское государство уже в начале IX в. было значительной величиной. На основе больших раскопок, которыми он в свое время сам руководил, Ф. И. с полной убедительностью отмечает,⁵ что удивительные военные сооружения в первой болгарской столице Абобе, а также дворцовые постройки, обнаруженные в этом месте, относятся ко времени Крума (802—815) или его сына Омортага (819—829). Законодательная деятельность Крума должна была уже положить прочные основания Болгарского государства, которое в основе своей, в качестве массового элемента, имело славянство. При хане Омортаге, как показывает Ф. И. Успенский, произошло завершение слияния болгар со славянскими племенами. Глубоко анализируя сведения, приводимые Феофаном и Генесием, Ф. И. дает обстоятельную характеристику деятельности Омортага, главным делом которого было заключение тридцатилетнего мира

¹ Ф. И. Успенский. Древнейший памятник славянского права, Юридический вестник, М., 1886, № 4, стр. 703—704.

² Там же, стр. 705.

³ Там же, стр. 705.

⁴ Там же, стр. 709.

⁵ Ф. И. Успенский. История Византийской империи, т. II, 1927, стр. 262.

с Византией.¹ Блистательная эпоха болгарского царя Симеона породила новую политическую идею господства в Константинополе и устранения греческой гегемонии на Балканском полуострове. Ф. И. объясняет, почему Болгария не могла осуществить эту идею.² Причинами этого являлось разделение Болгарского царства на две половины; невозможность слить в одно целое разнообразные этнические элементы, существовавшие на территории Болгарии и стремившиеся к обособлению и автономии.

Походы Святослава произвели полный разгром в северо-восточной половине Болгарского царства. „С общенсторической точки зрения это обстоятельство имело громадные последствия в судьбах Болгарии; между прочим, в нем лежит причина усиления греческого элемента на счет славянских племен Балканского полуострова, которым так последовательно и с неутомимой суровостью воспользовался царь Василий Болгаробойца“.³ Приведем еще одну, может быть, несколько длинную выписку места, в котором Ф. И. излагает причины падения Болгарии: „Прежде чем нетерпимый и притязательный эллинизм не был сам принижен и в конце ослаблен мусульманским завоеванием, на Балканском полуострове делили господство греки и славяне. Рассматривая взаимные отношения империи и славянства в IX и X вв., не можем признать, что ход событий был благоприятен для вновь складывавшихся политических организаций в среде славянства. Византизм носил в себе слишком много неподвижности и консерватизма и не казался способным приспособляться к новым историческим условиям. Он при царях Македонской династии принял такое направление, которое казалось несовместимым с развитием политической и церковной жизни в славянских государствах на Балканском полуострове“.⁴

Особое место занимает у Ф. И. Успенского исследование вопроса о значении пропаганды христианства Византией. Целью христианизации славянских народов Ф. И. Успенский считает борьбу Византийской империи против движения на Восток Европы Каролингской империи и латинской церкви. Византийская империя для достижения этой цели пользовалась теми же средствами, какими Западная империя и латинская церковь пользовались для привлечения новых подданных, т. е. христианской миссией.⁵ В этом

¹ Ф. И. Успенский. История Византийской империи, т. II, стр. 263 и сл.

² Там же, стр. 769.

³ Там же, стр. 868.

⁴ Там же, стр. 858.

⁵ Там же, стр. 364; ср. М. Попруженко. Славяне и Византия. Византийский Временник, XXII (1915—1916), вып. 3—4, стр. 266.

направлении внимание обеих империй привлекал славянский юго-восток Европы. Ф. И. Успенский, рассматривая взаимные отношения славянских государств, придает особое значение деятельности моравского князя Ростислава, который вступил в союзные отношения с соседними славянскими странами, Болгарией и Чехией, подготовив этим значительную преграду для немецкого движения на Восток. Деятельность Кирилла и Мефодия в районах Европы, где было сильно влияние латинской церкви, является важной победой Византии. „Миссионерская деятельность Константина и Мефодия в Моравии, — говорит Ф. И. Успенский, — наносила большой ущерб притязаниям Западной империи на распространение ее влияния в Юго-восточной Европе, а равно латинской церкви; римский епископ в целях противодействия Константинопольскому патриархату принужден был не только признать совершившийся факт, но и воспользоваться употребленным против него оружием, т. е. славянским языком в богослужении, против восточной церкви и патриархата“.¹

Для изучения истории дальнейших взаимоотношений Византии и славян большое значение имеет более ранняя работа Ф. И. Успенского, его докторская диссертация об образовании Второго болгарского царства. Это исследование состоит из двух частей: 1) „Состояние Болгарии под византийским господством“ (1—73 стр.) и 2) „Борьба Болгарии за независимость“ (74—256 стр.). Последняя часть разделяется на 10 отдельных очерков, охватывающих все болгарское движение с самого его начала и борьбу с Византией, т. е. всего 22 года (1185—1207). В „Положениях“, представленных для диспута,² автор отмечал:

а) Письма Феодилакта Болгарского в сопоставлении с императорскими хрисовулами и новеллами, а также мелкими сочинениями Евстафия Фессалоникского и Михаила Акомината дают иную постановку вопроса о состоянии Византийского государства;

б) в борьбе болгар с Византией, вместе с куманами и румунами, принимали участие русские, населявшие Трансильванию;

в) события III крестового похода имели значительное влияние на рост славянского движения на Балканском полуострове;

г) вопросу о богомилах не дано еще правильной постановки в исторической литературе. Выражение: армяне или павликиане не всегда соответствует термину богомилы;

¹ Ф. И. Успенский. История Византийской империи, стр. 430.

² К. Г. Рецензия на „Образование Второго болгарского царства“ Ф. И. Успенского. Критическое обозрение, 1879, № 10, стр. 41—42.

д) события IV крестового похода вызвали болгарского царя на роковое для дальнейшей судьбы Болгарии предприятие — основать Греко-болгарское царство;

е) Никейская империя, основанная при содействии болгарского царя, с одной стороны, способствовала утверждению латинян на Востоке, с другой — стала на пути к осуществлению широких политических задач Асений;

ж) письма Михаила Акомината представляют новый материал для истории Никейской империи.

Во введении Ф. И. Успенский отмечает, что в его работе можно было обойти молчанием вопрос о состоянии Болгарии под господством Византии, но привлечение им писем Феодилакта Болгарского побудили его выполнить эту задачу. Ф. И. указывает, что изменения в гражданском управлении Болгарией относятся к XI в., причем он рассматривает отдельно западную и восточную части Болгарии. Подчинение последней было чисто номинальное, так как здесь хозяйничали половцы, в то время как западная Болгария вполне вошла в систему византийского управления; здесь в конце XI и начале XII в. не может быть и речи о привилегиях, изъятиях и какой бы то ни было местной автономии.¹ Изучая новые, привлеченные им источники, Ф. И. отмечает беспощадное бичевание византийской системы управления подвластными народами, особенно у Феодилакта Болгарского и Михаила Акомината. Тщательно изучая источники, Ф. И. приходит к выводу, что состав населения Болгарии значительно изменился под византийским господством. Славянское население, ослабленное борьбой с Василием Болгаробойцем, частью было оттеснено с юга греческими, турецкими и еврейскими колонистами, частью потерпело потери на севере с переходом за Дунай печенегов и половцев. Со второй половины XI в. византийские императоры принимают в свое подданство целые орды степняков, уступая им право селиться в северной Болгарии.² Так, в Македонии поселена была орда уздов, в Могленской области — печенегов, на Вардаре — турецкая колония. Византия стремилась использовать эти новые элементы населения как оплот господства греков над болгарскими и как контингенты плательщиков и годных к военной службе сил.³ Это решительное вытеснение славянского элемента из областей, представлявших сплошное славянское насе-

¹ Ф. И. Успенский. Образование Второго болгарского царства, Одесса, 1879, стр. 16.

² Там же, стр. 66.

³ Там же, стр. 67.

⁴ Византийский Временник, том I (XXVI)

ние, как отмечает Ф. И. Успенский, начинается уже в XI в. и достигает видимых результатов в XII в.¹

Во втором разделе своего труда Ф. И. излагает этапы болгарского движения в борьбе за независимость. Восстание болгар началось, по всем вероятностям, вслед за прекращением династии Комнинов. Современником болгарских Асений был основатель династии в Сербии Стефан Неманя, объединивший Сербию и с 1159 г. сделавшийся великим жупаном. Изучая новые, привлеченные им материалы, Ф. И. пришел к выводу, что вследствие союза сербов с болгарями дело освобождения Болгарии к 1189 г. перешло в общее движение славян на Балканском полуострове.²

Очень важным выводом, к которому пришел Ф. И. в результате своего исследования, является положение о том, что в борьбе болгар против Византии принимали участие русские, населявшие Трансильванию.³ Данные, которые приводит Ф. И. Успенский, настолько убедительны, что вряд ли оставляют основание для сомнений. Они являются чрезвычайно интересным положением, позволяющим уже в те отдаленные времена искать корни исторической дружбы болгарского и русского народов. Эти данные неоспоримо говорят о распространении в древности русских поселений на нижний Дунай и за Карпаты. С этим согласуется найденное Ф. И. Успенским в неизданном ранее слове Михаила Акомината известие об участии русских в борьбе болгар за независимость. Вот это место:⁴ „Куманы (т. е. половцы), народ доселе не поработивший, негостеприимный и весьма воинственный, и те, что происходят из Вордоны (οἱ ἐκ Βορδόνης), презирующие смерть, ветвь русских, народ, любезный богу Войны (объятый Ареем), оказавшие помощь балканским варварам, склонились вместе с ними побежденными и погибли“. В выражении οἱ ἐκ Βορδόνης (Βορδόνη из Βορδόνη, т. е. бродня) Ф. И. видит известных в ту эпоху (XII—XIII вв.) „бродников“, род русских казаков, принимавших, следовательно, участие в тогдашних событиях на Балканском полуострове. Не ограничиваясь этим, Ф. И. приводит целый ряд указаний на то, что имя это встречалось также и в странах нижнего Дуная (Трансильвании и Молдавии), из издания Актов Трансильвании (Fontes rerum Austriacarum, t. XV) и из издания угорских памятников Тейкера. Здесь в формах: Brodnic terra, regio Brodnici,

¹ Ф. И. Успенский. Указ. соч., стр. 71.

² Там же, стр. 137—139.

³ Там же, стр. 99. и сл.

⁴ Там же, приложение, стр. 35—36.

Borotnik, termini Prodnicozum, — говорит Ф. И., — нельзя не видеть русских бродников.

Критическому рассмотрению труда Ф. И. Успенского В. Г. Васильевский посвятил обширную рецензию, которая разрослась в самостоятельное исследование.¹ Оставаясь по ряду вопросов при особом мнении, В. Г. Васильевский в общей оценке труда считает, что он „является важным вкладом в нашу ученую литературу по византийской и славянской истории“. С этой оценкой согласен и М. С. Дринов.² Мы должны коснуться еще только одного положения Ф. И. Успенского. Касаясь вопроса о роли богомилов в борьбе болгар, Ф. И. отрицает участие богомилов в борьбе за независимость Болгарии. С этим положением Ф. И. нельзя согласиться. Мы должны целиком присоединиться к положению, высказанному членом-корреспондентом АН СССР В. И. Пичета в его докладе „Византия и славяне“ на заседании сессии Отделения истории и философии АН СССР 5 мая 1944 г. В своем докладе В. И. Пичета высказал новую и абсолютно правильную мысль о том, что в движении богомилов, помимо догматической и социально-экономической сторон, безусловно имеется сильная национально-освободительная струя, что богомилы были активными борцами за болгарскую национальную церковь, за самобытную культуру болгар против стремлений византийского правительства к полной эллинизации болгар, как и других славянских народов Балканского полуострова. Отправляясь от этой точки зрения, советские византиноведы и славяноведы должны подвергнуть глубокому исследованию движение богомилов и создать труд, посвященный этому интереснейшему движению в средневековой истории южных славян, которое неоднократно обсуждалось в русской ученой литературе, но которое должно подвергнуться полному и всестороннему пересмотру на основе марксистско-ленинской методологии.

Для выяснения конкретных форм влияния общественного строя славян на Византию имела большое значение работа Ф. И. Успенского „К истории крестьянского землевладения в Византии“. В этой работе Ф. И. подверг глубокому анализу вопрос о положении свободного крестьянства, пополняя имевшиеся до него материалы данными, встречающимися у писателя Михаила Акомината, письма которого дают возможность проследить за изменениями, относящимися к концу XII в. Мы еще вернемся к этой

¹ ЖМНП, ч. 204, июль—август 1879, стр. 144—217, 318—348.

² Отчет о XXIII присуждении наград Уварова, стр. 84—113.

³ ЖМНП, январь 1883, стр. 30—87; февраль 1883, стр. 301—360.

работе Ф. И. в разделе, посвященном анализу его трудов по социально-экономической истории Византии, где еще необходимо будет рассмотреть вопрос о связи социальных реформ и социальных движений в Византии с вопросом о значении славянского элемента в Византийской империи. Здесь мы укажем на особое значение, которое Ф. И. придавал анализу известного доклада Михаила Акомината. Как известно, в этом документе на первом плане стоит вопрос о тяжелой податной системе и о крестьянском малоземельи, об обезземеливании крестьянства представителями крупного феодального землевладения. „Но что всего замечательнее, — говорит Ф. И., — одним оброненным словечком доклад выдает величайшую тайну о национальности крестьян, ищущих земли и облегчения от податей“. По мнению Ф. И., термин „друнга“ в докладе не только смело может быть переведен словами община, жупа, задруга, дружина, но даже с прибавкой прилагательного „славянский“. ¹ Факты, приводимые Акоминатом, отмечает Ф. И., показывают, что около Афин жили славянские друнги. „Так как из других и тоже греческих источников известно, что Элада и Пелопоннес действительно были заселены славянами, то *δρουγγος* доклада является вполне на своем месте, и этот термин, примененный к различным запутанным фактам византийской и общеславянской истории, должен принести исторической науке громадную услугу. Само собой разумеется, что и социальное движение конца XII в. должно быть названо славянским движением“. ² Доказывая наличие славянских поселений в Греции, Ф. И. Успенский примыкает к выводам В. И. Ламанского, ³ считая их справедливыми. „Сделанные В. И. Ламанским выводы о сохранении славянского элемента на Востоке, — говорит Ф. И., — через весь византийский период, законны и необходимы, как основанные на верных посылах. Если чего недостает в рассуждениях В. И. Ламанского, — отмечает Ф. И., — так это оценки внутренней живой силы, самопомощи и живучести, которыми обладала сама славянская община“. ⁴

Как мы показывали выше, занимаясь изучением внутреннего строя Византии, Цахариэ фон Лингенталь и В. Г. Васильевский пришли к выводу о том, что крупное землевладение поглотило сельскую общину и что свободный класс землевладельцев пал в XI в. В результате своих многолетних трудов Ф. И. Успенский пришел

¹ ЖМНП, январь 1883, стр. 77.

² Там же, стр. 86.

³ В. И. Л а м а н с к и й. О славянах в Малой Азии, Африке и Испании, СПб., 1859.

⁴ ЖМНП, февраль 1883, стр. 316—317.

к противоположному выводу о том, что „славянская община и свободное крестьянское землевладение, обеспеченное законодательством X в., продолжает жить в Византии в XII, XIII и XIV вв.“¹ Прочное установление этой точки зрения, совершенно меняющей направление в изучении истории Византии и южных славян, является большой научной заслугой Ф. И. Успенского. Этот вывод Ф. И. позволил ему поднять на большую высоту громадное значение политической роли славянского элемента в Византии во все времена, и в особенности в важные эпохи жизни империи. Ф. И. показал, что латинское завоевание дало внушительный урок византийскому правительству и заставило его снова сделать попытку опереться на крестьянскую общину. В тех областях, где возобновилось византийское господство, опять возобладало славянское право и крестьянская община получила новые гарантии и обеспечения.² Ф. И. Успенский подвергает анализу хрисовул Андроника II от 1319 г. Янинской жупе-комитуре, позволяющий выяснить тип отношений славянской общины к империи в XIV в. В этом ценном документе имеются неоднократные ссылки на обычное славянское право, признание законной силы за старыми уложениями и за учреждениями, восходящими к VII или, по крайней мере, к X в. и коренящимися в бытовой и политической жизни славян, что делает этот хрисовул весьма ценным документом для изучения отношения славян к Византийской империи в XIV в. Автономия Янинской комитур обставлена весьма прочно. Здесь и собственный суд, общинное войско, невмешательство стратигов во внутреннюю администрацию, гарантии неотчуждаемости общинных земель и имущества, освобождение от обременительных налогов и т. д. Если, говорит Ф. И., остановиться на предположении, что по такому типу строились вообще отношения славянских комитур к империи, то для нас станет понятною живучесть славянской общины в Византии, внутренние силы ее, неистощимые в борьбе с различными враждебными элементами, и та устойчивость, с которой она держалась против самой центральной власти в течение многих веков.³ Таким образом, в результате своей исследовательской работы Ф. И. Успенский прочно ввел в научный оборот теорию о значении славянского элемента на протяжении всей социально-экономической истории Византии. Ослабление империи Ф. И. ставит в связь с постепенным падением крестьянской общины, которая, начиная с XII в., испытывала хотя и медленные, но весьма чувствительные удары со стороны системы проний. Изучение проний Ф. И. требует вести рядом

¹ ЖМНП, февраль 1883, стр. 334.

² Там же, стр. 336.

³ Там же, стр. 351—352.

с изучением судеб славянской общины в XII и последующих веках. „Славянская община, — говорит Ф. И. Успенский, — пала тогда, когда правительство окончательно лишило ее обычных гарантий, коренящихся в отношениях VII—VIII вв. Но ослабление общины идет параллельно с ослаблением самой Римской империи“.¹

Связь развития общины с процессами феодализации Византийской империи, как она ставится в работах Ф. И. Успенского, будет рассмотрена в следующей главе, посвященной работам Ф. И. в области внутренней истории Византии.

ГЛАВА II

РАБОТЫ Ф. И. УСПЕНСКОГО ПО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ВИЗАНТИИ

Исследования в области социально-экономической истории Византии были основной линией научного творчества Ф. И. Успенского. Он ярко выделяется среди пионеров борьбы за „обмирщение“ русского византиноведения. Правда, начало особого интереса к изучению внутренней истории Византии было заложено трудами академика В. Г. Васильевского, особенно его „Материалами для внутренней истории византийского государства.“² Уже В. Г. Васильевский нанес заслуженный удар теориям, выдвигавшим особый, самобытный характер развития Византии, показав связь процессов развития общественно-экономического строя Византии с однородными явлениями в Западной Европе. Однако Ф. И. Успенский настолько широко охватил своими исследованиями все многообразие форм византийского общественного строя, что вряд ли не ему одному принадлежит заслуга привлечения внимания русских исследователей к вопросам внутренней истории Византии.³ Сам Ф. И. говорил об этом: „Наше внимание, нас, русских византистов, было особенно направлено на выяснение проблем экономических, административных, социальных и других, относящихся к внутренней истории Византии. Крестьянский класс и земельная собственность, с париками, подчиненными владельцу и сидящими на его земле, и в то же время следы

¹ ЖМНП, февраль 1883, стр. 359—360.

² ЖМНП, март, апрель, июль и август 1879 г.

³ Г. Лозовик. Федор Иванович Успенский (1845—1928). Некролог. „Историк-марксист“, 1928, т. 9, стр. 111—112.

общинной собственности, вот вопросы, которые у нас никогда не переставали и не перестанут быть в порядке дня“.¹

Ф. И. Успенскому принадлежит глубокое обоснование необходимости параллельного сравнительного изучения процессов социально-экономической истории Византии и средневекового Запада. Всестороннее исследование общественного строя Византии позволило ему показать ряд аналогий во внутренней истории средневекового Востока и Запада. Приведем еще одну цитату, указывающую на направление научной деятельности Ф. И. Успенского: „Нельзя уже более приписывать византийской истории не принадлежащих ей качеств и придумывать для нее особенные формулы векового застоя или неудержимого стремления к падению. Обнаруживаются малопомалу принципиальные элементы, обуславливавшие живучесть и развитие государства. Выступают на видный план борьба экономическая и сословная, интересы провинций и центра, состязание между греко-римскими понятиями и учреждениями и варварскими, выделяются периоды с преобладающим влиянием того или другого принципа: словом, усматривается смена направлений, и становится очевидным основной закон развития человеческих обществ. С этой точки зрения своеобразие средневековой греческой истории не исключает аналогий и сближений с соответствующими периодами средневековой европейской истории“.²

Своими работами о взаимоотношениях Византии и славян, о влиянии общественного строя славян на развитие процесса феодализации Византии Ф. И. Успенский положил прочное начало в русской исторической науке исследованию вопросов генезиса и дальнейшего развития византийского феодализма. Как мы уже отмечали, важным этапом на этом пути является его работа „К истории крестьянского землевладения в Византии“,³ в которой анализу сведений, сообщаемых Михаилом Акоминатом, посвящена I глава, озаглавленная „Материалы о внутреннем состоянии Византии в сочинениях Михаила Акомината“. Ф. И. придавал огромное значение этим материалам, считая, что они занимают первое место после новелл X в., направленных на борьбу против крупного феодального землевладения. Особое значение Ф. И. приписывал докладной записке Михаила Акомината императору Алексею Комнину от 1198 г. Из этой записки Ф. И. взял один из эпиграфов ко всей своей работе, показы-

¹ F. J. Uspenskij. Notes sur l'histoire des études byzantines en Russie. Byzantion, II, (1925), p. 20.

² Ф. И. Успенский. К истории крестьянского землевладения в Византии, ЖМНП, январь 1883, стр. 31.

³ ЖМНП, январь 1883, стр. 30—87; февраль 1883, стр. 301—360.

вавший ее основное направление: „Гибель же славянских общин равняется гибели всего Афинского округа“. Центр тяжести этого раздела исследования Ф. И. видит в толковании термина „друнга“. Анализируя письма и другие материалы Михаила Акомината, Ф. И. пришел к выводу, что около Афин жили славянские друнги. Ф. И. указал, что термин „друнга“, примененный к многочисленным фактам истории Византии и южных славян, должен принести громадную услугу исторической науке. Опираясь этими фактами, Ф. И. считал твердо установленным, что социальное движение конца XII в. с полным правом может быть названо славянским движением.¹ Изучая письма Михаила Акомината, Ф. И. обнаружил, что короткое правление Андроника Комнина (1183—1185) отмечено новым, до того невиданным в Византии движением среди византийского крестьянства, когда крестьяне посылали ходоков в столицу, ставя в своих наказах вопросы размежевания земель, реформы податной системы и т. д. В исследовании Ф. И. устанавливается, что и в конце XII в. земледельческое население Византии делилось на два класса: свободных крестьян (эпики) и крестьян зависимых (парики). Как уже отмечалось выше, исследование Ф. И. показало, что славянская община и свободное крестьянское землевладение не только продолжали существовать в XII, XIII и XIV вв.,² но пережили и самую Византийскую империю. Это положение, само собой разумеется, имело большое значение для византиноведения, так как меняло установившиеся взгляды на историю Византии, а вместе с ней и южных славян. Развитию нового взгляда Ф. И. посвятил в своем исследовании специальную главу под названием „Славянская община в восточных и западных провинциях империи“. Ф. И. обратил здесь внимание на то, что если термин „парики“ завоевал прочную известность среди исследователей-византинистов, то значение термина „эпики“ было утрачено и не подвергалось необходимому анализу, без которого становится непонятным развитие поздневизантийского общественно-экономического устройства. Ф. И. пришел здесь к выводу, что термин „эпики“ был дан славянам с самого начала их поселения на землях империи и сделалось впоследствии синонимом свободного крестьянина в противоположность зависимому. В подтверждение своего взгляда Ф. И. анализирует ряд документов, как опубликованных в известном собрании Миклошича и Миллера, так и впервые им привлеченных. На основе этих документов Ф. И. дал глубокий анализ движущих сил, которыми держалась община на

¹ ЖМНП, январь 1883, стр. 86.

² ЖМНП, февраль 1883, стр. 334.

всем протяжении византийской истории, хотя, как видно, чем ближе к XV в., тем все более сильные удары испытывала община со стороны крупного феодального землевладения.

Большое значение имеют установленные Ф. И. Успенским определения встречающихся в византийских памятниках терминов „комитур“ и „митрокомия“. Первая, по его мнению, представляла собой объединение сел, связанных между собой общим землевладением, круговой порукой в отношении государственных повинностей и являвшихся одним административным целым. Митрокомия же была центром этого административного округа, от которого входившие в него села и деревни зависели в вопросах управления и суда. Сравнивая эти термины с соответствующими славянскими, Ф. И. приравнивал комитур к жупе, а митрокомия к жупному граду.¹ Возвращаясь к судьбе общины и свободного крестьянского землевладения, Ф. И. допускал, что община при Комнинах, особенно при Мануиле (1143—1180), претерпела серьезные удары. Следствием этого было уже упоминавшееся выше движение крестьян при Андронике Комнине. Однако, как показал Ф. И., латинское завоевание Византии для восстановленной империи Палеологов было наглядным уроком того, что свободное крестьянство является единственной надежной опорой империи, вследствие чего династия Палеологов снова оказалась вынужденной вернуться к политике поддержки крестьянской общины как источника пополнения армии и усиления государственных налоговых средств. Поэтому в тех областях, которые находились под властью империи при Палеологах, крестьянская община снова получила новые гарантии и обеспечения.² Этот вывод Ф. И. сделал на основе анализа хрисовула Андроника Старшего от февраля 1319 г. Янинской комитуре, о котором выше уже была речь.

Это исследование Ф. И. Успенского составило эпоху не только в русском, но и в мировом византиноведении. Отдельные критики упрекали его в том, что нельзя было на основании одного термина „друнга“ делать такие широкие выводы. Однако последующие исследования русских и иностранных византинистов не только не поколебали, но еще более укрепили основные выводы Ф. И. Успенского. Теория же Б. А. Панченко о господстве в Византии не общинного, а личного, индивидуального землевладения,³ поддер-

¹ ЖМНП, январь 1883, стр. 333.

² Там же, стр. 336.

³ Б. А. Панченко. Крестьянская собственность в Византии, Изв. Русского археологического института в Константинополе, IX, вып. 1—2, София, 1904.

жанная в 1927 г. Острогорским,¹ прозвучала как высказывания одиночек, не встретившие в науке признания и поддержки. Нужно, наконец, отметить, что основные положения Ф. И. Успенского послужили базой для советских византистов, развивавших на основе марксистского учения его взгляды о влиянии славянского общественного строя на процесс феодализации Византии.

Ф. И. в конце работы подвел итоги своего исследования. Они сводятся к тому, что само византийское правительство с самого начала славянских вторжений было заинтересовано в славянской общине, которая без обременения могла нести чуть ли не половину натуральных и денежных повинностей. Политическая роль славянского элемента в Византии была очень велика во все времена, усиливаясь в наиболее критические для империи периоды. Вместе с этим Ф. И. отмечает, что община, особенно начиная с XII в., испытывает сильные удары со стороны системы проний. Поэтому изучение пронии должно идти параллельно с изучением судеб общины в XII и следующих веках.²

Исследованию пронии посвящена другая важная работа Ф. И. Успенского „Значение византийской и южнославянской пронии“.³

В этой работе Ф. И. проследил постепенное развитие форм византийской пронии, установив, что время правления Мануила Комнина (1143—1180) является периодом построения земельных отношений, основывавшихся на пронии и зависимости земледельческого класса. Как и в других работах, относящихся к изучению внутренней истории Византии, Ф. И. Успенский применяет здесь свой основной метод исследования, изучая процесс развития пронии путем параллельного сравнения его с развитием бенефиция и поисков аналогий между западноевропейским и византийским феодализмом. Каждый этап развития пронии Ф. И. изучал, привлекая к исследованию все новые источники.

Впервые термин „прония“ был выдвинут в 1860 г. Майковым, будучи приурочен им к древнесербскому праву и сравниваем с аналогичными формами русского кормления.⁴ Эти сведения были

¹ G. Ostrogorsky. Die ländliche Steuergemeinde des byzant. Reiches im X. Jahrhundert, Vierteljahrschrift für Social- und Wirtschaftsgeschichte, XX, 1927.

² ЖМНП, февраль 1883, стр. 359—360.

³ Сб. статей по славяноведению, сост. и изд. учениками В. И. Ламанского к 25-летию его ученой деятельности, СПб., 1883, стр. 1—32.

⁴ Майков. О земельной собственности в древней Сербии. Чтения Общества истории и древностей российских, 1860, кн. I; его же. Что такое прония в древней Сербии? Там же, 1868, кн. I.

несколько пополнены проф. Макушевым, привлечшим новые материалы из венецианского государственного архива.¹ Исследовав большое количество византийских памятников, Ф. И. Успенский показал, что термин „прония“ не перестает употребляться в общем отвлеченном смысле и тогда, когда за этим термином утвердилось специальное значение, подобно тому как на Западе бенефициальная система не вытеснила употребление термина „бенефиций“ в его простом первоначальном смысле.

Ф. И. Успенский выполнил очень важную работу, проследив все изменения в развитии термина „прония“. Свое специальное значение этот термин начинает иметь тогда, когда он соединяется со словами (иногда лишь подразумеваемыми в документах) дар или пожалование. Наделение в качестве пронии населенными местами может быть установлено в документах начиная уже с конца XI в. Этот факт Ф. И. Успенский установил, подвергнув тщательному анализу византийские памятники, изданные в III томе известного собрания Миклошича и Миллера. Среди этих памятников Ф. И. обратил внимание на документ, относящийся к владению вотчинами и поместьями на острове Крите родом Скордилов. В этом документе представители рода Скордилов подчиняются лицу, назначенному кефалией острова Крита, которое имеет полномочия вводить во владение архонтов и стратиотов и оберегать их вотчины и поместья. Сравнивая это место с другими документами, Ф. И. указал, что это была, очевидно, обычная формула. В период династии Комнинов (конец XI и XII вв.) наделение служилых людей землями в виде пронии было уже обычным явлением. От императоров династии Комнинов дошло до нашего времени много документов, которые позволили Ф. И. Успенскому представить весь процесс развития пронии в этом периоде и прийти к выводу, что время правления Мануила Комнина завершает процесс построения земельных отношений, в основе которых лежит прония. В пронию, как показал в своем исследовании Ф. И., попадали не только земли, на которых находились парика, но целые селения и области с крестьянами-общинниками. Ко времени IV крестового похода процесс образования проний зашел так далеко, что появилось тяготение отдельных провинций к местным центрам, что чрезвычайно ослабляло центральное правительство. Снова возвращаясь к сочинениям и письмам Михаила Акомината, Ф. И. показал, что в это время империя переживала сильный процесс выделения крупных землевладельцев-архонтов из подчинения центральному правитель-

¹ В. Макушев. О пронии в древней Сербии, ЖМНП, сентябрь 1874.

ству. IV крестовый поход и возникшая после него Латинская империя способствовали усилению процесса феодализации. Исследуя акты раздела империи, Ф. И. привлек дополнительно к исследованию данные, встречающиеся в Морейской хронике. В этой хронике, как указал Ф. И., архонтопулы Морен и всей Мессении собрались в Андравиде и заключили с крестоносцами договор, по которому „все архонтопулы удерживали за собой пронию, какие имели, обязавшись вассальной присягой и службой по раз-мерам имущества“.

Для XIV в. Ф. И. обнаружил и обосновал оформление нового этапа в развитии пронии, когда уже появляется склонность отождествлять пронию с леном, а позднее эти понятия совсем сливаются, и в документах термин „прония“ становится тождественным с перенесенными на византийскую почву западными феодальными терминами. Наконец, в XIV—XV вв. процесс развития пронии заходит еще дальше, выражаясь в стремлении обратить условное, личное и временное пожалование в наследственную собственность (вотчину). Пожалование пронии вызывалось в значительной степени военными интересами центрального правительства, что Ф. И. устанавливает и по византийским и по славянским источникам. Однако в развитии пронии Ф. И. установил также и другую сторону — усиление политической власти прониаров, обособление проний в независимые от центрального правительства владения. Владения прониаров все чаще и все решительнее получали экскуссии (иммунитетные права), выделяясь из ведения местной административной власти.

Как показал Ф. И. Успенский, население земель, поступавших в пронию, становилось в прямую зависимость от прониаров. Положение крестьян, попадавших в зависимость от прониаров, было чрезвычайно тяжелым, так как они попадали под иго двойной эксплуатации, выполняя государственные повинности и бесчисленные работы, возлагавшиеся на них прониарами. Чрезвычайно важен вывод, к которому пришел Ф. И., изучая развитие пронии после падения Латинской империи и восстановления империи Палеологов. И никейские императоры, а вслед за ними и Палеологи должны были проводить в жизнь „освободительные“ теории, чтобы показать, что для населения Византии создается жизнь лучшая, чем во время Латинского государства.¹ Однако, раз начавшись, развитие пронии совершалось по своим внутренним законам, ослабляя общину, а тем самым лишая правительство его опоры в борьбе

¹ Ф. И. Успенский. Значение византийской и южнославянской пронии. Сб. статей, сост. и изд. учениками В. И. Ламанского... СПб, 1883, стр. 31—32.

против крупного феодального землевладения. Но, как мы видели раньше, община не исчезла, — она нашла в себе внутренние силы, которые помогли ей не только удержаться до конца, но и пережить империю.

В тесной связи с работами, относящимися к вопросам византийского землевладения, находится работа Ф. И. Успенского „Военное устройство Византийской империи“, ¹ так, как по его мнению, анализ феодального устройства тесно связан с изучением мер византийского правительства по отношению к земельному устройству крестьян. Это положение Ф. И. основывал на выводе, к которому он пришел в результате своего исследования, — выводе о том, что военноподатная система в Византии в конечном счете основывалась на организации военно-податных земельных участков. Работа Ф. И. представляет собой подробное описание форм военного управления империи в том виде, как оно сложилось в X в. К этому времени военное управление было сосредоточено в 24 фемах, находившихся под управлением стратиггов. Кроме этих округов Ф. И. выделил в своем исследовании специальные военные организации, носившие наименование тагм. В то время как фемы — войска провинциальные — находились под командованием стратиггов, тагмы, возглавляемые доместиками и друнгарием, находились в Константинополе и, как это неоднократно отмечается византийскими историками, принимали участие в дворцовых переворотах.² Значительный интерес представляют сведения Ф. И. Успенским в одно целое известия, излагающие административно-военную организацию каждой фемы, на которые делилась Византийская империя. Эти материалы дают нам возможность составить себе ясное представление о всех военных должностях и чинах, находившихся под командованием стратига и составлявших лестницу византийской военной иерархии.

Чрезвычайно интересен факт, на который обратил внимание Ф. И. Успенский, а именно, что две столичные тагмы — схолярии и экскувиты — тесно связаны с константинопольскими димами, а их доместики стоят во главе этих димов. Это сообщение основано на еще недостаточно разъясненном известии Константина Порфирородного, которое приписывает доместику схоляриев титул руководителя дима венетов, а доместику экскувитов — титул руководителя дима

¹ Ф. И. Успенский. Военное устройство Византийской империи, Изв. Русского археологического института в Константинополе, VI, вып. I, София, 1900, стр. 154—204.

² Там же, стр. 154—158.

прасинов.¹ Хотя все сведения, приведенные Ф. И. Успенским в стройную систему, представляют большой интерес, однако главное значение этого исследования состоит в другом. Исследование Ф. И. показало, что феода представляла собою такую организацию сельского населения, которая наилучшим образом втягивала его в военное устройство империи и заставляла его с наилучшим успехом отбывать воинскую повинность. Заслугою Ф. И. является вполне убедительное доказательство того, что византийское правительство поставило военную службу в зависимость от землевладения, в чем заключалась устойчивость и живучесть феодального устройства.² Интересна также выполненная Ф. И. Успенским систематизация наиболее важных моментов византийского законодательства по отношению к военным участкам. Они сводятся к следующему: 1) стратиотам воспрещается продавать имущество, с которого они несут военную службу. Военный участок обязательно переходит от отца к сыну с одинаковым обязательством военной службы. В случае дележа участка между несколькими сонаследниками они обязаны нести с него службу в складчину; 2) частная собственность стратиота, внесенная в военные писцовые книги, разделяет судьбу военно-податного надела, т. е. не подлежит отчуждению; 3) от покупки военных участков и права наследования в них устранились знатные или чиновные лица, митрополит, епископ, монастырь, богоугодные учреждения и т. д.; 4) признается, однако, право сорокалетней давности. Военный участок теряет свой военно-податный характер, если кто докажет, что владели им 40 лет по частному праву.³

Таким образом, Ф. И. в этом исследовании показал, что судьба воинских участков в Византии была тесно связана с судьбой крестьянского землевладения. На этом очень долго зиждилась военная сила империи, и ослабление ее неразрывно связано с распадом системы стратиотских участков, которые, как и община, в поздне-византийское время испытывали мощные удары со стороны крупного феодального землевладения. После этого исследования Ф. И. Успенского вплоть до нашего времени появлялись и появляются новые работы, посвященные анализу феодального строя и военного устройства Византийской империи. Однако для того времени, когда она была написана, работа Ф. И. была новым, свежим исследованием, по-новому поставившим изучение военного строя Визан-

¹ Ф. И. Успенский. Военное устройство Византийской империи, стр. 175.

² Там же, стр. 198.

³ Там же, стр. 201—202.

тии. Эта работа дала толчок углубленному изучению многообразных форм византийского военного управления, и в этом состоит большая заслуга Ф. И. не только перед русским, но и перед мировым византиноведением.

Глубоко и всесторонне изучая вопросы внутренней истории Византии, Ф. И. Успенский не мог обойти молчанием монастырское землевладение, без анализа которого нельзя понять всей сложности процесса развития византийского феодализма. В этом направлении особое значение имеет его монография о Вазелонских актах, изданных им совместно с В. Н. Бенешевичем.¹ Эта работа является изданием рукописи, хранящейся в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде под № 743 и содержащей копию актов Вазелонского (около Трапезунта) монастыря. Хотя содержащиеся в этой рукописи материалы относятся только к Трапезунтской империи, тем не менее они имеют первостепенное значение для истории монастырского землевладения в Византии в XIII—XIV вв. Русские и иностранные византилисты всегда проявляли большой интерес к изучению монастырского землевладения в Византии. Это станет понятным, если учесть удельный вес монастырского землевладения в общественно-экономическом строе Византийской империи. Наделенные правительством широкими правами экскусии, выделяемые все чаще и чаще из общей административной системы, монастыри вырывались из общего круга социально-экономических мероприятий правительства, которому приходилось отказываться от большого количества денежных и натуральных повинностей в пользу монастырей. Особое значение имело то обстоятельство, что под монастырскую экскуссию попадали не только монахи, но и жившие на церковно-монастырских землях крестьяне, что отнимало у государства огромное количество людей, способных носить оружие. Огромные земельные фонды монастырского землевладения тормозили расширение системы стратиотских участков, что больно ударяло по обороноспособности империи. Исследование Вазелонских актов, произведенное Ф. И. Успенским, чрезвычайно ценно тем, что оно дало науке новые материалы, характеризующие положение крестьян, прикрепленных к монастырским землям. Под тяжелым грузом двойных податей и повинностей, которые несли монастырские парики монастырю и государству, многие парики бежали с монастырских земель и уходили в поместья крупных светских землевладельцев. Кроме держа-

¹ Вазелонские акты. Материалы для истории крестьянского и монастырского землевладения в Византии XIII—XV вв., Л., 1926.

ния париков, церковно-монастырское землевладение могло сдавать крестьянам земли на разнообразных условиях. Одной из самых распространенных форм была сдача земли в долгосрочную аренду. Другой формой была аренда по найму; кроме того, сдача в аренду могла производиться на основе господствовавшего в Византии паричского или присельнического права. Парики, жившие на монастырских землях, не имели права ни на отчуждение, ни на передачу своих участков, ни на самовольный уход с тех участков, на которых они были поселены. Как установил Ф. И. Успенский, все то, что относилось к борьбе крупного землевладения с мелким крестьянским, не в меньшей степени имело место на землях церквей и монастырей. Церкви и монастыри, представлявшие собою самых крупных феодалов-землевладельцев, были тяжелым бедствием, поглощали мелкую земельную собственность, обращали целые деревни в свои усадьбы, разоряли крестьянские общины.¹

Помимо общих работ, позволивших Ф. И. Успенскому установить направления в процессе развития византийского землевладения, его перу принадлежит большое количество исследований, охватывающих самые разнообразные вопросы, относящиеся к повседневной жизни византийской деревни. Они рисуют нам технику измерения земли в Византии, показывают содержание и приемы составления византийских писцовых книг, практику византийских землемеров и т. д. Среди этих работ особое значение имеют „Наблюдения по сельскохозяйственной истории в Византии“² и „Следы писцовых книг“.³ В первой работе Ф. И. Успенский объяснил цель своего исследования тем, что наука крайне заинтересована в установлении сходства и в хозяйственной системе на Востоке и Западе Европы, что опять подчеркивало значение сравнительного метода исследования, лежавшего в основе научной деятельности Ф. И. Успенского. Как и в других своих работах, Ф. И. приближается к материалистическому пониманию истории, когда говорит, что причины различия в общественном и политическом устройстве Запада и Востока следует искать в различиях организации землевладения. Работа „Наблюдения по сельскохозяйственной истории в Византии“ содержит тщательное описание техники измере-

¹ Ф. И. Успенский и В. Н. Бенешевич. Вазелонские акты, Л., 1926, стр. XIX.

² Ф. Успенский. Наблюдения по сельскохозяйственной истории в Византии. Основные приемы измерения земли в Византии, ЖМНП, октябрь 1888, стр. 229—259.

³ Ф. И. Успенский. Следы писцовых книг в Византии, ЖМНП, январь 1884, стр. 1—43; февраль 1884, стр. 289—335; июль 1893, стр. 1—52.

ния земли, и без этих материалов не может и еще долго не сможет обойтись ни один исследователь, занимающийся историей византийского землевладения. В этой работе приводятся расчеты единицы измерения пахотной земли, шеста или веревки, равных старой русской сажени; показан византийский сокарь, установленный в 10 или 12 сажень. На основе сведений византийских геометров Ф. И. установил очень интересное наблюдение — это крестьянская земля измерялась не той мерой, что помещичья, что практиковалось для оказания помощи мелким землевладельцам. Исходя из этих установленных мер, Ф. И. определил величину византийского модия и представил практику его измерения. Чрезвычайно важным для уяснения византийской податной системы является установленная Ф. И. зависимость ее от количества модиев. Ф. И. привел в ясную систему также и зависимость величины наделов от качества земли. Измерив модий, Ф. И. установил и размер зевгаря, который условно равнялся 40 модиям земли и расценивался по соображению качества земли. В данной работе Ф. И. напечатал составленные им очень важные таблицы, показывающие, какое количество модиев земли разного качества приходилось на одну денежную единицу (иперпер). Подводя итоги этим таблицам, можно легко установить сделанное Ф. И. наблюдение: что действительное количество модиев в зевгаре должно было колебаться в зависимости от качества почвы между 105 и 420. Очень интересным является извлеченный им из Палатинского кодекса хозяйственный расчет, составленный помещиком по небольшому имуществу в 11½ зевгарей и представляющий собой схему организации сельского хозяйства,¹ или, вернее, инструкцию о переписи небольших подчиненных помещику владений, населенных зависимыми крестьянами с различной хозяйственной мощностью. Этот расчет, как отмечает Ф. И., идет от времени господства системы проний. Он интересен тем, что показывает, как помещичья власть наложила руку на крестьянские вольности и ограничила право захвата вольных, пустопорожных земель. Как показал Ф. И., интерес помещика заключался в том чтобы иметь как можно больше крестьян на пожалованной ему земле и заставить их лучше обрабатывать небольшие участки. С усилением системы проний, как показал Ф. И., меняется к худшему порядок крестьянского землевладения. Если прежде, кроме подворных участков, крестьяне владели правом участия в общенной земле и на общинных выгонах, то на помещичьей земле этот порядок меняется в ущерб крестьянам, которые теряют право распо-

¹ Ф. И. Успенский. Наблюдения по сельскохозяйственной истории в Византии, стр. 255—256.

ряжения общинными землями, захваченными помещиком.¹ Наконец, в этой работе Ф. И. Успенского приводятся интересные данные по исчислению казенных податей с земли, арендной платы за землю.

Много ценного материала, дающего подробности податного обложения, собрано Ф. И. Успенским на основе изучения византийских писцовых книг. Особый интерес представляет эта работа потому, что в ней содержатся данные к вопросу об обложении городского населения. В работе Ф. И. Успенского дан обширный и глубокий анализ окладного листа города Лампсака.² Этот документ обратил на себя внимание Ф. И. особенно потому, что в нем содержится не только подробное описание статей податного обложения, но и приводятся цифровые данные сумм податей с каждой статьи обложения. Особенности византийского города, в котором еще не была завершена дифференциация классов и не могло существовать полное разграничение крестьянского и городского элементов даже внутри города, еще более придает ценности документу Лампсака, так как он содержит, таким образом, данные об обложении не только городского населения, но и сельского. Общая сумма окладного листа города Лампсака составляет 1671 иперпер, 6 кератиев. Обращает на себя внимание тот факт, что, в то время как 50 человек городского населения платят 51 иперпер, 6 кератиев, 21 зевгарат, т. е. податных крестьянских хозяйств, подлежат более высокому обложению, платя 208 иперперов. Обложению по этому окладному листу подлежат также мельницы, соляные варницы, рыбные промыслы, рыболовные суда. В окладном листе упоминаются также подати с арендованных виноградников, судебные пошлины, налоги с пользования пристанями, общинными землями.³ Этот документ важен еще и тем, что подтверждает уже прежде сделанные В. Г. Васильевским и Ф. И. Успенским, а также и другими исследователями выводы об организации земельных участков. Мы видим в документе, что под зевгарами и воидатами нужно понимать крестьянские хозяйства (стаси); в их состав входят двор, усадьба, пахотная земля, виноградники, фруктовые сады, домашний и рабочий скот⁴ и т. д.

Говоря о терминах, обозначающих крестьянское хозяйство формах объединения сел и деревень, нам необходимо вернуться к изданным Ф. И. Успенским Вазелонским актам, которые имеют

¹ Ф. И. Успенский. Наблюдения по сельскохозяйственной истории в Византии, стр. 257.

² ЖМНП, февраль, 1884, стр. 289—335.

³ Там же, стр. 293—294.

⁴ Там же, стр. 310.

большое значение для определения характера эволюции форм византийского феодализма. Чрезвычайный интерес представляет определение терминов административного и феодального деления, сделанное Ф. И. Успенским. Эти термины встречаются и раньше, но в Вазелонских актах они впервые получают полное освещение. Речь идет о стаси и проастии и хорафии. Изучая Вазелонские акты, Ф. И. сделал вывод, что хорафий—это земельный организованный участок, соответствующий русскому понятию „усадьба“, связанный экономически с деревней или поселком. Но между хорафием и деревней Ф. И. обнаружил в Вазелонских актах промежуточное деление, именуемое стасью. Значение стаси увеличивается тем, что на это социально-экономическое объединение влияла все более развивавшаяся вотчинная сеньериальная система, известная уже с XI в. под именем пронии. Проастий, термин, означающий дальнейшее развитие стаси, представляет собою сеньериальную вотчину, вотчину и усадьбу, разделенную на участки, населенные зависимыми от помещика крестьянами. Как установил Ф. И. Успенский, термин „хорафий“ почти всегда сочетается с именем его владельца. Чрезвычайно знаменательна система переделов земельных участков, представляющая собой важное явление в динамике форм византийского феодализма. Мелкие доли к XIII—XIV вв. все больше лишаются запретительных мер, направленных к защите мелкого крестьянского землевладения. Наделы—доли в XIV в. продаются, обмениваются, передаются по завещанию, дарятся монастырям и т. д. Эти процессы усиливают дробление участков, сосредоточение долей в руках крупных светских феодалов, а особенно—церковно-монастырского землевладения.¹

Среди исследований, относящихся к вопросам монастырского землевладения, должны быть в первую очередь названы „Мнения и постановления константинопольских поместных соборов XI и XII вв. о раздаче церковных имуществ. Харистикарии“² и „Акт отвода земли монастырю богородицы Милостивой“.³ В первой из этих работ Ф. И. Успенский дает яркую картину роста экономического могущества византийских монастырей. Наблюдавшаяся и в более раннее время [харистикарная система раздачи имущества, состоявшая в пожаловании монастырей лицам духовным и светским, полу-

¹ Ф. И. Успенский и В. Н. Бенешевич. Вазелонские акты, Л., 1926, стр. XXXIII. Ср. также Ф. И. Успенский. Социальная эволюция и феодализация Византии, Анализы, № 2, II, 1922, стр. 95—114.

² Известия Русского археологического института в Константинополе, V (1900).

³ Там же, I (1896).

чила особое распространение в XI и XII вв. Ф. И. Успенский, исследуя постановления константинопольских соборов этого времени, обратил внимание на большие злоупотребления, которые имели место при харистикарной системе и против которых неоднократно протестовали церковные власти. Среди этих злоупотреблений он обратил особое внимание на то, что власти стали без разбора раздавать харистики светским людям, даже женщинам. Извращалась самая идея передач имущества в порядке харистик, когда получавшие монастырские имущества стремились только к тому, чтобы извлекать из них как можно больше дохода. Постановления соборов в своих решениях строго преследовали эти злоупотребления, однако, как показал Ф. И., харистикарии не обращали никакого внимания на решения соборов, которые были бессильны изменить характер харистикарных владений. Наоборот, все более побеждала тенденция, которая имела место и в крупном светском землевладении, направленная к превращению харистик в наследственную собственность.

Изданный Ф. И. Успенским „Акт отвода земли монастырю богородицы Милостивой“¹ интересен целым рядом подробностей в технике передачи монастырям крестьян с принадлежавшей им земель. Ф. И. придавал опубликованному им акту большое значение потому, что он отличается от других актов полнотой, подробностями и своим составом. Важен этот акт также и упоминанием термина, обозначающего наименование безземельных крестьян (актимонов). Как показал Ф. И.,² этот разряд крестьян образуется из свободных крестьян, ушедших с прежнего места и ищущих на новом месте более благоприятных условий жизни. Поселяясь на свободных владельческих или общинных землях, эти крестьяне не сразу записывались на тягло, а пользовались некоторое время льготой. Они составляли неистощимый запас рабочих рук, которые искали себе применения на монастырских землях. В рассмотренном Ф. И. Успенским акте эти актимоны характеризуются как крестьяне, не имеющие ни земли, ни скота, ни инвентаря. Они обрабатывали владельческую землю волами владельца, в данном случае монастыря, в противоположность тому разряду крестьян, который пахал на своих волах и назывался зевгаратами и воидатами. Наконец, в этом акте подтверждается различие мер для измерения земли мелких и крупных землевладельцев, уже отмеченное Ф. И. Успенским в других работах.

¹ Изв. Русского археологического института в Константинополе, I (1896), стр. 1—34.

² Там же, стр. 5.

Мы показали, к каким выводам пришел Ф. И. в своих основных работах, посвященных вопросам крестьянского и феодального землевладения в Византии. Среди огромного литературного наследства, оставленного Ф. И. Успенским, мы можем найти немало других работ, относящихся к этим же вопросам. Но и рассмотренных трудов Ф. И. достаточно, чтобы показать, что он не оставил без внимания ни одного вопроса, проник в самую глубину земельных отношений в Византии, показал их в самых повседневных, практических формах, представил их нам, как яркие картины живой действительности византийской деревни, без усталости добывая новые данные, привлекая к исследованию новые источники. Его работы в этом направлении представляют собой неоценимый вклад в мировое византиноведение.

Ф. И. Успенский, однако, не ограничивался вопросами землевладения. Вне его поля зрения не остались и другие стороны социально-экономического строя Византийской империи. В своей работе „Партии цирка и димы в Константинополе“¹ он пришел к весьма важному выводу, что к началу VI в. димы оформились как своего рода политические партии, отражавшие то или иное общественно-политическое течение. Эта статья дала толчок ряду ученых к глубокому исследованию роли димов и цирковых партий в общественно-политической жизни Византийской империи, в результате чего появились интересные работы Манойловича, русского ученого проф. А. П. Дьяконова и др.

В работе „Константинопольский эпарх“² Ф. И. Успенский коснулся весьма важной, но еще и до сих пор очень мало исследованной темы византийского города. Он показал в этой работе роль эпарха столицы, его взаимоотношения с судебными властями, его функции по контролю над ремеслами и торговлей, обрисовал его административные права по отношению к населению Константинополя. Ф. И., определяя функции эпарха византийской столицы, установил, что он является прямым преемником префекта города древнего Рима, к которому впоследствии перешли также и функции префекта претории.³ Функции эпарха, как показал Ф. И., были весьма широки. Они состояли, главным образом, в обеспечении общественной безопасности. Эпарху были присвоены весьма значительные полномочия: он имел право суда, ограничения личной свободы, административной высылки. Он заведывал торговыми

¹ Византийский Временник, I (1894).

² Изв. Русского археологического института в Константинополе, IV, вып. 2, София, 1899, стр. 79—104.

³ Там же, стр. 80.

и промышленными заведениями, под его контролем были ремесленные корпорации.¹ Эпарх руководил не только производством этих корпораций, особенно хлебопекон, но и устанавливал норму прибыли.² В его ведении находится и внешняя торговля, для чего он назначает легатора, который следит за прибывающими в столицу иноземными купцами, осматривает привезенные ими товары и регулирует порядок их продажи.³ Как отмечает Ф. И., законодательные памятники категорически ставят в зависимость от эпарха все население столицы.⁴

Несколько особняком стоят работы Ф. И. Успенского, посвященные истории Трапезунтской империи. Когда в 1916 г. русская армия заняла Трапезунт и оккупировала прилегающую к нему значительную область, Ф. И. Успенскому было поручено заняться регистрацией и охраной археологических памятников. С этой целью им были организованы две экспедиции, которые работали под его непосредственным руководством летом 1916 и 1917 гг. Истории Трапезунтской империи Ф. И. придавал большое значение с точки зрения русских интересов. „Ее право на наше внимание, — пишет он, — основывается не только на том, что она с 1207 г. по 1461 г. была на южном побережье Черного моря хранительницей традиций Римско-Византийской империи в администрации и праве, в науке и искусстве, но еще и потому, что простирала свое влияние на северные берега Черного моря, держала в своей зависимости города на южном берегу Крыма и имела постоянные сношения с независимым крымским княжеством Феодоро (ныне Мангуп) и вообще от начала и до самого падения претендовала на господство в южной России...“ И дальше: „... эта империя в своем происхождении и существовании опиралась как на грузинскую народность, так и на весьма мало еще выясненные связи — экономические и торгово-промышленные — с Крымом и Кавказом. Эти последние сообщения легко приводят нас к заключению, что история Трапезунтской империи входит некоторою частью в задачи, принадлежащие истории России“.⁵

На основе материалов, добытых археологическими экспедициями в Трапезунте и близлежащей области, Ф. И. написал целый ряд работ и отчетов, которые служили для него как бы предваритель-

¹ Изв. Русского археологического института в Константинополе, IV, вып. 2, София, 1899, стр. 84.

² Там же, стр. 96—97.

³ Там же, стр. 97.

⁴ Там же, стр. 101.

⁵ Ф. И. Успенский. Очерки из истории Трапезунтской империи, Л., 1929, стр. 2.

ными этюдами, перед тем как взяться за более подробное изложение истории Трапезунтской империи. Сюда относятся „Сообщение и отчет о командировке в Трапезунт“¹ и доклад в Академии Наук, в заседании 12 октября 1916 г.² „Трапезунтская рукопись в Публичной библиотеке“³ „Усыпальница царя Алексея IV в Трапезунте“,⁴ „Социальная эволюция и феодализация Византии“,⁵ „Трапезунтская империя“,⁶ „Выделение Трапезунта из состава Византийской империи“⁷ и уже упоминавшаяся монография о Вазелонских атаках. Все эти подготовительные работы послужили основой для монографии „Очерки по истории Трапезунтской империи“, которая была лебединой песней Ф. И. Успенского и вышла в свет в 1929 г., уже после смерти автора.

Эта монография, как отмечал в предисловии Ф. И., имела целью ознакомить русского читателя с историей Трапезунтской империи и пополнить сведения, которые имеются у занимавшихся историей этой империей ученых Фальмерайера,⁸ Финлея⁹ и Миллера¹⁰, а также разъяснить отношения Трапезунта к Кавказу и Крыму. Представляя сплошное изложение хода истории Трапезунтской империи, монография содержит материалы по топографии Трапезунта, его археологическим памятникам, описания храмов, построек Трапезунта, остатков церковной живописи и т. д. Однако особый интерес эта работа представляет потому, что дает большой материал по внутренней истории империи, ее административному устройству, военному управлению. Хотя эти материалы относятся только к Трапезунтской империи, они, как указывал сам Ф. И. Успенский, имеют большое значение для уяснения общественно-политического строя Византийской империи. Тем не менее, хотя в Трапезунте в течение долгого времени господствовали общевизантийские имперские законы, и администрация, „местные особенности, вытекающие из сожителства на территории Трапезунтской империи разных народностей, а равно влияние соседних с империей народов, должны были наложить особую печать на внутреннюю жизнь Трапезунта и повлиять

¹ Изв. Академии Наук, 1916, стр. 1463—1480.

² Там же, стр. 1490—1492.

³ Изв. Академии Наук, 1917, стр. 719—724.

⁴ Византийский Временник, XXIII (1917—1922), стр. 1—14.

⁵ Анналы, II (1923), стр. 95—114.

⁶ Анналы, IV (1924), стр. 20—33.

⁷ Seminarium Kondakovianum, I (1927), стр. 21—34.

⁸ Falmerayer. Geschichte des Kaiserthums von Trapezunt, München, 1827.

⁹ Finlay. Medieval Greece and Trebizond, 1851.

¹⁰ William Miller. Trebizond the last Greek Empire, London, 1926, Bibliography, pp. 126—136.

на устройство империи, в особенности в период ее созидания в первой половине XIII в., когда она была некоторое время совершенно изолирована от сношений с коренными греческими областями".¹

Ф. И. показывает в своем исследовании, что основным принципом административного устройства империи была военная организация по тому типу, который был выработан в Византийской империи, начиная с VIII в., и известен под названием фемного строя. В Трапезунте Ф. И. отмечает отступления от общевизантийской системы, вызванные, главным образом, развитием поместно-вотчинных тенденций в крупном феодальном землевладении.² В исследовании тщательно изучены ценные источники, относящиеся к землевладению Трапезунтской империи. При всех особенностях в ее развитии мы наблюдаем здесь тот же рост монастырского землевладения, ту же борьбу крупных землевладельцев против центрального правительства, словно социально-экономический строй Трапезунтской империи был отражением сложившихся в течение многих веков социальных отношений Византийской империи. Одни и те же язвы разъедали государственный организм обеих империй, и, главным образом, распадение их на целый ряд обособленных административно-хозяйственных центров, почти не зависящих от центрального правительства. Но, как отмечает Ф. И. Успенский, "... нигде ослепленное самоволие отдельных лиц не выражает так ярко деморализованное состояние греческого общества, как в Трапезунте".³ И действительно, изучая причины политической борьбы, которая в течение долгих лет велась в Трапезунтской империи между партиями, враждебными Константинополю, и "византийской" партией, Ф. И. видит сторонников борьбы против объединения с Константинополем в трапезунтской служилой аристократии, которая "в смысле сословного, замкнутого в себе и стремящегося к определенным целям класса, по всем данным, указанным выше, была на верном пути к феодализации империи и образованию отдельных и независимых от царской власти сеньерий".⁴

Неоднократно отмечая, что внутренняя история Трапезунтской империи недостаточно изучена, что не позволяет еще прийти к окончательным выводам, Ф. И. Успенский указывает, однако, что причинами постепенного ослабления империи были притязания константинопольских Палеологов на опеку над Трапезунтом и те элементы

¹ Ф. И. Успенский. Очерки по истории Трапезунтской империи, Л., 1929, стр. 82.

² Там же, стр. 83.

³ Там же, стр. 100.

⁴ Там же, стр. 113.

в исторической эволюции этой империи, которые вели к обособлению ее окраин во все более самостоятельные мирки.¹ Исследование кончается изложением внешних событий, приведших к гибели Трапезунтской империи (в 1461 г), лишь на восемь лет пе режившей Византийскую империю.

Исследования Ф. И. Успенского по социально-экономической истории Византии представляет собою неоценимый вклад в мировую историческую науку. Его труды, наравне с трудами В. Г. Васильевского, поставили русское византиноведение на большую теоретическую высоту, обеспечили ему почтенное место в мировом научном византиноведении, создали школу первоклассных исследователей-византинистов, разрабатывавших отдельные вопросы социально-экономической, политической и культурной истории Византии. Его пытливый ум неутомимого исследователя проникал во все стороны социально-экономического быта Византии и открыл для науки многие его стороны, бывшие до него неизвестными, чрезвычайно расширив поле действий для будущих исследователей. Ф. И. Успенский не был марксистом, но его научный объективизм выдающегося исследователя заставлял быстро подходить к материалистическому пониманию истории, о чем в первую очередь свидетельствует его исключительный интерес к вопросам социально-экономической истории Византии. Его исследования в этой области будут поэтому еще долго служить основой для развития советского марксистского византиноведения.

ГЛАВА III

ИССЛЕДОВАНИЕ Ф. И. УСПЕНСКОГО В ОБЛАСТИ ИСТОРИИ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ В ВИЗАНТИИ

Исследования в области истории общественно-политической идеологии и философско-религиозной борьбы в Византии составляют в научном творчестве Ф. И. Успенского также большой и значительный раздел, вносящий в мировую историографию по византиноведению много свежих и интересных страниц. Первым трудом Ф. И., которым он решительно перешел к исследованиям по византийской истории, была работа, относящаяся к источниковедению и вместе с тем к истории византийской образованности. Эта работа, пред-

¹ Ф. И. Успенский. Очерки по истории Трапезунтской империи, Л. 1929, стр. 125, 126.

ставленная им к защите в качестве магистерской диссертации, была посвящена анализу творчества византийского писателя Никиты Акомината.¹ Никита Акоминат привлек внимание Ф. И. потому, что его историческое произведение было посвящено чрезвычайно интересному и сложному периоду в истории Византийской империи. Никита в своей истории начинает изложение с 1118 г., когда умер Алексей I Комнин, и кончает 1206 г., охватывая события четвертого крестового похода и образования Латинской империи. Ценность его исторического труда состоит в том, что он занимал видное положение при византийском правительстве и был очевидцем описываемых им событий. Как говорит Ф. И. в предисловии к своему исследованию, Никита Акоминат заслуживает особого внимания потому, что он „в своей истории занимается важнейшей эпохой средних веков, когда враждебные отношения Запада к Востоку достигли самой высокой степени напряжения, разразившись крестовым походом и основанием Латинской империи в Царьграде“.

В главе о воспитании Никиты Акомината и его биографии Ф. И. Успенский рисует нам картину развития умственной жизни в Византии в IX—XII вв.,² в частности — состояния высшего образования в эту эпоху. Ф. И. делает совершенно правильный вывод, что рост культуры в Византии в IX—XII вв., появление высокообразованных людей, выдающихся деятелей византийской литературы, ряда ученых работ, — все это свидетельствует о том, что Византия имела достаточно средств образования — школ, библиотек, преподавателей.³

Ф. И. Успенский рисует нам Никиту Акомината как автора, отличавшегося глубокой правдой и большим искусством исторического анализа, как историка, стоявшего выше борьбы вероисповеданий, отделявшей Восток от Запада. Как говорит Ф. И., — Никита Акоминат понимал, что не в религиозных спорах заключалась противоположность византизма и латинизма, а во всем строе исторической жизни, в общественно-политических воззрениях той и другой стороны. „Такого глубокого взгляда, — отмечает Ф. И., — напрасно стали бы мы искать во всей тогдашней литературе“.⁴ Никита глубоко понимает причины ослабления империи. Не называя вещи своими именами, он видит их в усилении процесса феодализации империи, в том, что знатные роды крупных землевладельцев, а иногда и члены императорской фамилии стремятся к почти полной независимости в провинци-

¹ Ф. И. Успенский. Византийский писатель Никита Акоминат из Хон, СПб., 1874.

² Там же, стр. 11—20.

³ Там же, стр. 11.

⁴ Там же, стр. 63.

ях, заключая даже иногда, для подкрепления своих позиций, союзы, со своими соседями — врагами империи.¹ Исследование Ф. И. представляет собой глубокий этюд по истории византийской культуры и, по отзыву В. Г. Васильевского, изложенному в его статье о магистерской диссертации Ф. И. Успенского, „остается единственным во всех литературах исследованием, посвященным писателю, несомненно заслуживающему и требовавшему подробной и всесторонней критической оценки“.²

Ф. И. Успенский в течение долгого времени вел подготовительную работу, собирая материалы для большого исследования, посвященного истории философско-религиозной и общественно-политической борьбы в византийском обществе. В 1891 г. появился целый ряд отдельных очерков Ф. И., печатавшихся в „Журнале Министерства народного просвещения“. В основе этих очерков лежит документ, который Ф. И. Успенский подверг мастерскому анализу. Этими отдельными очерками были „Константинопольский собор 842 г. и утверждение православия“³, вслед за которым появилась работа „Синодик в неделю православия“.⁴ В этой работе представлен глубокий анализ состава синодика, происхождения его частей, исследованы синодик греческой редакции, русский переводный синодик и оригинальный русский синодик. Далее появилась статья „Богословское и философское движение в Византии XI и XII вв.“,⁵ а вслед за ней „Философское и богословское движение в XIV в.“.⁶ Объединенные, все эти очерки вышли в 1892 г. отдельным изданием.⁷

Чрезвычайно интересен метод исследования, примененный Ф. И. Успенским в этой работе. За основу исследования здесь взяты синодики, оглашавшиеся в неделю православия и, по мере надобности, пополнявшиеся новыми именами предававшихся анафеме противников православия. Ф. И. Успенский сделал здесь правильный вывод: что в рассматриваемую эпоху всякое общественно-политическое движение могло облекаться только в форму религиозных споров. Этот сухой материал, в результате мастерского анализа, вышел из-под пера Ф. И. Успенского в виде яркой картины не только богословской, но и общественно-политической и философской борьбы в Визан-

¹ Ф. И. Успенский. Византийский писатель Никита Акоминат из Хон, СПб., 1894, стр. 53.

² ЖМНП, июль 1879, стр. 145.

³ ЖМНП, январь 1891, стр. 73—158.

⁴ ЖМНП, апрель 1891, стр. 267—323.

⁵ ЖМНП, сентябрь 1891, стр. 102—159; октябрь 1891, стр. 283—427.

⁶ ЖМНП, январь 1892, стр. 1—64; февраль 1892, стр. 348—427.

⁷ Ф. И. Успенский. Очерк по истории византийской образованности, СПб., 1892.

тии. Ф. И. показал, что материал синодиков „распространяется на широкую область философского мышления, общественной морали, политических идеалов“, то-есть захватывает вопросы, которыми занималось все общество, о которых велись беседы на площадях и в частных собраниях.¹ Как отмечал Ф. И. Успенский, период пополнения синодика новыми статьями совпадает с периодами особенного напряжения умов в Византии. В этом исследовании Ф. И. смог подтвердить один из своих основных выводов о том, что „византийская история имела свои стадии развития, представляющие параллелизм с западноевропейским развитием“, что в византийском обществе наблюдалось поступательное движение в развитии общественно-политической и философской мысли, что выводы об эволюции византийского общества можно „поставить в связь и по ним проверить параллельное развитие западноевропейских народов“.² Ф. И. отстаивает в своем труде взгляд, что круг идей, в котором вращалось европейское мышление в период от XI до XIII в., — тот же самый, какой мы находили в Византии, что нельзя сомневаться в общности философского направления на Западе и на Востоке.³ Как и на Западе наряду с крайними формами номинализма и реализма, в Византии существовали и к началу XIII в. взяли перевес компромиссные формы философии, пытавшиеся объединить философию Платона и Аристотеля. Эта линия развития наиболее ярко выражена в творчестве Иоанна Итала, а также в попытке соединения аристотелевской логики и неоплатонизма с церковным учением,⁴ — попытке, которую принимало официальное церковное учение в борьбе с Иоанном Италом. По словам Ф. И., на Иоанна Итала нужно смотреть не только как на богослова, но как на представителя и выразителя философской мысли в конце XI в. Борьбу номинализма и реализма в конце XII в., по мнению Ф. И., представляют Сотирих и его приверженцы, с одной стороны, Николай Мефонский и его сторонники, защитники официального церковного учения — с другой.⁵ Ф. И. анализирует учение Сотириха, привлекая к исследованию „*Thesaurus orthodoxiae*“ Никиты Акомината, в котором содержится изложение истории соборов, занимавшихся определением отношения официальной церкви к учению Сотириха. Ф. И. рассматривает также диалог Сотириха, который сохранился в переданных Никитою

¹ Ф. И. Успенский. Очерк по истории византийской образованности, СПб., 1892, стр. 4.

² Там же стр. 5—6.

³ Там же, стр. 183.

⁴ Там же, стр. 174.

⁵ Там же, стр. 222.

Акоминатом актах собора 1156 г. Решением следующего собора 13 мая 1157 г. Сотирих был отлучен от церкви.¹

В своем исследовании Ф. И. Успенский показывает, что, как и на Западе, где в Средние века происходил знаменитый спор схоластиков о реальности общих родов (*universalia*), так и в Византии руководящие церковные деятели направляли дискуссию по этому вопросу не по линии борьбы философских направлений, а по линии спора о значении главных догматов веры — троичности, воплощения, пресуществления и т. д. Как и на Западе, византийские „реалисты“ утверждали, что только общее, единое существует в действительности, частное же, индивидуальное является лишь кажущимся, результатом обмана чувственного восприятия. Наоборот, теория „номиналистов“ сводилась к утверждениям, что в действительности существуют лишь отдельные предметы. Они образуют реальное множество вещей, а общее и единое — лишь кажущиеся понятия, существующие только в терминах языка. Анализируя споры ученых византийских богословов, Ф. И. Успенский приходит к правильному выводу о том, что за богословскими формулами теологов времени Мануила I Комнина (1143—1180) скрывалась борьба философских систем, что Сотирих и его сторонники являются приверженцами теории номинализма, в то время как выразитель официальной догмы Николай Мефонский со своей школой — последователями школы реализма.² Ф. И. Успенский подчеркивает остроту борьбы в философской мысли на этом этапе. Как сообщает он в своем исследовании, несмотря на то, что обычно, даже во времена наиболее ожесточенных схваток внутри церкви, как это было, например, в эпоху иконоборчества, еретикам, проявившим раскаяние, предоставлялось соборными решениями право вернуться в лоно официальной церкви, если они заявляли об отказе от своих заблуждений, Сотирих решением собора был окончательно лишен сана священника.³ Ф. И. показывает, что в высказываниях Сотириха и его последователей официальное богословие усматривало проявление недопустимого, с его точки зрения, рационализма, приписывавшего разуму человека силу найти обоснование таинствам веры. Сравнивая процессы в развитии Запада и Востока, Ф. И. отмечает, что, как и на Западе, к концу XII в. в Византии начинается выступление церкви против богословского рационализма, усиливающееся в начале XIII в. Но ростки этого рационализма все сильнее пробиваются в борьбе с ортодо-

¹ Ф. И. Успенский, Очерк по истории византийской образованности, СПб., 1892 стр. 220.

² Там же, стр. 222.

³ Там же, стр. 220.

ксией, философская борьба все больше выделяется из чисто богословских дискуссий, выходит на арену самостоятельной идеологической борьбы, становится все более видным фактором в истории развития общественно-политических учений, развития византийской общественной мысли. Официальное богословие уже не имело больше длительной передышки. Уже на соборе 1166 г., снова в острой форме, были поставлены вопросы философской борьбы,¹ являющейся прямым продолжением споров, направленных против Сотириха. Сейчас стрелы официальной церкви были направлены против Георгия Никейского, который вместе со своими сторонниками был осужден и предан анафеме. Интересно, что на этот раз борьба не ограничилась столичным собором, а была перенесена в провинцию. Покидая собор, все митрополиты запаслись копиями соборных определений и громили сторонников оппозиции. Ф. И. Успенский в своем исследовании коснулся и движения богомилов.² Хотя он и не мог подняться до оценки этого движения как борьбы угнетенных классов против растущего гнета феодальной эксплуатации, тем не менее он наметил правильные линии в характеристике этого движения как движения, имеющего социально-революционное направление, которое скрывалось за оболочкой религиозно-догматических споров.

После ожесточенной идеологической борьбы в Византии XII и начала XIII вв. в истории общественно-политической мысли наступает некоторый перерыв до тридцатых годов XIV в.³ Это не значит, конечно, что развитие общественной мысли совершенно остановилось в этот период. Несомненно, оба враждующих направления на крайних полюсах византийского общества собирались с силами, чтобы в определенный момент снова выступить друг против друга на фронте идеологической борьбы. К началу XIV в. усиленно развивается мистическое направление в философско-богословской мысли в Византии. Мистическая философия активно выступает против права разума на обоснование и объяснение положений веры, против познаваемости истины, выдвигая, в противовес дедукциям схоластической „диалектики“, непосредственное созерцание как единственно возможное и дозволенное орудие познания.

В религиозно-философской борьбе первой половины XIV в. центральное место занимает борьба сторонников Варлаама с Григорием Паламой по поводу отношения к движению исихастов. Борьба варлаамитов и паламитов, будучи одним из наиболее выдающихся явлений в истории общественной мысли в Византии XIV в., привле-

¹ Ф. И. Успенский. Очерк по истории византийской образованности, СПб., 1892, стр. 236—243.

² Там же, стр. 210 и сл.

³ Там же, стр. 246.

кала внимание многих византийцев, не говоря уже о большой церковно-исторической литературе, в которой эта борьба получила специфическое освещение, затрагивая почти исключительно каноническую сторону дискуссии, волновавшей умы в Византии в первой половине XIV в. Ф. И. Успенский первым отошел от установившегося взгляда и подошел к исследованию корней идеологической борьбы варлаамитов и паламитов, как к борьбе на арене философско-политической мысли, посвятив ей значительное место в своей работе.¹ Заслугою Ф. И. Успенского следует считать то, что путем широкого научного анализа он прочно установил мнение о борьбе между Паламой и Варлаамом, как борьбе философской, столкновением аристотелизма, которого, по мнению Ф. И. Успенского, держалась Восточная церковь, с платонизмом. Если и нельзя целиком присоединиться к параллелям, проводимым Ф. И. Успенским, то надо признать, что его работой прочно внесено в науку положение, что ожесточенная литературная борьба между Варлаамом и Паламой не может быть понята только с точки зрения различий в богословских направлениях.² Борьба между Варлаамом и Паламой глубоко всколыхнула все византийское общество, и, изучая это движение, Ф. И. значительно расширил рамки своего исследования, предпослав анализу статей синодика, осуждающих Варлаама, „историко-литературный очерк, посвященный общей характеристике Варлаама как философа и политического деятеля“.³

Выступления Варлаама и его последователей против мистического учения исихастов означали переход в наступление передовых слоев византийского общества, стоявших за свободу критики, даже если она была направлена против установленных религией традиционных взглядов. Стоя на почве передовых идей Запада, Варлаам придерживался той точки зрения, что глубокое изучение логики ведет к познанию истины. Как отмечал Ф. И. Успенский, Варлаам выше всего ценил успехи знания и только в научном исследовании видел залог познания.⁴ В своем исследовании Ф. И. Успенский установил преемственность между идеологическими учениями Западной Европы и византийского Востока. Он показал, что Западная Европа знакомилась с философами классической Греции через посредство византийских философских сочинений. Ф. И. присоединился

¹ Ф. И. Успенский. Очерки по истории византийской образованности, Гл. IV. Философское и богословское движение в XIV в. (Варлаам, Палама и приверженцы их), СПб., 1892, стр. 246—364.

² Там же, стр. 249 и сл.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 274.

к точке зрения тех историков философии, которые отмечали значительное влияние, оказанное Варлаамом на представителей итальянского возрождения.

К анализу характера борьбы, разгоревшейся между варлаамитами и паламитами, Ф. И. привлекает огромную литературу, созданную представителями того и другого лагеря. Нельзя сказать, что философские взгляды Варлаама и его ученика Акиндина, по сочинениям которых мы, главным образом, можем судить о воззрениях варлаамитов, были бы ярко выражены. Однако основное положение, выдвинутое Ф. И., не подлежит сомнению, а именно, что варлаамиты смыкались с рационализмом, в противовес церковной схоластике, утверждавшим, что человеческому разуму свойственно постигать истинную природу вещей, что представления, которые добываются работой разума, правильно отражают соотношение и природу реальных вещей.¹ Ф. И. тщательно изучил также и литературное наследство вождя исихастов — Григория Паламы. Значение его творчества, как отмечал Ф. И., состоит в том, что он придал мистическому учению исихастов теоретические формы, облек их в ярко очерченную, стройную систему взглядов византийской мистической реакционной схоластики. Палама отстаивал в своих произведениях положение, что нельзя преступать пределов, установленных в богословии святыми отцами. Шаг за шагом прослеживает Ф. И. Успенский ход борьбы между варлаамитами и паламитами, показывая, что руководители паламитов на первых порах стремились к примирению, понимая, что перенесение борьбы на арену соборов, решения которых становились достоянием всего византийского общества, не в интересах официальной церкви. В то время как Варлаам для доказательства своих положений приводил целый ряд убедительных силлогизмов и строил все свои выступления на философской основе, на требованиях разума, „Палама и афонские монахи, не признавая за логикой и вообще за внешней мудростью (т. е. философией) могущественного орудия к познанию причины всего сущего, ссылались на авторитет церковного предания и святоотеческих писаний, как на единственно надежный путь к познанию сущего“.² Ф. И. исследует также и роль в этом споре Никифора Григоры, который занимал срединную, примирительную позицию. Для Григоры, как хорошо понимал Ф. И., борьба вокруг исихастов являлась важным государственным делом, так как он учитывал, что за теологической дискуссией стояла политическая борьба. Так же расценивал происходившую борьбу и Иоанн

¹ Ф. И. Успенский. Очерки по истории византийской образованности, Гл. IV. Философское и богословское движение в XIV в., стр. 278—279.

² Там же, стр. 279.

Кантакузин, считавший, что в его стремлении к власти монахи, исихасты, пользовавшиеся большим влиянием у господствующих классов, могут сыграть для него большую роль. Этим и объясняет Ф. И. позицию Кантакузина против Варлаама, занятую на соборе 1341 г.

Изучая борьбу вокруг исихастов, Ф. И. пришел еще к очень важному выводу: что Варлаам являлся выразителем политических групп и направлений в Византии, которые можно назвать „западническими“ и которые стремились к сближению с престолом римского папы, в то время как противники Варлаама были убежденными „националистами“. Изучая главы синодика, относящиеся к борьбе варлаамитов и паламитов, Ф. И. указывал, что „жизненным нервом всей борьбы, сосредоточенной около имени Варлаама, было западничество в самом широком смысле слова — в политике, вероучении — и что победа Григория Паламы должна быть признана победой национальной партии над латинствующей и западнической“.¹

Подводя итоги этой части своего исследования, Ф. И. сводит борьбу между Паламой и Варлаамом к истории философских школ в Византии. Основным ядром идеологической борьбы, скрывавшейся за христологическими спорами, была, по мнению Ф. И. Успенского, борьба сторонников Аристотеля против последователей Платона. Как говорит Ф. И., в синодике „последовательно проходит одна и та же черта: борьба аристотелизма и платонизма. Церковь усвоила себе аристотелевское направление и с конца XI до конца XIV в. поражала анафемой тех, кто осмеливался стоять за Платона“.² Наконец, в своем исследовании Ф. И. Успенский пришел к очень интересным выводам о влиянии византийской идеологической борьбы на южных и северо-восточных славян; так, в ереси стригольников он видит „богомильскую“ секту, перенесенную в Россию при посредстве южных славян“.³

Французский византист Ш. Диль в своем обзоре творчества Ф. И. Успенского назвал „Очерки по истории византийской образованности“ одной из наиболее интересных и значительных книг, написанных Ф. И. Успенским.⁴ Автор истории византийской литературы Карл Крумбахер называет книгу Ф. И. очень важной для изучения философского и богословского движения в Византии в XI—XII и XIV вв.⁵ Труд Ф. И. встретил живые отклики в русской

¹ Ф. И. Успенский. Очерки по истории образованности, Гл. IV. Философское и богословское движение, стр. 7.

² Там же, стр. 364.

³ Там же, стр. 388.

⁴ L'art byzantin chez les slaves. Recueil dédié à la mémoire de Th. Uspensky, t. II, Paris, 1930, p. VIII.

⁵ K. Krumbacher. Geschichte der byz. Literatur, München, 1897, S. 46.

⁶ Византийский Временник, том I (XXVI)

критике. Особенно разошелся с Ф. И. во взглядах на борьбу Варлаама и Паламы П. В. Безобразов, который видит в ней столкновение не философских, а церковных партий — белого духовенства и монашества, считая незначительными различия в философском направлении.¹ Можно допустить, что в своем стремлении представить ход постепенного развития философской мысли Ф. И. Успенский сделал в своих выводах некоторые преувеличения. Однако его основные выводы от этого не пострадали. Его исследование, основанное на чрезвычайно широком круге первоисточников, впервые в историографии византиноведения создало яркую картину поступательного движения в развитии общественно-политической идеологии в Византии. Если до него привыкли видеть умственное развитие в Византии лишь в скучных, бесконечных, топтавшихся на одном месте богословских спорах то со страниц его исследования встала живая действительность византийского общества, полная ожесточенной борьбы вокруг самых крупных явлений общественно-политической идеологии. Но этого мало, Ф. И. Успенский дал ясное указание последующим исследователям о том, что за борьбой богословских групп стояли политические группировки. Поэтому вскрыть классовое содержание идеологической борьбы, потрясавшей византийское общество и достигшей особенной остроты в первой половине XIV в., является задачей, разрешить которую должно советское марксистское византиноведение. Основные линии решения этой задачи были правильно намечены Ф. И. Успенским.

Действительно, в борьбе между варлаамитами и паламитами последних поддерживали феодальная знать — светская и духовная, имущие классы городского населения. Они находили наиболее послушных проводников своих реакционных взглядов в лице византийского монашества, привыкшего на протяжении веков служить орудием реакционных господствующих классов. Аналогичная расстановка сил была и на других этапах идеологической борьбы, затронутых в исследовании Ф. И. Успенским. Он дал правильное, в основном, направление при изучении истории общественно-политической и философско-религиозной идеологии в Византии, указал на дальнейшие пути исследования в этой области, и в этом состоит его большая заслуга не только перед русским, но и перед мировым византиноведением.

¹ П. В. Безобразов. Рецензия на работы Ф. И. Успенского: 1) Очерки по истории византийской образованности, СПб., 1892; 2) Синодик в неделю православия, Одесса, 1893. Византийский Временник, III (1896), стр. 125—150.

ГЛАВА IV

Ф. И. УСПЕНСКИЙ И РУССКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
В КОНСТАНТИНОПОЛЕ

20 лет жизни Ф. И. Успенского неразрывно связаны с его работой и руководством в основанном им Русском археологическом институте в Константинополе, сыгравшем такую видную роль в развитии мирового византиноведения. Западноевропейская наука уже задолго до открытия нашего Института имела подобные научные учреждения на Ближнем Востоке. Так, с 1846 г. в Афинах существовала французская *École française d'Athènes*, задачами которой было исследование греческого языка, истории и древностей. Среди работ этой школы особенно ценные результаты были получены в результате раскопок на Делосе, в Дельфах, в некрополе малоазийского города Мирины, в Мантинее. Германия в 1875 г. открыла в Афинах отделение своего археологического института, в восьмидесятых годах были основаны американская и английская археологические школы в Афинах. Эти учреждения широко субсидировались как своими правительствами, так и частными лицами; проводили экспедиции и печатали их результаты в специальных органах, из которых большую известность в науке получили французский „*Bulletin de correspondance hellénique*“ и английский „*Journal of hellenic studies*“. Поэтому, когда возникли проекты основания аналогичного русского учреждения, взгляды сначала были направлены на Афины. Однако царское правительство при организации подобного Института имело в виду не столько научные, сколько политические цели, стремясь создать Институт, который можно было бы превратить в орудие своей внешней политики на Ближнем Востоке. О подобной цели почти откровенно говорил в своей речи при открытии Института его „почетный председатель“ русский посол в Константинополе А. И. Нелидов. Но Ф. И. Успенский, который с самого начала был назначен на пост директора Института, с первых шагов занял совершенно противоположную позицию.

Заканчивая свою речь при открытии Института 26 февраля 1895 г., Ф. И. говорил: „Открывая ныне Археологический институт в Константинополе, мы вместе с тем освобождаем византиноведение от служебного его положения, видя в нем самом цель Института. Русская наука начинает этим исполнять свои обязательства по отношению к Византии и освобождается от упрека в пренебрежении прямых своих задач“.

С первых шагов новому Институту пришлось преодолеть на своем пути много трудностей. Прежде всего нужно было сломить сопротивление турецкого правительства, крайне неохотно допускавшего иностранных ученых к раскопкам на территории Турецкой империи и к работе в рукописных фондах турецких книгохранилищ. Общего разрешения на раскопки турецкое правительство не давало. В каждом отдельном случае дело требовало более или менее длительных хлопот, вызывая иногда необходимость во вмешательстве русского посольства. В результате настойчивости Ф. И. Успенского Институту удавалось, в конце концов, добиваться необходимого разрешения. Большим препятствием в работе Института было отсутствие правильно организованной библиотеки. С этой стороны организация подобного Института в Афинах имела бы преимущество, заключавшееся в наличии там образцовых библиотек. Поэтому с первых же шагов Ф. И. Успенский обратил особое внимание на создание при Институте собственной библиотеки. По отчетам Института, из года в год печатавшимся в его „Известиях“, можно проследить рост этой библиотеки, ежегодно пополнявшейся книгами по особому подбору, необходимыми для работы византистов. Уже через 10 лет библиотека была самой лучшей в Константинополе, особенно для занятий по византиноведению. В этом отношении она была единственной в своем роде. Кроме исключительно полного собрания источников и литературы, библиотека содержала большое количество рукописей и фотоснимков с них, позволявших широко поставить изучение памятников византийской палеографии.¹ К моменту прекращения деятельности Института его библиотека, которой могло бы гордиться любое научное учреждение по византиноведению, имела свыше 25 тысяч томов.

Уже на втором году работы Института ему удалось сделать одну из самых важных своих находок. По Константинополю распространились слухи об открытии редкого Евангелия. Институту удалось получить сведения, что этот редчайший памятник находится в деревне Сармисаглы около Кесарии. Ф. И. удалось добиться от правительства специального ассигнования 10 тысяч рублей на приобретение этого памятника, хранящегося теперь в Государственной публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Текст этого Евангелия написан серебряными буквами на покрытом пурпурной краской пергамене, с золотыми заставками и инициалами. 2 листа этого Евангелия находились в Ватиканской

¹ Th. Uspensky. L' Institut Archéologique Russe à Constantinople, Revue contemporaine, № 10, 20, Octobre 1910, St. Pétersbourg, p. 32.

библиотеке, 4 листа в Вене, и несколько листов в хранилище на острове Патмосе. Найденный Институту памятник содержит более половины всего Евангелия и датируется VI или началом VII в. Об этой находке сам Ф. И. поместил тщательное исследование под названием „Вновь найденный пурпуровый кодекс Евангелия“.¹

Само собою разумеется, не на таких случайных находках собирався Институт строить свою работу. С первых дней Ф. И. Успенский разработал стройную программу работы Института, в основе которой лежали систематически проводимые археологические экспедиции. Уже в 1895 г. были проведены три большие экскурсии — по Анатолии, на Афон и в Афины. В первой экскурсии проводилось археологическое изучение областей, входивших в состав Трапезунтской империи. Особый интерес эти изыскания представляли потому, что Трапезунтская империя имела тесные отношения с Кавказом. Кроме того, большой интерес представляли изыскания в мало исследованной этнографии Анатолии. В экскурсии на Афон кроме самого Ф. И. Успенского приняли участие О. В. Вульф, и Б. А. Панченко. Участники экскурсии изучали рукописные фонды Афона и сделали весьма важные находки. В частности, был списан обширный материал для истории Трапезунта, найденный в библиотеке монастыря Дионисия. Из этой же библиотеки списан также важный материал, касающийся дела Иоанна Итала. Эти материалы были тщательно изучены Ф. И. Успенским, в результате чего появилось его исследование „Делопроизводство по обвинению Иоанна Итала в ереси“,² составившее один из подготовительных этюдов к большому труду по истории византийской культуры. Изучены были три церкви в Ватопеде и других монастырях, представляющие три главных типа афонской церковной архитектуры различных времен. Участники экскурсии в Афины знакомились с результатами раскопок в Дельфах.

В 1896 г. Институт организовал две археологические экспедиции в Малую Азию. Первая была проведена в область древней Вифинии, посещены были Никомидия, Никея, Брусса. Вторая экспедиция была направлена в местности к северо-западу от Измида до берегов Черного моря и Икония, древней столицы турок-сельджуков. В городе Исник (древняя Никея) был найден ценный эпиграфический материал византийской эпохи. В этом же году были также проведены археологические экскурсии по Болгарии и в

¹ Изв. Русского археологического института в Константинополе, I (1896), стр. 138—172.

² Изв. Русского археологического института в Константинополе, II (1897), стр. 1—66.

Палестине. Результаты изучения древностей Никомидии были изложены в большой статье П. Д. Погодина и О. Ф. Вульфа „Никомидия. Историко-археологический очерк“.¹

Археологические экскурсии проводились Институтом из года в год, давая важные для науки результаты. В 1897 г. были проведены экскурсии по Малой Азии и на острова Хиос и Патмос, в 1898 г. в Никею и Македонию. В Македонии была обнаружена греческая надпись о границах Византии и Болгарии при болгарском царе Симеоне и замечательная с точки зрения славянской филологии и палеографии. Эти значительные материалы были изучены Ф. И. Успенским и изложены им в исследованиях „Две исторические надписи: I. Надпись на башне Артавазда. II. Пограничный столб между Византией и Болгарией при Симеоне“² и „Надпись царя Самуила“.³ Результатам раскопок в Македонии была посвящена значительная по своим выводам и использованному материалу статья П. Н. Милюкова „Христианские древности западной Македонии“,⁴ выполненная под руководством и по поручению Ф. И. Успенского, возглавлявшего экспедицию. Главной целью этой экспедиции Ф. И. поставил обследование древностей больших озер западной Македонии, Преспы и Охриды. После осмотра древностей нижней Преспы предпринята была поездка в долину реки Корчи. Оказалось, что северо-восточный угол Преспы представляет своеобразный интерес для церковной археологии. В то время как в других местах Преспы и Охриды постоянно попадались исключительно греческие надписи, здесь обнаружился целый оазис церквей со славянскими надписями, центром которых нужно считать Слимницкий монастырь. Наиболее обильный материал экспедиция собрала по архитектурным памятникам обследованного края. Не считая церквей Салоник, в ряду этих памятников первыми стоят исторически связанные между собой соборные церкви эпохи царя Самуила на острове Аил (Преспа) и в городе Охриде, из которых первая должна быть отнесена к концу X, а вторая — к началу XI в.⁵ До тех пор неизвестные славянские и греческие надписи XIV—XV вв. сообщают ряд новых интересных данных для истории мелких династий, между которыми делилась Македония перед завоеванием

¹ Изв. Русского археологического института в Константинополе, II (1897), стр. 77—184.

² Изв. Русского археологического института, III (1898), стр. 180—194.

³ Там же, IV (1899), вып. I, стр. 1—4.

⁴ Там же, стр. 21—151.

⁵ Там же, стр. 139.

ее турками. В этом же томе „Известий“ была помещена интересная статья М. И. Ростовцева, посвященная македонским надписям.¹

Мы не будем перечислять здесь все проведенные Институтом археологические экспедиции. В 1899 г. экспедиции проводились в Малой Азии и северо-восточной Болгарии, в 1902—1903 гг. на о. Крите, в 1904 г. — в Самсуне. В 1904 г., с 24 марта по 13 апреля, в Афинах состоялся международный археологический съезд. Представителями Института на съезде были Ф. И. Успенский и Р. Х. Лепер. Ф. И. был избран председателем секции византийской археологии и на одном из пленарных заседаний съезда сделал на греческом языке сообщение „Серальская библиотека и хранящаяся в ней иллюстрированная рукопись Октатевха (Восьмикнижия)“. Позднее этому памятнику было посвящено специальное исследование Ф. И. Успенского „Константинопольский Серальный кодекс Восьмикнижия“.² Этот памятник — прекрасный экземпляр Восьмикнижия, снабженный большим количеством (свыше 300) миниатюр. Ценность этой рукописи видна из того, что во всех европейских книгохранилищах есть только четыре таких экземпляра, да и то не полных. Интерес к этому увеличивается еще и тем, что он происходит из византийской императорской библиотеки и введение к нему принадлежит Исааку, сыну императора Алексея Комнина.

Интересно отметить поездку, совершенную Ф. И. в 1902 г. в Северную Италию, которая имела целью ознакомление с христианскими памятниками Равенны. Ф. И. выяснил значение загадочных мозаик в церкви евангелиста Иоанна.³ На основании исследования этих мозаик, сделанного Ф. И., оказалось, что они представляют собой единственный в своем роде памятник — иллюстрацию событий IV крестового похода. Ф. И. изучил также любопытный памятник в национальном музее Равенны,⁴ представляющий собой редкую артефакцию византийского происхождения с рельефными изображениями и надписями.

Следующие годы в работе Института характеризуются тем, что центральное место в его исследованиях занимает изучение

¹ Изв. Русского археологического института в Константинополе, II (1897), стр. 166—188.

² Изв. Русского археологического института в Константинополе, XII (1907), стр. 1—255, с альбомом из 47 таблиц, с 6 таблицами в тексте.

³ См. Ф. И. Успенский. Фрагменты мозаичной росписи в церкви евангелиста Иоанна в Равенне, Изв. Русского археологического института в Константинополе, VII (1902), стр. 63—78.

⁴ Ф. И. Успенский. Артефакция пантеона, там же, вып. 3, стр. 249—263.

болгарских древностей. Эти исследования, во главе которых стоял непосредственно Ф. И. Успенский, являются одним из значительнейших достижений Института, позволившим совершенно по-новому представить историю Первого болгарского царства. Как вспоминает болгарский ученый Карл Шкорпил, Ф. И. еще в 1899 г. прибыл в Варну вместе с проф. М. Попруженко. Вместе с проф. В. Н. Златарским и Шкорпилом Ф. И. предпринял научную экспедицию в наиболее важные исторические центры северной Болгарии: Провадию, Абобу, Мадару, Преслав, Трново и Червень. Он особенно заинтересовался мнением Шкорпила, который считал, что, на основании изучения надписи Омортага, сохранившейся в церкви 40 мучеников в Трново, место первой болгарской столицы нужно искать в развалинах Абоба, а не в Преславе. Ф. И. Успенский считал эту точку зрения вероятной и решил предпринять поиски в этих развалинах.¹ Поиски продолжались осенью 1899 г. и в 1900 г. В результате они привели к выводу, что первая болгарская столица находилась возле деревни Абоба. По одной из надписей, найденных при раскопках, эта столица называлась Плиска и сохраняла свою роль даже тогда, когда была основана вторая болгарская столица — Преслав. Раскопки под руководством Ф. И. продолжались еще и в 1905 г. Десятый том „Известий“ Института, изданный в 1905 г., целиком посвящен этим раскопкам и носит название „Материалы для болгарских древностей Абоба-Плиска“ и имеет специальное приложение — альбом в 117 таблиц. В этом томе — статьи Ф. И. Успенского, К. В. Шкорпила, Р. Х. Лепера, Д. В. Айналова, Б. А. Панченко, Б. Еллиха. Основная руководящая глава в этом томе — „Историко-археологическое значение Абобы и ее окрестностей. Раскопки. Наименование древнего населения“ — принадлежит перу Ф. И. Успенского.

В своем исследовании Ф. И. отмечал, что наиболее важным фактом следует считать обнаружение крупных археологических находок, касающихся староболгарской истории на территории между Варной, Шумлой и Новым Базаром, причем они находятся в местах первоначальной находки или же они вывезены из этой местности. Ф. И. обратил внимание на тот факт, что местность вокруг деревни Мадара представляет значительный археологический интерес и по результатам раскопок подошел к выводу, что поблизости было большое поселение, может быть, и политический центр древнего Болгарского царства. Ф. И. отметил, что большин-

ство национальных языческих болгарских надписей открыто здесь же при раскопках 1899 г. Известные староболгарские надписи на греческом языке, колонны с именем Омортага, Крума, Маломира и других князей, колонны с названиями городов, — все это открыто в той же местности — Шумла, Новый Базар, Провадия, Эски-Джумаз; турецкие деревни Суютлы, Абоба, Могила, Сулейман-кей, Войвада-кей и др. и Мадара — места этих находок. Во всяком случае, эти данные не могли не привести к убеждению, что здесь следует искать следов древней болгарской столицы, которая в конце X или в начале XI в. уступила место вновь построенной Великой Преславе. Эти соображения привели Ф. И. к мысли, что нынешняя деревня Абоба, с земляными сооружениями близ нее (валом и рвом) и остатками каменных стен, может дать нужные сведения по этим вопросам, т. е. что близ Абобы было древнее болгарское становище.

Нынешняя Абоба находится в южной части земляных укреплений, составляющих фигуру не совсем правильного четырехугольника. Линия вала с севера на юг имеет 7 км, в северной ее части расстояние от востока к западу составило 4 км, а в южной — не больше 3 км. По всей длине вала идет глубокий ров. Внутри внешних укреплений находятся остатки городища или большого поселения. Центр всей площади — отдельное укрепление, стены которого были сложены из тесаного камня (сохранились лишь основания кладки стен). При дальнейших раскопках вокруг этого здания обнаружилось, что именно оно составляет центральное место, кремль, окруженное со всех сторон каменной стеной с башнями и четырьмя воротами. В расстоянии получаса ходьбы от раскопок были обнаружены остатки церкви, может быть, первой христианской церкви в Болгарии. Подвигаясь к северу от этой церкви, при раскопках обнаружили несколько отдельных помещений и построек. Некоторые из этих построек, которые можно считать помещениями для дружины и княжеских слуг, были сделаны из дерева. Таким образом, как отметил Ф. И. Успенский в результате раскопок 1899—1900 гг. более или менее ясно обозначились: 1) ханско-княжеский болгарский дворец и поблизости от него церковь, а также несколько построек для княжеской свиты, дружины и слуг; 2) большая церковь вне каменного укрепления, но внутри земляного вала, в получасовом расстоянии от дворца, и ряд развалин построек; 3) каменные стены вокруг дворца с башнями и воротами. Найдено было много надписей, в большинстве случаев фрагменты колонн, рисунки на камнях, предметы искусства и украшения — перстни, браслеты, части

¹ Charles Skorpil. Recherches de Théodore Uspensky en Bulgarie. L'art byzantin chez les Slaves. Deuxième recueil dédié à la mémoire de Théodore Uspensky. Première partie, Paris, 1932, p. VII.

бронзовых сосудов, золотые и серебряные монеты и свинцовые печати. Последние особенно помогают установить хронологию исследованных развалин. Общий вывод, к которому пришел Ф. И., заключается в том, что все указанные материалы имеют исключительную ценность, так как изучение их позволяет поставить на твердую почву вопрос о болгарских древностях и о древнеславянской культуре.

В этом же X томе „Известий“ Института Ф. И. подверг анализу найденные при раскопках староболгарские надписи, в том числе на колоннах, с именами городов, надписи в честь государственных деятелей и героев, надписи, представляющие собой фрагменты договоров, надписи исторического содержания и т. д. Ф. И. считал не подлежащим сомнению, что большинство надписей с именами городов происходит из древнего болгарского становища близ Абобы. Колонны с наименованиями городов раскрывают перед нами значение занятых Симеоном византийских крепостей, о чем так много говорится в переписке императора Романа Лекапина и патриарха Николая Мистика с болгарским царем Симеоном. Анализируя переписку Романа Лекапина и патриарха Николая Мистика с Симеоном, Ф. И. приходит к выводу, что памятники, найденные в Абобе т. е. колонна с именами городов, отнятых Симеоном у греков, относятся по времени своего происхождения к эпохе наибольшего влияния болгар во Фракии. Так как это влияние было кратковременным (921—924), то можно бы определить и ближе время происхождения колонн, назвав 923—924 гг. Между староболгарскими надписями на греческом языке, найденными первоначально в области Абобы и ее окрестностей, первостепенное значение имеют надписи на колоннах в честь государственных деятелей и героев. Все эти надписи, говорящие об Омортаге или Маломире, должно рассматривать как официальные акты, исходящие от государственной власти. Первостепенная важность этих памятников заключается в том, что в них мы имеем единственные следы староболгарского права и древних учреждений, которым был нанесен смертельный удар принятием христианства и последовавшим затем политическим переворотом.¹ Первыми словами в каждой надписи обозначается хан, при котором ставится колонна и от лица которого производится оценка заслуг героя. В этих памятниках, как показал Ф. И., мы впервые знакомимся с национальным титулом болгарского властителя ΚΑΝΑΣ ΥΒΗΓΗ. Все

¹ Изв. Русского археологического института в Константинополе, X (1905), стр. 173—242.

это заставляет предполагать, что уже по переселении за Дунай болгары имели хорошо организованную власть и прочные учреждения. Вслед за титулом князя в рассматриваемых надписях находится имя лица, в честь которого поставлена колонна. Это — важный материал для болгарского именослова и для характеристики служилого сословия в дохристианское время, рисующей дружинные отношения служилых людей к болгарскому князю. Фрагменты надписей, относящихся к разряду договорных, позволяют затронуть вопрос о правовых международных отношениях между Болгарией и Византией, для которых надписи представляют ценный материал. Ф. И. сделал вывод, что если в X в. возводились новые сооружения в древнем ауле, то, значит, эта древняя столица не была покинута и по принятии христианства. А так как отнести к преемникам Симеона постройку больших сооружений в Преславе нет никаких оснований, то возникает предположение о том, что Преслава и аул близ Абобы существовали одновременно и что близ Абобы продолжала оставаться болгарская столица и после принятия болгарями христианства. Эти мысли Ф. И. подтверждаются анализом большого эпиграфического материала, собранного при раскопках.

Уже было закончено исследование материала, полученного раскопками в Абобе, когда находка надписи Омортага близ Преславы заставила Ф. И. еще раз подвергнуть проверке установленные выводы. X том „Известий“ уже заканчивался печатанием, однако Ф. И. успел включить туда в виде добавления свою статью „Вновь открытая надпись Омортага. Столицы (аулы, становища) древних болгар“.¹ Как установил в этой статье Ф. И., мысль об одновременности строительства новой столицы и тождественности культуры Абобы и Преславы подтверждается частью раскопками, произведенными осенью 1905 г. в Преславе, частью вновь найденною надписью Омортага. Летом 1905 г. возле станции Преслав-Крумово начаты были раскопки членом археологического общества в Шумле Г. Р. Поповым. При раскопках обнаружена была разбитая на две части, огромная колонна из известняка, длиною в 6,15 м. Верхняя часть колонны покрыта надписью в 25 строк. Надпись в русском переводе читается так: „Хан Ивиги Омортаг, в земле, где родился, по воле божьей архонт, держа свой лагерь в Плиске, основал аул в Тыче и двинул силу на греков и славян и искусно построил мост на Тыче, перенес и поставил в этом самом кастре [лагере] четыре колонны и на одной из колонн поставил два медных льва.“

¹ Изв. Русского археологического института в Константинополе, X (1905), стр. 544—554.

Бог да поможет волей божьей архонту согнуть царя под ногу свою до тех пор, пока течет Тыча, и да даст болгарам иметь много пленников; напоследок же, подчинив себе врагов, в радости и веселии да живет сто лет. Время же, когда было строение, по болгарскому счислению сигорелем, а по греческому индикта пятнадцатого¹. Таким образом, говорит Ф. И., надпись дает место стоянки Омортага — Плиску. Это подтверждает мысль, впервые высказанную Иречком в 1885 г., что в древностях долины Абоба нужно видеть остатки староболгарского Плискова. Найденная надпись позволяет нам названия Абоба и Плискова употреблять одно вместо другого. Анализируя сведения летописца Феофана и Анны Комниной, Ф. И. приходит к выводу, что надпись свидетельствует о перенесении столицы из лагеря в Плискове-Абобе в Тычу-Преслав. В строках, коими заканчивается надпись, устанавливается хронология фактов, рассказанных в надписи. Эта хронология определяет эпоху перенесения Омортагом столицы Болгарии из нынешней Абобы в нынешнюю Преславу. Хронология дает по византийскому счислению 15 индикт, который при Омортаге был только однажды, в 822 г. Таким образом, древняя столица Болгарии переносится в Преславу задолго до обращения Болгарии в христианство. Успехи в исследовании болгарских древностей внушили Ф. И. Успенскому мысль о необходимости расширения исследовательской работы в Болгарии. По его инициативе было основано Болгарское археологическое общество, превратившееся впоследствии в Археологический институт в Софии. В 1911 г. Ф. И. созвал совещание представителей России, Болгарии и Сербии для изучения вопроса об объединении исследовательской работы. Сербия была представлена профессорами Васичем и Стефановичем, Болгария — Касаровым и Шкорпиллом. На совещании было решено создать при Русском археологическом институте в Константинополе специальную секцию для изучения балканских стран; был выработан детальный план первых исследований, и даже были распределены работы среди участников. Таким образом, как исследовательская, так и большая организационная работа Ф. И. Успенского имеет большое значение для развития междубалканских исследований. Как указывал Мошин, Ф. И. „с предельной четкостью определил и формулировал весь ансамбль исторических проблем, относящихся к связям Византии и славян. Археологический институт в Константинополе, который по своему влиянию на развитие византиноведения ни в чем не уступал семинару Крумбахера, был первым центром систематических исследований о междубалканских отношениях. „Известия“ Института представляют неистощимую сокровищницу наблюдений и открытий в области средневековой археологии Балкан и внутренней истории балканских народов“¹.

Однако, как мы уже видели раньше, деятельность Института далеко не ограничивалась территорией Балканского полуострова. Значительная по своим результатам работа была проведена археологической экспедицией Института в Сирию в 1900 г. Во время этой поездки был найден знаменитый Пальмирский тариф. Экспедиция посетила много различных поселений, в том числе Пальмиру, где была исследована пещера-усыпальница, украшенная очень интересными фресками.

Большие заслуги имеет Институт по изучению истории византийского искусства. В этой области первое место занимает исследование фресок, сохранившихся в мечети Кахрие-Джами, которыми, по поручению и под руководством Ф. И. Успенского, много лет подряд занимался Ф. И. Шмит. Мечеть Кахрие-Джами в свое время представляла собою церковь при монастыре Хора. Это — единственная мечеть в Константинополе, где византийская мозаика осталась доступной для изучения, так как во всех других мечетях она была покрыта слоем штукатурки. Много редких сюжетов, изображенных в виде мозаики во внутреннем нартексе, высоко художественная работа этих мозаик сделали мечеть Кахрие-Джами первоклассным памятником византийского искусства и привлекли к ней пристальное внимание ученого мира. Глубокое изучение этих мозаик тем более трудно, что они принадлежат к эпохе Палеологов, искусство которой наименее изучено. Ф. И. Шмит, изучая мозаики Кахрие-Джами, пришел к выводу, что эти мозаики в их ансамбле являются выражением одной и той же идеи, представляют один и тот же стиль и технику и относятся ко времени Феодора Метохита, великого логофета императора Андроника II Палеолога (1282—1328), одного из выдающихся полигисторов последних веков Византийской империи. Начиная с Н. П. Кондакова, который впервые обратил внимание на высокое значение мозаик Кахрие-Джами, указав, что они относятся к периоду вторичного процветания византийского искусства в XI—XIII вв., мозаики Кахрие-Джами неоднократно привлекали к себе внимание историков византийского искусства и создали в научной литературе большую полемику по вопросу о характере так называемого „византийского возрождения“.

Революция в Турции значительно облегчила условия научной работы в Константинополе. Ф. И. Успенский с благодарностью вспоминает помощь, оказанную в работе Института бывшим вели-

¹ V. Mošin. Les études byzantines et les problèmes de l'histoire interbalkaniques. Revue internationale des études balkaniques, 1934, t. I, p. 315.

ким визирем Хильми-пашой, содействие которого позволило приступить к работам во внутренности разрушенной мечети Имрахор, во времена Византийской империи служившей базиликой знаменитого Студийского монастыря, оконченного постройкой в 463 г. Эти работы, порученные ученому секретарю Института Б. А. Панченко, явились началом глубокого археологического изучения топографии самого Константинополя. Там были найдены фрагменты саркофагов, пол, покрытый мозаикой, изображающей мифологические сюжеты и символические сцены (Орфей, Беллерофон и др.), и богатые образцы жанровой живописи, представляющие большой интерес.

В 1909 г. Ф. И. Успенский принимал участие во втором международном съезде классической археологии в Каире (10—15 апреля), где был избран председателем секции византийской археологии. 13 апреля он сделал на съезде сообщение о новооткрытых мозаиках в храме Димитрия в Солуни. Исследование об этих мозаиках было им помещено в „Известиях“ Института.¹ Базилика храма Димитрия представляет собой грандиозный памятник христианского искусства. Постройка этой базилики относится к V в.; после пожара в VII в. базилика была заново перестроена. Узнав, что турецкое правительство решило произвести ремонт в мечети, Ф. И. отправился на место производства работ и обнаружил, что в ходе ремонта были вскрыты очень ценные мозаики. Продолжая исследования, он обнаружил редчайшие мозаики VII—VIII вв. Были найдены также фрески, имеющие большую историческую ценность. Культ св. Димитрия достиг своего апогея в VI в. В базилике имеется около десяти изображений Димитрия в различных видах; на одном из этих изображений Димитрий одет в одежды римского сенатора. Мозаики изображают и самый культ Димитрия: целые семьи, пришедшие к нему для поклонения, молодые юноши и девушки, приносящие ему свои дары. Попутно с исследованием мозаик Ф. И., вернувшись к анализу деяний св. Димитрия, пересмотрел вопрос о славянских вторжениях в Византийскую империю. Рассматривая один отрывок, Ф. И. пришел к выводу, что мы имеем здесь дело не с обычным житийным материалом, а с чем-то новым, представляющим сообщение о реальных фактах, имевших место в начале VII в. Это сообщение подтверждает, что в начале VII в. в Фессалии живет уже оседлое славянское население, которое прочно осело в области и занялось сельским хозяйством.²

¹ Изв. Русского археологического института в Константинополе, XIV (1909), стр. 1—61.

² Там же, стр. 49.

Мы проследили основные моменты в деятельности Русского археологического института в Константинополе, который с первых дней и до конца работал под руководством Ф. И. Успенского с неослабеваемой энергией направлявшего все его научные предприятия. Деятельность Института послужила тому, что русское византиноведение завоевало себе почетное место в мировой исторической науке. Институт был не только первоклассным научным учреждением, но также и школой, где формировались новые научные силы. Русские университеты и институты прикомандировывали к Институту в Константинополе своих наиболее талантливых воспитанников в качестве стипендиатов. Все они находили помощь и поддержку со стороны Ф. И. Успенского, который осуществлял повседневное руководство работой молодых специалистов. Вокруг Института создавалась школа первоклассных исследователей-византинистов. Достаточно назвать имена Б. А. Панченко, Р. Х. Лепера, Ф. И. Шмита, П. А. Яковенко и других.

Говоря о работе Ф. И. Успенского в Русском археологическом институте в Константинополе, нельзя обойти молчанием его деятельность в области издания новых первоисточников, которая относится, главным образом, к этому периоду. Ф. И. был выдающимся искателем неизданных текстов и памятников и ввел в научный оборот большое количество новых первоисточников византийской истории. С 1879 г., когда он напечатал речи и письма Никиты Акомината, не было ни одного важного хранилища рукописей, где бы он не сделал ценного открытия. В библиотеке Халки он нашел и издал „Типик монастыря св. Маманта в Константинополе“,¹ представляющий собой чрезвычайно важный первоисточник для изучения института харистикария; в библиотеке Иерусалимского патриархата Taktikon — „Византийскую табель о рангах“,² список чинов и званий, дополняющий сообщения, имеющиеся в „Notitia“ Филофея и „De ceremoniis“ Константина Порфирородного; в монастыре Дионисия на Афоне — ценные акты процесса против Иоанна Итала — „Делопроизводство по обвинению Иоанна Итала в ереси“,³ в Охриде — рукопись хроники Скилицы и коллекцию соборных актов XI—XII вв. по поводу дарений церковных имуществ харистикариям — „О рукописях, находящихся в Охриде“, в Публичной библиотеке Ленин-

¹ Летопись Историко-филологического общества при Новороссийском университете, II, отд. ст., Одесса, 1892.

² Изв. Русского археологического института в Константинополе, III (1898) стр. 98—137.

³ Там же, IV, II (1897), стр. 1—66.

⁴ Там же, IV (1899), вып. 2, стр. 141—149.

града уже упоминавшиеся нами Вазелонские акты. Не менее плодотворны были его поиски в библиотеках и собраниях Парижа, Вены, Мюнхена, Мадрида, во время которых им были открыты „Синодик в неделю православия“, неизданные тексты Михаила Пселла и Иоанна Итала, письма Григория Акиндина, целый комплекс документов по религиозному и философскому движению в Византии XII и XIV вв. Мы назвали лишь небольшую часть публикаций, предпринятых Ф. И. Успенским, но и сказанного достаточно, чтобы получить представление о размахе его работ в этой области, стоящих на высоком уровне лучших мировых публикаций первоисточников, всегда снабженных комментарием, представляющим глубокое исследование, и часто — переводом издаваемых текстов на русский язык.

Пора подвести итоги. Обзор деятельности Ф. И. Успенского, связанной с годами его руководства работами Русского археологического института в Константинополе, рисуют его нам как выдающегося организатора и неутомимого пропагандиста византийских исследований. Он неизмеримо высоко поднял значение русского византиноведения, заставил иностранных ученых забыть „правило“ *rossica non leguntur*, понять, что без ознакомления с произведениями русских ученых нельзя обойтись ни одному исследователю, работающему в области византиноведения. Ф. И. Успенский получил высокую оценку от всех представителей мирового византиноведения. Эта общая оценка может быть выражена словами французского историка Милле, который призывал „почтить учителя, который пишет историю Византии, который изучил с такой проникновенностью и эрудицией то, что византийская цивилизация нам оставила наиболее привлекательного — доктрины и памятники искусства, — который организовал Русский археологический институт в Константинополе и руководил им в продолжение стольких лет с успехом, всем известным, — который распространил свои разыскания и вне рамок Византии и осветил, раскопками в Абобе-Плиске живым светом начало Первого болгарского царства“.

Деятельность Ф. И. Успенского в Русском археологическом институте в Константинополе навсегда останется одной из самых блестящих страниц не только в русской, но и в мировой исторической науке.

ГЛАВА V

Ф. И. УСПЕНСКИЙ И РУССКО-ВИЗАНТИЙСКАЯ КОМИССИЯ
АКАДЕМИИ НАУК СССР

Великая Октябрьская социалистическая революция способствовала небывалому расцвету науки и культуры в нашей стране. В дни, когда страна еще горела в огне гражданской войны, напрягая все силы для борьбы с внутренней контрреволюцией и иностранной интервенцией, молодая Советская власть принимала все меры для поддержания и развития работы научных учреждений.

Ф. И. Успенский с первых дней существования Советской власти принимает все меры к восстановлению и оживлению византологической деятельности, с непреклонной волей проводя, как он говорил, работу „воссобирания рассыпавшейся было храмины византологии“. Уже весной 1918 г. Ф. И. представил в Президиум Академии Наук докладную записку о необходимости восстановления византиноведческих занятий. Ф. И. писал, что византиноведению угрожает серьезная опасность утраты связи со всей своей прошлой историей развития, и настаивал на том, чтобы Академия Наук приняла экстренные меры к сохранению и утверждению в своей среде традиций византиноведения¹. Ф. И. писал, что для изучения основных черт византинизма особое значение имеет македонский период истории Византии, на который падают обширные энциклопедические предприятия, связанные с литературной деятельностью Константина Порфирородного. Его труды, писал Ф. И., имеют первостепенное значение для изучения важнейших вопросов древнейшей истории нашей Родины, а также и истории славян, особенно юго-западных, для которой труды Константина Порфирородного, по богатству собранных им и еще недостаточно изученных материалов, являются неоценимым источником². Поэтому Ф. И. предлагал создать при Академии Наук комиссию по изучению трудов Константина Порфирородного. Такая комиссия была образована под председательством Ф. И. На первых порах в нее вошли, академики В. В. Бартольд, В. В. Латышев, Н. Я. Марр, А. В. Никитский, М. И. Ростовцев и А. А. Шахматов. Позднее комиссия была значительно расширена и постоянно пополнялась, привлекая к работе лучшие силы советских ученых.

¹ Ф. И. Успенский. Хроника византиноведения, Византийский Временник XXIII (1917—1922), стр. 138.

² Там же, стр. 138—139.

Ф. И. Успенский разработал широкую программу деятельности вновь созданной комиссии. В задачи комиссии должны были, по составленному им плану, входить разработка исторического именослова упоминаемых у Константина Порфирородного политических византийских деятелей, словаря географических названий, имеющего большое значение для топонимических исследований. Для дальнейших исследований, основанных на материалах Константина Порфирородного, следовало заняться исчерпывающим критическим обзором всей русской и иностранной литературы о нем и его трудах. Наконец, учитывая то обстоятельство, что греческий словарь Дюканжа в значительной части устарел, Ф. И. поставил перед комиссией задачу пополнения этого словаря „подбором пропущенных и неизвестных в его время слов, извлеченных из писателей, найденных в последние столетия, и в особенности из надписей и папирусов“.

Комиссия в течение четырех лет работала по представленному Ф. И. плану. Для предварительных работ по переизданию словаря Дюканжа была создана под председательством Ф. И. специальная подкомиссия, в которую вошли С. Ф. Ольденбург, В. М. Истрин, Д. В. Айналов, В. Н. Бенешевич, В. Е. Вальденберг, А. А. Васильев, С. А. Жебелев и И. И. Соколов. Под руководством Ф. И. эта подкомиссия выполнила большую работу, собрав и обработав материал для большого количества слов. В этой работе Ф. И. принимал непосредственное участие, собрав и обработав словарный материал „Книги епарха“ Космы Магистра; И. Ю. Маркон собрал греческие глоссы в еврейской письменности; заимствования из коптского языка в греческом языке обработал П. В. Ернштедт. Опыт работы над собранием словарного материала был суммирован комиссией в составе В. Н. Бенешевича, С. А. Жебелева и А. И. Малеина. На основе этого опыта между членами комиссии и привлекаемыми учеными были распределены византийские тексты, из которых должны были быть сделаны выборки имен и терминов. К работе были привлечены, кроме уже названных лиц, А. П. Дьяконов, Н. И. Новосадский, Н. Н. Пальмов, А. А. Петров, Е. Ч. Скржинская, С. П. Шестаков и многие другие. Работа должна была охватить известное собрание актов Миклошича и Миллера, сочинения Прокопия Кесарийского, Никифора Вриенния, Иоанна Эфесского, Георгия Акрополита, Георгия Пахимера, Евстафия Солунского, Никиты Акомината, греческие термины в средневековых еврейских текстах, греческие документы в Южной Италии и другие материалы.

В дальнейшем, в работе комиссии были, по предложению

Ф. И. Успенского, произведены изменения. Когда стало известно, что Международный союз Академий взялся за переработку латинского словаря Дюканжа, Ф. И. 14 февраля 1923 г. выступил в заседании Отделения истории и философии АН СССР с заявлением, в котором указывал, что „без участия русских сотрудников работа по переизданию словаря Дюканжа не может быть произведена в той полноте и соответствии с современным научным движением в византистике, какая бы согласовалась с достоинством Союза Академий“.¹ Было установлено, что задача переиздания словаря Дюканжа может быть под силу лишь общим усилиям русских и иностранных ученых. Для сотрудничества с Союзом Академий комиссия Константина Порфирородного и словарная комиссия были слиты в одну под названием Русско-византийской историко-словарной комиссии.

Неутомимо трудясь над расширением византиноведческих исследований, Ф. И. поставил перед объединенной комиссией задачу изучения экономических и торговых связей Византии с Русью, издания договоров Византии и Руси и т. д.

Ф. И. не только руководил деятельностью Русско-византийской комиссии, но и принимал в ее работе повседневное активное участие. Можно сказать, без боязни впасть в преувеличение, что среди достижений комиссии наиболее выдающимся было то, что сделал сам Ф. И. Успенский. Он никогда не останавливался на достигнутом, постоянно стремился внести в византинологию новое, сделать отдельные поправки, которые должны были уточнить отдельные положения и выводы его прежних исследований. Результаты своей большой исследовательской деятельности Ф. И. излагал в целом ряде докладов, которые он читал на заседаниях Русско-византийской комиссии. Многие из этих докладов остались неопубликованными. Среди них имеются работы, представляющие большой интерес для византистов. Назовем хотя бы такие работы, как „Крестынский царь Андроник Комнин“, перевод Liutprandi Legatio Constantinopolitana, доклад о книге епарха о литературной деятельности Константина Порфирородного, о договорах Руси с греками и путешествии княгини Ольги в Царьград.

Последние годы своей жизни Ф. И. очень интересовался взаимоотношениями Византии и монголов, монголов и Руси, в результате чего появились доклады на эту тему, сделанные им на заседаниях Русско-византийской комиссии. Назовем среди них статью „Визан-

¹ В. Бенешевич, Русско-византийская комиссия. Glossarium graecitatis, Византийский Временник, XXIV (1923—1926), стр. 116.

тийские историки о монголах и египетских мамлюках" („Византийский Временник, XXIV (1923—1926), стр. 1—16), в которой Ф. И. дал анализ сведениям по этому вопросу византийских историков Георгия Пахимера и Никифора Григоры. Неопубликованными остались работы Ф. И. „Значение выступления монголов в общеевропейской истории" (доклад в Русско-византийской комиссии 25 ноября 1926 г.), „Появление монголов в России" (доклад там же 24 февраля 1927 г.), „Ближайшие годы по смерти Чингиз-хана" (доклад там же, 16 декабря 1927 г.), „Морское и сухопутное движение из Центральной Азии в Европу в средние века"¹ (доклад в подкомиссии по изучению экономических и торговых связей древней Руси с Византией и Востоком, 16 мая 1927 г.), „Движение народов из Центральной Азии в XI—XII вв. 1. Турки. 2. Монголы"² (доклад там же, сделанный Ф. И. 9 февраля 1928 г., т. е. за семь месяцев до его смерти).

В своей работе Русско-византийская комиссия в первые годы после Октябрьской революции наталкивалась на ряд трудностей. Это заставило Ф. И. Успенского 22 октября 1924 г. обратиться снова в Академию с заявлением. В этом заявлении он отмечал крайне тяжелое положение комиссии, особенно в отношении издания ее трудов. „Русско-византийская комиссия, — писал в этом заявлении Ф. И., — отчасти уже объединяет, а по идее должна привлечь к своей работе всех работников в области византиноведения... энергию же и комиссии, как целого, и членов ее подтачивает больше всего то, что труд ее пропадает даром: что не напечатано, то и не сделано".³ Ф. И. писал далее, что так дело продолжаться не может. Он отмечал, что „прекращением существования Русско-византийской комиссии будет нанесен тяжкий удар той науке, создание которой в России и содействие укреплению ее в Европе составляют одну из важнейших и почетнейших заслуг Академии. И этого я никак не могу допустить потому, что имел счастье всю свою жизнь, в том числе несколько десятков лет пребывания членом Академии, посвятить на разработку истории Византии... В то время, когда в Европе выходят три новых специальных журнала (*Byzantion* в Брюсселе, *Bizanzio* в Риме, *Byzantinisch-Neugriechische Jahrbücher* в Берлине), не считая случайных работ по византиноведению в других повременных изданиях,

¹ Будет напечатана во II (XXVII) томе „Византийского Временника".

² Печатается в настоящем томе, стр. 9—28.

³ В. Бенешевич. Русско-византийская комиссия. *Glossarium graecitatis*, Византийский Временник, XXIV (1923—1926), стр. 119—120.

у нас необходимо возобновить „Византийский Временник", хотя бы в виде десяти листов в год...."¹

Настойчивые ходатайства Ф. И. привели в конце концов к восстановлению „Византийского Временника", во главе которого он был поставлен в качестве ответственного редактора.

До последних дней своей жизни Ф. И. Успенский неутомимо трудился на посту председателя Русско-византийской комиссии. Под его руководством комиссия проделала очень ценную и обширную работу, собрав большое количество материалов для словаря, исследований, переводов источников. Последовавшая 10 сентября 1928 г. смерть Ф. И. Успенского нанесла тяжелый удар византиноведению, во главе которого он стоял до последнего дня.

В настоящее время, особенно за последние годы, мы наблюдаем большие успехи в развитии советского византиноведения, в котором живы лучшие традиции русского византиноведения, обогатившего ценными трудами мировую историческую науку. Советское византиноведение, перед которым стоят большие и ответственные задачи, еще долго будет пользоваться результатами исследований Ф. И. Успенского, без изучения работ которого не сможет обойтись ни один ученый, посвятивший себя исследованиям в области Византии.

ГЛАВА VI

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ НАУЧНОГО ТВОРЧЕСТВА Ф. И. УСПЕНСКОГО

Выступление Ф. И. Успенского на арену научной деятельности совпадает с расцветом позитивного направления в мировой историографии, представляющем значительный шаг вперед по сравнению с предшествующей романтической историографией, господствовавшей в первой половине XIX в. Политическая победа буржуазии, успехи естествознания и техники, возрождение рационализма, — все это не могло не оказать влияния на историографию, позитивистская методология которой отражала историческое мировоззрение либеральной буржуазии. Несмотря на отдельные отклонения от общего правила, линия позитивистской историографии была в основном прогрессивной. Историки-позитивисты внесли в историческую науку

¹ В. Бенешевич. Русско-византийская комиссия. *Glossarium graecitatis*, Византийский Временник, XXIV (1923—1926), стр. 120.

исключительный вклад. Широкое распространение вспомогательных исторических дисциплин, повышение уровня и качества их практического применения ставили на невиданную до этого высоту технику научного исследования. Одной из отличительных черт позитивистского метода в историографии является сравнительно-исторический метод исследования. Этот метод расширял поле для исторических изысканий и открывал перед исторической наукой новые широкие возможности. На позитивистскую историографию не могло также не оказать влияния учение Маркса и Энгельса. Буржуазные историки не могли усвоить и применить материалистическую диалектику. Однако под непосредственным влиянием марксизма историки начинают обращать все большее внимание на „экономический фактор“, вследствие чего в историографии появляется большое количество монографий, посвященных социально-экономическим исследованиям. Несмотря на это, позитивистская историография, как и философская система позитивизма, оставалась на идеалистических позициях, будучи не в состоянии преодолеть в этом направлении основные пути развития буржуазной идеологии. И все же позитивистская историография была реалистической, стремясь к объективному изучению исторического процесса. Она верила в то, что историческая наука может быть поставлена на такие же прочные основания точных методов исследования, как и любая другая отрасль науки.

На протяжении всей своей научной деятельности Ф. И. Успенский твердо стоял на позициях позитивистской историографии. Свою „Историю Византийской империи“ он рассматривал как подведение итогов своей научной деятельности, поэтому во введении к этому труду мы находим важнейшие методологические указания, которыми руководствовался Ф. И. Успенский как в этом так и во многих других своих исследованиях. Эти указания имеют большое значение для определения основных методологических установок Ф. И. Успенского.

В самом начале своего введения Ф. И. подчеркивает, что историческую науку уже давно перестали удовлетворять „картинные описания“, что давно уже отвыкли „относиться к истории, как к сборнику более или менее занимательных фактов из военной и дипломатической жизни народов...; мы ждем от истории разъяснения законов развития человеческого общества, ответа на вопрос о том, как зарождаются в человечестве новые понятия, идеи и учреждения, отчего крепнут или слабеют народы“.¹

¹ Ф. И. Успенский. История Византийской империи, т. I, СПб., 1913 стр. 2.

Каким путем рассчитывает Ф. И. Успенский прийти к „разъяснению законов развития человеческого общества“? Говоря о том, что в исторической науке появилась потребность выяснить отношение истории Византии ко всемирной истории и показать, какое место принадлежит Византии в истории человечества, Ф. И. отмечает, что для этого „необходимо прибегнуть к сравнениям и сопоставлениям, а для этого важно указать тот круг исторических явлений, где между сравниваемыми фактами были бы наибольшая связь и взаимоотношение“.¹ Мы видим, таким образом, что Ф. И. делает здесь совершенно определенные указания на значение сравнительно-исторического метода. Впрочем, несколькими страницами позже он говорит об этом еще более определенно, поэтому мы позволим себе еще одну выписку: „Сравнительно-исторический метод, берущий аналогии в разных местах и из различных эпох, принес уже много важных научных результатов и стал применяться во всех ученых литературах. Для дальнейших целей наших он имеет особую важность...“²

В главе о работах Ф. И. Успенского по социально-экономической истории Византии мы уже говорили о том, что ему принадлежит глубокое обоснование необходимости параллельного сравнительного изучения процессов социально-экономической истории Византии и средневекового Запада. Здесь, во введении, Ф. И. показывает, почему для сравнения он берет, главным образом, факты из истории Западной Европы: „Само собой разумеется, — говорит он, — легче поддаются анализу факты западноевропейской истории, как факты вполне установленные и объясненные как по их значению и вытекающим из них последствиям, так и по преемственной связи и зависимости одного от другого“.³ Как отмечал Ф. И. Успенский, западная историческая наука в своих построениях пользуется, главным образом, изучением Западной Римской империи, а затем истории германцев, французов, англичан. Однако, указывает Ф. И., этих наблюдений недостаточно для заключений об общих законах европейского развития. Ф. И. резко восстает против деления народов на „исторические“ и „неисторические“. Говоря об историках, которые ограничиваются изучением истории западноевропейских народов, Ф. И. продолжает: „Кто считает их (наблюдения по западноевропейской истории — Б. Г.) достаточными, тот смотрит на народы негерманской и нероманской расы как на ненужный служебный

¹ Ф. И. Успенский. История Византийской империи, т. I, СПб., 1913, стр. 3.

² Там же стр. 8.

³ Там же стр. 3.

придаю, с которым не стоит много церемониться".¹ Поэтому, говорит далее Ф. И., „было бы ошибочно строить теории исторического развития народов, исходя исключительно из фактов западной истории и пренебрегая восточноевропейской, т. е. целой половиной подлежащего изучению материала".² Показав, таким образом, значение сравнительно-исторического метода, Ф. И. лишь подчеркнул здесь, в своем синтетическом труде, насколько последовательно и прямолинейно он его проводил во всей своей многолетней работе исследователя.

Говоря о работах Ф. И. Успенского по социально-экономической истории, мы неоднократно отмечали, как, изучая процессы экономического развития Византии, он постоянно проводил параллели, сравнивая то или иное явление хозяйственной жизни Византии с соответствующими явлениями из истории средних веков Западной Европы. В своей „Истории Византийской империи" он делает выводы о различиях в процессе экономического развития Запада и Востока. Основным различием он считал, что, в то время как на Западе „действовали без надлежащей энергии и не приложили сердца к интересам изнемогавшей сельской общины", на Востоке, благодаря принятым мерам, начало которых восходит к законодательству Македонской династии, „крестьянская община была предохранена от разрушения".³

Нужно отметить, что с характеристикой законодательства Македонской династии в защиту мелкого крестьянского землевладения в том виде, как она дана у Ф. И. Успенского, нельзя согласиться. Законодательство это вызвано было отнюдь не заботой византийского правительства о крестьянстве, а желанием опереться на общину в борьбе против феодалов, которые уже ко времени Македонской династии достигли большой силы и неоднократно выступали против центрального византийского правительства. Недооценка роли феодалов наиболее ярко видна из другого места этого же введения, когда Ф. И. говорит, что „византийские цари несомненно предупредили тем развитие того порядка вещей, который последовал на Западе: в Византии не могло развиваться сеньёрных и вассальных отношений, не могло образоваться феодальной системы".⁴ Сравнивая исторические процессы на Западе и на Востоке, Ф. И. Успенский указывает, что на Западе факты общественного развития дают „крупное землевладение и сословные притязания поместной

¹ Ф. И. Успенский. История Византийской империи, т. I, СПб., 1913, стр. 10—11.

² Там же, стр. 13.

³ Там же, стр. 32.

⁴ Там же, стр. 32—33.

и служилой аристократии; для Востока же — господство свободного мелкого землевладения и подчинение государственному принципу интересов поместного и служилого сословия".¹ Само собою разумеется, что с этими положениями также нельзя согласиться. Не говоря уже о бесспорном развитии в Византии развернутых феодальных отношений, меньше всего можно говорить о каком бы то ни было подчинении государственному принципу поместного и служилого сословия. В Византии, пожалуй, еще сильнее, чем на Западе происходил процесс усиления мощи крупных земельных владельцев — феодалов, что в последние века византийской истории вызывало сильную децентрализацию, раздробление государственного суверенитета и ослабление центральной государственной власти, в чем нельзя не видеть одной из основных причин упадка и конечной гибели Византийской империи. Впрочем, мы должны отметить здесь, что, хотя свою „Историю Византийской империи" в момент выхода в свет первого тома (в 1913 г.) Ф. И. считал трудом, подводящим итоги его научной деятельности, он прожил после этого еще 15 лет, заполненных, как мы видели в предшествующем изложении, не прекращавшейся до последнего дня его жизни исследовательской работой, плодами которой явилось много трудов, в том числе и по социально-экономической истории Византии. Нельзя забывать также и то обстоятельство, что эти годы жизни Ф. И. Успенского проходили в тесном общении с представителями советской исторической науки, в сближении с марксистской методологией при изучении исторического процесса, к чему его властно призывал его строгий научный объективизм. Поэтому, посвятив много времени и труда опубликованию и изучению Византийских актов, Ф. И. Успенский должен был отказаться от отрицания византийского феодализма и прийти к правильной трактовке основных путей его развития и тенденций в его движении в поздневизантийское время, что отразилось в его работе „Социальная эволюция и феодализация Византии".²

Блестящий пример применения сравнительно-исторического метода мы встречаем в работах Ф. И. Успенского, посвященных истории общественно-политической идеологии в Византии, особенно в „Очерках по истории византийской образованности", в которых подводились итоги его исследованиям в этой области. Этим „Очеркам", предшествовала кропотливая и упорная работа по изучению памятников византийской общественной мысли и сравнению их

¹ Ф. И. Успенский. История Византийской империи, т. I, СПб., 1915, стр. 33.

² *Анналы*, II (1923), стр. 95—114.

с аналогичными западноевропейскими памятниками. Своими сравнительно историческими исследованиями Ф. И. опроверг взгляды, установившиеся у многих ученых, занимавшихся историей философии, будто на протяжении 10 веков существования Восточно-Римской империи византийская философия являла картину полного единства, была лишена борьбы направлений и философских систем и будто эта единая линия, якобы существовавшая в истории развития византийской философии, являлась насквозь спиритуалистической, а византийская философия — сплошным мистицизмом. Заслугою Ф. И. Успенского следует считать установленное им положение, что, подобно тому как Византия переживала в своей истории те же этапы (при всем их своеобразии), через которые проходило западноевропейское общество, так же переживала она и смену течений в истории своей общественно-политической мысли. Ф. И. показал, как безраздельная гегемония богословия в Византии, так же как и на Западе, систематически подтачивалась по мере того, как развивались ростки новых общественных отношений. Подобно тому, как и на Западе, в Византии социально-политические движения, облеченные в форму ересей, выступают под флагом религиозных споров, за которыми кроется острая борьба философских систем и направлений. Ф. И. показал, что „круг идей, в котором вращалось европейское мышление на Западе, тот же самый, какой мы находим в Византии, что нельзя сомневаться в общности философского направления на Западе и Востоке“.¹

Как мы уже отмечали, Ф. И. Успенский, много занимаясь исследованиями по социально-экономической истории Византии, приближался к материалистическому пониманию истории. Он неоднократно высказывался по поводу исторического направления, которое „переносит центр тяжести в истории на изучение экономических факторов народного хозяйства. Названное направление или школа оказала большую услугу в особенности тем, что выяснила первоначальные основания, на которых покоится средневековый общественный и политический склад“.² Тем не менее, Ф. И. Успенскому были присущи отдельные черты эклектизма с его теорией равноправных факторов, присущего либерально-позитивистской историографии. Черты идеалистических воззрений зачастую пробивались в его исследованиях, и от них он не отрешался, да и не мог отрешиться, до самого конца своего длинного исследовательского пути.

¹ Ф. И. Успенский Очерки по истории византийской образованности, СПб., 1892, стр. 183.

² Ф. И. Успенский. История Византийской империи, т. I, СПб., 1913, стр. 11.

Это наиболее отчетливо проявляется в его отношении к вопросу о роли личности в истории. Мы позволим себе еще одну выписку, которая ярко характеризует взгляды Ф. И. Успенского по этому вопросу: „... трудно помириться с мнением, что отдельная личность есть не более как равнодействующая из сложного комплекса общественных течений, которые неизбежно и всецело подчиняют себе отдельного человека. На самом деле история не имеет прямолинейности в своем движении, не представляет закономерного течения вперед, а, напротив, часто делает скачки и останавливается в своем движении. Нет личности, которая была бы вполне равна другой; есть личности, трудно объяснимые из окружающей их обстановки. Если устранить из истории влияние личности, то останутся неразгаданными самые крупные в ней события“.¹

Мы видели, что, несмотря на свой эклектизм, на идеалистические наслоения, пробивающиеся то здесь, то там в его научном творчестве, Ф. И. Успенский твердо оставался на почве строгого научного объективизма, который был его знаменем на протяжении всей его научной деятельности. Этому в значительной степени способствовали приемы научного исследования, которыми пользовался Ф. И. в своей работе. Тщательное всестороннее изучение источников, постоянное стремление расширить круг привлекаемых к исследованию документов — основная черта исследовательской работы Ф. И. Вспомним, что длинный список трудов Ф. И. по византийской истории начинается рядом работ источниковедческого характера. Византийская греческая палеография, дипломатика, эпиграфика, нумизматика и другие вспомогательные исторические дисциплины были областями, в которых Ф. И. чувствовал себя — и был — полным хозяином, вследствие чего техника исторического исследования стояла у него на такой высоте, которая встречается лишь у немногих, наиболее выдающихся представителей исторической мысли.

Подведем некоторые итоги. Стоя на почве позитивистской историографии, будучи непревзойденным мастером исследовательской техники, постоянно стремясь к строгому научному объективизму, Ф. И. Успенский выработал строго научный метод исследования, который ставит его работы на уровень лучших образцов мировой исторической литературы. В его научном творчестве имеются положения, с которыми мы сейчас не можем согласиться. Советская историческая наука непрерывно идет вперед, накапливая новый материал, и то, что казалось новым в годы, когда работал Ф. И. Успенский, сейчас уже в отдельных своих частях не

¹ Ф. И. Успенский. История Византийской империи, т. I, СПб., 1913, стр. 420.

отвечает новейшим выводам, достигнутым в практике исследовательской работы советских историков. Однако это ни в какой степени не уменьшает того значения, которое имел Ф. И. Успенский в развитии русского византиноведения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы проследили основные моменты в развитии научного творчества Ф. И. Успенского и старались показать его место в русской исторической науке. Мы уже отмечали, что если русская историческая наука внесла ценную долю в развитие мировой науки, то это особенно верно по отношению к византиноведению, которое было поднято в России на такую высоту, как едва ли какая-нибудь другая из исторических дисциплин. Это место русского византиноведения получило широкое признание в мировой научной среде. И если русское византиноведение так высоко стояло в глазах мировых ученых, то этим оно в значительной степени обязано трудам Ф. И. Успенского. Ф. И. не оставил вне своего поля зрения ни одного вопроса социально-экономической и общественно-политической истории Византии. Он внес неоценимый вклад в дело изучения византийской археологии и византийского искусства. Его трудам мы обязаны введением в научный оборот большого количества неизданных первоисточников, обогативших их фонды и необычайно расширивших поле для исследований. Ему принадлежит первый на русском языке большой синтетический труд, представляющий полное изложение истории Византийской империи.

Много неразрешенных до него вопросов Ф. И. блестяще решил, осветив многие темные вопросы византийской истории. В своих трудах он поставил ряд вопросов, над решением которых будет еще долго работать советское византиноведение. Наконец, Ф. И. оставил после себя богатейшее литературное наследство, к которому еще долго будут обращаться советские византинисты, как и ученые других стран, работающие над исследованиями по истории Византии. Все они найдут в работах Ф. И. Успенского образцы исследования, путеводную звезду, которая осветит их научный путь.

Вся жизнь Ф. И. Успенского представляет собою образец беззаветного служения его любимой науке византиноведения, которой он отдал без остатка все свои силы. Лучшие традиции русского византиноведения живы в советской исторической науке, которая широко использует наследство главы русского византиноведения Ф. И. Успенского. *Ἡ γοῦν μνήμη τοῦ γενναίου τούτου τῆς ἐπιστήμης σκαπανέως εἴη ἡμῖν ἐς αἰεὶ ἱερά.*

Н. С. ЛЕБЕДЕВ

НАУЧНОЕ РУКОПИСНОЕ НАСЛЕДСТВО АКАДЕМИКА Ф. И. УСПЕНСКОГО

В истории русского византиноведения академик Федор Иванович Успенский занимает выдающееся место. Будучи до некоторой степени учеником основоположника науки о Византии в России — академика В. Г. Васильевского (Ф. И. Успенский слушал лекции В. Г. Васильевского в Петербургском университете, когда был студентом последнего курса), он в то же время является непосредственным продолжателем основанного В. Г. Васильевским изучения византийских древностей.

Тематика научных исследований Ф. И. Успенского, точно так же, как и тематика работ В. Г. Васильевского, чрезвычайно обширна, и в этом отношении Ф. И. Успенский имеет много общего с В. Г. Васильевским.

Однако наблюдаются и линии расхождения. Это прежде всего методология исследования, иной подход к материалу, выводы, а также те задачи, которые ставили перед собою оба византиниста. Не касаясь в данный момент вопросов о методологии В. Г. Васильевского и Ф. И. Успенского, так как эта сторона научного творчества наших знаменитых византинистов должна составить тему специального исследования, и не имея возможности подробно осветить все задачи, которые ставили перед собою В. Г. Васильевский и Ф. И. Успенский, мы обратим внимание лишь на одну из сторон византиноведения в их научной деятельности, а именно, остановимся на вопросе создания истории Византийской империи в полном ее объеме.

В. Г. Васильевский и Ф. И. Успенский относились к этой задаче, столь насущной и первоочередной в истории нашей русской науки, различно.

В то время как В. Г. Васильевский, считая выполнение ее завершением своих работ по византиноведению, не торопился с нею и „воздерживался“, как пишет И. М. Гревс, „до конца жизни от прямой постановки такой задачи“, ¹ академик Ф. И. Успенский рассматривал создание истории Византийской империи как основную задачу своей жизни. Он задумал ее еще на первых порах своей научной деятельности, как сам пишет об этом в предисловии к тому I и к первой половине II тома „Истории Византийской империи“, в восьмидесятых годах XIX в., тогда, когда он еще только входил в круг византийских занятий. К этому времени Ф. И. Успенский, профессор Новороссийского университета, написал около 10 работ по Византии; это исследования о Никите Акоминате, его брате Михаиле Акоминате и работы по истории землевладения в Византии.

Осуществление своей идеи — написать историю Византии в виде цельной системы, то есть вполне научного характера, притом доступной для широкого читателя, — Ф. И. Успенскому пришлось увидеть только перед первой империалистической войной, а именно в 1913 г., когда вышел первый том этой „Истории“ (из предположенных трех). Как известно, издание это до конца доведено не было. Второй том „Истории Византии“ претерпел массу невзгод, которые так красочно и искренне рассказаны Ф. И. в предисловии к изданной им (на собственные средства) в 1927 г., т. е. за год до его смерти, первой половине II тома.

Гибель отпечатанной и почти готовой к выпуску в свет книги была для Ф. И. Успенского большим ударом и переживалась им крайне болезненно. И это вполне понятно, так как погиб труд всей его научной жизни, результат многолетних византийских исследований.

Таким образом, до сего времени мы не имеем исследования по истории Византии на русском языке, которое охватывало бы всю более чем тысячелетнюю историю этого государства с полным освещением всех его эпох.

Эта задача стоит сейчас перед нами. Мы обязаны выполнить желание академика Ф. И. Успенского и требования науки — подготовить к изданию и напечатать все три тома „Истории Византии“ Успенского, представляющей собою плод многолетней научной работы одного из самых выдающихся русских византистов и являющейся единственным, по полноте, трудом по истории Византии на русском языке.

¹ И. М. Гревс. Василий Григорьевич Васильевский как учитель науки, СПб., 1899, стр. 12.

Посмотрим, в каком же состоянии находятся в данное время рукописи Ф. И. Успенского, включающие написанную им „Историю Византийской империи“.

После издания в 1927 г. первой половины II тома, в распоряжении Ф. И. Успенского остались сверстанные корректурные листы второй половины того же тома, которые по различным обстоятельствам отпечатать не удалось и которые хранились у Ф. И. на квартире.

Обследование материалов, принадлежавших Ф. И. Успенскому и поступивших после его смерти в Архив Академии Наук СССР в Ленинграде, а также поиски недостающих материалов (в Издательстве Академии Наук СССР, в Эрмитаже, в Институте востоковедения Академии Наук СССР) показали что, к сожалению, упомянутые выше корректурные листы второй половины II тома не сохранились.

К счастью, в Архиве Академии Наук СССР сохранились рукописи этого тома, а в напечатанной первой половине II тома имеется, как известно, оглавление всего второго тома полностью.

На основании этих рукописей и оглавления II тома можно установить, что ненапечатанная часть II тома может быть восстановлена, за исключением пяти глав пятого раздела, рукописных подлинников которых ни в Архиве Академии Наук, ни в других хранилищах, обнаружить не удалось.

Эти отсутствующие главы следующие.

Глава 20 — „Иоанн Цимисхий. Внешние войны. Первый Афонский устав“.

Глава 21 — „Первые годы царствования Василия. Бунт Варды Склиры. Начало войны с Болгарией“.

Глава 22 — „Русь и Византия в конце X в.“

Глава 23 — „Греко-болгарская война. Подчинение Болгарии“.

Глава 24 — „Походы в Сирию и Армению. Западная граница империи. Последние представители династии“.

Утерянные главы, как можно видеть из приведенного списка, содержали чрезвычайно ценный материал из истории Византии и ее взаимоотношений с Болгарией, а также главу, касающуюся связей Руси и Византии в весьма важный и насыщенный событиями период истории нашего государства — X в.

Обращаясь к III тому „Истории Византийской империи“, прежде всего необходимо отметить, что содержание этого тома контролируется его оглавлением, составленным самим Ф. И. Успенским и сохранившимся в бумагах Ф. И. в Архиве Академии Наук. Пользуясь этим оглавлением и сравнивая с ним рукописи Успенского,

находящиеся в Архиве Академии Наук, в фондах Успенского (ф. № 116) и в фондах Русского археологического института в Константинополе (ф. № 127), можно установить, что рукописные материалы, составляющие III том, сохранились полностью.

Таким образом, подытоживая состояние в настоящее время как напечатанных, так и ненапечатанных материалов, относящихся к столь важному для всех византинистов труду академика Ф. И. Успенского — „Истории Византийской империи“, мы можем установить, что эта работа может быть издана в свет в следующем виде и порядке:

том I — путем перепечатки издания Брокгауза и Ефрона (П., 1913 г.);

том II: а) путем перепечатки первой половины этого тома, изданной в 1927 г. (Л., изд. автора, 1927); б) путем подготовки к печати и изданию рукописей второй половины, находящейся на хранении в Архиве Академии Наук СССР в Ленинграде (за исключением названных выше пяти глав, которые следует считать утраченными);

том III — точно так же путем подготовки к изданию рукописей, хранящихся в Архиве Академии Наук СССР.

Заключающийся в „Истории“ материал представляет исключительную ценность и будет использован с успехом не только специалистом, для которого он является особенно важным, но и широкими читательскими массами в нашем Союзе, для которых история Византийского государства — одна из важнейших эпох в жизни человечества, к тому же так тесно связанная с историей нашего отечества, — представляет глубокий интерес.

В Архиве Академии Наук СССР в Ленинграде находятся на хранении и другие рукописные материалы академика Ф. И. Успенского, представляющие большой научный интерес. Они довольно значительны и нуждаются в специальном обследовании и изучении.

Однако уже и сейчас, после самого предварительного ознакомления с этими рукописями, представляется возможным выделить среди них такие, которые включают работы Ф. И. Успенского на темы, являющиеся первоочередными. Эти работы следовало бы также подготовить к печати и принять меры к их изданию. Сюда прежде всего относятся работы Ф. И. Успенского на тему о значении для народов Европы, а также и для Византии, появления на сцене мировой истории монголов и турок.

Этой проблемой Ф. И. Успенский усиленно занимался последние годы своей жизни. На эту тему он делал много докладов и сообщений в Русско-византийской комиссии Академии Наук, в Кружке любителей греческого языка и литературы при Ленинградском университете, писал статьи для периодических изданий, из которых некоторые были напечатаны, как, например, „Византийские истории

о монголах и египетских мамлюках“ в XXIV томе „Византийского Временника“, или „Конкуренция народов на Ближнем Востоке“ в XXIX томе Сообщений Российского Палестинского общества, читал на эту тему курс в Ленинградском университете и т. д.

Из работ академика Ф. И. Успенского, разрабатывающих эту проблему, в Архиве Академии Наук хранятся:

1) „Значение выступления монголов в общеевропейской истории“.

2) „Ближайшие годы по смерти Чингиз-хана“.

3) „Движение народов из Центральной Азии в Европу в XI—XIII в. Турки. Монголы“.

4) „Морское и сухопутное движения из Центральной Азии в Европу и обратно в XII—XIV вв.“

5) „Монголы и мусульманство во второй половине XIII вв.“

6) „Джугиды. Образование Кипчака или Золотой Орды“.

Общий объем материала по этой теме — около четырех печатных листов.

Точно так же, как нам кажется, ценной и нуждающейся в напечатании является хранящаяся в том же Архиве Академии Наук рукопись сделанного Ф. И. Успенским перевода доклада Лиутпранда Кремонского о его посольстве в Константинополь в 968 г. (*Relatio de legatione Constantinopolitana*). Этот памятник, одинаково важный и необходимый как для византинистов, так и для медиевистов, на русский язык переведен полностью никогда не был. Объем его — около 2 печатных листов.

Наконец, с научной точки зрения ценна переписка Ф. И. Успенского, относящаяся, в основном, к дореволюционному времени.

Переписка эта представляет собою почти исключительно письма к Ф. И. Успенскому; их около 500. Среди них мы находим письма Будиловича, В. П. Бузескула, В. С. Иконникова, В. Э. Регеля, В. Г. Васильевского, Н. П. Кондакова, В. В. Латышева и многих других. Содержание этих писем весьма разнообразно и содержит большой и интересный материал для византиноведения и его истории.

Примечание редакции. Во время подготовки настоящего тома к выходу в свет в архиве АН СССР были обнаружены недостающие главы II тома „Истории Византийской империи“ Ф. И. Успенского.

А. Г. ГОТАЛОВ-ГОТЛИБ

Ф. И. УСПЕНСКИЙ КАК ПРОФЕССОР И НАУЧНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ

20 лет жизни Ф. И. Успенского связаны с его работой в Новороссийском, ныне Одесском государственном университете им. И. И. Мечникова. В 1874 г., молодым доцентом, начал он здесь чтение лекций по всеобщей истории, а в 1894 г., будучи уже главой русского византиноведения и пользуясь широкой известностью в мировой науке, он отправился в Константинополь, где протекало следующее двадцатилетие его плодотворной деятельности в качестве директора Русского археологического института.

Я был связан с Ф. И. в течение 42 лет как один из его ближайших учеников. В Новороссийском университете я пробыл 6 лет — с 1886 по 1892 г. По окончании курса историко-филологического факультета я готовился под руководством Ф. И. к ученой деятельности.

Чтобы судить о работе профессора, необходимо прежде всего учесть обстановку, в которой протекала эта работа. По уставу 1884 г., на историко-филологическом факультете было два отделения — историческое и славяно-русское, но по существу это были только уклоны, так как факультет в основном был классическим; значительнейшее число часов отводилось на чтение и объяснение античных писателей и на практические занятия по греческой и римской филологии. Только с 1888 г. было восстановлено старое деление факультета на три отделения, — классическое, историческое и славяно-русское, причем античная филология сохранила свою гегемонию.

Историко-филологический факультет был очень малолюднен; на всех трех отделениях значилось обыкновенно не более 50 студентов.

Ф. И. Успенский начал преподавать в Университете при уставе 1863 г.; к новому толстовско-деяновскому уставу он относился

отрицательно и, при всей своей сдержанности, не скрывал этого чувства от своих слушателей.

Чтение курсов всеобщей истории было разделено на факультете между двумя профессорами: Ф. И. Успенский читал историю Средних веков и историю древней Греции и Рима, а А. С. Трачевский — новую историю (с XVI в.) и историю древнего Востока и иногда — историю первобытной культуры.

В 1890 г. А. С. Трачевский вышел в отставку, а в следующем году из Харькова в Одессу перешел В. К. Надлер, который работал в качестве декана историко-филологического факультета и читал курс новой истории. В. К. Надлер скончался в 1894 г., а в 1895 г., уже после переезда Ф. И. Успенского в Константинополь, на кафедру всеобщей истории в Одессу был назначен Р. Ю. Виппер, пробывший здесь, впрочем, весьма недолго. Отмечаю попутно, что в 1894 г. покинул Новороссийский университет приват-доцент Ф. Е. Афанасьев, имевший степень доктора всеобщей истории, талантливый ученый и превосходный лектор, но лишенный возможности получить кафедру вследствие политической „неблагонадежности“.

Осенью 1886 г. я впервые стал слушать лекции Ф. И. Успенского. Кроме общих курсов истории Средневековья, Греции и Рима, он читал в разные годы много специальных курсов: историю крестовых походов, историю южных славян до турецкого завоевания, историографию Византии, историю византийско-русских отношений в IX и X вв., древний период русской и юго-славянской истории в связи с изучением византийской истории и др. Кроме того, он вел разнообразные практические занятия.

Среди студентов Ф. И. пользовался большим уважением как крупнейший ученый, страстно преданный науке, очень строгий к себе и весьма требовательный по отношению к своим ученикам. По содержанию своему, по научному достоинству материала, по стройной структуре и по систематичности изложения лекции Ф. И. стояли на большой высоте. Перечитывая теперь литографированные курсы лекций Ф. И. восьмидесятых годов, я вновь убеждаюсь, что это был не только большой ученый, но и превосходный педагог, который самые сложные и запутанные явления мог изложить ясно и доходчиво, обладал чувством меры, не увлекался деталями и искусно выделял существенное.

Во время своих поездок за границу Ф. И. не только изучал византийские и славянские документы в библиотеках и архивах, но и посещал лекции и семинары корифеев западной исторической науки. Создавая свою методику университетского преподавания и руководства научными занятиями учащейся молодежи, Ф. И. искал, где

только мог, примеров для сравнения, подвергал анализу приемы других преподавателей и т. п. Ф. И. тщательно готовился к лекциям, но читал без записок; только иногда он держал на кафедре листок с планом лекции.

Ф. И. правильно относят к группе русских историков-позитивистов умеренно-либерального направления. Он добросовестно, с чрезвычайным научным ригоризмом, искал исторической истины, но он отнюдь не был беспристрастным исследователем прошлых времен. Подобно своему учителю В. И. Ламанскому, он отвергал отчужденность науки от национальных и общественных интересов, но эти национальные интересы понимались им совершенно не так, как представителями российского официального национализма; он был прежде всего гуманист. Будучи глубоким знатоком славянского мира в его прошлом и настоящем, одушевляемый идеей „славянской взаимности“, выдвинутой Ламанским, горячо преданный интересам славянства, Ф. И. был в то же время совершенно свободен от крайностей славянофильства; как и у Ламанского, в мировоззрении Ф. И. господствовал примиряющий синтез славянофильства с западничеством.

Отмечу еще одну важную черту в мировоззрении и научном творчестве Ф. И. С конца семидесятых годов лучшие русские историки, как известно, проявляли огромный интерес к социально-экономическим вопросам, к земельным отношениям, к положению крестьянства, к судьбам крестьянской общины. Для русских историков это были актуальнейшие, жизненные вопросы. Это вытекало из отношения этих историков к русской действительности. Совершенно не случайно одновременно (в 1879 г.) с книгой Н. И. Кареева о французских крестьянах в последней четверти XVIII в. появилась замечательная работа В. Г. Васильевского „Материалы для внутренней истории византийского государства“. В том же направлении шли главнейшие работы И. В. Лучицкого, М. М. Ковалевского, П. Г. Виноградова и Ф. И. Успенского. С 1883 г. стали печататься исследования Ф. И. о землевладении и о крестьянской общине в Византии, о связи социальных реформ и социальных движений в Византии со славянской иммиграцией, о процессе феодализации византийского общества и др.

Указанные выше черты налагали яркий отпечаток на лекции и семинарские занятия Ф. И. На своих лекциях он нередко говорил с увлечением, горячо защищал то или иное положение, но никогда не переходил на платформу публицистики. Ф. И. как теоретик и исследователь не был свободен от слишком смелых выводов. Мы, его слушатели, следившие за развитием исторической

науки о Византии и славянстве, знали, конечно, веские замечания В. Г. Васильевского по поводу некоторых положений Ф. И. в его докторской диссертации об образовании Второго болгарского царства; в полемике Васильевского с Ф. И. на страницах „Журнала Министерства народного просвещения“ по поводу постройки крепости Саркел мы склонялись на сторону первого; трактовка Ф. И. термина „друнгос“ казалась нам слишком смелой. Но эти частности нисколько не умаляли в наших глазах ученой авторитетности нашего профессора. Слушатели Ф. И. по Одесскому университету пошли по различным направлениям: Б. Фармаковский стал выдающимся археологом, Мендес сделался солидным специалистом в области классической филологии, Айналов и Редин приобрели известность как искусствоведы, Рефабек специализировался в области истории императорского Рима, и т. д., но все они считали своим учителем Ф. И., о котором сохраняли благодарную память.

Обратимся к краткому анализу лекций Ф. И. Ежегодно он читал общий курс Средневековья. Содержание этих курсов менялось, но генеральная линия, начертанная им уже во вступительной лекции, которую он прочел осенью 1874 г., оставалась неизменной. В вводной главе курса, который я слушал во второй половине восьмидесятых годов прошлого века, Ф. И. справедливо критиковал русские учебники и руководства по средневековой истории, неизменно составлявшиеся по немецким и французским образцам, где греко-славянскому миру не отводилось должного места. Это свидетельствует о том, говорил Ф. И., что мы еще недалеко ушли в понимании прямых задач русской исторической науки и что чужие примеры продолжают оставаться для нас обязательными. Во Франции и Германии всеобщая история строится так, что центр тяжести сосредоточен на фактах национальной истории, а истории других народов отводится служебное место; особенно пренебрежительно западные историки относятся к истории восточно-европейских народов. А между тем с точки зрения русской исторической науки полезнее поступиться некоторыми фактами и явлениями истории Запада, чтобы уделить подобающее место византийской и славянской истории. Для нас, говорил Ф. И., известия Прокопия и Константина Багрянородного имеют такую же важность, как для немцев и французов известия Тацита и Григория Турского. Особенно резко критиковал Ф. И. немецкую историографию, сильнее всего образцом насыщенную национализмом. Если немцы изучают славянский мир, то делается это обыкновенно с националистической точки зрения, с привнесением тенденциозных утверждений, цель которых сводится к тому, чтобы оправдать порабощение славянских племен и лишить их

подобавшей им роли в истории. Неправильно утверждение, говорил Ф. И., что отражением арабского натиска Европа обязана франкам, а монгольского — немцам. Изучение истории восточно-европейских народов необходимо для нас по многим причинам, а прежде всего как важное пособие для понимания отечественной истории, древней период которой развивался на общеславянских началах, проходил под сильным воздействием славяно-византийского юга и характеризуется впоследствии обратным влиянием Руси на весь греко-славянский Восток. Кроме того, славяноведение было в России главным поприщем ученой деятельности, в которой проявились первые плоды самостоятельного мышления и самобытных теорий.

На своих лекциях по истории Средних веков Ф. И. разрушал предвзятое мнение, будто бы вся история Византии представляет собою сплошную картину тысячелетнего упадка и разрушения, скучного, косного, однообразного топтания на одном месте. Он умел показать, что история Византии наполнена ожесточенной борьбой вокруг социально-экономических, политических и идеологических вопросов, что за борьбой богословских партий стояли политические группировки, что культурное влияние Византии на Запад гораздо старше XV в. и что оно не ограничивалось передачей Западу одних только формальных знаний греческого языка и античной греческой литературы. Для нас, говорил Ф. И., Византия не археологическая или отвлеченная проблема, а реальный предмет, важный для познания нашей собственной истории; при этом он настойчиво указывал на то, что Новороссийский университет должен стать очагом изучения истории Византии и славянского мира.

Излагая на лекциях древнюю историю славян, Ф. И. производил обстоятельный и углубленный анализ источников. Скифский вопрос, говорил он, для нас так же важен, как кельтский вопрос для истории Франции и Англии. Из ученой литературы по славяноведению он особенно выделял „Славянские древности“ Шафарика, но критиковал его славянофильские увлечения. Ф. И. знакомил свою аудиторию с трудами Цейса, Дринова, Забелина, Воцеля, Иречка, Пыпина, Макушева, Будиловича, Гаркави, Томека, Палацко, Гильфердинга, Ламанского, с работами по истории славянского права — Леонтовича и Котляревского, по славянской филологии — Востокова, Срезневского и Бодянского.

Вопросу о заселении Балканского полуострова славянами Ф. И. в своих лекциях уделял подобающее место. После обстоятельной критики теории Фальмерайера следовал анализ трудов Папарригопуло, Сурмелиса, Гопфа, Миклошича, Дринова и др., а затем изложение воззрений на данный вопрос самого Ф. И. Останавливаясь

на законодательстве византийских царей-иконоборцев Льва III и Константина Копронима, Ф. И. трактовал это законодательство в связи со славянской иммиграцией, делая параллельные экскурсы в область юридических отношений в Болгарии, Сербии и Руси и выдвигая тезис о том, что славяне не только заимствовали византийскую культуру, но и оказывали обратное влияние, что нашло свое выражение, между прочим, в „Земледельческом законе“.

На протяжении всего курса своих лекций Ф. И. настойчиво проводил мысль о том, что историю Византии и славянских народов необходимо излагать не изолированно, а в тесной связи с историей Западной Европы, пользуясь сравнительным методом. Он решительно отвергал теорию о „самобытном“ развитии Византии, совершенно отличном от развития Запада. Он доказывал, что экономические и социальные процессы могли проявляться в Византии в несколько иной форме, могли протекать иными темпами, но по существу эти процессы и на Западе и в Византии были аналогичны.

Излагая вопрос о судьбе свободного крестьянского землевладения в Византии, Ф. И. опровергал господствовавшую теорию Цахариэ о том, что к началу XI в. свободная крестьянская община исчезла. В противовес Цахариэ Ф. И. выдвигал свою, хорошо документированную теорию о том, что крестьянская община, принесенная славянами, оздоровившая организм Византии, спасающая Византию от арабов, болгар, норманнов, крестоносцев и турок-сельджуков, существовала значительно позже XI в., что она впала в бессилие только в XIV—XV вв. вместе с развитием системы пронии, которую Ф. И. рассматривал как подготовительную стадию феодализма в Византии и сближал с западной бенефициальной системой.

Превосходно документированным был раздел о франкской монархии и Италии в период Каролингов и о монархии Карла Великого. Здесь Ф. И. отчетливо излагал германскую и романскую теории развития феодальных отношений и уделял необходимое внимание Инама-Штернеггу и Сибому. Историю Запада в X и XI вв. Ф. И. излагал параллельно с историей Византии и славянских народов (ведь Ф. И. был автором отличной книги о первых славянских монархиях на северо-западе, написанной еще в студенческие годы). Западно-европейской историей XI и начала XII вв., движением городов, историей Генриха III, Григория Гильдебранда, так называемой борьбой за инвеституру и т. д. заканчивался семестровый курс лекций по истории раннего Средневековья, очень богатый по содержанию и искусно построенный.

История XII—XV вв. читалась на другом семестре. Я останавливаться на этом курсе не буду, так как он обладал теми же

достоинствами и строился на тех же принципах. Ф. И. вводил своих слушателей в науку. Он не ограничивался изложением чужих мнений и теорий; он подвергал их обстоятельному анализу и выдвигал свою точку зрения.

Необходимо заметить, что Ф. И. нередко отступал от установившейся профессорской традиции, заключавшейся в чтении лекций перед безмолвной аудиторией. Он активизировал слушателей вопросами, вызывал замечания. В конце семестра он устраивал „коллоквиум“, на котором выдвигались узловые темы. Эта работа сильно увлекала студентов, давала им возможность под искусным руководством профессора обозреть весь курс лекций и твердо зафиксировать главные моменты, а профессор мог в процессе этой работы знакомиться с индивидуальностью отдельных слушателей и оценивать их силы.

Венцом научно-педагогического творчества Ф. И. были практические занятия со студентами по истории Средних веков. Они заключались в чтении и объяснении основных источников: Тацита, Проккопия, Константина Порфирородного, „варварских правд“, капитуляриев, формул, отрывков из хроник, источников по истории крестовых походов и др. Занятия эти были чрезвычайно плодотворны. Каждому источнику Ф. И. давал обстоятельную характеристику относительно его происхождения, достоверности, состояния рукописного наследия, научной литературы, связанной с источником, и т. д. Тексты читались больше студентами, чем профессором; это вынуждало участников семинара готовиться к предстоящему занятию. Чтение сопровождалось обстоятельным комментарием, который имел задачей вскрыть экономическую, социальную и политическую ситуацию эпохи и общества, к которым относился источник, осведомить студентов о соответствующей научной литературе, анализировать толкования различными учеными того или другого места в источнике, ввести студентов в критику текста и т. д. Занятия эти являлись превосходной исторической школой. Здесь Ф. И. обнаруживал свою исключительную начитанность в источниках и в научной литературе. В библиотеке Одесского университета сохранилась огромная тетрадь, в которую вносились заглавия всех научных книг, которые Ф. И. брал из этой библиотеки на протяжении 20 лет, с 1875 по 1894 г. Литература эта поражает своим количеством и разнообразием. Но ведь это была только часть духовной пищи, которую поглощал этот подвижник науки. А сколько он перечитывал во время своих ежегодных научных разведок в библиотеках и архивах России и заграничьи!

В начале семинарских занятий между студентами распределялись

темы рефератов. Ф. И. был в высшей мере требователен, особенно к тем своим ученикам, у которых он замечал усердие и способности к науке. Так как число участников семинара было невелико, то на долю этих „избранных“ приходилось иногда по 2—3 реферата в семинар, и притом на наиболее трудные темы. Реферат должен был подаваться профессору заблаговременно. В назначенный день автор реферата читал на семинаре свое произведение или часть его, если реферат был велик, затем следовал разбор профессора и если он удостоивал работу удовлетворительной оценки, то это было великим событием в жизни молодого автора.

Укажу на примеры рефератной работы на одном из семинаров Ф. И. В 1890 г. появилась книга Рудольфа Зомы о происхождении немецких городов. Ф. И. поручил мне приготовить работу на эту тему. Дело, конечно, не ограничивалось реферированием книги Зомы, хотя и это было для студента нелегкой работой в ограниченный срок, так как у Зомы приводятся многочисленные и большие отрывки из старинных грамот на латинском и на старо-немецком языках. Необходимо было сопоставить теорию Зомы с теориями Вайца, А. Шульте, Белова, Маурера, Ратгена, Гегеля, Арнольда и Лампрехта, изучить многочисленные термины по реальному лексикону германских древностей Гетцингера и в этимологических словарях германских языков и ознакомиться с рядом грамот в сборнике Генглера. Отмечу здесь, что к услугам студентов был историко-филологический кабинет, где имелась хорошо подобранная библиотека важнейших источников, специальных словарей, сборников, монографий и т. п., и что заведывал кабинетом кто-нибудь из приват-доцентов. Чтобы справиться с возложенной на меня задачей, потребовались три недели упорного труда. В том же семестре Ф. И. поручил мне составить работу о королевской власти у германцев. Требовалось тщательно изучить „классические места“ у Цезаря, Тацита, Страбона, Павла Дьякона, Сократа, Иордана, Проккопия и в „Салической правде“, сопоставить воззрения Кортюма, Вайца, Рота, Вильда, Дана, Зибеля и Баумшторка и на этом материале посылно создать „собственное воззрение“ референта. Повторяю, что работать у Ф. И. было очень трудно, но очень полезно.

Скажу несколько слов о преподавании Ф. И. античной истории. Излагая доисторический период Греции, он привлекал выводы археологии и сравнительной филологии (весьма осторожно относясь к специалистам по мифологии). Критско-микенский период он излагал для своего времени очень интересно. Разбирая гомеровский вопрос, он знакомил студентов с воззрениями Вольфа, Грота, Кокса, Бергга, Фолькмана и Крамера. При изложении периода от

переселения дорян до персидских войн Ф. И. делал обстоятельный экскурс в область источниковедения (эпиграфический материал, Павсаний, Фукидид, Плутарх, Страбон и др.) и знакомил студентов с трудами Шемана, Германа, Бэка, Грота, Ваксмута, Курциуса, Куна, Гильберта и др. В разделе о греко-персидских войнах Ф. И. много внимания уделял Геродоту. Говоря о делосской симмахии, он знакомил с результатами раскопок на острове Делосе. Для освещения эпохи Перикла привлекался эпиграфический материал, Павсаний, Фукидид, труды по греческим древностям Шемана и Германа и монографии Шмидта, Люперсольского, Филиппи и Шварца. В разделе о Пелопоннесской войне делался интересный критический экскурс о Фукидиде, привлекались работы Ульриха, Классена, Гильберта, Бузольта, Белоха, ряд журнальных статей и др. Изложение истории Греции не выходило за пределы 404 г. до н. э.

Очень солидно для своего времени Ф. И. строил курс истории Рима. На данных археологии, эпиграфики, сравнительной лингвистики и других вспомогательных дисциплин он знакомил студентов с до-римской Италией. Затем следовала обстоятельная глава о римских анналистах, о Т. Ливии, Дионисии Галикарнасском, Полибии, Плутархе, Диодоре Сицилийском, Цицероне, Дионе Кассии, Аппиане и др. В следующем разделе обстоятельно излагалась историография по истории Рима, от XVIII в. до новейшего времени, причем давалась подробная характеристика трудов Нибура, Момзена, Шwegлера, Дюрюи и других ученых. Изложение доводилось до конца республики. Как и в истории Греции, Ф. И. проявлял заостренный интерес к аграрным отношениям в Риме, особенно в эпоху Гракхов.

До сих пор я говорил о Ф. И. как о профессоре. Перехожу к характеристике его как научного руководителя, причем мне опять придется говорить, главным образом, о том, как он руководил моими работами.

Студент, оканчивавший курс наук, обязан был в то время представить в государственную экзаменационную комиссию письменную работу, которая официально называлась „дипломным сочинением“, а по традиции — „кандидатской диссертацией“. По соглашению с Ф. И., я выбрал для этой диссертации тему из древнейшей истории Рима („Римская община до 493 г. Историко-критическое исследование“). Тема была навеяна лекциями Ф. И. по римской истории и лекциями по римским государственным древностям Э. Р. Штерна (классика, отличного знатока древней истории и археологии). Требовалось прежде всего изучить источники: анналистов (фрагменты) — Ливия (I—II), Дионисия Галикарнасского (I—V), Плутарха, Цицерона („О законах“ и „О государстве“), Аппиана, Диона Кассия

(фрагменты), А. Геллия, Зонару и др. Затем необходимо было проделать работу по критике источников с помощью специальных трудов Класона, Петера, Аландского, Нича и др., часто противоречивых в своих оценках. Далее следовало параллельное критическое обследование общих трудов по истории Рима (Нибура, Дюрюи, Момзена, Шwegлера, Инэ, Ваксмута, Петера и др.), по римскому государственному праву и по политическим древностям (Момзена, Маркварда, Виллемса, Ланге, Игеринга и др.), монографий и специальных работ (Момзена, Азаревича, Целлера, Инэ, Зольтау, Фюстель де Куланжа и др.) и ряда статей в филологических и исторических журналах.

После этой предварительной работы необходимо было представить картину событий и отношений в древнейшем Риме и изложить систему развития римских государственных учреждений до начала V в. до н. э. (сенат, комиции, магистратура). Сохранившаяся у меня одобрительная рецензия Ф. И. Успенского на эту диссертацию, написанную в 1891/1892 г., окрылила меня на дальнейшую научную работу. Ф. И. очень желал оставить меня при кафедре всеобщей истории для приготовления к профессуре, но опасался возражения со стороны начальства, так как в конце 1886 г. я был подвергнут репрессии в связи со студенческим движением. Ф. И. нашел выход: „У вас, — сказал он мне, — имеются все права на профессорскую стипендию, но при данных условиях вам ее не дадут. Вам необходимо создать себе внеконкурсное положение. По моему предложению, на 1892/1893 г. объявлен конкурс на медальную диссертацию под заглавием: „Военное устройство Византийской империи“. Напишите работу, получите золотую медаль, и вы будете вне конкурса“. Я с радостью погрузился в исследование одной из наиболее темных сторон византийской организации, но справедливость требует отметить, что тема была выбрана неудачно; она явно превышала силы студента, и справиться с нею мог бы только зрелый и многоопытный ученый, да и то ценою немалых усилий. Ведь и в настоящее время, спустя 50 слишком лет, у нас нет еще полноценной работы на эту тему.

Для решения поставленной мне задачи приходилось изучать византийских историков и хронистов, изданных в подавляющем большинстве плохо, без указателей имен и предметов. Приходилось изучать дошедшие до нас римские и византийские сочинения по стратегии и тактике, как будто созданные для того, чтобы ставить непреодолимые препятствия исследователю; критики выдвинули самые разнообразные предположения относительно личности авторов и времени написания многих сочинений этой категории.

Приходилось изучать византийское законодательство, начиная от Феодосия II (V в.), сборники актов (Миклошича и Мюллера) и ряд таких памятников, как „Путеводитель“ Гиерокла (VI в.), „Расписание военных и гражданских должностей“ (V в.), сочинения Константина Багрянородного и др. Литература по истории военной организации и военного искусства (Энгельштофта, Хр. Ланге, Беньямина, Кона, Момзена, М. Иенса) была в общем бедна.

Существовавшие в то время труды по истории Византии (Финлея, Гердберга, Рамбо, Бюри и др.), а также специальные работы Ф. И. Успенского, В. Г. Васильевского, Шлемберже в общем ценны, но для решения поставленной мне задачи они давали мало. Изнемогая от непосильной работы, я хотел было отказаться от нее, но Ф. И. поддержал меня и, между прочим, рассказал, как он сам изнемогал в 1871 г. над конкурсным сочинением о первых славянских монархиях на северо-западе, собирався было отказаться от него, но ободрение со стороны В. И. Ламанского помогло довести дело до благополучного конца.

В процессе работы я убедился в том, что мне необходимо раздвинуть хронологические рамки своего исследования, начать его не с VIII в., как предполагал Ф. И., а с VI в. В результате, я не успел закончить работы в установленный срок и по формальным признакам не имел права на премию, но факультет все-таки присудил мне в 1893 г. золотую медаль за проделанную часть работы (профессорской стипендии начальство мне все-таки не дало).

В Одессе Ф. И. учредил при Историко-филологическом обществе Византийское отделение, проводившее свои особые заседания и печатавшее доклады своих членов, в том числе бывших учеников Ф. И. Отделение это служило органом пропаганды византийских и византино-славянских научных занятий.

С отъездом Ф. И. в 1894 г. в Константинополь византиноведение в Одессе замирает. Созданное им „содружество византологов“ распалось. Н. П. Кондаков (знаменитый специалист по византийскому искусству) еще в 1888 г. переехал в Петербург. После Ф. И. Успенского покинул Одессу и выдающийся историк литературы А. И. Кирпичников (перешел в Московский университет).

Я поддерживал связь с Ф. И. Успенским из Петербурга, куда я переехал в 1895 г. С 1901 г. мы усиленно переписывались с Ф. И., я помогал ему в его хлопотах по Археологическому институту в Константинополе. Мы виделись во время его приездов в Петербург. Что [Ф. И.] был прирожденный педагог и горячий пропагандист своей науки, я еще раз убедился в 1908 г., когда, во главе экскурсии учащейся молодежи и педагогов, посетил Кон-

стантинополь. Ф. И. читал экскурсантам лекции, знакомил их с институтским музеем, сам водил их в Ая-Софию и к другим важнейшим памятникам, предоставляя секретарю Института Б. А. Панченко роль проводника по менее замечательным местам.

В двадцатых годах моя переписка с Ф. И. особенно оживилась. В одном письме 1925 г. он сообщает, как его приветствовали 8 февраля с восьмидесятилетием, „но, — пишет он, — мне особенно жутко приходилось чувствовать отсутствие учеников, которых мне не удалось иметь подле себя и которых я рассеял в своей скитальческой жизни. Исключение составляли ученики, приобретенные в последние годы в Ленинградском университете. Состоя в сношениях с ними, я приобщаюсь к новым поколениям“. И дальше: „Все еще не теряю надежды на возобновление деятельности Константинопольского института“.

В 1927—1928 гг. мне привелось еще раз стать под ученое руководство Ф. И. Путем переписки он склонил меня организовать в Одессе отделение Русско-византийской комиссии, в которое я привлек группу профессоров — своих коллег по Одесскому университету. Отделение это, утвержденное Академией Наук СССР, поставило себе задачей содействие работам Русско-византийской комиссии над переизданием греческого словаря Дюканжа и восстановление в Одессе изучения Византии.¹ В целом ряде писем Ф. И. с удивительным энтузиазмом входит в детали занятий руководимой мною группы, одобряет наш план работы, инструктирует нас о согласовании в методе и системе работы, утверждает список византийских писателей, избранных нами для обработки, и пр. „Пока я не сошел со сцены, — пишет Ф. И., — я хотел бы дать византизму в России надежду на существование после меня“. Он радуется сделанному нами „робкому шагу по возобновлению в Одессе занятий византиноведением“ и, между прочим, спрашивает меня, не смогу ли я дать рецензию на вышедший труд „Вазелонские акты“ (письмо от 30 мая 1927 г.). Еще один интересный штрих. В ноябре 1927 г., по случаю 35-летия моей педагогической и научной деятельности, собралась довольно большая группа историков и филологов, старых и молодых. Мы все признали себя учениками Ф. И. и послали ему приветственную телеграмму. Ф. И. ответил мне письмом, где писал, между прочим: „В Вашем приветствии блеснул для меня свежий луч неугасшей памяти о молодой, одушевленной горячим чувством любви к университетской молодежи моей преподавательской поры в Одессе. Поверьте,

¹ Византийский Временник, т. XXV, Приложение, стр. 165.

ничего так не может волновать старого профессора, как напоминание о давно минувших временах его бодрой деятельности и хотя бы намек на сохранившуюся добрую память в местах его давней преподавательской работы“.

А в 1928 г. наступили болезнь и смерть...

Одесский государственный университет имени И. И. Мечникова, в связи со столетием со дня рождения Ф. И. Успенского, 20 лет проработавшего в этом Университете, организовал 27 и 28 мая 1945 г. научную сессию и выставку „Византия и славяне“, посвященную его памяти. В заключение своего доклада на сессии о жизни и деятельности Ф. И. я выразил надежду, что сессия и выставка послужат стимулом к объединению научных работников Одессы в области истории и филологии для возрождения в нашем городе занятий по византиноведению и славяноведению, — занятий, получающих в настоящее время актуальнейшее значение. Одесса в прошлом была крупным центром византиноведения и славяноведения; необходимо всемерно стремиться к тому, чтобы увеличить кадры одесских византологов и славистов и создать условия для плодотворной их деятельности над такими научными проблемами, которые связаны с жизненными интересами нашей великой Родины.

Я. А. МАНАНДЯН

КОГДА И КЕМ БЫЛА СОСТАВЛЕНА „АРМЯНСКАЯ ГЕОГРАФИЯ“, ПРИПИСЫВАЕМАЯ МОЙСЕЮ ХОРЕНСКОМУ

Вопрос об авторе и времени составления географического трактата, известного в русском переводе под заглавием „Армянская география VII в.“ (изд. К. П. Патканова, СПб., 1877), представляет интерес не только для арменоведов, но также и для исследователей, изучающих историческую географию Византии, Ирана, Грузии, Азербайджана, Северного Кавказа и юга России.

Армянская география, как известно, переведена на латинский, французский и русский языки. Ее комментировали выдающиеся русские, европейские и армянские ученые. Данные ее о сасанидском Иране легли в основу капитального труда Маркварта „Eran-schar“ (Берлин, 1901). Несмотря, однако, на значительный интерес, проявленный к этому памятнику древнеармянской письменности, ученые до сих пор еще не могут прийти к общему выводу по вопросу о времени ее составления и о ее авторе.

Настоящая статья имеет целью подытожить мои выводы по данному вопросу и ознакомить с ними ученых Советского Союза.

* * *

Армянская география, пользовавшаяся в Армении широкой популярностью, сохранилась в многочисленных рукописях и печаталась многократно, начиная с XVII в. Древнейшая рукопись (№ 1898 Государственного хранилища древних рукописей при Совете Министров Армянской ССР) не восходит, однако, далее XIII в.

Как подробно уже указывалось мною в одном из предыдущих моих трудов, текст Географии имеется в двух редакциях — краткой, переведенной на русский язык Паткановым, и пространной,

переведенной на французский язык венецианским мхитаристом Сукри.¹ Первоначальный текст не дошел до нас в полном своем объеме, и обе указанные редакции, как установлено Марквартом и мною, являются сокращенными компиляциями, извлеченными из полного текста независимо друг от друга.² Редакции эти лишь отчасти позволяют восстановить первоначальный армянский текст, но они могут и должны быть использованы для критического издания текста Географии.

При изучении рассматриваемого памятника особое внимание уделялось учеными, прежде всего, определению времени его составления. Этот вопрос имел особое значение, поскольку он был отправным пунктом для многих исследователей, делающих иногда серьезные обобщения по истории и географии ближневосточных стран.

Как известно, в заглавиях преобладающей части списков автором Географии значится Моисей Хоренский, считавшийся писателем V в. Поэтому относительно времени ее составления долгое время не возникали сомнения: ввиду тождества составителя Географии с автором „Истории Армении“, ученые относили этот труд к V в.

Однако еще в 1789 г. в апрельском номере „Journal des Savants“ появилась небольшая статья французского ученого Baron Sainte-Croix (Sur la Géographie de Moïse de Chorène, Paris, 1789, стр. 217), в которой был отмечен анахронизм, имеющийся в краткой редакции Географии. Как указал Сент-Круа, о городе Басре, который был основан арабами в VII в., в Географии сообщается, что он „изобилует всякого рода товарами и туда приходят корабли из Индии и всех стран Востока“.³ Основываясь на этом сообщении, Сент-Круа полагал, что географический трактат был составлен, по видимому вначале VII в., когда Басра была в цветущем состоянии.

На целый ряд новых анахронизмов в той же краткой редакции Географии обратил внимание также известный французский арменист Сен-Мартен, которым этот труд был переведен на французский язык и вместе с армянским текстом и пространным предисловием помещен во второй части его „Mémoires historiques et géographiques sur l'Arménie“ (Paris, 1819).

¹ Arsène Soukry. Géographie de Moïse de Chorène d'après Ptolomée, Venise, 1881.

² См. Markwart. Изв. Русского археологического института в Константинополе, XV (1911), стр. 15, прим. 2, а также мою работу: „Разрешение проблемы Хоренского (на арм. яз.), Ереван, 1934, стр. 14—20.

³ См. рус. перев. Патканова, стр. 55.

В предисловии к своему изданию Сен-Мартен, подвергнув подробной критике замеченные им анахронизмы, пришел к выводу, что Армянская география ни в коем случае не может быть приписана Моисею Хоренскому, который, по его мнению, был автором V в., а должна быть отнесена к концу IX или же к середине X в.

С этими выводами не согласились венецианские мхитаристы, а также и проф. Патканов. Соглашаясь с Сен-Мартеном, что География, приписываемая Моисею Хоренскому, есть произведение не V в., а более поздней эпохи, Патканов в своем предисловии к русскому переводу Географии (стр. III—VIII) совершенно правильно писал, что некоторые из анахронизмов, побудивших французского ученого отнести это произведение к IX—X вв., не встречаются в древних списках и являются, очевидно, позднейшими вставками.

Сам же он пытался доказать, что переведенный им трактат не мог быть составлен раньше VII в. и должен быть приписан известному армянскому писателю этого века Анании Ширакаци. Патканов, между прочим, совершенно правильно указал, что, кроме утраченного произведения Паппа Александрийского, одним из главных источников автора географического трактата была Христианская топография писателя VI в. Константина Антиохийского, прозванного Космой Индикопловом. По его мнению, временем первой редакции Армянской географии следует признать первую половину VII в.

„Так как в ней не ощущается, — говорит он, — следов того быстрого и сильного изменения в судьбах Передней Азии, какое было произведено арабами, то мы еще точнее можем определить момент составления нашей Географии, именно, временами Хозроя II, его преемников и императора Иракла до вторжения арабов в Армению“.¹

Основываясь на этих своих доводах, Патканов высказывает свое предположение также и об авторе Географии.

„Для того, чтобы составить трактат, подобный нашей Географии, не довольно было знать один греческий язык, нужно было иметь некоторое научное образование, т. е. иметь известную степень познаний в математике... Этим лицом я считаю одного известного (более по имени) армянского писателя, изучавшего греческий язык и математику, Ананию Ширакаци“.²

Мнение Патканова, как известно, было принято почти всеми учеными и являлось вплоть до последнего времени господствующим.

¹ См. Армянская География, перев. Патканова, стр. XIII.

² См. там же, стр. XVII.

шим в литературе. Это мнение, однако, как увидим, не только мало обосновано и неубедительно, но и явно ошибочно.

* * *

В 1934 г. вышло в свет в Ереване на армянском языке (с краткими резюме на русском и немецком языках) подробное мое исследование „Разрешение проблемы Хоренского“, первая часть которого (стр. 3—89) почти всецело посвящена критическому разбору Армянской географии.

Основные мои выводы сводились в этой работе к следующим трем положениям: 1) географический трактат написан не Ананией Ширакаци, а другим лицом; 2) составлен он не в первой половине VII в., а гораздо позже; 3) автором его был Моисей Хоренский, как это значится в заглавиях значительной части списков.

Я постараюсь обосновать сначала первое из этих положений, формулируя определеннее мои прежние выводы и подкрепляя их новыми соображениями.

В доказательство того, что автором географического трактата не мог быть Анания Ширакаци, в вышеозначенной моей работе было подробно отмечено, что составитель Географии и Анания резко расходятся в своих космографических и географических воззрениях.

Главное и основное их расхождение заключается в том, что совершенно различны сообщаемые ими сведения о мироздании.

Следуя древней теории Птолемея и Паппа Александрийского, автор Географии считает землю шарообразной,¹ а Анания Ширакаци в своей Космографии, в полном соответствии с Христианской топографией Космы Индикоплова, считает обитаемую землю четырехугольной возвышенной плоскостью и полагает поэтому, что солнце при своем восходе освещает все рубежи земли.² Шаровидность земли предполагает существование антиподов, что, естественно, отрицает Анания Ширакаци.³ Шестигранная вселенная, как полагает он, окружена наподобие яичного желтка воздухом и небесным сводом, сравниваемыми им с яичным белком и скорлупой.⁴

Расхождение в мнениях составителей Географии и Космографии имеется также относительно величины солнца. В Географии указано, что солнце меньше земли,⁵ а Анания Ширакаци полагает,

¹ См. перев. Патканова, стр. 6 и 10; изд. Сукри, стр. 6 и 7.

² См. Анания Ширакаци, изд. Патканова, стр. 37 и 60.

³ Там же, стр. 39.

⁴ Там же, стр. 38.

⁵ См. перев. Патканова, стр. 10 и изд. Сукри, стр. 7.

напротив, что солнце больше земли.¹ Автор Географии совершенно правильно указывает, что „море Врканское, оно же Каспийское“, а Анания Ширакаци считает Гирканское (Нугсания) и Каспийское (Aspis) моря двумя различными морями.²

Анания Ширакаци различает понятия „море“ (цов) и „озеро“ (цовак). Он называл озером, или „цовак“, озеро Асфальтитес (Мертвое море), а в Армении — Ванское озеро, называемое им Бзунийским. Автор же Географии не различает эти понятия и называет моря и означенные озера одинаково „морями“, т. е. „цов“.³

Следует отметить, кроме того, явное различие у обоих авторов транскрипции географических терминов; так, например, в Космографии море Каспийское названо „Аспиа цов“ (стр. 17), а в краткой редакции Географии „Каспиц цов“ (Патк., стр. 11 и 15). Имеются и другие различия, например, „Гюркания“ (Косм., 17) вм. „Вркан“ (Патк., 11 и 15); „Море Ионическое“ (Косм., 16) вм. „море Греческое“ (Патк., 11 и 14); „Сардоника“ (Косм., 16) вм. „Сардония“ (Патк., 20); „море Тюросское“ (Косм., 16) вм. „море Тюренское“ (Патк., 20) и т. д.

Хотя приведенными указаниями с полной определенностью устанавливается тот факт, что автором Географии не мог быть Анания Ширакаци, тем не менее часть арменоведов в Ереване, недостаточно вникнув в сущность означенных данных, и теперь признает Ананию Ширакаци автором географического трактата. Чтобы рассеять всякие сомнения, считаю необходимым привести в подтверждение моих выводов также и другие, не менее существенные соображения.

Мне кажется, что в оценке вышеприведенных фактов не может быть никаких колебаний, так как у авторов Географии и Космографии совершенно различно их мировоззрение.

Анания Ширакаци, придерживаясь учения христианской церкви противопоставляет показания Библии утверждениям „злых и добрых“ языческих философов и соглашается с античными писателями лишь в тех случаях, когда показания их, по его мнению, не противоречат сведениям Священного писания⁴, автор же Географии,

¹ См. Космография, изд. Патканова, стр. 60.

² См. перев. Патканова, стр. 11 и 15 и изд. Сукри, стр. 8 и 11; Космография, изд. Абрамяна, Ереван, 1940, стр. 17.

³ Космография, изд. Абрамяна, стр. 16—17; перев. Патканова, стр. 45 и изд. Сукри, стр. 31 и 36.

⁴ См. Анания Ширакаци. Космография, изд. А. Абрамяна, Ереван 1940, стр. 4—5, 7, 9, 11, 14, 15, 17—18 и др. Ср. также изд. Патканова, СПб. 1877, стр. 35—40, 42 и др.

будучи ревностным грекофилом, подчиняется не авторитету Библии, а авторитету античной географии. Свободомыслие составителя географического трактата и критическое его отношение к священному писанию с полной очевидностью видны в самом начале его труда.

„Не найдя,— говорит он,— в священном писании ничего обстоятельного о землеописании, кроме редких, разбросанных и в то же время трудно постигаемых и темных сведений, мы вынуждены обратиться к писателям языческим, которые установили географическую науку, опираясь на путешествия и мореплавание, и подтвердили ее геометрией, которая обязана своим происхождением астрономии“.¹

Этот же свободомыслящий автор трактата, приведя мнение Косьмы Индикоплова о том, что как жаркий пояс, так и всю обитаемую землю, окружает океан, не соглашается с этим, и примыкает сам к мнению Птолемея.

„Но я верю,— говорит он,— рассказу Птолемея, люди которого, начиная с жаркого пояса, прошли на юг, с точностью описали народы, там живущие, измерили пространства их пределов, начиная от Агисимба до Лунных гор и далее до Неизвестной страны“.²

Я думаю, что приведенные нами факты, ясные и бесспорные, не оставляют сомнения в том, что географический трактат не мог быть составлен Ананией Ширакаци.

* * *

Вопрос о времени составления географического трактата разрешен Паткановым столь же неудачно, как и вопрос об его авторе.

Как мы видели, между учеными существуют серьезные разногласия также и по этому вопросу. Часть исследователей, как Инджиджян, Сукри и другие, придерживаясь унаследованной литературной традиции армян, считали Географию произведением, написанным в V в., и полагали, что в ней имеются вставки и интерполяции VI—VII вв.³ Патканов, как было сказано, приписывал ее Анании Ширакаци и полагал, что она составлена в первой половине VII в. Гутшмид указывал, что составителем Географии был автор „Истории Армении“, Моисей Хоренский, писавший свою историю под маскою соименного ему переводчика V в. около половины VII в.⁴

¹ См. Армянская география, перев. Патканова, стр. 1.

² Там же, стр. 12.

³ См. Л. Инджиджян. Древности Армении, стр. 303—314, и Soukry. Géographie de Moïse de Chorène, p. VII—VIII.

⁴ Gutschmid. Kleine Schriften, III, S. 332—338.

По мнению Сент-Круа, с которым мы уже ознакомились, География могла быть написана не ранее начала VIII в., так как в ней упоминается Басра, изобилующая всякого рода товарами. Маркварт в своем труде полагал, что География написана при первых Аббасидах, т. е. во второй половине VIII в.¹ Наконец, Сен-Мартен, как мы видели выше, основывая свои выводы на неисправном марсельском тексте Географии, относил этот труд к IX или даже X в.

В настоящее время, как мы указали выше, является господствующим мнение Патканова, относившего Географию к первой половине VII в. и полагавшего, что в ней нет следов тех изменений, которые были произведены после вторжения арабов в Переднюю Азию.

Время составления Географии было рассмотрено довольно подробно также и в моей работе „Разрешение проблемы Хоренского“ (стр. 77—84). Я считал тогда, считаю и теперь, совершенно очевидным, что первоначальная редакция Географии была составлена не в первой половине VII в., как утверждают Патканов и преобладающая часть исследователей, а значительно позднее.

Указания Патканова на то, что Армянская география была написана до завоевательных походов арабов и что в ней нет следов изменений, происшедших при арабах, мне кажется, совершенно необоснованы и неубедительны. В географическом трактате, как правильно указывал Сент-Круа, упоминается Басра, изобилующая всякого рода товарами, и сообщается, что туда приходят корабли из Индии и из всех стран Востока. Упоминаются в нем, кроме того, город Акула (Куфа), названный „лагерной стоянкой арабов“,² а также „Аруастан, называемый Ассирией, а именно — Мул“ (Мосул).³

Маркварт, относивший текст к эпохе первых Аббасидов, то есть ко второй половине VIII в., обратил внимание на то, что в пространной редакции Географии (изд. Сукри, стр. 17) имеется сообщение об имевшем место в 679 г. переселении Аспаруха с подвластным ему племенем болгар за Дунай. Он сделал и другое ценное наблюдение и указал, что упомянутые в пространной редакции Географии (изд. Сукри, 40) области Хорасана Гчак и Асан, игравшие роль во время большого сражения арабов с западными тюрками в 737 г., до этого, насколько ему известно, не упоминались в литературных источниках. Он полагал поэтому, что они могли попасть в Географию не ранее VIII в.⁴

¹ Markwart, Eranschahr, S. 5—6.

² См. изд. Сукри, стр. 38 и 41.

³ См. перев. Патканова, стр. 64.

⁴ См. Markwart, Eranschahr, S. 5—6.

В доказательство того, что География могла быть составлена во время владычества в Армении арабов в VIII или даже IX в., приведены мною некоторые новые данные в вышеупомянутой моей работе „Разрешение проблемы Хоренского“ (стр. 82—83). В географическом трактате, как указано в этой работе, встречаются арабские названия благовонных масел или цветов, например „малап“ (malâ-b), „аххуна“ (axkûna), „баласан“ (balasân) и др.

В той же работе я отмечал, что в пространной редакции Географии о реке Халирте (Нимфий), текущей с Сасунских гор, сказано, что арабы называли ее „шититма“, то есть „кровопийца“.¹ А из этого не трудно было усмотреть, что возникновение этого арабского прозвища Халирта должно быть отнесено ко времени господства на юге Армении арабов, т. е. к концу VIII или же к IX в. Приблизительно в это же время, как я указывал, могло возникнуть сведение Географии „о могущественном народе“ франков,² который, как известно, вел победоносные войны против арабов в VIII в.

Я отмечал, что франки широко были известны в Арабском халифате при Гарун-ар-Рашиде (785—809), при котором установились дружественные отношения с империей Карла Великого. Поэтому я и полагал, что слух о могущественных франках мог дойти до Армении и попасть в Географию не раньше IX в.

Таким образом, подводя итоги разысканиям по данному вопросу, я считал возможным заключить, что древнеармянскую Географию следует считать произведением не VII в., как утверждают Патканов и большая часть ученых арменоведов, а IX в.

Это заключение, основанное на фактических данных содержания самой Географии, мне кажется, подтверждается и другим крайне важным соображением, имеющим также решающее значение.

При изучении и датировке памятников древнеармянской письменности, как указывалось уже мною,³ путеводной нитью служила для меня та общая концепция социально-экономического развития Армении, которая отмечена вкратце в труде моем „О торговле и городах Армении“. Я полагал и полагаю, что Армянская география, в которой имеются сведения об естественных богатствах разных стран, о торговых центрах, об экспортных товарах и об их ценах и которая представляла особый интерес для буржуазии и армянского купечества, могла появиться в Армении в эпоху раз-

¹ См. изд. Сукри, стр. 30 и 37.

² Там же, стр. 14—15, ср. также русск. перев. Патканова, стр. 19.

³ См. мою статью: «Средневековый итинерарий в Армянской рукописи X ст.» Сборник „Академия Наук акад. Н. Я. Марру“, М.-Л., 1935, стр. 728.

вития в ней торговли и международных отношений, именно в IX в. Отнести Географию к первым векам арабского владычества было бы крайне сомнительно, так как вторая половина VII в. и VIII в., как было выяснено в моей работе „О торговле и городах Армении“ (стр. 133—140), были в Армении временем продолжительного экономического упадка и застоя международной торговли.

* * *

В вышеуказанной моей работе „Разрешение проблемы Хоренского“ был обстоятельно выяснен вопрос о том, кем мог быть составлен географический трактат.

Как известно, до восьмидесятых годов прошлого века почти все арменоведы были твердо убеждены, что автором Географии был Моисей Хоренский, живший в V в.

Еще в 1883 г. подверг сомнению общепринятую датировку времени Моисея Хоренского Альфред фон-Гутшмид, указав на тождество автора „Истории Армении“ с составителем географического трактата. Он полагал, что эти произведения написаны Моисеем Хоренским около середины VII в., между 633 и 642 гг.

Аналогичного мнения придерживался в своей работе (Eranschahr, стр. 6) также и Маркварт, с тою лишь разницей, что он Географию „Псевдо-Моисея“, как было уже сказано, относил к поздней эпохе Омейядов или даже первых Аббасидов.

Приведенные мнения о принадлежности Географии автору „Истории Армении“ Моисею Хоренскому подтверждаются, действительно, с достаточной определенностью. Однако при обстоятельном изучении содержания Географии и Истории, время создания этих произведений устанавливается не в VII или VIII в., как это полагали Гутшмид и Маркварт, а в IX в.

В настоящей статье я не собираюсь просматривать проблему Истории Хоренского в целом, а хочу только указать на тесную связь и сходные пункты Географии и „Истории Армении“, служащие доказательствами тождества их авторов.

Ввиду важности предмета я позволю себе привести наблюдения по этому вопросу с исчерпывающей полнотой. Отмечу, прежде всего, общие и сходные географические и этнографические сведения Географии и „Истории Армении“, которые служат косвенным указанием тождества составителей этих трудов. Сведения эти не встречаются в произведениях древнеармянских писателей V—VII вв. и упоминаются впервые в названных трудах.

1. Еще в 1877 г. Патканов, в примечаниях к русскому переводу

Географии (стр. 33—35 и прим. 132, а также стр. 43—44 и прим. 152), сделал любопытное указание, что в Истории Хоренского разделение Армении на Первую, Вторую, Третью и Четвертую, установленное впервые при Юстиниане в 536 г., приписано легендарному армянскому царю Араму, современнику Нина Ассирийского. Хоренский при этом прибавляет: „Мы не согласны с тем, что об этом некоторые говорят в греческих частях. Впрочем, всякому своя воля“ (см. I, 14).

Патканов указывает при этом, что автор географического трактата называет Первой Арменией Каппадокию с горой Аргеос, т. е. ту же область, которую признает за Первую Армению также и Хоренский, между тем как античные писатели никогда эту часть Каппадокии не называли Арменией¹.

Приведенные сведения, как правильно отмечено критиками Хоренского, не могли быть написаны в V в. Поэтому Гутшмид, ссылаясь, между прочим, и на эти отрывки и считая Географию произведением Хоренского, относил и Географию и „Историю Армении“ к VII в.² Халатянц же, напротив, полагал, что одним из основных источников „Истории Армении“ была География, ошибочно приписываемая им Анании Ширакаци.³

2. Хоренский, рассказывая о поселении Тиграном Хайкидом жены Астиага, Ануйш, с сыновьями в безопасном месте около Масиса, откуда тянутся остатки обвала с великой горы, сообщает, что причиной обвала было ужасное землетрясение, о котором „повествуют много странствовавшие путешественники, измерившие на стади, по приказу Птолемея, не только обитаемые земли, но отчасти и море и страны необитаемые, начиная от Жаркого пояса до Киммериона“ (I, 30).⁴ Источником этого свидетельства, как отмечают критики Хоренского, является географический трактат, в котором имеются аналогичные сообщения почти в одинаковых выражениях⁵.

3. В моей работе „Тигран Второй и Рим“ было подробно указано, что воспоминания о первой митридатовой войне сохранились в Истории Хоренского (II, 12 и 13) и в пространной редакции Географии (изд. Сукри, стр. 17) и что под деяниями царя Арташеса, жившего в I в. до нашей эры и наведшего ужас на Элладу, армянское предание подразумевало события, имевшие место в 88—86 гг.

¹ См. Армянская география, русск. перев. Патканова, стр. 35, прим. 132.

² Gutschmid, Kleine Schriften, III, S. 335—336.

³ См. Халатянц, Армянский эпос, I, стр. 18 и 133.

⁴ См. Армянская география, русск. перев. Патканова, стр. 7 и 11.

⁵ См. Халатянц, Армянский эпос, I, стр. 191—192; II, стр. 49—50.

до нашей эры.¹ В сообщениях „Истории Армении“ и Географии обращает на себя внимание то, что в них завоевание Митридатом Евпатором Малой Азии и Эллады приписано армянскому царю Арташесу.

Сходство это впервые было замечено издателем пространной редакции Географии мхитаристом Сукри.² Указывая сходные и даже тождественные места в Географии и „Истории Армении“, Сукри, как и Маркварт (в Eranschahr), объясняли это тем, что произведения эти написаны одним и тем же автором, а именно Мойсеем Хоренским.

4. В двух местах своей Истории Хоренский сообщает о поселении болгар в Армении (II, 6 и 9). В царствование Аршака I, т. е. к концу II в. до нашей эры, произошли, рассказывает он, большие смуты в земле болгаров и поэтому часть их пришла в Армению и поселилась ниже области Кога, в Верхнем, или Безлесном, Басиане (II, 6, 9).

„Впоследствии, — говорит Хоренский, — (эта местность) по случаю поселившихся здесь выходцев Вгндур-Булкара (Wghndur) Вунда, по имени его была названа Вананд. Села и до сих пор называются по имени братьев и потомков его“ (II, 6).

Тесная связь этих свидетельств Хоренского с сообщениями о болгарях в пространной редакции Географии (изд. Сукри, стр. 17 и стр. 25 арм. текста), по мнению критиков Хоренского, совершенно очевидна. „Вгндур-Булкар“ Истории соответствует „Вогхонтор-Блкар“ (Woghontor-Blkar) Географии.³ В армянском тексте Географии к этому имени прибавлено слово екп, что означает „пришлый“. На этот эпитет обратил внимание Патканов, который полагал, что „Вогхонтор-Блкар“ названы в Географии „пришельцами“ вследствие переселения в Армению, о чем имеется сообщение в Истории Мойсея Хоренского.

5. В Истории Хоренского имеется рассказ о переселении полководцем Арташеса II, Смбатом Багратидом, с Северного Кавказа в Армению множества пленных аланов, которые, по приказанию армянского царя, были расселены в древнеармянской области Шаваршакан. Эта область, как сообщает Хоренский, с тех пор была переименована в Аотаз, по названию той аланской области, откуда переведены были пленные (II, 52).

¹ См. Тигран Второй и Рим, Ереван, 1943, стр. 44—45. Ср. также Markwart, Eranschahr, S. 4.

² См. Géographie de Moïse de Chorène, Venise, 1881, p. VI.

³ См. Soukry, Géographie, p. 41; Патканов, Из нового списка Географии, ЖМНП, 1883, ч. 226, стр. 24—25; Халатянц, Армянские Аршакиды, 29—33.

Приведенное объяснение названия древнего Артаза, как полагают критики Хоренского,¹ являются одним из обычных толкований автора „Истории Армении“, основанным на сближении названия „Артаз“ с именем северокавказской области „Ардоз“, упомянутым в географическом трактате (изд. Сукри, стр. 26 арм. текста).

К аланским же выходцам причисляет Хоренский, имея своим источником Географию и основываясь на приведенном в ней географическом названии „Аргвел“ (изд. Сукри, стр. 26 арм. текста), также и князей Аравегианов, которых он считает родственниками царицы Сатиник (II, 58).²

6. В „Истории Армении“, как известно, имеются и другие анахронизмы, возникшие под влиянием географического трактата. Анахронизмом является не только вышеприведенное упоминание о болгарях за два столетия до нашей эры, но также и упоминание о базилах и хазарах во II в. до н. э.³

Хоренский повествует в Истории, что в царствование армянского царя Вагарша (последняя четверть II в.) на Армению напали хазары и базилы и что в сражении с ними был убит царь Вагарш (II, 65). Упоминается у него, кроме того, царь базилов, которого в стране албанцев армянский царь Тиридат Великий рассек пополам (II, 85). Сообщения о хазарах и базилах имеются, как известно, и в географическом трактате.⁴

Все эти сообщения, как и другие сведения древних источников о хазарах и базилах, рассмотрены в трудах Маркварта. В своих ранних исследованиях он полагал, что и хазары и базилы могли быть известны Хоренскому, автору Истории и Географии, главным образом, из источников VI в.⁵

7. В главе 81 второй книги „Истории Армении“ Хоренский, повествуя о китайском происхождении Мамиконидов, дает сведения о Китае и его населении. Аналогичные сведения об этой стране имеются также в географическом трактате.

Сходство этих сведений было замечено многими исследователями.⁶ По мнению Халатьянца, Хоренским использованы для

¹ См. Халатьянц. Армянский эпос, стр. 274—276; Markwart, Eranschahr, S. 4—5; его же, Osteuropäische und Ostasiatische Streifzüge, Leipzig, 1903, S. 171; Genealogie der Bagratiden, Caucasia, 1930, Fasc., 6, 2. Teil, S. 26.

² См. Markwart, Eranschahr, S. 5; его же, Streifzüge, S. 171; Халатьянц. Армянский эпос, стр. 277.

³ См. Халатьянц. Армянские Аршакиды, стр. 30—35, 110, 149, 376.

⁴ См. изд. Сукри, стр. 26 арм. текста и русск. перев. Патканова, стр. 36—38.

⁵ Markwart, Eranschahr, S. 4; его же, Streifzüge, S. 57, 58 и др.

⁶ См. „История Армении“ Моисея Хоренского, перев. Эмина, М., 1893, стр. 264, прим. 317; Патканов. Армянская география, стр. 82—84, прим. 207 и др.

главы 81 отрывки описания Китая и Индии из географического трактата.¹

8. Хоренский сообщает в своей Истории, что шестьдесят лет спустя после смерти Александра Великого воцарился над парфянами Аршак Храбрый в городе Бахл-Аравотин (II, 2).

Это редкое и необычное название встречается также и в странной редакции Географии, в которой сказано, что „персы называют Парфию, из-за города Бахла, Бахли-Бамик, что значит Бахл-Аравотин“.²

Название Бахл-Аравотин правильно истолковал Эмин, объяснив, что „Аравотин“ означает „утренний“ (от арм. „аравот“ — утро) или „восточный“ и поэтому Бахл-Аравотин ничто иное, как Бахл „восточный“.³

Тесная связь истории Хоренского с географическим трактатом, как видим, вполне вероятна и в этом отрывке.

9. Следует, кроме того, отметить, что отрывки о Бахле сходны в Истории и Географии и в том отношении, что в них названия „Бактрия“ и „Бахл“ ошибочно сопоставляются и отождествляются с названиями „Парфия“ и „Пахлав“, как это видно из следующих свидетельств:

а) Хоренский, История, II, 68 — „Сам он (Аршак) отправился в Бахл, утвердил (там) свой престол (и царствовал) 53 года. Поэтому потомки его были названы „Пахлавами“...;

б) География, изд. Сукри, стр. 41: „Персы называют ее (Парфию), из-за города Бахла, Бахли-Бамик, что означает Бахл-Аравотин“;

в) География, перевод Патканова, стр. 77: „Балх, то есть Парфия“.

10. Явным анахронизмом является в Истории Хоренского, как совершенно правильно указал Халатьянц,⁴ упоминание о Ниневии как о столице первых персидских Аршакидов (I, 8, 9), бывшей в действительности резиденцией Сасанидов в VI—VII вв. Точкой отправления Хоренского, как полагают, могли быть в данном случае свидетельства географического трактата, в которых упоминается Ниневия как крупный город области Ассирии-Аруастана.⁵

¹ Халатьянц. Армянские Аршакиды, стр. 153.

См. изд. Сукри, стр. 41 арм. текста.

³ См. новый перевод „Истории Армении“ Хоренского, стр. 241, прим. 124. Ср. также Markwart, Eranschahr, S. 87, 147, и Халатьянц. Армянские Аршакиды, стр. 14 и 16.

⁴ Халатьянц. Армянские Аршакиды, стр. 25, 26 и 376.

⁵ См. русск. перев. Патканова, стр. 64, и изд. Сукри, стр. 38.

11. Хоренский сообщает в Истории, что римский император Тацит (275—276) был убит своими „в Джанике Понтийском“, т. е. в Халдии (II, 76). В полном соответствии с этим свидетельством о Джанике в географическом трактате также сказано — „Джаник — т. е. Халдия“¹.

12. Привожу ниже также те сходства, которые были замечены мною².

В географическом трактате страна Персия разделена на четыре большие области: Мидию, Хужастан, Парс и Арию. Это подразделение непривычно и совершенно ново с той точки зрения, что восточная часть Персии названа Арией³.

Любопытно, однако, что в одном из отрывков Истории Хоренского (II, 57) географический термин Ария упомянут в этом же узком и особом значении, не известном другим авторам древнеармянской литературы.

13. В пространной редакции Географии говорится, что область „Ахмадан“ находилась в Хорасане, то есть Арии.⁴ Это сообщение, конечно, ошибочно.⁵

Крайне интересно, однако, что эту же грубую ошибку мы находим в Истории Хоренского, в которой сообщается, что род Ама-туни, отведенный основателем Парфянского царства, Аршаком I, в Арию, дошел в земле арийской, в краях Ахмадана, до высоких почестей (II, 57).

14. В „Истории Армении“ Хоренского (I, 8; II, 14 и др.) точно так же, как и в географическом трактате,⁶ страны Малой Азии, лежащие между Греческим морем и Понтом, названы Средиземными странами. Насколько мне известно, в древнеармянской письменности этот термин употреблен впервые у историка VIII в. Леонтия в следующем свидетельстве: „страна Мюсигион, что в переводе означает Средиземье“.⁷

15. Не лишне будет также отметить, что в Географии и „Истории Армении“ Хоренского замечается иногда сходство и в транскрипции географических терминов, как, например: а) Алус и Алис

¹ См. изд. Сукри, стр. 27 арм. текста и перев. Патканова, стр. 39. Ср., Халатянц. Армянские Аршакиды, стр. 129.

² См. „Разрешение проблемы Хоренского“, стр. 63—65.

³ См. изд. Сукри, стр. 40—41 арм. текста, а также русск. перев. Патканова стр. 71—79.

⁴ Изд. Сукри, стр. 40.

⁵ Ср. Markwart. Eranschahr, S. 94.

⁶ См. изд. Сукри, стр. 21 арм. текста и русск. перев. Патканова, стр. 28.

См. Леонтий. История, СПб., 1887, гл. 19, стр. 103.

вм. Галис (Halys); б) Галилиа вм. Галилея; в) Галлиус вм. Галлия; г) гуты вм. готы; д) Верия вм. Вирк и др.¹

Приведенные сходства, а иногда и тождества, как нетрудно заключить, ни в коем случае нельзя считать случайными. Неразрывная связь „Истории Армении“ с Географией, мне кажется, совершенно очевидна. Эту связь можно объяснить, как было выяснено в моей работе „Разрешение проблемы Хоренского“, тождеством автора Истории с составителем Географии.

* * *

Тождество авторов „Истории Армении“ и Географии я считал и считаю почти неоспоримым и по другим соображениям.

Предположение это подтверждается сходством, замечаемым в изложении и некоторых приемах обоих произведений. Известно, что Хоренский как историк имеет литературные и стилистические особенности, свойственные ему одному. При описании исторических событий он не ограничивается бесстрастным изложением, а освещает их и расценивает. Этим особенностям содержания его исторического труда соответствуют, естественно, внешние приемы и склад речи Хоренского.

В „Истории Армении“ встречаются очень часто личные выражения автора, которые необычны и крайне редки у других древнеармянских писателей, например: „я знаю“, „я не знаю“, „я полагаю“, „мне кажется“, „я одобряю“, „я не верю“, „я говорю“, „я пишу“, „я начну“, „кажется нам невероятным, другие могут думать, как им будет угодно“ и т. д. Любопытно, что эти же самые выражения повторяются постоянно и в Географии. Нетрудно поэтому прийти к заключению, что и это сходство изложения и слога служит определенным указанием, устанавливающим тождество авторов Истории и Географии.²

В своем исследовании о Хоренском я писал, что приведенные приемы изложения „почти не встречаются у других авторов“.³ Мне было известно тогда же, что приемы эти свойственны отчасти трудам Анания Ширакаци, главным образом его Космографии. Не вдаваясь в подробности этого вопроса, считаю пока нужным отметить, что общность эта объясняется тем, что Моисей Хоренский, на которого имел большое влияние Анания Ширакаци, усвоил

¹ См. мою работу „Разрешение проблемы Хоренского“, стр. 65.

² Сходства эти подробно приведены и рассмотрены в моей работе: „Разрешение проблемы Хоренского“, стр. 67—72.

³ „Разрешение проблемы Хоренского“, стр. 68.

приемы изложения этого писателя, обычные, главным образом, в Космографии, имеющей тесную связь с Географией.

Ввиду исключительной важности проблемы Хоренского считаю необходимым указать еще одну общность, подтверждающую тождественность авторов „Истории Армении“ и Географии.

Одной из особенностей Истории Хоренского является то, что в ней древним мифам дается рациональное объяснение и делается попытка устранить в них элемент сверхъестественный. Хоренский считает мифы аллегориями и полагает, что „в них под иносказанием скрывается истина“.¹ Стараясь рационализировать их, он объяснял, например (I, 30), что под драконом в песнях армянских певцов подразумевался мидийский царь Аждахак, а под драконидами — потомки Аждахака. Такое объяснение мифов свойственно, как известно, в древнеармянской историографии исключительно Хоренскому. Заслуживает, однако, особого внимания то, что одинаково понимает и толкует древние мифы также и составитель Географии.² Из этого определенно явствует, что географический трактат был составлен не Ананием Ширакаци, как обычно утверждают, а историком Моисеем Хоренским.

Отметим еще одну общность, на которую не было обращено внимание в предыдущих исследованиях.

Как известно, основным источником географического трактата были Хорография Паппа Александрийского, Христианская топография Косьмы Индикоплова и неизвестные нам произведения географического содержания VI—VII в. Кроме этих основных источников составитель Географии местами пользовался и другими побочными источниками, из которых нам известны следующие Хроника Иоанна Малалы; Хроника Евсевия Кесарийского; Псевдо-Калисфенова История Александра, Карнамак и армянский перевод Нонна. Оказывается, таким образом, что автор Географии пользовался исключительно теми источниками, которые общи и Истории Хоренского.

Любопытно, кроме того, и то, что как „История Армении“ Хоренского, так и География разделены на отдельные книги или части, одинаково называемые „разделами“ (hatats, то есть tmêma или tomos). История Хоренского была разделена, как выяснено в моем исследовании „Разрешение проблемы Хоренского“ (стр. 75—76), на три „раздела“, или hatats, а географический трактат, первоначальное заглавие которого было, как я полагаю, „Ашхарагир“ или География, был, как

известно, также разделен на hatats'ы. Эти аналогичные и характерные заглавия, крайне редкие в древнеармянской письменности, приводят вновь к заключению, что как География, так и „История Армении“, написаны, действительно, одним и тем же автором.

Таким образом, вопрос об авторе географического трактата разрешается, как видим, с достаточной определенностью. Составителем этого компилятивного произведения был, повидимому, не математик и космограф VII в. Анания Ширакаци, а сам „отец армянской истории“ Моисей Хоренский.

Неправ, поэтому, Патканов, считавший недостоверным имеющееся в преобладающей части рукописей заглавие, в котором автором географического трактата значится Моисей Хоренский. Заглавие это, как видим, находится в полном согласии с нашими выводами и должно быть признано подлинным.

¹ См. новый перевод Эмина, стр. 48.

² См. изд. Сукри, стр. 20 и стр. 45 арм. текста.

Е. Э. ЛИПШИЦ

СЛАВЯНСКАЯ ОБЩИНА И ЕЕ РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ
ВИЗАНТИЙСКОГО ФЕОДАЛИЗМА¹

Известно, что со времени смерти императора Юстиниана и с момента крушения его грандиозных предприятий по восстановлению мировой „римской“ империи вплоть до IX в. византийское государство почти не выходило из тяжелого внешнеполитического кризиса. Войны с сасанидским Ираном, а затем и с арабским халифатом в конечном счете оторвали от империи жизненно важные центры провинций Сирии и Египта; славянские и болгарские войны на Балканах неоднократно ставили под угрозу все европейские владения империи, вражеские полки не раз стояли в эти годы под стенами Константинополя. На Западе — в Италии — лангобарды, франки и папское государство подорвали власть византийских императоров на всем полуострове, оставив от экзархата лишь жалкие клочки.

В то же время империю потрясал и изнутри острый политический кризис, приводивший к частой смене правителей. К тому же из хроник мы узнаем о массовых бедствиях: морах, эпидемиях, голоде, землетрясениях, уносивших большое число человеческих жизней и, следовательно, усугублявших и без того тягостное положение населения империи. Поистине можно сказать, что во всей истории Византии вряд ли можно найти более безотрадный период времени, чем эти три столетия, именуемые не без основания „темными веками“ византийской истории.

Казалось бы, что внешнеполитический кризис в сочетании с экономическим развалом всей государственной системы, сопро-

вождавшимся к тому же естественными бедствиями, должен был неминуемо привести к гибели и самое государство и его правителей. Однако, как известно, этого не произошло. Наоборот, произошло нечто, казалось бы, неожиданное.

Империя успешно справилась со всеми трудностями, прочно удержала оставшуюся часть своей территории, хотя и лишилась важных провинций как на Востоке, так и на Западе. Но более того. Со второй половины IX в. она настолько оправилась, что смогла перейти при императорах Македонской династии в новое наступление, побивая своих противников на полях битв и распространяя свое культурное влияние в дни мира через православных миссионеров.

Если империя VI в. кажется государством, стоящим на краю гибели, то империя X—XII вв. переживает „второй золотой век“, по образному выражению Шарля Диля.

Но спрашивается, откуда же империя почерпнула силы, которые ей дали возможность справиться со всеми осаждавшими ее извне и изнутри врагами? Этот вопрос — важнейший для понимания всего хода исторического развития Византии — ставился неоднократно исследователями еще в XIX в.

Наиболее значительный вклад в дело его разрешения внес академик В. Г. Васильевский.¹ В своих исследованиях, посвященных внутренней истории Византии, Васильевский высказал мысль, что решающую роль в процессе обновления империи сыграла славянская колонизация — распространение на территории империи славянских общин в VII—VIII вв. Сходную точку зрения высказывал и академик Ф. И. Успенский.² Таким образом, вопрос этот оказался теснейшим образом связанным с проблемой славянской колонизации Балканского полуострова и вызвал острую дискуссию в кругах историков и филологов в течение всего XIX в.

Однако возникает вопрос: почему же, несмотря на большое внимание, которое отводилось проблеме о роли славянской общины Византии крупнейшими исследователями, она осталась и до сих пор далеко не выясненной. Главной причиной такого положения вещей является исключительная скудость документации по социальной и экономической истории Византии этого периода времени.

¹ В. Г. Васильевский. Законодательство иконоборцев. Труды, т. IV, Л., 1930.

² Ф. И. Успенский. К истории крестьянского землевладения в Византии. ЖМНП, 1883, кн. 2, ч. 223; его же. Социальная эволюция и феодализация Византии, Анналы, II, 1923 и др.

¹ Настоящая статья представляет собой автореферат одноименного, подготовленного к печати исследования. Доложена на сессии Отделения истории и философии АН СССР 28 апреля 1945 г.

Бедность сведений, имеющих в распоряжении современных исследователей, объясняется в значительной степени тем, что эпоха славянской колонизации в Византии совпадает с временем исключительно обостренных религиозных дискуссий иконоборцев с иконопочитателями, выросших на почве глубоких социальных противоречий и сопровождавшихся уничтожением большого числа документальных и литературных источников.

Частые упоминания у византийских и западноевропейских писателей, современных изучаемой эпохе, о многократных нападениях славян на империю и даже об их поселении на территории империи не оставляют как будто бы места каким-либо сомнениям в самом факте славянской колонизации. Однако краткость и неопределенность этих сообщений нарративных источников не дает возможности восстановить последовательный ход событий и локализовать и характеризовать с достаточной точностью и полнотой самые поселения. Единственный документ, содержащий более или менее подробные данные, позволяющие судить о внутреннем строе крестьянских общин и об их повседневной хозяйственной жизни — „Земледельческий закон“. Но этот документ не имеет в своем тексте указания ни на место, ни на время своего издания. Закон этот, являющийся бесспорно уникальным по своей важности памятником, заслуживающим первостепенного внимания при изучении проблемы славянской колонизации, представляет в то же время чрезвычайно значительные трудности как в отношении своего истолкования, так и в смысле датировки и локализации. Неудивительно поэтому, что, несмотря на все достоинства аргументации академика Васильевского, а затем и академика Успенского, вопрос остался дискуссионным.

В начале текущего столетия ученый секретарь Русского археологического института в Константинополе Б. А. Панченко попытался дать в своем исследовании о крестьянской собственности в Византии интерпретацию закона, диаметрально противоположную той, которую отстаивали его предшественники.¹ Б. А. Панченко отвергал полностью все главные положения В. Г. Васильевского и отрицал самый факт существования общины в Византии.

Несмотря на весьма авторитетную и основательную критику,²

¹ Б. А. Панченко. Крестьянская собственность в Византии. Изв. Русского археологического института в Константинополе, X (1904).

² Ср. П. Б. Безобразов. Византийский Временник, т. XVII. Рецензия на работу Мутафиева П. Сельское землевладение в Византии. София, 1910; А. А. Васильев, ЖМНП, ч. 239, 1905, № 6, отд. 2, стр. 452—453; Кером. Михаил. Византийский Временник, т. XI, стр. 588.

встреченную его работой, она повлияла на последующих исследователей.¹

В настоящее время, когда, в ходе дальнейших исследований и публикаций нового материала, вопрос приобрел значительно большую ясность, своевременно поставить его вновь, хотя и сейчас далеко не все может считаться окончательно разрешенным.

Основанием для нового рассмотрения вопроса является прежде всего то, что в течение текущего столетия был опубликован новый материал, который не был использован, а отчасти и не был известен во времена В. Г. Васильевского и Ф. И. Успенского. К тому же разбросанные данные источников сейчас систематически сведены и критически пересмотрены заново. После работ А. А. Васильева,² Л. Нидерле,³ Ф. Дворника,⁴ а также и некоторых статей наших советских исследователей, вопрос славянской колонизации Балканского полуострова может считаться во многих своих частях выясненным. Важные данные, конкретизирующие картину аваро-славянских нападений на византийский пограничный придунайский район в VI в., внесли материалы археологических исследований, производившихся в Болгарии в течение последнего десятилетия. Находки оружия, сельскохозяйственных орудий, предметов украшения, выявление самого характера этих укрепленных деревенских общин, расположенных в стратегически сильных пунктах обороны империи по дунайской ее границе, прекрасно дополняют и корректируют неполные и часто неточные данные письменных источников. Дальнейшие археологические исследования, надо думать, позволят заполнить многие пробелы в наших знаниях, — пробелы, казавшиеся совсем еще недавно почти безнадежными. Но и в отношении круга вопросов, связанных с „Земледельческим законом“, мы располагаем сейчас значительно более богатым материалом, позволяющим внести в истолкование этого важнейшего для социальной истории Византии источника значительно большую ясность,

¹ Ср., напр., G. Ostrogorsky. Die ländliche Steuergemeinde des byzantinischen Reiches im X Jahrh. Vierteljahrschr. für Social- und Wirtschaftsgeschichte, XX. Stuttgart, 1927; Г. Острогорский. Византийский податный устав. Сб. ст. изд. в память Н. П. Кондакова, Прага, 1926; F. Dölger. Beiträge zur byzantinischen Finanzverwaltung besonders des IX—X Jahrh., Byz. Archiv, H. 9, 1927; C. Vernadsky, Byzantium, II (1925) и некоторые другие исследования.

² А. Васильев. Славяне в Греции. Византийский Временник, т. V.

³ L. Niederle. Manuel de l'antiquité slave, I—II, 1923.

⁴ F. Dvornik. La vie de saint Grégoire le Dédapolite et les slaves macédo-niens au IX siècle. Paris, 1926; F. Dvornik. Les slaves, Byzance et Rome au IX siècle, Paris, 1926.

а тем самым и с гораздо большей определенностью ответить на вопрос о месте и роли славянской общины в Византии.

Прежде всего нужно сказать, что мы значительно продвинулись вперед в деле выяснения первоначального подлинного текста „Земледельческого закона“. Известно, что „Земледельческий закон“ принадлежит к числу документов, пользовавшихся исключительной популярностью на Балканах в течение всего Средневековья. В рукописных собраниях Западной Европы, Советского Союза и балканских государств насчитывается около сотни списков этого закона X—XVI вв., не говоря уже о позднейших законодательных сборниках славянских балканских государств, куда он был включен. Сравнительно недавно был опубликован текст „Земледельческого закона“ по рукописи XVIII в., хранящейся в собрании Румынской Академии Наук,¹ представляющий ряд значительных и чрезвычайно интересных отступлений от текста рукописей более раннего времени. Вообще, в рукописной традиции текст „Земледельческого закона“ представлен чрезвычайно многообразно и богато. Не говоря уже о его многочисленных вариантах в греческих рукописях, имеется и несколько переводов его на славянские языки.

В настоящее время, на основе работ, проделанных предшествующими исследователями, а также непосредственного изучения рукописных версий закона в собрании Государственного Исторического музея в Москве, удалось разбить существующие его варианты на семьи и выделить группу рукописей, воспроизводящих текст его, вероятно очень близкий к оригиналу.

По моим наблюдениям, именно к этой группе принадлежит одна из древнейших рукописей закона, находящаяся в собрании Государственного Исторического музея в Москве (№ 318/467), поразительно близкая к опубликованной В. Эшбернером² рукописи Парижской Национальной библиотеки (Par. gr., 1367) XII в. Она вносит ряд существенных поправок к основному тексту В. Эшбернера, наиболее обоснованной из числа имеющихся в настоящее время публикаций закона, выполненной по материалам семи древнейших рукописей западноевропейских собраний. Изучение этого древнейшего текста показало, однако, что и он представляет собою в достаточной мере сложное образование. В нем различаются и сейчас следы многократных дополнений, напластований, несомненно отражающих длительный и сложный процесс сложения

¹ Dinov Arion. Le νόμος γεωργικός et le régime de la terre dans l'ancien droit Roumain jusqu'à la réforme de C. Mavrocordat. Paris, 1929.

² W. Ashburner. The Farmer's law. The Journal of Hellenic Studies, XXX (1910) и XXXII (1912).

норм и обычаев, запечатленных в законе. Если в некоторых случаях эти наслоения и добавления и должны быть отнесены за счет перередактирования уже написанного текста закона, то другие — по всей вероятности — объясняются самим специфическим характером памятника, представляющего собой запись веками слагающихся обычаев и отдельных случаев правонарушений (ст. 11, 14, 27, 28). Таким образом, изучение внешней истории текста закона дает основание утверждать, что он представляет собой памятник обычного права, что прекрасно согласуется с „варварским“ характером греческого языка, на котором он написан.

Некоторые новые соображения могут быть высказаны и по вопросу датировки закона. Выше уже было указано, что никаких прямых данных о времени, месте и издателе закона, а также о его назначении, в нем самом не имеется. И в других источниках не содержится каких-либо указаний не только на издателя „Земледельческого закона“ или на время его издания, но и на самый факт его существования. Это тем более удивительно, что закон многократно переписывался и воспроизводился уже в древнейшие времена и использовался при составлении таких компиляций, как, например, Эклога, измененная по Прохирону, что указывает на исключительно большую его популярность. Основываясь на упоминании имени Юстиниана в заглавии закона, имеющемся в некоторых его версиях, исследователи пытались на этом построить гипотезу о том, что он был издан в VII в. Юстинианом II.¹ Это предположение было высказано еще Куяцием, Бахом, Райцем и Шеллем, но было оставлено, как неосновательное, уже в XIX в. Мортрейлем, Цахариэ фон Лингенталем и Васильевским. Я не имею возможности останавливаться здесь детально на рассмотрении этого вопроса, отмечу лишь, что на основании тщательной проверки истории текста заглавия закона, а также содержания закона, эта точка зрения мне представляется совершенно неверной. Имя Юстиниана обычно сопровождает в древнейших версиях сообщение о выборках из законодательных сборников, вошедших в состав „Corpus juris civilis“ Юстиниана I и, вероятно, фигурирует для придания „Земледельческому закону“ большей авторитетности и веса. Никаких оснований говорить о Юстиниане II заглавие поэтому не дает.

Сопоставление двух редакций статьи 19 показывает, что вторая, позднейшая из них, трактует о налсговых мероприятиях Никифора. Это дает основание считать, что закон возник до

¹ G. Vernadsky. Op. cit., p. 72.

802 г., т. е. до времени воцарения Никифора. Однако наличие в нем в то же время черт большого родства с Эклогой указывает, что он был издан одновременно с Эклогой или, вернее всего, вслед за ней, т. е. в промежуток времени между 741 и 802 гг.

Анализ его текста указывает на то, что нормы и обычаи, фиксированные в нем, складывались длительно, вероятно в течение нескольких столетий. Запись закона подвела итог этому сложному и длительному процессу.

Работа над текстом закона позволяет в настоящее время сделать некоторые новые выводы о локализации поселений, о которых в нем идет речь, а следовательно, и о его происхождении и назначении. Ландшафт, характеризуемый законом, — гористая, лесистая местность, прорезанная проточными водами, сильно запущенные, заброшенные местности — совпадает с границами империи VII — VIII вв.

Постоянные упоминания о лесной чаще, населенной дикими зверями, о нападении диких зверей на скот, о разработке и выжигании лесных участков, о распашке нови, об использовании целины в этом отношении достаточно выразительны, трактуя о хозяйственном быте селений, разбросанных в округах заброшенных, опустошенных и потому вновь осваиваемых.

Самая терминология закона является лучшим подтверждением этого положения. Постоянно встречающийся на протяжении текста закона термин „новъ“ (с производными от него глаголами), лишь в позднейших версиях уступающий место другим терминам для обозначения пахоты, с очевидностью показывает, что дело идет по преимуществу о разработке лядины, лесных зарослей, целины. Этот вывод подтверждается и другими данными, рассеянными во многих статьях закона.

Статьи закона дают основание судить и о земледельческой технике, о системе полевого хозяйства, сообщая интересные сведения об орудиях, применявшихся при земледельческих работах. Анализ материала закона, сопоставление с данными других источников — письменных и археологических, а также изображений в миниатюрах, позволяет прийти в этом отношении к некоторым новым конкретным выводам. Результаты его показывают, что в поселениях, быт которых отражен в древнейшем тексте закона, имела широкое применение лядная система хозяйства при плужной обработке поля с применением рабочего скота.

Сопоставление данных закона с западноевропейскими законодательными памятниками современной ему эпохи показывает, что уровень сельскохозяйственного производства в Византии вполне

совпадает с уровнем его в западноевропейских странах в ту же эпоху.

Я не буду останавливаться на более детальной характеристике хозяйственного быта, получившего отражение в законе, несмотря на важность этих сведений для истории хозяйственного быта Византии, сравнительно бедно документированного для рассматриваемой эпохи. Отмечу лишь, что из отраслей земледельческого хозяйства наибольшее внимание, кроме хлебопашества, отводится виноградарству и виноделию. Кроме того, упоминается о садоводстве. Но наибольшее место, наряду с хлебопашеством, занимает скотоводство. Контингент домашних животных, упоминаемых постоянно на протяжении текста закона, достаточно разнообразен: крупный рогатый скот, свиньи, овцы, бараны, ослы, собаки — объекты, которым законодатель уделяет самое большое внимание, детально регламентируя систему ухода за животными и обращения с ними.

Данная выше краткая характеристика системы сельскохозяйственного производства, основанная на всех имеющихся в настоящее время в нашем распоряжении данных, вероятно, далеко не полно отражает все многообразие действительности. „Земледельческий закон“ характеризует лишь одну определенную категорию поселений.

Но какова же была специфика тех сельских поселений, о которых шла речь, и какова их социальная природа? „Земледельческий закон“ дает для ответа на эти вопросы значительный материал. Из статей его вытекает с полной очевидностью, что те $\gamma\epsilon\omega\rho\gamma\acute{o}\iota$, о которых в нем говорится, были одновременно и непосредственными производителями, возделывающими поля своими руками, и владельцами участков, полноправно распоряжающимися своей землей, вплоть до возможности обмена ее со своими односельчанами на вечные времена (ст. 3; 4; 5). Нередко в одной и той же статье можно встретить обозначение одного и того же лица терминами $\gamma\epsilon\omega\rho\gamma\acute{o}\varsigma$ — земледелец — и $\chi\acute{o}\rho\iota\omicron\varsigma$ $\tau\eta\varsigma$ $\chi\acute{o}\rho\alpha\varsigma$, $\tau\omicron\upsilon$ $\acute{\alpha}\gamma\rho\omicron\upsilon$ и т. д. (ст. 17).

Термин же $\chi\acute{o}\rho\iota\omicron\varsigma$ в значении землевладельца $\tau\omicron\upsilon$ $\chi\acute{o}\rho\iota\omicron\upsilon$ $\chi\acute{o}\rho\iota\omicron\varsigma$ встречается лишь в одной из позднейших версий закона, относящихся к XII в., где речь идет о хозяине земли в смысле крупного землевладельца, феодала — владельца целого селения ($\delta\epsilon$ $\tau\omicron\upsilon$ $\chi\acute{o}\rho\iota\omicron\upsilon$ $\chi\acute{o}\rho\iota\omicron\varsigma$), в новом абзаце, добавленном в ст. 81, отражая, видимо, уже изменившиеся к этому времени отношения.

Каждый участок земли — доля, жребий ($\mu\acute{\epsilon}\rho\omicron\varsigma$, $\mu\epsilon\rho\acute{\iota}\varsigma$, $\sigma\chi\acute{\alpha}\rho\tau\iota\omicron\nu$), включавший и пашню, и виноградник и сад, находился, по данным закона, в собственности отдельных земледельцев. Последние имели право полного распоряжения своими участками. Лишь о возмож-

ности полного отчуждения, продажи участков закон нигде не упоминает.

Однако, как показывает самая терминология закона, собственность эта в то же время носила в себе ярко запечатлевшиеся в терминах следы своего общинного происхождения. Ведь и доля (*μέρος* или *μερίς*) и жребий (*σκήρσιον*) — термины, явственно указывающие на предшествующий раздел (*μερισμός*, *μερίσις*) некогда единой территории, очевидно находившейся в коллективной собственности всего села, „мира“, и разбитой на отдельные части (*μερίδες*). Неудивительно поэтому, что вопросу раздела земли закон уделяет специальное внимание, упоминая об общинных угодьях, пока еще не подвергавшихся разделу (ст. 32).

Во всех древнейших рукописях закона, помимо того, имеется специальная статья, допускающая возможность передела земли, если раздел был произведен несправедливо в жребиях и местоположении (ст. 81). Однако о существовании периодических переделов земли в законе и в современных ему источниках никаких упоминаний не имеется. Единственное свидетельство, говорящее в пользу предположения об их существовании, — это замечка магистра Космы, византийского юриста X в., — истолкованная впервые в этом смысле академиком Ф. И. Успенским.¹

Наличие общинных угодий, которыми распоряжался „мир“, нашло свое яркое отражение в законе. И постановления о переделе земли (ст. 8), и система превращения всех земель в общие пастбища для скота после снятия с них урожая (ст. 78 и 79), и право неограниченного потребления плодов в чужих виноградниках (ст. 61), и отсутствие полной кристаллизации права частной собственности на определенный участок земли (ст. 21) — все это черты, объяснимые лишь как остатки обычаев и порядков общинно-родового строя, следы исчезающего, но еще существующего господства некогда неограниченных общинных прав. Любопытно то, что закон в отношении права захвата брошенных земель другим лицом резко противопоставляет свое постановление законоустановлению Юстинианова кодекса. В случае захвата земли, возвратившиеся хозяева имели право претендовать, по постановлениям закона, лишь на равноценный участок, но отнюдь не на тот, который перешел в результате захвата в пользование другого владельца.

Важнейшей стороной процесса рождения частной собственности являлся рост общественного неравенства внутри общины. С этой точки зрения исследование текста закона дает большой, богатый

¹ Ф. И. Успенский. Наблюдения по сельскохозяйственной истории Византии, ЖМНП, ч. CCLIX, 888, октябрь, отд. II, стр. 241.

и интересный материал, характеризуя разнообразные формы крестьянской зависимости. Апоры, испольщики, мортиты, мистоты, рабы — таковы термины для обозначения этих зависимых людей, встречающиеся в законе. Анализ форм крестьянской зависимости не входит в задачу данной статьи, поэтому и на характеристике этих категорий специально останавливаться не буду. Отмечу лишь, что наряду с совершенно новыми для византийского права категориями крестьянской зависимости, как, например, мортит, мы здесь находим и старые термины — раб, мистот. Однако, как показывает изучение данных закона, поставленных в связь с показаниями других источников, в эти термины вкладывалось содержание, сильно отличавшееся от того, которое им придавалось во времена Юстиниана I.

Наличие неравенства, сосредоточение в руках одних членов общины движимого имущества, скота и даже рабов за счет обеднения и разорения других, утративших необходимые средства производства, — черты, характерные для стадии сельской общины — марки, — могут с полной ясностью быть констатированы в общинах „Земледельческого закона“.

Но какова же была та внешняя обстановка, в которой жили эти общины, и отразилась ли она как-либо в данных закона? В этом отношении чрезвычайно важны две статьи его (18 и 19), упоминающие о налоговых тяготах, возложенных на членов общины. В случае бегства земледельца со своего участка, налоговое обложение за покинутый участок должны были уплачивать односельчане бежавшего в порядке взаимной ответственности — круговой поруки, причем в ст. 19 в позднейшей редакции ее имеется ясный намек на *ἐπιβολή*, обычную в Византии „прибавку“ или „прикидку“ к постоянному налоговому обложению.

Наличие круговой поруки, в условиях развивающегося внутри общины имущественного неравенства, естественно, ложилось особенно тяжелым бременем на малосостоятельных членов общины. Раскладка поровну между неравными в имущественном отношении хозяйствами не могла не способствовать ускорению процесса внутреннего расслоения общины и разорению маломощных хозяйств. Именно этой тяжестью налогового гнета можно объяснить часто упоминаемые законом случаи бегства из сел и забрасывания участков их владельцами. Нужда в деньгах, необходимых для взноса платежей в казну, создавала благоприятные условия и для развития ростовщичества. Неимущие члены общины отдавали свои земли в заклад, уходя, в поисках заработка, в другие места или превращаясь в зависимых людей.

Выше уже говорилось, что заглавие закона содержит в некоторых рукописях указание на использование в нем законодательных сборников Юстинианова права, в виде переводов и парафраз, созданных уже в VI в. Однако замечательно то, что ближайшее ознакомление с содержанием древнейшего текста закона показывает, что это указание соответствует действительности лишь в очень незначительной степени.

В древнейшем тексте заимствований из Юстинианова права очень немного. Число их возрастает в позднейших версиях за счет пропуска некоторых других статей.

Огромное большинство статей закона представляет собой при сравнении с Юстиниановым правом совсем новое право, частично находящее себе аналогии в западноевропейских варварских Правдах V—VIII вв.

И следует сказать, что по своему ярко выраженному эмпирическому характеру, по отсутствию строгой системы в расположении отдельных постановлений, по отсутствию каких-либо обобщенных норм „Земледельческий закон“ имеет с варварскими Правдами сходство, гораздо более поразительное, чем со сборниками римского и римско-византийского права, о которых упоминает его заглавие.

Сходство с варварскими Правдами сказывается с наибольшей определенностью в самом конкретном подборе разбираемых случаев правонарушений. До двадцати статей „Земледельческого закона“ трактует о сюжетах, вполне аналогичных с соответствующими им статьями Салической и других Правд.

Однако, при наличии этого сходства, нужно отметить весьма важные различия — в системе наказаний. Вместо обычных для „Земледельческого закона“ санкций — клеймение, отсечения руки, сожжения, наказания плетью — варварские Правды предусматривают систему денежных штрафов. Система санкций закона роднит его не с варварскими Правдами, а с византийской Эклогой и с предшествующим римско-византийским законодательством. И обрезание языка, и клеймение, и ослепление, и отсечение руки применялись в Византии задолго до „Земледельческого закона“ преимущественно по отношению к рабам и частично к низшим категориям свободных (*humiliores*; ср., например, Nov. XVII, 8(535); Nov. XLII (537); Nov. CXXXIV, 18).

Подобной системы членовредительных наказаний мы не находим и у балканских славян. Характерно, что болгарский закон „Судный людем“, изданный, вероятно, при царе Симеоне и основанный в значительной степени на византийской Эклоге, смягчал наказа-

ние последней, заменяя членовредительные и телесные наказания денежным штрафом.¹

Следовательно, нельзя не констатировать в „Земледельческом законе“ известной двойственности: с одной стороны — черт общинных обычаев и порядков, сближающих его с варварскими Правдами, с другой — элементов римско-византийской правовой системы, пронизанной пережитками рабовладельчества. Объяснение этой двойственности, думаю, мне, можно найти, если поставить этот памятник в связь с историческими событиями, которые переживала империя в VI—VIII вв., т. е. в период сложения и фиксации постановлений закона.

Вкратце их можно суммировать следующим образом.

Изучение всей наличной документации показывает, что еще в период IV—V вв. в балкано-малоазиатских областях бытовали свободные крестьянские общины, сохранявшие в себе черты родового строя и ряд свойственных этой стадии общественного развития обычаев и порядков. Одни из этих общин издавна существовали на территории империи, другие представляли собой новые поселения варварского происхождения².

Условия существования крестьянских общин и в европейских и в византийских областях были, по единогласным показаниям всех наличных источников, крайне тяжелы. Сообщения о восстаниях и протестах крестьянских масс проходят красной нитью через письменные документы этого времени. Несмотря на пополнение числа общин за счет новых варварских поселений, количество свободных крестьян в империи все уменьшалось.

Однако и в VI в., во времена Юстиниана, в малоазиатских горных областях продолжало существовать множество больших селений (*χωρὸν τι ἐστὶν αὐτῇ πλῆθος μεγάλον*), население которых отличалось, в глазах византийского правительства, „своеобразием своего образа жизни“ (*τῆς κατὰστάσεως ἰδιωτικῆς*), т. е., очевидно, сохранением своих родовых обычаев. На Балканах в VI в. некоторые из общин варварского происхождения, расположенные в пограничном придунайском районе, были укреплены. Данные новейших археологических исследований, произведенных в районе балканских

¹ См. Т. Флоринский. Древнейшие памятники болгарского права. Сборник по истории права, посвященный М. Ф. Владимирскому-Буданову, 1914, стр. 413.

² См. А. Jones. The cities of the Eastern Roman provinces, Oxford, 1937 (с подробной библиографией по отдельным провинциям); A. Ramsay. The historical geography of Asia Minor; Cities and bishoprics of Phrygia; McLean Harper. Village administration in Roman province Syria, Yale, 1928, и др.

укреплений империи, вскрывают условия повседневного существования и гибели некоторых из этих общин, разрушенных штурмом аваро-славянских племен. Население их занималось в мирное время сельскохозяйственным трудом, а во время войны несло также и важнейшие защитные функции.

Начиная с VI в., по свидетельству современников, на территории империи появляются прочные поселения славянских племен. Острая гражданская война, разгоревшаяся на востоке империи в VII в., восстание димов в Константинополе, военные мятежи — события, которыми был отмечен период правления последних предшественников Ираклия, подготовили почву для успешного продвижения не только иранских, но затем и арабских войск.

В условиях обострившихся классовых противоречий внутри империи и слабости и расшатанности центральной власти, терпевшей удар за ударом на Востоке, империя не могла противостоять прочному заселению большей части Балканского полуострова славянами в конце VI и первой половины VII вв.

В середине VII в. начинается целая серия экспедиций византийских императоров и полководцев против славянских племен. Первоначально, связанные по рукам и ногам напряженной войной на Востоке, императоры выступали лишь против македонской — северной группы племен, представлявшей более непосредственную опасность для столицы. Однако походы эти (657, 678, 687 гг.) привели лишь к незначительному успеху. Некоторые племена признали верховенство империи и частью были переселены (Юстинианом II) в малоазийский округ Опсикий. Прочие же остались независимыми, хотя территория, занятая их поселениями, и считалась номинально византийской.

В дальнейшем, в течение первой половины VIII в., никаких известий о походах императора против славян до Константина V (поход 758 г.) не имеется. Внутренние смуты, которые заполняли историю империи в начале VIII в., дворцовые перевороты, осада арабами Константинополя в 717 г., павликианское, иконоборческое движение поставили в центр внимания правительства иные животрепещущие вопросы.

Итак, ко времени издания „Земледельческого закона“ (т. е. к середине VIII в.) значительная часть территории империи была заселена славянскими племенами.

Племена эти могут быть подразделены на две большие группы. Одни — большая часть — сохраняли независимость от империи; другие были в большей или меньшей степени подчинены императорами (Константом II, Константином Погонатом и Юстинианом II).

И хотя империя сохранила во всех своих балканских провинциях отдельные укрепленные посты — фемы, как Фессалоники, Стримон, крепости на Эвбее, укрепления Патр, Коринфа, Никополя и т. д., все же основная масса населения этих районов удерживала в большей или меньшей степени независимость от империи и обычаи и порядки, отличные от византийских.

На основании фрагментарных сведений источников трудно установить точную локализацию этих общин и хронологию процесса колонизации. Но даже и имеющиеся данные позволяют заключить, что поселения славянских племен, не всегда известных по имени, имелись не только на европейской, но даже, в результате внутренней колонизации, проводившейся императорами, и малоазиатской территории.

В Македонии в VII в. близ Фессалоник жило племя берзитов (βερζῆται), участвовавшее в осаде Фессалоник 676 г. Далее, к востоку от них, по реке Струмице жили участники осады 685—687 гг. струмонцы и стримонцы (Стримони́ται у Камениаты и σλαβῖνοι οἱ ἀπὸ τοῦ Στρίμωνος в легенде о Дмитрие Солунском). Вероятно, именно в эти районы Македонии и ходил Юстиниан II в 637 г., о чем глухо сообщают Феофан и Константин Багрянородный. По реке Мести (Местос), по сообщению Никиты Хониата, жили смоляне. Никита упоминает о существовании фемы смолян (σμολένοι, τὸ θέμα τῶν Σμολένων). На юго-запад от смолян, на реке Ринкине, на берегу Орфанского залива жили ринкины, о которых упоминается в легенде о Дмитрие. Близ ринкинов жили сагудаты (σαγούδατοι, σαγούδαται, σαγούδαοι). На запад от Фессалоник находились поселения другувитов (легенда о Дмитрие). Одноименные с ними драгувиты жили и в северо-западном углу Фракии — в районе соединения Родоса с Балканами. Там и сейчас имеется речка, носящая именование Дреговицы. Кроме этих племен, на побережье южного Эпира к северу от залива Арты жило племя ваюнитов (βαιουνῖται), также участвовавшее в осаде Фессалоник 676 г.

В окрестностях Фессалийских Фив и Дмитриады находились селения велегизитов, выступавших в союзе с ваюнитами.¹

В Греции, близ древней Спарты, на восточных и западных склонах Тайгета, жили милинги и езериты, многократно отважно выступавшие против византийских властей, несмотря на применявшиеся по отношению к ним репрессии (о них сообщает Константин Багрянородный).

В Малой Азии уже в середине VII в. в Вифинии существовали славянские поселения. Об этом свидетельствует сохранившаяся

¹ L. Niederle. Manuel de l'antiquité slave, I, 1923, стр. 107 сл.

печать славян-федератов, относящаяся ко времени около 750 г.¹ Были и некоторые другие поселения.

Славянские племена, поселившиеся на территории империи и в ближайшем соседстве с ней, вошли в тесное соприкосновение с местным населением. По всей вероятности, в рассматриваемую эпоху их объединения уже не представляли собой родовых общин, объединенных единством родового происхождения, а являлись сельскими территориальными общинами.

По мнению Дринова, около половины VII в. балканские славяне были разделены на множество отдельных колен, соединенных не столько общим происхождением, сколько общим сожителем, — большинство из них называлось не по имени родоначальника, а по местности.²

Отдельные общины под руководством своих князей-жупанов объединились в крупные союзы племен для совместной борьбы против византийских властей.

Таков был, например, союз другувитов, сагудатов, белегезитов, ваюнитов и других племен при осаде Фессалоник 676 г. Иногда же, как, например, в 685—687 гг., такого полного единства действий не было: в то время как одни племена (ринхины, стрименцы и сагудаты) осаждали Фессалоники, другие (белегезиты) поддерживали осажденных, доставляя им съестные припасы.

Как известно, славянские общины оказывали упорное сопротивление византийским властям, пытавшимся наложить на них тяжелые путы византийского подданства. Добиться полного осуществления своих целей империи удалось лишь через много столетий. Даже еще в XIII в., в эпоху франкского завоевания, фессалоникских славян характеризовали как смелых людей, не имеющих почтения к императору.

В VII—VIII вв. дело обстояло, следовательно, еще значительно хуже для империи. Степень подчинения отдельных племен византийскому императору была различна, определяясь в каждом отдельном случае исходом борьбы.

В одних случаях признание византийского верховенства влекло за собой насильственное переселение покоренных в другие области. Таков был результат борьбы Юстиниана II против македонской группы славян. В других — следовали иные тягостные для подчиненных последствия. Репрессии против пелопонесских племен ми-

¹ Б. А. Панченко. Памятник славян в Вифинии. Изв. Русского археологического института в Константинополе, VIII (1902).

² М. С. Дринов. Заселение Балканского полуострова славянами, М., 1872, стр. 15

линггов и езеритов включали обложение их данью, сумма которой впоследствии неоднократно менялась в зависимости от соотношения сил борющихся сторон. Наконец, иногда расправа приводила к полному закрепощению побежденных. Такова была, например, судьба славянских общин, участвовавших в осаде Патр в 807 г. Константин Багрянородный сообщает, что они превратились в анапографов метрополии и должны были содержать за свой счет, деля между собой тяготы, всех приезжих в метрополию сановных и должностных лиц.

Константин приводит любопытное донесение пелопонесского протоспафария Иоанна Протея императору Роману Лекапину (по поводу восстания милингов и езеритов), в котором упоминаются три пункта обязательств, которые правительство стремилось налагать на покоренных. Пункты эти следующие: 1) признавать архонтов, назначенных византийским стратигом, 2) отбывать военную службу и 3) платить известную подать.¹

Однако, как показывают имеющиеся далеко не новые, вероятно, данные источников, таких результатов византийским властям удавалось добиваться далеко не всегда. В отношении первого пункта между племенами были существенные различия. Сагудаты, по свидетельству Константина Багрянородного, еще и в X в. сами избирали своих вождей, лишь затем утверждавшихся стратигом.² В некоторых племенах, с другой стороны, вожди были прямыми ставленниками империи. Так, например, в 807 г. некоторые из вождей сообщили заранее правительству о подготавливаемом восстании. Наконец, смоляне, славяне Стримона, Опсикия и другие просто подчинялись византийским начальникам. То же, вероятно, имело место и по отношению к другим пунктам, перечисленным в донесении Протея.

Но из этого вытекает, что даже из числа славянских племен, подчиненных империи, многие в рассматриваемую эпоху еще должны были, вероятно, сохранить в более или менее неразрушенном виде свои обычаи и порядки — обычаи и порядки, свойственные высшей стадии варварства, хотя и деформированные враждебными византийскими властями. Именно благодаря этому обстоятельству общины, широко распространявшиеся по территории империи в VI—VIII вв., и могли внести струю новой жизни в византийское общество и государство в переживаемый им критический момент. Именно поэтому они и сыграли роль, более или менее аналогичную роли общины-марки на Западе.

¹ Const. Porphy. De adm. imp., 217.

² Const. Porphy. De cer., 37; De adm. imp., 223.

Источники сохранили мало сведений о внутреннем строе этих общин, об условиях их хозяйства и повседневного существования, уделяя преимущественное внимание описанию военных достоинств и тактических приемов славянских племен, которые, естественно, особенно интересовали их противников. Однако в „Тактике“ стратега Маврикия (источнике, относящемся, по всей вероятности, к концу VI или началу VII в.) можно найти наряду со специфически военными вопросами и чрезвычайно интересные данные хозяйственно-бытового порядка. Отмечая, что „племена славян и антов сходны по своему образу жизни, по своим нравам, по своей любви к свободе“, Маврикий делает некоторые любопытные наблюдения и в части характеристики этого образа жизни и особенностей, вероятно наиболее бросавшихся в глаза. По его словам, у славян „имеется большое количество скота и плодов земных, лежащих в кучах, в особенности проса и пшеницы“, что несомненно указывает на широкое развитие скотоводства и земледелия. Селятся же они, по сообщению Маврикия, в лесах, у непроходимых рек, болот и озер. Кроме того, описывая их военные приемы, он замечает, что они не имеют над собой главы и враждуют друг с другом; из этого можно заключить об их догосударственном состоянии, характерном для высшей стадии варварства.¹

Итак, в итоге краткого обзора важнейших черт истории славянских колонизаций на территории империи, нами установлены следующие наиболее существенные моменты.

1. Славянские поселения представляли собой в VI—VIII вв. сельские территориальные общины с чертами, характерными для высшей стадии варварства.

2. В рассматриваемую эпоху они получили широкое распространение по всей территории империи, располагаясь и в балканских и в малоазийских ее областях (в последних — в результате насильственных переселений, практиковавшихся византийскими императорами).

3. Излюбленными районами поселений славянских племен были глухие, лесистые местности, часто у рек и озер.

4. Хозяйство их включало в себя широко развитое скотоводство и земледелие (злаки).

5. Признание ими верховенства империи влекло за собой подчинение византийским властям, или их ставленникам, и отбывание

¹ Те же черты отмечает и Прокопий (*De bell. Goth.*, III). Первое славянское Болгарское государство возникло в придунайском районе в последней четверти VII в. и охватило на первых порах лишь незначительную часть славянских племен.

военной повинности, уплату налогов и податей (наравне с низшими категориями свободных византийского общества); в худших случаях следовало закрепощение.

Но и по данным „Земледельческого закона“ было установлено:

1) Что закон был ориентирован на регламентацию жизни сельских поселений, имеющих ярко выраженные черты высшей стадии варварства — и именно стадии сельской территориальной общины-марки.

2) Что поселения эти локализовались в глухих и заброшенных лесистых областях близ проточных вод.

3) Что хозяйственная жизнь этих сельских общин характеризуется широким развитием скотоводства и разнообразных видов земледелия (в том числе и хлебопашества).

4) Что система санкций закона приравнивала юридическое положение членов общины к положению низшей категории свободных, подлежащих налоговому обложению.

Сопоставление тех и других независимо друг от друга полученных выводов дает основания утверждать, что происхождение „Земледельческого закона“ стоит в непосредственной связи с распространением славянских поселений на территории империи. Именно этим можно объяснить бросающееся в глаза сходство отразившихся в законе обычаев с описаниями быта славянских племен, игравших столь важную роль для империи в современную закону эпоху.

Однако вывод этот требует существенного уточнения. Вряд ли можно считать, что пределы применения закона ограничивались одними лишь славянскими общинами. Против такой интерпретации памятника говорит ряд веских соображений.

Прежде всего обращает на себя внимание отсутствие в законе какой-либо этнической характеристики. Географическая же характеристика памятника совпадает с пределами империи в ту эпоху (стр. 150). Экстенсивная система сельского хозяйства, рассчитанная на разработку заброшенных и вновь осваиваемых земель, в сочетании с характером ландшафта, наиболее распространенного в империи, не вносит в этом отношении какого-либо более узкого локального ограничения. В результате военных событий VI—VIII вв. число покинутых и разоренных земель должно было быть очень значительно и в европейских и в азиатских областях. Достаточно напомнить о широком размахе аваро-славянских нападений, которые неоднократно опустошали Фракию, Македонию и Грецию и доходили до самого Константинополя. Не менее пострадала и Малая Азия от постоянных военных вторжений иранских и арабских войск.

Запущенное и разоренное хозяйство во всех этих областях в равной степени нуждалось в восстановлении.

При этих условиях наиболее жизнеспособной формой сельского хозяйства в ранне-феодальной Византии оказалась свободная крестьянская община с ее традициями коллективного труда и остатками коллективной собственности на землю. Огромную роль в распространении общинных порядков несомненно сыграла славянская колонизация.

Местные общины, находившиеся еще недавно в состоянии глубокого упадка, расцвели новой жизнью в связи со славянской колонизацией VI—VIII вв., т. е. в связи с процессом варваризации восточных (как и западных) областей бывшей „мировой“ Римской империи.

Вместе с тем, в глазах византийского фиска естественно выросшие и сплоченные коллективы сельских общин имели важные преимущества с точки зрения интересов казны. К ним легко была приложима система круговой поруки. Эти коллективные налогоплательщики, принадлежавшие, к тому же, к незащищенному привилегиями классу населения, служили наиболее надежным источником налоговых поступлений. Они же несли на себе тяготы воинской повинности.

Таким образом, сельская община превратилась в основную экономическую опору византийского централизованного государства, придя на смену полурабской форме колоната.

О степени распространения крестьянской общины и ее удельном весе в общей экономике византийского государства можно судить по многократным мероприятиям византийских императоров уже в X—XI вв., направленным к защите общинных земель от расхищения их и закрепощения крестьянства местными феодалами. По характерному определению новеллы Романа II (935), „крестьянские общины из числа многих других выполняют многочисленные полезные функции, как платежом государственных налогов, так и отбыванием воинской повинности“.¹

Все изложенное дает основание предполагать, что „Земледельческий закон“, очевидно, имел назначением фиксировать результаты стихийных изменений, происшедших в аграрном строе империи в VI—VII вв. и сказавшихся в широком распространении общинных порядков.

В своем содержании закон, естественно, исходил прежде всего из правопорядков, свойственных славянским общинам, как наиболее

важной для империи в рассматриваемую эпоху группы новообразованного крестьянства. Черпая материал своих постановлений из неразрушенных еще обычаев славянских племен, закон использовал их в интересах империи и для этого втискивал их в „прокрустово ложе“ римско-византийских правовых норм. Таким образом, „Земледельческий закон“ явился своеобразной кодификацией славянского обычного права, своеобразным *lex slavica* (хотя и сплавленного с византийским), что и создало ему исключительную популярность у славянских народов (стр. 148).

Однако значение этой кодификации выходило далеко за пределы одних только славянских общин. Закон с полным основанием может рассматриваться как замечательный памятник новых, более прогрессивных, чем колонат, общинных отношений, установившихся в аграрном строе ранне-феодальной Византии. Закон, разумеется, не исчерпывал всего многообразия сельскохозяйственных условий своей эпохи. Задачей его являлась регламентация только наиболее важных для того времени форм крестьянского землевладения, именно сельской территориальной общины — своеобразной византийской параллели западноевропейской марке.

Образование кадров свободного крестьянства в империи не могло не вызвать подъема производительных сил, оживления экономики страны. Запущенные и заброшенные прежде пашни возделывались вновь. Покинутые округа оживали. Именно благодаря этому экономическому подъему империя успешно вышла из кризиса VII—VIII вв. и приобрела силы для дальнейшего длительного существования.

¹ Zachariae von Lingenthal. *Jus graeco-romanum*, III, Leipzig, 1859—1886, p. 247.

М. В. ЛАЗЧЕНКО

ВЕНЕТЫ И ПРАСИНЫ В ВИЗАНТИИ В V—VII ВВ.

До появления работы Ф. И. Успенского „Партии цирка и димы в Константинополе“ все византилисты XVIII—XIX вв. (Гиббон, Фридендер, Вилькен, Рамбо) отрицали связь партий цирка с политическими движениями и доказывали, что борьба венетов и прасинов не имела социально-политических оснований, что венеты и прасины были только фракциями ипподрома.¹ Даже такой серьезный историк, как Рамбо, писал: „Был вопрос о том, не скрывают ли эти партии что-нибудь более серьезное и важное. Позволительно в этом сомневаться; народ византийский мало заботился о внутренней и внешней политике... он занимался более возницами. Партии цирка — это только беговые общества, клубы. Основа игры — самолюбие“.² Ф. И. Успенский на основе, главным образом, позднего источника („Церемоний“ Константина Порфирородного) первый доказал, что „цирковые партии не были только спортивными организациями, что они имели гражданские и военные функции и были организациями народа“.³ После работы Успенского нельзя уже было отрицать политическое значение за димами и цирковыми партиями. Однако и в новейших общих трудах по византийской истории вопрос о социальной основе цирковых партий и их борьбы обычно оставляется в стороне. У Хольмса, Нормана Байнеса, Ш. Диля, Йорги, Ренсимена мы имеем утверждения, что „димы были последним отзвуком древнегреческих демократий, которые ассоциировались с цветами

Римского цирка,¹ что собрания ипподрома были субститутом исчезнувших комиций, убежищем свобод римского народа;² что „фракции цирка обратились мало-помалу в большие народные партии“,³ что они представляли собой „могущественные самоуправляющиеся муниципальные корпорации“, причем „голубые и зеленые принимали прямо противоположные точки зрения в политике“.⁴ Но на вопрос о том, за что именно и почему фракции боролись и что их разделяло, мы в лучшем случае узнаем, что одни были монофизитами, а другие — православными.

Первую серьезную попытку раскрыть социальную основу цирковых партий сделал сербо-хорватский ученый Манойлович, работа которого, написанная еще в 1904 г. на хорватском языке, стала широко известна только с 1936 г., когда в журнале „Byzantion“ она была напечатана на французском языке.⁵ Исходя из установки Ф. И. Успенского и развивая некоторые наблюдения Рамбо, Манойлович доказывает, что фракции были „настоящими народными партиями, что различия цветов имеют в основе классовые различия, как это видно из территориального распределения цирковых партий по богатым и бедным кварталам столицы: голубые — высшие классы — землевладельческая аристократия, зеленые — торговцы, промышленники; рабочие — низшие классы.“⁶ Эта теория принимается в ряде новейших специальных исследований о димах: например, в работе Ивоны Янсенса — о времени Маврикия, Фоки и Ираклия⁷ и Братиану — о византийской демократии.⁸ Эта теория, получившая значительное распространение в западноевропейской византистике, все же далеко не является общепринятой. Так, Острогорский в своей „Geschichte des Byzant. Staates“, которая должна была представлять сводку последних достижений западноевропейской византистики, пишет: „Теория Манойловича о том, что партия зеленых представляла социально-низшие слои населения, а партия голубых охватывала аристократическую часть, очень слабо обоснована... Лежащее в основе этой теории положение, что голубые жили в центре,

¹ W. S. Holmes. The age of Justinian and Theodora. London, 1905, p. 98—99.

² Norman H. Baynes, The Byzantine Empire, London, 1925, p. 31—32.

³ N. Jorga, Histoire de la vie byzantine, Bucarest, 1931, p. 153, 148.

⁴ St. Runciman, Byzant. Civilisation, London, 1933, p. 71—72.

⁵ S. Manojlovič, Le peuple de Constantinople de 400 à 800 après J. C. Byzantion, 1936, XI, 2, p. 617—716.

⁶ Manojlovič. Le peuple de Constantinople, ibid., 4, p. 641—643, 669.

⁷ Iv. Janssens. Les Bleus et les Verts sous Maurice, Phocas et Heraclius, Byzantion, 1936, XI, 2, p. 496—536.

⁸ J. Bratianu, Empire et „democratie“ à Byzance, B. Z., 1937, 1, p. 81—111.

¹ Э. Гиббон. История упадка и разрушения Римской империи, ч. IV, М., 1894, стр. 321; Фридендер. Картины из бытовой истории Рима, Изд. Брокгауза и Эфрона. СПб., 1914, стр. 515; Wilcken. Hist. phil. Kl. Berlin, 1939, S. 217; A. Rambaud. Le monde byzantin, Revue de deux Mondes, 1871, m, 91, p. 761—793; Idem, Etudes sur l'histoire byzantine, Paris, 1912, p. 3—61.

² Le sport et l'hippodrome à Constantinople, Paris, 1912, p. 7.

³ Византийский Временник, т. I (1894), 1—61.

а зеленые на периферии Константинополя, означает немного и, как доказательство, имеет тем меньший вес, что оба дима распались на городские и пригородные организации — *πολιτικὰ καὶ περὶτικὰ μέρη*.

Против правильности теории Манойловича говорит то, что голубые поддерживали Фоку, что было бы невозможно, если бы они действительно представляли аристократические слои населения¹.

Необходимо все же признать, что работа Манойловича открывает новую страницу истории цирковых партий. Манойлович правильно констатирует, что в основе различных партий лежали классовые различия (стр. 642), что иногда борьба голубых и зеленых принимает вид настоящей классовой борьбы и гражданской войны (стр. 705—706); он первый показал, что „голубые“ и подчиненные им белые — аристократы, что „зеленые“ и подчиненные им „красные“ — более демократическая, состоящая из торговцев, промышленников, ремесленников, моряков, часть населения империи. Но Манойлович, как правильно указал профессор А. П. Дьяконов, не устанавливал никакого различия между димами, действительно народными организациями, имевшими свой корень в древних общинах, и цирковыми партиями, которые были не только цирковыми, но и политическими организациями двух групп господствующего класса. Манойлович не различал в цирковых партиях руководящих групп, какими были у венетов землевладельческая аристократия, а у прасинов — денежная аристократия (огкупщики, богатые купцы) — от широких масс. Нельзя согласовать с утверждением Манойловича, что прасины были низшими классами, тот общеизвестный факт, что ряд императоров в V—VII вв. опирался на прасинов, им покровительствовал, их поддерживал. С точки зрения этой теории получилось бы, что Феодосий II, Зинон, Анастасий выступали выразителями интересов и защитниками „низших слоев“ населения, чего, конечно, в действительности не было. Таким образом, вопрос о димах и цирковых партиях и после появления работы Манойловича не мог считаться разрешенным.

Между тем, правильное разрешение этого вопроса имеет громадную важность: оно могло бы дать ключ к пониманию всей социальной структуры и социальных противоречий ранневизантийского общества.

Дальнейший крупный шаг в развитии вопроса о преодолении тех трудностей, на которые наталкивалась теория Манойловича,

¹ Geschichte des Byzant. Staates, S. 51.

сделал советский историк, профессор А. П. Дьяконов.¹ Социальная природа цирковых партий представляется А. П. Дьяконову сложнее, чем ее дает Манойлович. Путем тщательного исследования вопроса А. П. Дьяконов доказал, что византийские димы, так же как димы эллинистического и римского времени, были организациями того или иного городского квартала и района. Они выполняли там определенные хозяйственные и политические функции, следили за порядком и благоустройством своего квартала, объединялись обычно одной и той же профессией, селились обычно в одном квартале. В своей совокупности они претендовали на роль городского народного собрания. Местом их сбора и выявления их желаний обычно являлся городской цирк или ипподром, который, как и в древнем Риме, являлся любимым местом увеселения для народных масс в Константинополе и других крупных городах империи. Расходы на цирковые зрелища несли в провинции курии, богатые, президы; в Константинополе — консулы, преторы, представители знати и сам император. Но устроители зрелищ не могли каждый раз заново обзаводиться необходимым сложным оборудованием. Для этого, так же как в Риме, существовали специальные организации, бравшие подряды на устройство игр; каждая из них имела свои кассы, зверинцы, постоянные штаты возниц, актеров. Эти организации также назывались димами и различались по условным цветам одежды цирковых возниц, как венеты (голубые), прасины (зеленые), левки (белые) и русии (красные). Каждая из них старалась превзойти соперников постановками и одержать победу в конских ристалищах. Они-то и составили организационные ячейки, вокруг которых, сообразно своим симпатиям, собирались димы и в таком расширенном виде превратились в более обширные самоуправляющиеся организации — гражданские и военные, своеобразные политические партии.

А. П. Дьяконов подтверждает вывод Манойловича, что в Константинополе, в старом до-константиновском городе высоко стояла над массой землевладельческая аристократия, составлявшая ядро венетской партии, хотя в венетской партии, кроме аристократов, были их клиенты и другие элементы населения. Дьяконов решительно отвергает взгляды Манойловича, считающего прасинскую партию социально однородной и причисляющего рабочих, моряков и коммерсантов одинаково к низшим классам. Он указывает, что

¹ А. П. Дьяконов. Византийские димы и факции (*τὰ μέρη*) в V—VII вв., Византийский сборник, М. — Л., 1945, стр. 144—227. Выводы этой прекрасной работы легли в основу настоящей статьи. Автор ставит своей задачей изложение основных положений этой богатой выводами работы и их защиту. Он расходится с проф. Дьяконовым только по вопросу о времени падения политической роли партий цирка.

представление о господстве в Византии мелкого независимого ремесленного производства является неправильным. Законы императоров IV—VI вв. не оставляют сомнения, что большинство ремесленников работало в государственных и частных эргастриях. Владельцы последних эксплуатировали труд не только рабов, но и юридически свободных, а фактически зависимых ремесленников-корпорантов. Они же были одновременно и купцами, так как эргастрии торговали своими продуктами, и законодательство называло эргастриями также и торговые предприятия. Были крупные купцы, которые привозили товары из провинций, особенно восточных, — например, торговцы шелком, которые имели в Сирии и Финикии своих представителей, скупавших шелковые изделия у местных ремесленников. Было много судовладельцев, перевозивших разные товары из провинций в столицу. Наконец, были аргиропраты-серебренники и вместе ростовщики — их конторы также назывались эргастриями. Многие из этих откупщиков и предпринимателей были откупщиками государственных монополий и поставщиками государства, но многие вели и собственные дела. Однако и в том и в другом случае они одинаково должны были располагать большими деньгами, оборудованием и рабами. Эти группы, конечно, нельзя причислять к низшим классам: они не были аристократами по происхождению, но явно принадлежали к эксплуататорскому рабовладельческому классу. Таким образом, прасинская партия в подавляющем большинстве состояла из людей, занятых в торговле и промышленности, но руководящее положение занимала группа богатых купцов и промышленников. Конечно, нельзя преувеличивать значение этой социальной группы, так как хозяйство Восточно-римской империи в V—VII вв. было в основе натуральным, но сохранение значительных остатков торговли и промышленности в ней составляло характерную особенность Византии по сравнению с западными странами. Византийские торговцы и промышленники обслуживая нужды государства и аристократии, подобно римским всадникам, составляли особую не-аристократическую верхушечную группу. Между этой группой и аристократами-землевладельцами не было непроходимой грани, но и законодательство и авторы определенно различают две группы господствующего класса. Из среды прасинов выделялись такие выдающиеся политические деятели, как сириец Марин, Петр Барсиама, Иоанн Каппадокиец и другие деятели, выходцы, главным образом, из восточных провинций, игравших особенно важную роль в торговле и промышленности Византии. Заговор 559 г. против Юстиниана открывает нам целую группу участвующих в заговоре богатых аристократов, которые состояли в близкой связи с аристократией и имели свободный доступ ко двору.

Исходя из этой установки А. П. Дьяконова, своевременно поставить вопрос, до сих пор не поддававшийся разрешению, а именно: за что, собственно, и почему боролись между собой зеленые и голубые и что их разделяло.

Характеристика политического строя Восточно-Римской империи V—VII вв. как неограниченного самодержавия неточна. Политический строй империи в эти века представлял своеобразное сочетание трех факторов: монархии, аристократии, представленной сенатом, и собрания димов; сохранилось также влияние гвардии. Политическая роль димов усиливается по мере обособления Восточной империи от Западной.¹ Крупное землевладение и торгово-ростовщические элементы были заинтересованы тогда в сохранении и укреплении императорской власти. Ее известная прочность в это время доказывается тем, что все попытки политических переворотов в течение почти двухсот лет терпят неизменно крах. Но это не значит, что между двумя группами не было экономических и политических противоречий. Они были и постепенно нарастали.

Противоречия между зелеными и голубыми были прежде всего экономические и разделяли лишь руководящие верхушки партий. Аристократия не довольствовалась землей, но стремилась к обогащению также путем захвата торгово-промышленных предприятий. Как видно из новелл Юстиниана, владельцами эргастрий часто были церковные учреждения, архонты разных рангов, сенаторы, иллюстрии и кубикюлярии.²

Для торгово-промышленной (прасинской) группы это вмешательство аристократии было тем более тяжелым, что аристократы, получая привилегии, освобождались от налогов, и в результате, по признанию Юстиниана, непривилегированные владельцы эргастрий, а также ремесленники должны были платить налоги втрое-вчетверо больше нормы.

С другой стороны, аристократия страдала от вмешательства богатых не аристократов в землевладение. Так называемые перпетуарии (условные, наследственные землевладельцы), оказавшиеся несостоятельными в смысле обеспечения государству доходов со своих земель (и даже повышения этих доходов), лишались земельных владений в пользу более состоятельных, богатых. Таким образом, земля уплывала из рук старой аристократии и иногда переходила в руки не-аристократов по происхождению. Этот факт с негодованием отмечался еще во время Феодосия II, но особенно перемещение земель усилилось при Юстиниане.³

¹ Ch. Diehl. Le Sénat et le peuple Byzantin au VII et VIII siècles (Byzantion, I, 213).

² Nov. XLIII c. 1.

³ А. П. Дьяконов. назв. соч., стр. 196.

Интересы двух групп сталкивались в распределении между ними государственных налогов. Так, император Маркиан сократил налоги, лежавшие на крупном сенаторском землевладении и расходы аристократии, связанные с претурой, — он был любимцем венетов и ненавистен прасинам. Наоборот, Анастасий значительно увеличил земельные повинности введением „хрисотелии“ и „синоны“ и последовательным проведением эпиболы, а с другой стороны, отменил „хрисаргирия“, лежавший на владельцах эргастирий, и передал сбор налогов откупщикам „виндикам“, т. е. богатым купцам и ростовщикам, отняв эту функцию у ктиторов-куриалов, чем, по словам Иоанна Антиохийского,¹ „отстранил аристократию и передал всю власть людям нечестным“. Естественно, Анастасий очень нравился прасинам и был ненавистен венетам. Наконец, землевладельцы, особенно те, которые оказывались несостоятельными, вероятно, подвергались иногда и прямой эксплоатации со стороны противоположной им группы в лице ростовщиков, постоянными услугами которых пользовался даже такой вельможа, как Велизарий.²

Легко себе представить, что эти отношения иногда превращались в ненависть к ростовщикам, особенно со стороны аристократической молодежи типа „стасиотов“ Прокопия, которые „многих кредиторов силой заставляли возвращать должникам расписки, не получив ничего из долга“.³

Политические противоречия были тесно связаны с экономическими. Монархия в Византии опиралась в первую очередь на крупное землевладение и была аристократической: сенат занимал первое место после императора. Из сенаторов большей частью вербовались высшие сановники. Демократическая торгово-промышленная группа должна была бороться за власть для защиты своих экономических интересов.

Были два пути, которыми демократические элементы могли проникать в правящие сферы: это — двор и финансовая бюрократия.⁴ С самого начала монархии состав двора подбирался из элементов более послушных, чем аристократия. Последняя тоже принадлежала ко двору, но не играла здесь главной роли. При византийском дворе еще со времен Константина крупнейшую роль играли евнухи — „препозиты царской спальни“, люди демократического и почти всегда восточного происхождения. Они были верными сторонниками монархии и умели организовать двор по восточному образцу. Такие

¹ F. H. Gr., Ioh. Ant., frg. 125.

² А. П. Дьяконов. Назв. соч., стр. 196.

³ Anecd. VII, 33.

⁴ А. П. Дьяконов. Назв. соч., стр. 197.

препозиты, как Евтропий, Хрисафий, Урбикий, Амантий, имели огромное влияние на императоров — непосредственно или через императриц, — добивались высших государственных чинов и соответственным образом подбирали многочисленный штат своего ведомства (кубикуляриев). Евнухи были предметом ненависти со стороны аристократии не только как выскочки, не только потому, что они всегда стояли за автократию и третировали сенат, но и потому, что они принимали ближайшее участие в финансовой политике правительства, на что указывают постоянные обвинения их в „корыстолюбии“, и направляли эту политику против землевладельческой аристократии. Они помогали „расхищению“ ее владений, т. е. тому перемещению земельных имуществ, о котором говорилось выше. Например, Иоанн Антиохийский говорит о Феодосии II: „Неспособный ни мыслить, ни воевать, он доверял только любителям доносов — и особенно царским евнухам; благодаря им, можно сказать, все расхищали поместья“.¹ Их финансовая политика больше отвечала интересам торгово-промышленной группы, на которую они, вероятно, опирались. Евнухи, как правило, были всегда на стороне прасинов.

Другим ведомством, куда проникали демократические элементы, была финансовая бюрократия. Финансовые политики в Византии играли особенно важную роль, и правительство, нуждаясь в опытных финансистах, естественно, находило их в среде торговой группы, и особенно на Востоке, где торговля была шире, чем в греческих провинциях. Отсюда вышли наиболее талантливые финансисты данной эпохи, как сириец Марин, Иоанн Каппадокийский, сириец Петр Барсиама. Что они вели политику, неугодную аристократии, это видно уже из той ненависти, с которой она к ним относилась. Марину аристократия была обязана радикальной переделкой финансовой политики при Анастасии не в ее пользу. Все эти лица, находившиеся в контакте с придворными евнухами, были на стороне прасинов. Иоанн Каппадокийский принадлежал к их факции. Марин был единомышленником „простата“ прасинов Платона. Петр Барсиама был монофизитом и, следовательно, тоже по меньшей мере сочувствовал прасинам. Политическая история V—VI вв. показывает неизменную связь между венетами и сенатом, с одной стороны, и прасинами и ведомством препозита и финансов — с другой.² Обе группы старались также опираться на придворную гвардию, которая делилась на две части. Старая гвардия (схолы) неизменно стояла на стороне сената. Новая гвардия (экскувиты), организованная из исавров при Льве I и особенно усилившаяся при Зиноне, иногда поддерживала

¹ Fr. 191 F. H. Gr. IV, 612.

² А. П. Дьяконов. Назв. соч., стр. 198.

группу, враждебную аристократии. Каждая группа в момент династических кризисов старалась провести на императорский трон своего кандидата. В таких случаях на избирательных собраниях сената, в которых участвовали и высшие архонты и высшие чины двора, происходила борьба партии сенаторов (венетов) и партии двора (прасинов).

Нужно заметить, что полного единства не было и в руководящих группах обеих партий. Землевладельцы были светские (сенаторы и ктиторы) и духовные (церкви и монастыри). Последние составляли сильную конкуренцию первым со времен Константина. В торгово-промышленной группе также естественно предполагать конкуренцию. О такой конкуренции определенно говорит крайне враждебное отношение прасинов к евреям в Антиохии, Александрии, известное еще в римскую эпоху. В византийские времена, под флагом христианства, борьба прасинов против евреев еще более усиливается. При Зиноне антиохийские прасины не один раз убивают евреев, жгут их синагоги. Эту вражду нельзя объяснить иначе, как конкуренцией сирийских купцов, т. е. руководящих групп прасинов, с купцами-евреями. Вражда была настолько сильна, что евреи на ипподроме занимали скамьи на стороне венетов, — очевидно, потому, что землевладельцы относились к ним терпимее.

В той и другой группе были также расхождения тактические, т. е. одни были склонны бороться лояльными средствами, другие были более агрессивны. Они провоцировали свою молодежь и рядовых димотов на мятежные выступления, которые были, впрочем, направлены не против правительства, а против враждебной факции, или против той части своей факции, которая держалась лояльной тактики. Так при Юстине появились стасиоты и антистасиоты о которых рассказывает Прокопий.¹

Важную роль в борьбе факций играли религиозные противоречия. Восточные ереси (несторианство, особенно монофизитство) были знаменем борьбы угнетенных восточных народностей против византийского господства, так как они представляли восточную концепцию христианства, противоположную греческой. Таким образом, на Востоке народные массы были почти сплошь „еретическими“. Наоборот, в греческих провинциях религиозной традицией было греко-римское христианство, т. е. православие. Для руководящих групп факций, за исключением духовенства, религиозные вопросы не имели самостоятельного значения. Часть греко-римской аристократии (особенно интеллигенция) относилась к христианству равнодушно и свысока, предпочитая ему культурные традиции античности.

¹ Anecd. VII, 2.

Это настроение, которое сквозит почти у всех светских авторов эпохи (Прокопия, Иоанна Лидийца, Менандра, Симокатты), приводило иногда к обвинению аристократов в язычестве. Но было бы странно, если бы факции не использовали для своих целей религиозной борьбы, которая в V—VII вв. буквально потрясала всю империю, когда „православие“ или „монофизитство“ императоров обозначало определенное направление всей их политики.

Для стоявшей во главе венетов землевладельческой группы, которая не только в греко-римских провинциях, но и на Востоке была преимущественно греко-римской, греческое „православие“ было, естественно, единственно приемлемой религией, и уже по одному этому, а также потому, что среди торгово-промышленной группы преобладали восточные элементы, руководящая группа прасинов держалась монофизитства. Религиозная позиция прасинов давала им полное преимущество на Востоке, где массы в огромном большинстве были монофизитскими. Здесь греко-римской землевладельческой группе приходилось опираться главным образом на войско. Иначе обстояло дело в греческих провинциях, и в столице. Здесь коренное население было греческим, следовательно, по традиции, православным, независимо от того, принадлежало ли оно к венетам или прасинам. Это обстоятельство давало преимущество руководящей группе венетов и, наоборот, мешало руководящей группе прасинов проводить в столице ту религиозную политику, которую она использовала в Антиохии и Александрии, тем более, что в составе самой этой группы были, вероятно, греческие элементы, по традиции, православные, хотя и связанные экономически с восточными элементами.

Поэтому монофизитская группа прасинов в столице ведет очень осторожную политику, опасаясь вызвать противодействие со стороны масс своей собственной партии. Она старается действовать через правящие верхи, через могущественное ведомство „препозита“, которое всегда было опорой „восточного“ христианства. Евтропий, Хрисафий, Урбикий, Амантий — все держались восточной ориентации. Они подчинялись своему влиянию прежде всего императриц (Евдоксию, Ариадну, Феодору), а иногда и императоров, которые колебались между восточным и западным курсом в религиозной политике и иногда, в силу политической конъюнктуры, должны были держаться восточного курса (Феодосий II, Зинон, Анастасий, Ираклий).¹ Успешно могли использовать религию прасины в другом направлении. Сила восточного христианства заключалась в том, что оно более решительно, чем православие, выступало против эллинизма.

¹ А. П. Дьяконов. Назв. соч., стр. 201.

Между тем греко-римская аристократия в той или другой степени была склонна к „эллинству“. В Византии уже в V в., а главным образом в VI в., после известного закона Юстиниана против язычников, было немало судебных процессов по обвинению в „эллинстве“. Тот факт, что жертвами процессов были всегда соперники прасинов — греко-римские аристократы, — дает основание предполагать, что дело не обходилось без участия прасинов.

Сила прасинов была в богатых, с крупными промышленными центрами, восточных провинциях, в которых они имели безусловный перевес и которые тем более интересовали императоров, что грозили отпадением от империи. Наоборот, для венетов, господствовавших в западных провинциях, было благоприятным моментом, если политика императоров обращалась на Римский Запад, где господствовала земельная аристократия. Домогательства партии и политическая конъюнктура заставляли императоров обращать свое внимание то больше на Восток, то на Запад. В результате, политика императоров в V—VI вв. представляет постоянные колебания, и в ней можно отметить два направления. Одни императоры преимущественно держатся восточной ориентации, борются с варварами золотом и дипломатией, опираются больше на двор, чем на сенат, поддерживают монофизитов и вместе с тем покровительствуют прасинам (Феодосий II, Зинон, Анастасий). Они опираются не на „низшие классы“, как думает Манойлович, а на откупщиков, банкиров, владельцев эргастерий, тесно связанных с восточными провинциями. Другие императоры преимущественно держатся западной ориентации, больше внимания уделяют войску, чем финансам, с варварами борются военной силой, пытаются восстановить рабовладельческие порядки на Западе, ведут борьбу с монофизитизмом и являются сторонниками венетов (Маркиан, Лев, Юстиниан I, Юстин II).

Таковы были противоречия между двумя руководящими группами обеих партий. Рядовым димотам и примыкавшим к ним партиям (не димотам) было мало дела до экономических и политических притязаний землевладельцев и купцов. Эти массы, социально однородные и даже тождественные (поскольку и здесь и там были ремесленники и плебс), имели более глубокие классовые противоречия с руководящими группами в той или другой партии. В V—VI вв. в Византии происходило несколько запоздавшее здесь разложение рабовладельческого хозяйства и, вместе с тем, постепенное закабаление, в возмещение рабского труда, еще значительных на Востоке групп свободных или зависимых только от государства производителей как в сельском хозяйстве, так и в ремесле. При

сохранении значительных элементов торговли, когда часть продуктов поступала на рынок, эксплуатация была особенно тяжела. Внешнее положение государства и пагубная внешняя политика императоров, направленная к несбыточной мечте восстановления рабовладельческих порядков на Западе, требовали огромных средств для ведения постоянных войн, содержания дорого стоящей наемной армии, для уплаты дани варварам. Фискальный гнет, ложившийся больше на народные массы, чем на привилегированные группы, достигал огромных размеров. Очень часто население страдало от рекрутчины, и все-таки государство не в состоянии было защитить территорию империи от варваров. Грабительство и административный произвол чиновников еще больше отягощали положение народных масс. Естественно, что соперничество руководящих групп в сравнении с этими противоречиями могло играть только второстепенную роль.

Является вопрос: что же все-таки связывало массы с этими группами и разделяло их на две партии? Во-первых, старая традиция димов: богатые люди по античной традиции руководили димами и несли „литургии“, для своего дима; во-вторых, экономическая зависимость ремесленников от купцов и предпринимателей; клиентов, колонов и тоже ремесленников — от землевладельцев; наконец, те особые средства, которые принимали руководящие группы при содействии правительства, для того чтобы привлечь на свою сторону массы. Первым средством была организация зрелищных состязаний, которые раскалывали зрителей на две враждебные группы. Затем использовалась религиозная и межплеменная рознь (православные и еретики, греки и евреи). Таким образом, социальный состав царковых партий был более сложен, чем его представляет Манойлович, а потому более сложны были и те противоречия, которые вызывали весьма различные по характеру движения димов. Часты были междоусобия партий, имевшие спортивный характер, борьба за места, за подарки. Эти движения были стихийны. Более серьезный характер носили столкновения преднамеренные и подготовленные руководящими группами. Большинство их падает на правление Анастасия и Юстиниана I, когда происходили наиболее важные экономические и политические перемены, обострявшие противоречия между руководящими группами.

Имели место мятежи, восстания одной партии против правительства в то время, когда другая оставалась пассивной. Инициатива здесь принадлежала руководителям партии, которые хотели заставить императора изменить неугодную им политику или прямо его свергнуть. Но в таких восстаниях были, очевидно, заинтересованы (по другим, более глубоким причинам) и рядовые димоты. Таков был

мятеж прасинов, поднятый в 470 г. против Аспара, враждебного Зинону и Исаврам. К этому типу относится восстание сенатора Маркиата против Зинона в 479 г., — очевидно, восстание венетов.

Неоднократно имели место совместные политические выступления цирковых партий. Они редко были следствием соглашения руководящих групп, так как их политические цели были почти всегда различны. Такие соглашения можно предполагать в тех случаях, когда обеим факциям угрожала захватом власти чуждая сила — варвары. Так димы, — очевидно, без различия партий — в 400 г. выступили против Гайны, а в 469 г. — против намерения Льва I сделать своим наследником сына Аспара.¹ Но почти все совместные выступления обязаны рядовым димотам, которые действуют вне руководства вождей и, увлекая за собой не-димотские массы, выступают не только против правительств, но и против всего господствующего класса. Не все совместные выступления димов были одинаково значительны, и поводы для них были различны: произвол администрации, недостаток снабжения, религиозная политика, фискальный гнет, общее недовольство политикой императора. Но некоторые выступления разрывались в настоящие восстания, потрясавшие императорский трон.

Борьба димов и цирковых партий была сложной и многообразной, но основная линия борьбы была не между цирковыми партиями, а между народными массами и распадавшейся на две группы верхушкой общества. Самыми крупными восстаниями димов этого периода были восстания димов 511 и 513 гг. при Анастасии и восстание Ника в 532 г. В том и другом случае повод к восстанию дали руководящие группы цирковых партий, но они переоценили свое влияние на массы, и восстания обращались против них самих. В восстаниях при Анастасии массы скоро освободились от контроля руководящих групп и пошли гораздо дальше тех целей, которые ставили себе их вожди. Знаменитое восстание Ника (532 г.) также не было восстанием прасинов и венетов. Это было восстание димов не только против правительства, но и против обеих групп господствующего класса. Официальная версия, сохранившаяся у Марцелина, будто восстание было делом племянников Анастасия, нужно было Юстиниану только на первое время, чтобы скрыть истинные причины восстания. Рассказ паскальной хроники о том, что Ипатий, уже находясь в царской каписме, пытался предать восставших Юстиниану, находит полное подтверждение в том факте, что лица, которые должны были установить связь между Ипатием и Юсти-

¹ Migne. LXVI, c. 1260; ibid. CXVI, c. 74.

нианом, но этого не сделали, были потом наказаны.¹ Сенаторы, оказавшиеся в критические дни вне дворца, вынуждены были подчиниться восставшим, чтобы спасти свои дома, и действовали так же предательски, как Ипатий. 18 патрикиев и иллюстриев, привлеченных в связи с восстанием, подверглись только конфискации имущества и изгнанию.

Такой же характер носило восстание димов 602 г., приведшее к свержению Маврикия, — первое в истории Восточно-Римской империи победоносное восстание. Этот переворот сопровождался для Восточно-Римской империи неисчислимыми последствиями, а именно крахом мировой рабовладельческой империи и превращением ее в средневековое греческое царство. Особенность этого восстания в том, что оно началось среди войск на дунайской границе.

Параллельно происходило движение димов в столице, но димоты выступили здесь опять-таки независимо от руководителей партий, которые до прихода мятежных войск во главе с Фокой оставались лояльными по отношению к Маврикию.

Против социальной теории димов Острогорский выдвигает как самый сильный аргумент тот факт, что голубые поддерживали Фоку, что было бы невозможным, если бы они действительно представляли аристократические круги населения. Но Острогорский не дает себе труда достаточно разобраться в вопросе, действительно ли венеты поддерживали Фоку в период 602—610 гг.

События 602—610 гг. характерны тем, что они ярко показывают разложение господствующего класса, который, раздираемый непримиримыми противоречиями, уже не мог управлять по-старому, так же как угнетенные массы не могли больше по-старому жить. Несмотря на провенетскую политику Маврикия, венеты были недовольны повышением налогов и непотизмом Маврикия, раздававшего земли своим многочисленным родственникам. Еще больше недовольства проявляли прасины из-за антимонофизитской и провенетской политики Маврикия.

Попытки Ивонны Янсенс доказать, что Маврикий покровительствовал зеленым, искусственны и неубедительны.² Источники нигде не говорят, что венеты поддержали солдатского избранника Фоку и помогли ему стать у власти. В 602 г., когда уже стало известно о восстании войска на дунайской границе, Маврикий для успокоения умов устроил цирковые зрелища. Венеты здесь были безусловно лояльны, приветствуя императора эвфимиями и пожеланиями победы. Наоборот, прасины сочли удобным в этот критический момент

¹ Chron. Pasch. 624—625.

² Janssens. Les Bleus et les Verts. Byzantion, 1936, XI, 499.

¹² Византийский Временник, том, I (XXVI)

жаловаться на префекта претория Константина Лардиса, друга императора, отказывая тем самым правительству в своей поддержке. Восстание против Маврикия в Константинополе подняли рядовые димоты, но актуальную роль в этом восстании играли прасины. Во всяком случае у Феофана сохранилась подробность, что именно прасины сожгли дом префекта претория Лардиса. На сторону Фоки перешла прежде всего прасинская фракция.

Что же касается венетов, то даже после провозглашения Фоки, на коронации его жены Леонтии венеты были оскорбляемы правительственными чиновниками и в сильном возбуждении угрожали Фоке, напоминая, что Маврикий еще не умер. После убийства Маврикия венеты вместе с командным составом войска имели своим кандидатом на императорский престол родственника Маврикия — Германа, но попытка договориться об этой кандидатуре с прасинами не имела успеха, и прасины, отвергая кандидатуру венета Германа, стали на сторону Фоки. Поэтому Фока стал императором прасинов и оставался таковым почти до самого конца своего правления, до 609 г.¹ Венеты до 609 г. не только не поддерживали Фоку, но, напротив, подвергались с его стороны жестоким репрессиям. Обращенный еврей Яков, который признается, что до своего крещения делал зло христианам, вмешиваясь в борьбу партий то как прасин, то как венет, определенно говорит, что с воцарением Фоки венеты подверглись жестоким преследованиям, и он, Яков, содействовал усилению этих репрессий. „Когда воцарился Фока, — пишет Яков, — я, как прасин, предавал христиан как венетов и называл их иудеями и мамзирами“.²

Дальше идет сплошной ряд заговоров венетской аристократии против Фоки, а именно: два заговора императрицы Константины и Германа в 603 и 605 гг., заговор епарха Феодора и, наконец, заговор Приска, зародившийся в 607 г.

Острогорский и Янсенс полагают, что в 603 г. произошло будто бы восстание прасинов против Фоки и что с этого года партией Фоки становятся уже венеты, а не прасины. Но это простое недоразумение. Пасхальная хроника под 603 г. рассказывает о репрессиях Фоки против Константины и Германа, очевидно в результате их заговора, о котором сообщает также Феофан,³ и затем продолжает: „Потом (εἴτα), во время происшедшего народного восстания (στάσις δημοτική) была сожжена Меса от дворца Лавса... до форума Константина... Сожжен же был между преторием городского епарха

и форумом диэкета фракции прасинов Иоанн по прозвищу Крукис“.⁴ Так как „Доктрина Якова“ говорит совершенно определенно, что Месу сожгли прасины,² то это восстание не могло быть восстанием венетов, связанным с заговором, как думает Перетти, так как со стороны венетов было бессмысленно разрушать свои гитонии.³ Из сопоставления сообщений Феофана с Пасхальной хроникой становится совершенно ясным, что прасины, узнав о заговоре венетов в пользу ненавистного Германа, по обычаю бросились в гитонии венетов на Месу и сожгли их. Это было восстание не прогив Фоки, а против венетов. Но это было нарушение порядка „димократия“, и Фока не мог примириться с фактом такого грубого самоуправства — сожжения главной улицы столицы и должен был покарать виновных в этом самоуправстве прасинов. Что касается Крукиса, то, по прямому смыслу приведенного места Пасхальной хроники, и Меса и Крукис были сожжены восставшими, т. е. прасинами, а не венетами, как думает Янсенс. Меса никогда не была местом казни, а прасины уже давно ненавидели своего диэкета, как об этом свидетельствует Феофан.⁴

Настоящее восстание прасинов против Фоки произошло только в 609 г., почти накануне падения солдатского императора, и тогда они были лишены права политической, т. е. перестали быть партией императора. Отсюда утверждение Острогорского о том, что венеты будто бы поддерживали Фоку, является совершенно ошибочным. Что касается религиозной политики Фоки, то защитником „православия“ сделал его только папа Григорий I, который восторженно прославлял этого убийцу ненавистного ему Маврикия больше всего потому, что он запретил константинопольскому патриарху именоваться „вселенским“. Применяясь к населению греческих провинций и особенно столицы, Фока был православным, но до 609 г. он предоставлял полную свободу и восточным монофизитам.

В 609 г. произошли существенные перемены в отношениях между партиями и императорами. Когда в Африке началось восстание экзарха Ираклия, к нему примкнули в Африке, а потом в Египте прежде всего прасины. Тогда во всех восточных провинциях началось движение прасинов против столь долгого господства греко-римских землевладельцев-венетов. Начались кровавые избиения венетов прасинами в городах Востока и Египта.

¹ Chron. Pasch., 695; А. П. Дьяконов, назв. соч., стр. 224.

² Doctrina Jacobi, I, 40, 39.

³ Pareti, verdi e arrivi al tempi di Foca. Studi Holiani di Filol. Class., XIX, 1912, 305.

⁴ Theoph. Chronogr., 287.

¹ А. П. Дьяконов, назв. соч., стр. 224.

² Doctrina Jacobi, hrsg. v. Bonwetsch, I, 40, p. 39.

³ Theoph., ed. Bonn, 293.

Потом, когда Фока послал на Восток в Египет карательную экспедицию Воноса, начались избиения прасинов, а вместе и монофизитов. Столичные прасины, которые всегда опирались на восточные провинции, естественно, выступили на их защиту. Отсюда восстание прасинов 609 г. в Константинополе. Что касается венетов, то они разделились, как это было и в Египте. Часть аристократии, во главе с Приском, еще в 607 г. завела сношения с Ираклием и настойчиво побуждала его к восстанию. Может быть, это была и вся аристократия, рассчитывавшая, что восстание даст корону Приску (Theoph., 295). Но не посвященные в заговор рядовые димоты венетской партии, терроризированные кровопролитиями на Востоке, естественно, не доверяли прасинскому кандидату Ираклию и колебались его поддерживать, хотя и не собирались защищать Фоку. И действительно, когда флот Ираклия-сына подошел к столице, Фока оказался совершенно беззащитным. Таким образом, даже в последний год правления Фоки нельзя говорить, что венеты поддерживали Фоку. Из указанного видно, что самый сильный аргумент Острогорского против социальной теории димов оказывается совершенно бездоказательным.

Когда я в 1940 г. указал в своей „Истории Византии“, что „голубые“ были землевладельческой аристократией, а „зеленые“ — торгово-промышленной группой, мои взгляды вызвали возражения А. К. Бергера, который в „Историческом журнале“ (1941 г., № 3, стр. 140) утверждал, что никакие источники не подтверждают этой теории, и доказывал, что под флагом „голубых и зеленых“ могли выступать разные социальные группы. Однако возражения Бергера и Острогорского основаны на недоразумении. Можно легко привести ряд показаний источников, которые ясно и недвусмысленно указывают на классовую природу цирковых партий. Так, например, у Малалы прасины прямо отождествляются с эргастиряками, т. е. людьми эргастирей. Малала рассказывает, что в 559 г. венеты жгли приморские склады прасинов в Зевгме, но потом „они получили разными способами отплату со стороны самих людей эргастирей“, которые, „охваченные соревнованием“, сожгли икию венета Андрея в Неории.¹ Манойлович понимает эргастиряков как рабочих. Однако в Законах и у авторов рабочие и ремесленники обычно называются иначе. Слово „эргастиряки“ обозначает всех вообще людей, имеющих отношение к „эргастирии“, т. е. к торговле и промыслам, и даже в первую очередь владельцев эргастирей. Явно однозначный латинский термин *ergasiotani* в законе 396 г.² обозначает именно приви-

¹ Mal. Chronographia, 491.

² Cod. Theod., XIV, 27, 1.

легированных корпорантов, а не рядовых рабочих. В случае, о котором рассказывает Малала, когда венеты подожгли склады, мстить им за это имели основание в первую очередь владельцы складов, а владельцами были, конечно, не рабочие. Сообщение Малалы подтверждается Иоанном Никиусским. Когда во время восстания Ираклия против Фоки в Египте начались военные действия между Никитой и Воносом, прасины Египта, воспользовавшись, как предлогом, этой войной, „поднялись и причинили обиды венетам“. У Иоанна Никиусского, в переводе Charles, мы читаем буквально следующее: „And taking advantage of the war between Bonosus and Nicetas the artisans guilds arose and perpetrated outrages on the Blues“.¹ Мы видим, что имя зеленых здесь заменено термином *the artisans guilds* (ремесленные корпорации). Это показание определенно подтверждает наше положение, что партия зеленых слагалась преимущественно из торговцев и ремесленников. Это же подтверждает и Пасхальная хроника. Рассказывая о путешествии Ираклия в Гераклею в 621 г., она говорит, что Ираклий отправился туда в сопровождении ктиторов и клириков из дима венетов и эргастиряков из дима прасинов.² Здесь промышленники наравне с ктиторами выделяются из общей массы димотов, очевидно как привилегированные группы. Одним из ценных источников по истории димов при Фоке является так называемое „Учение новокрещенного Иакова“, написанное в 634 г.³ Этот источник определяет классовую сущность димов совершенно так же, как Малала, Феофан и Иоанн Никиусский. Так, например, у Иакова прасины отождествляются с ткачами. Мы читаем: „Ο Ἰάκωβος δὲ οὗτος ἀνατολικός ἐστιν τῷ γένει ὡς ἐθάρρησεν μοι; πολλὰ δὲ κακὰ ἐποίησεν τοῖς χριστιανοῖς καὶ ἐν Ῥόδῳ τῇ πόλει ὡς πράσινος μετὰ τῶν ἀρμενοράφων κακὰ ἐποίησε τοῖς ἀπὸ ἀνατολῆς φεύγουσιν βενέτοις καὶ παρέδιδου αὐτοὺς τοῖς ἀρμενοράφοις ὡς ἀνθρώπους τοῦ Βονόσου καὶ ἐβαλίσσαντο“.⁴ („Яков был восточного происхождения, как он мне подтвердил. Он сделал много зла христианам. И в городе Родосе, как прасин, вместе с корпорацией ткачей он делал много зла бежавшим с Востока венетам и выдавал их ткачам, как людей Воноса, и их избивали“).

Таким образом, у Якова прасины на острове Родосе, избивающие бегущих с Востока венетов, выступают как *ἀρμενοράφοι*, т. е. ткачи. Так же ясно и недвусмысленно определяют источники и классовую природу венетов. Для примера возьмем хорошо известное сообщение Феофана от 694/5 г. о свержении Юстиниана II. „В этом

¹ A. H. Charles. The Chronicle of John bishop of Nikiu, Lond. 1916, p. 175.

² Chron. Pasch., 712.

³ J. Nik. 108, p. 550; А. П. Дьяконов, назв. соч., стр. 225.

⁴ Doctrina Jacobi, ed. Bonnwetsch, p. 82.

году, — пишет Феофан, — был свергнут с престола Юстиниан следующим образом: он приказал Стефану патрикию и стратигу, по прозвищу Русий, ночью перебить константинопольский народ (τὸν δῆμον), начиная с патриарха.¹ Брукс думает, что здесь нужно разуметь дим венетов, т. е. партии голубых.² Эта догадка Брукса в настоящее время может быть мною подтверждена прямым свидетельством Георгия Амартола, который говорит: στασιάζας Λεόντιος ὁ πατριῆκος ἀναγυρεύεται νυκτὸς ὑπὸ τοῦ δήμου τῶν Βενέτων Βασίλειος.³ Таким образом был свергнут Юстиниан II и был поставлен у власти Леонтий. Источники так же ясно и недвусмысленно показывают, какова была классовая природа голубых, свергнувших Юстиниана II, а именно, единогласно свидетельствуют, что Юстиниан был свергнут знатными, родовитыми, аристократами. Эти известия также до сих пор в исторической литературе не фигурировали.⁴ Так, Михаил Сириец, яковитский патриарх Антиохии (1116—1119) говорит: „Юстиниан показал себя полным строгости по отношению к знати (envers les grands à l'empire). Они его схватили и отрезали нос, затем заперли в тюрьму“. „Он (Юстиниан) столько убил, что знатные и великие были на грани исчезновения из империи. Вот почему они собрались против него“.⁵

У Абульфараджа мы читаем: „Юстиниан начал убивать римских магнатов. По этой причине восставшие его схватили, отсекали нос“.⁶ Масуди (Le livre de l'avertissement) говорит: „Юстиниан предал смерти много знатных патрициев (notables et patriques). Они составили тогда заговор против него и убили его“.⁷ Знают об этой борьбе Юстиниана с магнатами и армянские источники, например Kirakos de Kantzak (XIII в.), который пишет: Юстиниан „fût attaqué par ses grands“ и пр.⁸ Таким образом, источники совершенно ясно и недвусмысленно свидетельствуют и о классовой сущности партии венетов. Следовательно, утверждения Острогорского и Бергера об отсутствии указания источников о социальной природе димов являются совершенно ошибочными.

Свидетельство Георгия Амартола о том, что именно дим венетов сверг Юстиниана II, является важным и в другом отношении. Оно опровергает общераспространенное среди византийцев

(Янсенс, Братиану, Дьяконов) мнение, что правление Ираклия является временем падения политической роли партий цирка.¹ Свидетельство Амартола показывает, что партия голубых играла крупнейшую политическую роль и в самом конце VII в. Это сообщение еще раз подчеркивает, что царствование Юстиниана II было периодом острой, кровавой и беспощадной борьбы императорской власти с крупной землевладельческой знатью. Таким образом, вопрос о конце политической роли партий цирка в Константинополе должен быть решен иначе, чем он решался до сих пор в исторической литературе.

¹ Theoph. Chronogr., ed. de Boor, p. 368.

² Cambr. Med. Hist., II, 1913, p. 409.

³ Χρονικὸν σύγγραμμ., ed. de Boor, II, 731.

⁴ Впервые их собрал ленинградский историк А. Елизаров в своей монографии „Юстиниан II Ринотмет“.

⁵ Chronique de Michel le Grande, éd. Chabot, 1901, XII, p. 59.

⁶ Gregorii Abulpharagii sive Bar. Hebr., Chron. Syr., 118.

⁷ Ibid., 225.

⁸ Kirakos de Kantzak. Hist. trad. Brosset, 1870, I, p. 34.

¹ А. П. Дьяконов, назв. соч., стр. 227.

Н. В. ПИГУЛЕВСКАЯ

ВИЗАНТИЙСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ И ТОРГОВЛЯ ШЕЛКОМ
в V—VII вв.

Экономическое соперничество государств, борьбу за торговлю тем или иным товаром знала еще древность. Возможность по своему усмотрению располагать ценами на товары, доставлять их на своих кораблях или перекупать их из первых рук в караванной торговле — ставила в особо привилегированное положение то государство, которое могло этого добиться.

Ремесло и торговля, высоко стоявшие в Византийской империи, претендовали на первое мировое положение не только в Средиземноморье, но и в Передней Азии. Чего нельзя было достичь оружием, того добивались дипломатией.

Известно, какую огромную роль в промышленном перевороте, знаменовавшем переход к новому времени, сыграло введение в ткацкое производство хлопка. Но и в античности и в раннем средневековье производство тканей и выделка одежды имели значительный удельный вес в общей экономике. Шерсть, употребление которой знали еще кочевые народы, в руках искусных ремесленников превращалась в тончайшие ткани, готовые хитоны и бурнусы. Ленная ткань служила преимущественно материалом для летней одежды. Шелк с древнейших времен производился в Китае, и способ его изготовления оберегался как величайшая тайна.¹

В эпоху Римской империи производство китайских рук — шелк стал известен в Средиземноморье. Это была дорогая ткань, кото-

рая „ценилась на вес золота“. Из шелка шили праздничные одежды, его надевали во дворцах, богатых виллах, как роскошь приносили в дар богам, покрывали им алтари, ткали культовые одеяния; о нем мечтали для подвенечной одежды невесты и с жадностью уносили в качестве добычи варвары.

В раннем средневековье шелк стал сравнительно распространенным, но оставался все же дорогим и изысканным товаром, как об этом свидетельствует в IV в. Аммиан Марцеллин... „Seres... conficiunt sericum, ad usus antehac nobilium, nunc etiam infimorum sine ulla discretione proficiens“.¹

К концу V в. и до начала VII в. н. э. на Ближнем и Среднем Востоке торговля шелком приобретает особенно большое значение. Она становится одним из руководящих мотивов во внешней политике Византии. В доставке и продаже шелка оказались заинтересованными не только главная соперница Византии — Персия, но и Эфиопия, арабские княжества всей Передней Азии, согды и тюркский каганат. И в этом случае Константинополь наследовал связи, традиции и задачи Рима, который настойчиво стремился освободить и захватить ближайшие торговые пути. Одна за другой уступили его натиску Петра, центр Набатейского государства (106 г. н. э.), Осроена с большим торговым городом Эдессой (216 г.), и, наконец, была покорена розово-мраморная красавица Пальмира со всей своей обширной областью (270 г.).

С IV в. империя уже непосредственно граничила с Ираном, как в Междуречье, так и на Кавказе. Несомненно, что интересы экономического характера — торговля с Дальним Востоком — были в центре нескольких фантастических замыслов последнего язычника на византийском престоле — Юлиана. Неудачный поход 363 г., закончившийся смертью Юлиана, был задуман наподобие экспедиции великого Александра. И не случайно то внимание, которое уделяют торговым связям Византии основоположники марксизма. „Константинополь, это — золотой мост между Востоком и Западом...“² Константинополь — политический, административный, торговый и умственный центр империи — был „огромным торговым рынком“ до того времени, пока не было найдено „прямого пути в Индию“³, и этот огромный рынок среди прочих товаров сосредоточивал и привозимый из Китая шелк-сырец и шелковые ткани, которые отсюда уходили еще дальше на запад.

¹ Ammianus Marcellinus. Historia, 23, 6, 57, ed. Teubner.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Традиционная политика России. Соч., т. IX, стр. 441.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Действительно опорный пункт в Турции. Соч., т. IX, стр. 382.

¹ История шелка неоднократно была предметом исследования: Mahudel. De l'origine de la soye. Mémoires de littérature de l'Académie des inscriptions et de belles lettres. Amsterdam, 1731, v. 7, pp. 354—356.

E. Pariset. Histoire de la soie. 2-me édition. Paris, I, 1862; II, 1865.

Silbermann. Die Seide. B. I. Dresden, 1897.

O. Falke. Geschichte der Seidenweberei, I, II, Berlin, 1927.

Торговые пути из Средней империи во второй Рим шли и сушей и морем. И те и другие приводили к иранским границам. Географическое положение сасанидской державы имело в этом случае все преимущества, так как сухопутные дороги с Востока приводили к ее границам, на западном побережье Индии преобладали ее фактории, а на Цейлоне персидские купцы издавна занимали первые места.

Караванный путь из Китая шел через оазисы Средней Азии. С I в. до н. э. он проходил по северной окраине пустыни Лоб-нор, через Лу-лан; с новой эрой (2 г. н. э.) была открыта „новая дорога севера“, которая прошла через север Турфанского оазиса и надолго сохранила положение главной торговой магистрали.¹ По бассейну реки Тарим, через главные города Согдианы, караваны достигали границ Ирана. Обойти его из Средней Азии можно было только обогнув Каспийское море с севера и, переправившись через Кавказский хребет, доехать до Константинополя. Но этот путь был очень труден, проходил по солончаковым и безводным степям, требовал переправы через большие многоводные реки, и движение по этим местам могло представлять опасность для жизни. К передвижению здесь прибегали лишь в редких, исключительных случаях, здесь не было установившегося, привычного пути, во всяком случае до IX в.

Морским путем, по которому вывозили шелк, были Индийский океан — Эритрейское море, по которому плыли к берегам Индии и на остров Цейлон (Тапробан). Наряду с пряностями, жемчугом, драгоценными камнями отсюда вывозили шелк, доставлявшийся из Китая. В Персидском заливе и Индийском океане персидские корабли господствовали, с ними соперничали только эфиопские суда, поэтому византийские купцы поддерживали постоянные сношения с государством эфиопов. По Эритрейскому морю в их гавани регулярно ходили византийские корабли. Но к Адулу (Adulis), главному порту Эфиопии, был и другой путь, требовавший лишь небольшого переезда из Йемена, на Аравийском полуострове. Из Сирии, через Палестину, Петру, по западному берегу Аравии до его южного мыса тянулся древний „путь благовоний“. Эта караванная дорога сыграла выдающуюся роль в истории, так как она обуславливала южно-арабскую торговлю, упадку которой Маркс приписывал такое исключительное значение в появлении ислама и дальнейших завоеваниях арабов. Из всех этих возможных путей наиболее часто обычно Византия пользовалась посредничеством персидских купцов, приобретая из их рук шелк и шелковые изделия.

¹ Stein. *Innermost Asia*. Oxford, 1928, I, p. 227, 229, 230. A. Hermann. *Die alten Seidenstrassen zwischen China und Syrien. Quellen und Forschungen zur alten Geschichte und Geographie*. Berlin, 1910, pp. 80, 91.

ПРИБРЕТЕНИЕ ШЕЛКА У ПЕРСОВ

На посреднической торговле шелком персы получали большие доходы. Для империи получение этого товара из их рук приводило к экономической зависимости, к необходимости подчиняться назначаемым на него ценам. А Иран пользовался этой возможностью, повышал цены на шелк-сырец, который подвергался обработке в византийских мастерских, тем самым вынуждая повышать цену и на изделия. Византия, со своей стороны, стремилась установить определенные цены и взимать соответственные пошлины, для чего обычно назначались определенные города, в которых и находились таможи.

В договоре, заключенном между императором Диоклетианом и шаханшахом Нарсесом в 297 г., местом торгового обмена назначалась Нисибия, „город, лежащий на Тигре“. По сообщению Петра Патрикия,¹ именно этот пункт вызвал более всего возражений со стороны шаха, и только настойчивость посла Сикория заставила его согласиться и на это. Его возражения можно отнести за счет нежелательного стеснения персидской торговли. В последней большая доля приходилась на шелк. Желая сделать подарок императору Феодосию, Шапур III (383—388) послал ему в подарок шелк, считая его большой ценностью.

К 408—409 гг. относится закон Гонория и Феодосия, устанавливающий три пункта таможенного досмотра. Прежде всего это Нисибия, уже упомянутая в договоре 297 г., затем Калиник (Ракка), на левом берегу Евфрата и Артакса — Арташат — на берегу Аракса, в среднем его течении.² Торговля помимо этих пунктов запрещалась.

Длительный период войны между Ираном и Византией в первой половине VI в. прерывал и затруднял нормальный торговый обмен, что не могло не отразиться и на доставке шелка-сырца для византийских мастерских. Повышение цен на шелк вызвало кризис, тем более что с частным ремеслом конкурировали большие государственные мастерские, гинекен.

Когда в 562 г. был вновь заключен мирный договор между этими державами сроком на 50 лет, то ряд пунктов этого договора устанавливал таможенные правила, нарушение которых строго каралось. Византийские и персидские купцы получали право провоза товаров через границу в тех пунктах, где находились таможи (п. 3), а именно через Нисибю и Дару (п. 5), где проходил обычный торговый путь, по которому и следовало водить караваны.

¹ Petri Patricii. Fragmentum 14. *Fragmenta histor. graec.*, ed. Müller, Parisii, 1884, IV, p. 189.

² Я. А. Манандян. О торговле и городах Армении. Эривань, 1930. стр. 40—41.

Всякий обход таможен, проезд с товарами, будь то византийские или персидские, без разрешения правительства подлежал наказанию.¹

Это запрещение простиралось и на арабов и „на торговцев других варварских народов обеих держав“, то есть на находившихся под протекторатом, подчиненных Византии или Ирану „варваров“, купцы которых вели торговлю. Очевидно, арабы и другие варвары не раз пытались провозить товары по обходным путям.

Договор устанавливал также правила возмещения убытков отдельным лицам и целому городу, потерпевшим от подданных другого государства. Убытки и потери, о которых идет речь, причинены „не по праву войны или военной силой, а некоей хитростью и покражей“ — ἄλλως δὲ δόλῳ τινὶ καὶ κλοπῇ. Они нанесены, следовательно, в торговых делах, которые велись обманом и хитростью. Дело о нанесении убытка одному лицу решалось в присутствии официальных лиц обоих государств, в пограничных пунктах. Потери, нанесенные целому городу, обсуждались судьями (δικασταί), которых государства посылали на границу. Неудовлетворительное решение кассировали, оно подлежало рассмотрению „стратига Востока“, — наконец, обиженная сторона имела право делать представление царю обиженной их стороны. Не получив удовлетворения, обиженные могли считать мир нарушенным,² casus belli был налицо.

Караванная торговля неизбежно создавала крупные торговые операции, которые производились в пограничных городах, на сезонных и годовых ярмарках; кражи и хитрости были обычным явлением и затрагивали интересы не только отдельных лиц, но и целых городов.

Правом беспошлинной торговли, и притом не в каком-либо определенном городе империи, пользовались „послы и следующие на казенных лошадях для оповещения“. Они имели право рассчитывать на соответствующее внимание и заботу, а также торговать привезенными с собою товарами беспрепятственно и беспошлинно.³ Но это не должно было принимать слишком длительного характера. Если они оставались на долгое время в какой-либо провинции и, следовательно, могли вести длительно свою торговлю, то им предлагали подчиниться общим правилам и не злоупотреблять своим положением.⁴ Неприкосновенность имущества послов и посланцев

¹ Menander. Fragmenta histor. graec., IV, p. 292; Excerpta historica iussu imp. Const. Porphyrog. Excerpta de legationibus, ed. C. de Boor., Berolini, 1903, v. I, pars I, p. 180.

² Ibid., p. 213—p. 181—182.

³ Ibid., p. 212—p. 180. K. Güterbock. Byzanz und Persien in ihren diplomatischen völkerrechtlichen Beziehungen im Zeitalter Justinians. Berlin, 1906, pp. 77—80.

⁴ Cod. Justin., IV, 63, 4.

из другой страны была древним обычаем, одинаково принятым как на Западе, так и на Востоке. Беспшлинная покупка и продажа практиковалась послами, и Луитпранд в X в. получил разрешение приобрести разные сорта шелка, в том числе царского пурпурового, и вывезти их из Константинополя.

Посольству Маниаха от согдов в конце VI в. тоже было разрешено везти в столицу и продать большое количество шелковых тканей.

Договор 562 г. входит в подробности, имеющие большой интерес для уяснения формальной стороны заключения дипломатических соглашений с Византией. Он был заключен сроком на 50 лет, причем было оговорено, что „по древнему обычаю“ год должен содержать 365 дней. После ратификации договора цари обоих государств обменялись грамотами договора (σάχη). Грамоты были вписаны еще в две книги, причем тщательно выверяли точность перевода и по форме и по смыслу. Подлинныя грамоты были свернуты, и к ним были приложены печати на воске.¹ Текст договора был составлен на двух языках — по-гречески и по-персидски — при участии двенадцати переводчиков, шести персов и шести ромеев. Экземпляр договора на персидском языке был отдан византийскому послу Петру, а на греческом языке был выдан Петром персидскому послу.² Персидский посол, кроме того, взял экземпляр на персидском языке, не скрепленный печатями, византийский посол взял греческий экземпляр без печатей.

Несмотря на соблюдение всех сложных формальностей, договор этот был нарушен задолго до истечения его срока. Император Юстин II отказал персам в дотации. В то же время византийская дипломатия деятельно искала новых путей и соглашений за пределами Персии, поддерживала и прямых ее врагов тюрок и соперников в торговле — согдов.

ПРОИЗВОДСТВО ШЕЛКОВЫХ ИЗДЕЛИЙ В ВИЗАНТИИ

Настойчивость, с которой Византия стремилась приобретать шелк, изыскивая пути к его получению на море и на суше, была бы непонятна, если бы согласное свидетельство письменных и археологических источников не указывало на широкий расцвет ткацких мастерских, работавших по изготовлению шелковых тканей. Если охотно приобретались готовые шелковые ткани и одежды

¹ Menander. Fragmenta histor. graec., IV, p. 213—214; Const. Porphyrog. Excerpta, v. I, pars I, pp. 182—183.

² Ibid.

vestis serica vel subserica,¹ то еще больше требовалось шелка-сырца, *metaxa*, обработка, окраска и украшение которого производились в соответствии со вкусом и требованиями византийского потребителя.

Наиболее древним археологическим свидетельством о производстве шелка в областях, принадлежавших империи, являются шелковые ткани, найденные в Египте в погребениях Антинои. Большая часть из них представляет собою узорчатые украшения, полосы и полукруги из шелка, которые нашивались как украшения вокруг ворота, и застежки льняной одежды, следовательно были рассчитаны на небогатые слои населения. Что в этом случае мы располагаем местным производством, явствует из того, что в других погребениях Египта такого типа текстиля не найдено. Этот шелк вырабатывался не только в Египте, но и в самой Антиное, так как рисунки на шелковых тканях повторяют изображения найденных в той же Антиное шерстяных тканей.²

Наиболее старые образцы шелкового текстиля Антинои относятся к IV в. н. э., они повторяют мотивы рисунков с тканей, изображавшихся на древнегреческих вазах еще в V и IV вв. до н. э. Но в дальнейшем на шелке расцветает вся красочная флора Африки, а также появляются тонконогие ибисы и тяжелые декоративные слоны. Некоторые образцы повторяют древние классические и мифические мотивы, — например, зеленая шелковая ткань с нереждами или изображенные в стремительном движении менады на красном фоне. Встречаются и иллюстрации к библейским рассказам, как к истории Иосифа-прекрасного, которого братья продают в рабство. Поражает большое разнообразие рисунков и привлекаемых мастерами тем.

Выдающийся интерес представляют коптские ткани, найденные в Верхнем Египте, близ города Понополиса, в погребениях селения Ахмим. В найденных здесь шелковых тканях часто встречается вытканное имя Захарии (в родительном падеже *Ζαχαρίου*), изредка имя Иосифа. Это имена мастеров, которые ставили свое имя на художественных образцах, выходявших из их рук. У первого преимущественно даны растительные мотивы, в частности листья с загнутыми концами, обычный мотив на александрийских тканях VI в. К этому времени и следует отнести работы ткача Захарии. В Антиное греческое шелковое производство глохнет в VII в., коптские мастерские Ахмима продолжают существовать и после арабского завоевания. Одна из сохранившихся шелковых полос (*clavus*) повто-

ряет образцы рисунка, вытканного Захарией, но имеет арабскую надпись куфического типа.¹

К началу V в. в Александрии была гинекея, т. е. императорская мастерская, в которой ткали шелковые ткани, как в гинекеях Константинополя, Кизика и Карфагена. В арабское время работа александрийских мастеров продолжается. В VIII и IX вв. шелковые ткани, которыми украшали храмы, по свидетельству *Liber pontificalis*, поступали главным образом из Александрии. Александрийская мастерская имела свою излюбленную гамму цветов, по которой можно безошибочно определить ее изделия.

В империи образовались и другие центры производства шелковых тканей. В приморские города Сирии шелк-сырец доходил морем. Его доставляли из Индии на эфиопских кораблях в Адулис, а оттуда по Красному морю его подвозили в гавани, откуда переправляли уже сухим путем. Караванные дороги из Средней Азии, через Персию к Средиземному морю, также кончались в Сирии. Здесь (еще в первых веках н. э.) и возникли многочисленные прядильные и ткацкие мастерские, где шелк-сырец превращался в тонкие нити, окрашивался. Затем в искусных руках нити превращались в чудесные ткани, сшивались и поступали в виде готового платья на рынки всего Ближнего Востока и далее на Запад.

Еще в кодексе Феодосия фигурируют *metaxa*, *vestis serica vel subserica*, *nema sericum*. *Metaxa* представляет собою шелк-сырец. *Nema sericum* — это крученая нить (*filirte Seide*). Сучили нити по преимуществу в Бейруте, Тире, Сидоне, где, благодаря положению приморской Сирии, широко развилось это ремесло. *Vestis serica*, т. е. шелковая одежда, ценилась особенно дорого. *Subserica* представляла собою особую ткань, основой которой была шелковая нить, а заткана она была золотой нитью, — это и было неким видом парчи. Производству шелковых тканей способствовал и тот факт, что именно Сирия была главным местом получения пурпуровой краски.

Прокопий Кесарийский пишет: „Платя из шелка-сырца в Берите (Бейруте) и Тире, городах Финикии, выделялись издревле. Там издавна жили торговцы, хозяева мастерских и ремесленники (*ἐμποροὶ τε καὶ ἐπίδημοι οὗτοι καὶ τεχνῖται*), отсюда этот товар распространялся по всей земле“.²

Раскопки не дали таких образцов шелка в Сирии, как в Египте, но во всяком случае ряд мотивов, сохранившихся на тканях,

¹ Falke. *Kunstgeschichte*, fig. № 39.

² Procopius *Caisariensis*. *Historia arcana*, cap. 25, ed. Haury. Berlin, 1905, v. III, p. 155.

¹ Cod. Theodos., L. 16, § 7. D. de publicanis, 39, 4.

² Falke. *Kunstgeschichte der Seidenweberei*, Berlin, 1921, p. 4.

представляет, по мнению искусствоведов, образцы, вышедшие из рук мастеров Сирии и Месопотамии.

Если верить Масуди (1, 124), то производство шелковых тканей в Персии ввели при Шапуре II (309—379) греческие мастера, взятые им в плен и насильственно переселенные.¹ Но много вероятней, что и до этого времени персидские ткачи обрабатывали шелк. И ничто так ярко не говорит о взаимном влиянии и обмене, как иные шелка — будет ли это изображение охоты царя или конного всадника, который стал известен греко-римскому миру со времен мидийских царей, в своей то „сасанидской“, то „византийской“ трактовке. Еще характернее другой вид александрийского шелка с изображением квадриги. В одном случае эта тема получает трактовку в чисто византийском стиле и относится к середине VI в. (ткань из Аахена). В другом случае та же квадрига мчится, управляемая солнечным божеством персов Митрой.² Образцы шелковых тканей VI в. говорят о высоком художественном качестве ткацких работ, раскраски, рисунка.³

Проникновение тех или иных влияний, их переработка и рождение нового стиля в искусстве прекрасно охарактеризованы Стржиговским, который пришел к заключению, что своими яркими красками и многими изображениями константинопольский храм Софии обязан месопотамским, египетским и персидским мотивам, запечатленным в шелках.⁴

Торговля шелком, как и готовыми шелковыми изделиями, была подчинена общим правилам и законам Византийской империи.

Специальные императорские мастерские — гинекеи работали на удовлетворение нужд константинопольского двора. Окрашенный в особые цвета шелк считался прерогативой царской семьи, поэтому в кодекс Юстиниана вновь вошел рескрипт на имя „комита царских щедрот“, изданный еще императорами Грацианом, Валентинианом и Феодосием, которым запрещалось окрашивать шелковые и шерстяные ткани (*vel in serico, vel in lana*) в пурпуровые или фиолетовые цвета определенных оттенков, известных под названием *blatta, oxyblatta* и *hyacinthina*.⁵

При продаже привозных товаров в Византии полагалось уплачивать пошлины, носившие названия *vestigalia* или *κομμερία*. Они

¹ J. Strzygowsky. Seidenstoffe aus Aegypten. Jahrbuch der K. Preussischen Kunstsammlungen, Bd. 24. Berlin, 1903, S. 153.

² Falke. Kunstgeschichte, p. 10; Abbildungen, № 45, 52.

³ Dalton. Byzantine art and archeology. Oxford, 1911, p. 585, illustr.

⁴ Strzygowsky. Seidenstoffe, p. 153.

⁵ Cod. Justin., IV, 10, 1.

взимались в пограничных городах, но иногда их брали и в других пунктах, в пределах самой империи. Кроме того, была виртуозно разработана система дорожных и почтовых пошлин (*portoria*), бремя которых купцы умело перекладывали на плечи потребителя. Дополнительно взимались суммы за право торговли на рынке — это были *pundinae* или *πικύματα*.¹ Размеры взимаемой пошлины были не всегда одинаковы, издавна она составляла 12,5% — *octavarium vestigial*, т. е. восьмую часть от 100.² Выше этого запрещалось брать на товары какую бы то ни было пошлину. При Юстиниане процент был снижен до 10, отчего и таможня носила название *δεκατέττιρα*.³ Взимались пошлины и налоги сборщиком, мытарем, называвшимся *τελώνης*, или *publicanus*. Иногда это дело вели государственные чиновники, непосредственно ведавшие сбором пошлин и налогов с торговли. В ряде случаев это были лица, бравшие на откуп этот сбор.⁴ Пошлины очень строго и точно взимались с разного рода шелковых изделий и шелка-сырца.

Ведал всеми делами торговли и взиманием пошлин *comes sacrarum largitionum*, имевший своих подчиненных *comites largitionum* и *comites commerciorum* во всех диоцезах. Впрочем, *comes commerciorum* имел еще особые полномочия, как это выясняется на основании рескрипта императора Феодосия I (379—395) на имя Кариобанда, дукса Месопотамии. В этом рескрипте подтверждается запрещение покупать шелк у „варваров“, т. е. персов, кому бы то ни было помимо комита — *comparanti serici a barbaris praeter comitem commerciorum*.⁵ Другой рескрипт запрещал принимать у себя *peregrinos negotiatores*, т. е. приезжих торговцев или путешествующих с караванами, без согласия или ведома того же комита.⁶ В этих постановлениях нельзя, однако, еще видеть явлений государственной монополии, она была введена уже в VI в. при Юстиниане и привела к тяжелым результатам. Введенная им монополия на шелковые товары, как и другие монополии, оказалась глубоко ошибочной государственной политикой, так как она привела к жестокому разорению приморских городов Сирии, обнищанию населения, ослаблению торговых связей. Области Сирии поэтому легко перешли в руки персов, а затем арабов.

¹ Zach. v. Lingenthal. Eine Verordnung Justinians über die Seidenhandel Mémoires de l. Ac. Imp. des sciences de St.-Petersbourg, VII série, t. IX, № 41865, p. 6.

² Cod. Justin., IV, 61, 7.

³ Procopii. Anecdota, 25, ed. Hauri, v. III, p. 156.

⁴ Zach. v. Lingenthal. Eine Verordnung, p. 6.

⁵ Cod. Justin., IV, 40, 2.

⁶ Ibid., IV, 40, 2; IV, 43, 6.

Особенно подробно на кризисе производства и торговли шелком останавливается Прокопий Кесарийский. Персидские купцы, пользуясь своим положением монопольных посредников и осложнением взаимоотношений Ирана и Византии, повысили цены на шелк, вследствие чего возросли цены и на выделанные ремесленниками Византии шелковые товары. Другой причиной повышения цен было увеличение числа пунктов, в которых взимались пошлины, т. е. таможен, в которых отчисляли десятую часть стоимости товара (*δεκατέυτρη*).

Установление строгого контроля над привозимыми в столицу товарами ставило в тяжелое положение торговый флот. Поставленный во главе контроля сириец Аддай вынуждал моряков (*ναυκληροί*) выплачивать пошлину, равную цене товаров, привозимых на их кораблях, или требовал, чтобы они доставляли товары в отдаленные области — Ливию или Италию. Эти требования приводили к разорению торговцев-моряков. Одни из них прекращали торговлю, сжигали свои корабли, другие непомерно повышали цены на товары, перекладывая всю эту тяготу на потребителя.¹

Введенные Юстинианом монополии (*μονοπώλια*) были губительны для торговли, так как государственный аппарат не мог обеспечить необходимое сырьё для частных мастерских. В частности, в вопросе о продаже шелка меры, принимаемые правительством Юстиниана, сводились к возможному удешевлению цены на шелк-сырец, но цели этой они не достигали. Постановление 540—547 гг., найденное Цахариэ фон Лингенталем, стремилось парализовать возможность для персов повышать продажную стоимость шелка-сырца. Поэтому предписывалось коммеркиарию покупать его по установленной цене (по 15 золотых номисм за литру — 400 граммов) и по этой же цене продавать его торговцам метаксариям.² Торговля шелком должна была происходить открыто, с ведома префекта города, и ни в каком случае не бесконтрольно или из-под полы. Особых уточнений относительно цены изделий из шелка не делалось, но она должна была исходить из цены на шелк-сырец и соответственно ей (*κατὰ ταῦτα*) нарастать. Комит царских щедрот, в ведении которого находились царские мастерские для прядения и тканья шелка, получал сырец непосредственно из рук коммеркиария, поэтому цена на изделия из шелка уже не могла особенно интересовать царское хозяйство, а поэтому на нее и не давалось указаний.

Торговцы шелком или ремесленники имели право привлекать к ответственности коммеркиария в случае, если он продавал

¹ Procopii. Anecdota, 25, p. 154.

² Zach. v. Lingenthal. Eine Verordnung, p. 13—14.

им купленный у персов шелк-сырец по повышенной цене. Постановление, сосредоточивая покупку сырца у государственного чиновника, коммеркиария, устраняло конкуренцию и тем самым получало шансы на не слишком завышенную цену. К сожалению, резкое расхождение цены на сырец в Бодлеянском фрагменте и у Прокопия не позволяет установить ее хоть с относительным вероятием, но другая расценка дает примерно вероятную цену на окрашенный шелк. Комит царских щедрот Петр Барсима (вероятно Бар Саума), сириец, продавал за 6 золотых унцию крашеного шелка. Исходя из этого, цену килограмма шелка следует считать 5157 франков, т. е. 2063 франка за 400 граммов (фунт) и, следовательно, около 687 рублей за фунт (при франке равном 30 коп.).

Для общего положения империи в середине VI в. и затруднений в финансовой политике характерно еще одно. Золотая монета *νόμισμα* или *στατῆρ* обычно не имела широкого хождения. Разменной монетой был *ὀβολός* или *φόλλις*, на который и расценивались продукты питания и другие мелкие расходы трудового населения. До времени Юстиниана золотой разменивался на 210 фоллов, с его времени статир равнялся лишь 180 фоллам. Такое изменение отразилось, главным образом, на низших классах византийского общества, которые теряли на размене, так как всякого рода покупка и продажа на рынке происходила на мелкую, разменную монету.¹

Резкое изменение стоимости золота не могло не отразиться и на всяких ценах, в том числе и на расценке шелка-сырца и изделий из шелка.

В результате всех этих причин в Бейруте, Тире и других городах, в которых было сосредоточено производство шелковых изделий, торговцы и ремесленники оказались в величайшем затруднении. Они стали продавать шелковую одежду своего изделия по более высоким ценам, в зависимости от цены на сырец, но тогда был издан закон, запрещавший продавать эту одежду дороже определенной цены. Купцы, приобретавшие товары по более высоким ценам, вынуждены были торговать в убыток. Некоторые стали сбывать свой товар из-под полы, но жестоко за это платились: по распоряжению Феодоры у них были отняты товары и наложен на них большой штраф.

Но особенно пострадали ремесленники упомянутых городов Сирии, „простой народ“, который трудился над „ручной работой“. Они обнищали и, обреченные на голодную смерть, вынуждены

¹ Malalas. Chronographia, Bonn, 1831 486, 19.

были просить подаяния. Часть из них переселилась в Иран, где их ремесло могло найти применение.¹ Пострадали и те торговцы, которые занимались провозом по морю и доставкой шелка и шелковых изделий (θελκττοῦργοι τε καὶ ἑγγυαίοι), их дела приняли дурной оборот.² Другие источники также подтверждают сообщаемые Прокопием факты разорения торговцев (ἐμποροὶ) этих городов, хозяев мастерских (ἐπιδημιουργοὶ), наконец, самих ремесленников (τεχνῖται).

Потребность константинопольского двора в шелковых тканях была так велика, что побудила правительство основать в столице собственные царские мастерские, к которым были прикреплены целые семьи рабов, образовавших специальные коллегии — гинечиариев, гупаециарии. Законом 426 г. строжайше запрещалось освобождать членов этой коллегии, они были прикреплены к бафиям и гинекеям, в которых работали. Подневольные условия труда заставляли бежать от этих обязанностей как рабов, так и свободных. Особая квалификация и высокая техника, которой владели текстильщики и красильщики, доставляли им широкую возможность заработка. Специальные законы запрещают предоставлять убежище и укрывать беглых рабов из царских текстильных мастерских (texturini nostri mancipia), как и кого-либо из скрывающихся членов семей, работающих в гинекеях (aliquam ex familiis gupaecii).³

Таково было положение в IV в., когда издавались эти законы, и если к VI в. в составе работавших в царских мастерских и могли произойти изменения и рабов заменили полукрепостными или относительно свободными людьми, то во всяком случае сохранение этого закона во втором издании кодекса Юстиниана говорит о его значении и в VI в. Общая тенденция этого законодательства прикреплять, закрепощать и усиливать формы рабовладения и прикрепления не могла не сказаться и в этом частном случае.

ВИЗАНТИЯ И ТОРГОВЫЕ ПУТИ КАВКАЗА

Выдающееся торговое значение Кавказа в значительной мере и было причиной того, что он являлся яблоком раздора между Византией и Ираном. Этническая его раздробленность способствовала тому, что отдельные территории могли попадать в руки более предприимчивых, активных и мощных его соседей.

До времени арабского завоевания византийские хроники и законодательство пестрят упоминаниями различных городов Закавказья, особенно Армении. В частности, в IV в. Артакса —

¹ Procopii. Anecdota, 25, p. 157.

² Ibid.

³ Cod. Justin., XI, 7, 6; XI, 7, 5.

Арташат — столица Аршакидской Армении, упоминается как центр, в котором официально была допущена торговля империи с персами¹. В настоящее время установлено и местонахождение Артаксы на левом берегу Аракса в среднем его течении. Особого значения достигает Арташат в первой половине IV в., до походов Шапура II, в 364—367 гг. н. э. С 428 г. политическим центром Армении становится соседний Арташату Двин, на который часто переносится это старое название. В арабское время Артакса была загородным местом при Двине, вероятно играла роль раббата, судя по тому, что арабские источники называют его „городом красильщиков“.² Tabula Peutingeriana, составленная во второй половине IV в. н. э., дает представление о многочисленных дорогах Армении, в частности тянувшихся из Арташата-Двина в Иверию к Армастике и Тфилиде, на восток к городам Аксарапори и Аквилеи, а на запад к Севастополю (Фазис) у впадения реки Фазиса-Риона в Черное море. Развитые торговые связи Армении характеризует в своих трудах академик Я. А. Манандян, уделяя особенно много внимания итинерариям и исторической географии.³

Культурное влияние Закавказья на всю Переднюю Азию давно дебатруется на страницах искусствоведческих журналов. О ведущей роли Армении в зодчестве особенно много писал Стржиговский, и совсем недавно с новыми данными и большим исследованием в этой области выступил академик И. А. Орбели.

Эти факты общего характера превосходно объясняют, почему соперничество и борьба между Византией и Ираном неизбежно перекидывались в Закавказье. Часть Армении, находясь в орбите персидской державы, имела постоянные связи с той частью, которая была присоединена к империи, — этим в полной мере обеспечивался быстрый торговый обмен. Всякий раз, когда экономическая борьба между двумя державами переходила в войну, Армения втягивалась в нее или становилась полем военных действий.

Торговые пути через Армению, возможность получить через ее посредство наряду с другими товарами и шелк несомненно играли значительную роль в тех дипломатических сношениях, которые налаживала Византия. Известны многочисленные описания богатства, изделий и товаров в городах Закавказья. Чисто экономические

¹ Cod. Justin., IV, 63,4.

² С. Т. Еремян. Торговые пути Закавказья в эпоху Сасанидов. Вестник древней истории, 1939, № 1 (6), стр. 83.

³ Я. А. Манандян. О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен. Эривань, 1930; его же. Древние пути Армении (на арм. языке), Ереван, 1932; его же. Главные пути Армении по Пейтингеровой карте. Ереван, 1936.

интересы империи совершенно очевидны в инцидентах середины VI в. с цанами (лазами), о которых рассказывает Прокопий Кесарийский, где введение монополии тяжело легло на местный обмен и торговлю.

Но особенно существенно, что Византия намечает возможности своего влияния в Причерноморье и на Северном Кавказе. Одним из ее испытанных политических приемов была христианизация. Один из гуннских князей, Грод, правивший в Босфоре, на побережье Черного моря, принял в 534 г. крещение. Но его смелая попытка вызвала, возглавленное его братом Маугером, восстание гуннов, в результате которого он был свергнут.

Известен и другой факт, связанный с попытками Византии утвердить свое влияние на Северном Кавказе, — поддержка, оказанная ею христианизации гуннских племен, начатой одним из представителей Албании (Армении).¹ Эти племена, населявшие Прикаспийские области Предкавказья, были в состоянии кочевом или полукочевом; так, Захария Митиленский говорит, что у них нельзя было найти „покойного местопребывания“. К этим гуннам был послан из Византии посол Пробос, который „пришел с посольством от императора, чтобы купить из них воинов для войны с народами“. Вербуя наемников для войска, Пробос в то же время сделал ряд шагов для укрепления христианства и заключения дружественных сношений с этими племенами. Насколько дальнорочка была эта политика, видно из того, что лет через 30—40 византийские послы в Среднюю Азию попытались вернуться оттуда, обогнув с севера Каспийское море. Они везли с сопровождавшими их согдами большие количества шелка. Достигнув областей Северного Кавказа, посольство могло рассчитывать на дружески расположенных к ним гуннов.

Вообще же путь этот через Северный Кавказ и северное побережье Каспийского моря в Среднюю Азию, представлявший большие опасности, не был привычным.

ВИЗАНТИЯ, ЭФИОПЫ И ХИМЬЯРИТЫ

В древности и раннем средневековье Эфиопия занимала положение мощной торговой державы. Центр ее Аксум был соединен специальной дорогой со своей гаванью Адулом, который был одним из самых больших торговых рынков Ближнего Востока. Эфиопия вела, главным образом, посредническую торговлю. Она скупала

¹ Н. В. Пигулевская. Сирийские источники по истории народов СССР, Л., 1941, стр. 85—87.

и обменивала товары Центральной Африки, которые доставлялись на восточное побережье. Одним из предметов вывоза была слоновая кость,¹ то есть бивни африканских слонов. Систематически, из года в год, эфиопы вели торговлю с „ладоносной землей и землей Сасу“, расположенными на берегу океана, южнее их границ. Особенно выгодно было вывозить отсюда золото, которого было большое количество.² На обмен из Эфиопии вывозили „быков, соль и железо“. Большую часть товаров составляли также пряности (ἄνισμα), ладан, казия — благовонная кора касийского лавра, тростник (κάλαμος). Торговый флот эфиопов доставлял и вывозил разные товары на Аравийский полуостров, в Персию, в приморские гавани Индии и Цейлона.³

В первой четверти VI в. при Юстине I (518—527) Византия особенно сильно чувствовала свою зависимость от персидской торговли. Шелк-сырец, доставлявшийся персами, обходился очень дорого; непомерно повышались из-за этого цены и на выделанный из шелка товар, что ставило под угрозу работу мастерских в Византии. Необходимо было искать новых возможностей для доставки этого драгоценного сырья.

С южной Аравией Византию связывали не только морские, но и караванные пути. В Иемене тогда утвердилось государство химьяритов, с которым, как и с арабскими шейхами, вдоль всего „пути благовоний“ Константинополь поддерживал постоянные дипломатические отношения. Из Иемена корабли шли в Адул эфиопов, откуда снаряжались караваны судов на юго-восток Африки, на Малабарское побережье Индии и остров Цейлон.

В конце V в., лет за 25 до того, как в Эфиопию приезжал Козьма Индикоплов (522), там путешествовал византийский купец Сопатр. На острове Цейлоне он попал в атмосферу соперничества с персидскими купцами, которые господствовали во всех гаванях Индии и закрыли их для непосредственной византийской торговли. Своим остроумием Сопатр парировал их претензии перед царем Тапробана, его даже почтили, „посадив на слона“, и провезли по городу „с тимпанами“ и „великой честью“. Но господство в торговле попрежнему оставалось за иранскими купцами, да отчасти за эфиопскими мореплавателями. При таком положении Византии особенно приходилось дорожить дружбой с химьяритами и эфиопами.

¹ Cosm. Indicopl. P. Gr., 88, col. 449.

² Cosm. Indicopl., col. 100.

³ Cosm. Indicopl., col. 97; O' Leary de Lacy. Arabia before Muham-med. London, 1927, p. 115—118.

Для византийской дипломатии характерно, что три поколения одной и той же семьи — дед Еупор, его сын Авраам и внук Нонн последовательно выполняли поручения Анастасия, Юстина, Юстиниана. Их миссия касалась мелких государств Передней Азии, которых империя мастерски умела держать в руках, ссорить, мирить, одаривать, обманывать, — империя, о которой один из тюркских каганов непочтительно говорил: у ромеев десять языков и ни одного слова правды. Династия дипломатов, начинавшаяся с Еупора, вела переговоры с арабскими племенами кинди, маадеями, арабами Хирты, химьяритами, эфиопами. Византия ценила и в этом случае традиции, живую передачу нарыков, связей, опыта, знание языка и людей из поколения в поколение.

Если с эфиопами Византии удалось занять устойчивое положение, то в Иемене ей постоянно приходилось сталкиваться с иранским влиянием. Еще в конце V — начале VI в. шах Кагад „криводушествовал“ и затруднял византийскую торговлю с химьяритами, в которой шелк играл далеко не последнюю роль. Ибн-Халдун о зу-Иле (конец III, начало IV в. н. э.) сообщает, что „он был первый из царей Иемена, сделавших набег на Рум, и первый, кто ввел шелк и парчу“.¹

Эфиопы еще в V в. подчинили Иемен, назначили туда своего ставленника и держали химьяритов под контролем, от которого последние стремились освободиться. В экономических причинах эфиопо-химьяритских войн в первой четверти VI в. не приходится сомневаться. Конкурирующие и борющиеся силы представляли сложный клубок отношений.

На всем протяжении пути из Палестины в Южную Аравию, по побережью были расположены многочисленные и богатые иудейские колонии. Они и были здесь движущей силой, до того как в VII в. арабы заняли доминирующее положение. Часть химьяритов, связанная с этими колониями традиционной торговлей и поддерживаемая Ираном, стремилась сбросить эфиопское господство. Иран не желал уступать Византии возможности торговых сношений в Индийском океане и поддерживал враждебные эфиопам группировки химьяритов, так как за спиной торговой африканской державы стоял Константинополь.

Один из химьяритских царей, торжественно именующих себя в надписях „царями Саба и Химьяра“, имя которого традиция варьирует, в 519 г. захватил византийских торговцев, убил их и ограбил все, что у них было, „ибо торгующие ромей проезжают через

Химьяритию в Аксум, внутренние области Индии и Эфиопию“.¹ Эти враждебные действия вызвали протест царя Аксума Элесбоа: „Ты вредишь моему государству и внутренней Индии, препятствуя ромейским купцам, едущим к нам“.² Но его уговоры и организованная им экспедиция против химьяритов не имели длительного успеха. Химьяритский царь Мазрук зу-Нувас уничтожил часть враждебной торговой знати, ориентировавшейся на Эфисию и Византию, а потому и принявшей христианство. Сам Мазрук опирался на торговые связи с иудеями и на симпатии персов.

Война Эфиопии против химьяритов была результатом сложнейших и тончайших дипломатических действий Византии. Не только туда был послан представитель Константинополя, но император вошел в сношения с Александрийской патриархией, с тем чтобы отсюда было дано соответствующее указание и оказано воздействие по церковно-политической линии, так как эфиопская церковь была подчинена Александрии. Помимо того, правительство Юстина I оказало поддержку монофизитским кругам на своей восточной границе, и Симеон, епископ Бетаршамский, пламенный сторонник монофизитской доктрины, соответственным образом информировал большим посланием весь Ближний Восток, требуя поддержки химьяритов-христиан. В Хирте Наамановой, центре арабской династии лахмидов, находившейся под персидским протекторатом, представитель византийской дипломатической службы Авраам, упомянутый Симеон Бетаршамский и Саргис Русафский в 525 г. одинаково стремились склонить иранских арабов к поддержке византийских и эфиопских интересов в Иемене.

Для похода из Эфиопии была использована сборная флотилия, в которой нашлось место и греческим кораблям. Успешный поход Элесбоа и победа над химьяритами побудили его еще теснее связать свою судьбу с Византией, и христианство стало официальной религией Эфиопии. Как и в других странах, греки сохранили для совершения богослужений язык обращенных.

Господство Эфиопии над Иеменом (с 525 г.) продлилось на этот раз не более 50 лет. Ставленник негуса не всегда выполнял свои обязательства, временами возникали междоусобия. Для Византии этот период сходил к дальнейшему сближению с химьяритами. В частности Табари сообщает о постройке великолепной церкви в Санаа, для которой были присланы византийские ремесленники, украсившие ее мозаиками и мрамором. Абраха вел активную

¹ Z. D. M. G., B 31, p. 77.

¹ Theoph. Chronographia, ed. de Boor, 1888, p. 223.

² Ibid., p. 223.

внешнюю политику, совершил поход против арабов Мекки и Каабы, о чем упоминает и Коран, называя его войска „людьми со слонами“.

Враждебная Эфиопии группировка химьяритов пыталась искать покровительства у Ирана. Хосрой Анушерван не считал нужным давать им войска, но согласился дать им 8 судов, на которые были посажены 800 человек, выпущенных из тюрьмы. Насколько это предание соответствует исторической истине, сказать трудно, особенно нельзя доверять цифровым данным Хишама у Табари.¹

Во всяком случае, Вахриз с персидскими войсками оспаривал Иемен у Эфиопии. Византия оказывала всяческую поддержку своей союзнице. Магистриан Юлиан привез Хариту царские грамоты (σάκραι) и дары, соглашение было достигнуто, и Эфиопия, направив сначала отряды из подвластных ей арабских племен, двинула затем свои собственные войска.² Юлиан, в качестве византийского представителя, сопровождал их в походе.³ Победа оставалась за персами. Вахриз был назначен правителем Йемена, а после второй его экспедиции, когда был смещен химьярит Сайф-ибн-Абу Мурра из рода зу-Язан, сын Вахриза занял положение персидского Марзбана в Йемене.

Так кончилась попытка Византии упрочить свои торговые связи в Йемене. Чтобы соперничать в Индийском океане с персами, Эфиопия также не была достаточно сильна. Византийской дипломатии приходилось продолжать свою ловкую политику с различными арабскими шейхами и мелкими государствами, которые участвовали в караванной торговле и способствовали, в частности, перевозке шелка. Перед ней стала и другая задача — минуя Иран, попытаться связать себя с государствами Средней Азии и так получить в свои руки необходимое сырье.

ВИЗАНТИЯ И АРАБЫ

На караванных путях между Византией и Ираном, Византией и Йеменом находились многочисленные полукочевые арабские племена, принимавшие самое деятельное участие в торговле, охране и погрузке караванов. В Сирии и Палестине приходилось вести борьбу словом и оружием с арабами-скинитами. В конце V в. дукс Палестины Роман разбил двух шейхов Хатира-ибн-Талаба и Габалу, разорвавших Палестину. Кроме того, он захватил остров Иотабу, в самом „чреве“ Эритрейского моря, благодаря чему ромейские купцы получили возможность селиться на нем, устроить фактории и кладовые

¹ Th. Nöldeke, Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sasaniden aus der arabischen Chronik des Tabari. Leiden, 1879, p. 230.

² Malalas, p. 459.

³ Theoph., p. 244—245.

для товаров, поступавших из Индии, а пошлина, взимаемая в Иотабе, поступала императору.¹

Несколькими годами позже с Хатиром был заключен договор, согласно которому „Палестина, Аравия и Финикия наслаждались покоем и миром“.² Население именно этих приморских областей занималось издавна в городах ремеслами и нуждалось в спокойствии, необходимо было также и создание безопасного торгового пути. Договор этот был заключен Нонном, внуком и сыном двух других византийских дипломатов. Но в 528 г. (2-й год правления Юстиниана) дукс Палестины при поддержке византийских войск других соседних областей разгромил шейха Мундара (Аламундара), который должен был спастись бегством. Он устремился εις τὰ Ἰνδικὰ μέρη, под которой следует понимать Эфиопию (смещение допущено Малалой). Это лишнее указание на тесные прямые связи арабов Сирии с Йеменом и Эфиопией. В руках скинитов было много товаров, скопленных ими в торговле. Когда были захвачены скот и палатки лагеря Мундара, в добычу византийские войска получили πολλὴν μέταξιν καὶ ἱματισμόν,³ т. е. множество шелка-сырца, и готовой одежды. Если относительно происхождения одежды можно еще высказать предположение, что она выделялась в приморских городах Сирии, как на это могут указывать некоторые другие данные, то шелк-сырец был, конечно, товаром, привезенным либо из Индии, если караван доставил его из Йемена, либо из Китая, если он был доставлен „от персов“. Отец упомянутого Нонна, Авраам, имел от правительства Юстиниана дипломатическое поручение к шейху „наиболее замечательных арабских племен — маадеев и кинди“. Каис согласился на заключение договора и в заложники Византии дал своего сына Мавию, который был поставлен ко двору.⁴ Этим договором были сглажены пути для византийских караванов в средних областях Аравии. Но вскоре встал новая задача. Константинополь считал желательным передать филархию арабов-скинитов в другой род. После того как Мундар был разбит, наиболее подходящим кандидатом представился Каис. И вот Нонну, сыну Авраама, поручено было убедить Каиса приехать в византийскую столицу. Нонну удалось успешно выполнить задание. Каис прибыл и согласился на важное для Византии предложение. Он собственную филархию τὴν ἰδίαν φιλαρχίαν, т. е. маадеев и кинди,

¹ Theoph., p. 141; Evagrius. Historia ecclesiastica, III, 36. ed. by Bidez and Parmentier. London, 1889.

² Theoph., 179; Malalas, p. 434.

³ Ibid.

⁴ Nonnos. Excerpta, ed. Dindorfii. Bonn, p. 479.

которыми он правил, разделил между двумя своими братьями, Амбром и Язидом. Обращает на себя внимание факт наследования братьями, а не сыновьями в арабском роде, на что мною уже было указано.¹ Каис стал во главе палестинских арабов, „приняв от царя власть над ними“. Его эгемония едва ли носила мирный характер. Каис привел с собою значительное число воинов, из тех племен, которыми он правил,² с их помощью он и стал держать в подчинении своих палестинских сородичей.

Так действовала Византия, чтобы добиться спокойствия на тех путях, где она провозила товары, из которых в то время наиболее существенным был шелк-сырец.

К последнему десятилетию VI в. империя вновь стояла перед вопросом, где его приобретать, так как персы захватили Йемен; непосредственный обмен с теми же персами на границе в Месопотамии обходился очень дорого или прерывался войной. Осталось еще две возможности: разводить в Византии самого шелкопряда и завязать сношения со Средней Азией непосредственно. Эти попытки и были сделаны.

ШЕЛКОПРЯД В ИМПЕРИИ

Два источника VI в. дружно утверждают, что в Византии не знали, как производится и что такое шелк, пока в царствование Юстиниана один перс не принес в выдолбленном посохе яйца шелкопряда, из которых вывелись черви и были им выпущены на тутовые листья.³ Прокопий располагает более подробным и близким к действительности рассказом. Два монаха, прибывшие из Индии (ἐξ Ἰνδοῦ), зная, что император Юстиниан находится в затруднении, в связи с тем, что персы не стали продавать ромеям шелка-сырца, предложили ему внедрить (ἐνέσθαι) разведение шелкопряда. Они могли это сделать, так как провели длительное время в „земле, называемой Серинда“, где они в точности изучили, как проходит вся „механика“ производства шелка.

Желая точнее определить, где именно находится Серинда, Прокопий добавляет, что это „земля, населенная многими индийскими народами“.⁴ Читать следует ἧπερ — „где“, по предложению Chavannes („Serinda“ dans lequel se trouvaient en grand nombre des

¹ Н. В. Пигулевская. Арабы VI в. по сирийским источникам. Труды II сессии арабистов. Л., 1940.

² Nonnos. Excerpta, p. 470.

³ Theophanes Byzantius. Excerpta, ed. Dindorfi, Bonn, p. 484.

⁴ Procopii. De bello Gothico, 4, 17, ed. Hauri, II, p. 576—577.

populations hindoues“)¹. Эта поправка не обратила на себя внимания Hauri — он пишет ὑπερ. Очевидно, речь идет о северной Индии, или об одном из оазисов „шелковой дороги“, известных теперь благодаря замечательным разысканиям и исследованиям выдающегося ученого Aurel Stein, особенно труд, который он так и назвал „Serindi“.

Юстиниан, повидимому, придавал большое значение предложению монахов и тому, что шелк действительно является производным самой природы или естества червей τῆς φύσεως αὐτοῖς διδασκᾶν τε οὐκ ἔστι. Привезти живых червей невозможно, но их зародыши или яйца могут выдержать долгое путешествие, притом каждый червь кладет множество яиц, а сохранить их можно, закопав в навоз. Юстиниан обещал монахам дары, если они приведут в исполнение обещанное.² Тогда они предприняли вторичное путешествие в Серинду и, вновь (ἄλλοτε) побывав там, вывезли яйца шелкопряда в Византию. Черви вывелись и были выпущены кормиться на тутовые листья. Они окуклились и дали шелк. Принимая во внимание, что Прокопий ставит это свое сообщение в связь с ирано-византийскими войнами, и то количество времени, которое требуется для путешествия в Среднюю Азию или северную Индию, первое путешествие монахов могло иметь место в 550 г., второе в 552 г., а их возвращение в 553 или 554 гг.³ Торговля со Средним и Дальним Востоком и тогда, как и позднее, была в руках главным образом несторианских купцов, как сирийцев, так и персов; языком их обычно был сирийский. Эти торгозцы-путешественники и смогли завезти в Византию шелкопряда. Вопрос только — откуда они его вывезли?

Источники разноречивы. Феодор Византиец говорит, что они пришли ἐκ Σηρῶν — „из страны серов“. Судя по тому, что он же говорит, что торговые города и гавани „серов“ принадлежали сначала персам, а затем перешли к тюркам, не может быть, чтобы подразумевались китайские города и гавани. У Прокопия фигурируют два названия: Индия (ἐξ Ἰνδοῦ) и Серинда (Σηρίνδα). Следовательно, не Китай, а либо области северной Индии, либо Средней Азии. Наиболее вероятно, что речь идет о городах, торговых центрах и гаванях, которые были вовлечены в торговлю шелком, а это в первую очередь были среднеазиатские, согдийские центры, политическое господство над которыми перешло от кушан к эфталитам, а

¹ Chavannes. Documents sur les Turcs occidentaux (Труды Орхонской экспедиции. Т. VI), p. 233 (1).

² Procopii. De bello Gothico, 4, 17, ed. Hauri, II, p. 576—577.

³ Henning, Die Einführung der Seidenzäupenzucht im Byzantinerreich. Byz. Z., 1933, B. 33, p. 309—310.

Mickwitz. Die Organisationsformen zweier Byzantinischen Gewerbe im X Jahrhundert. Byzantinische Zeitschrift. 1936, B. 36, H. I, p. 70—76.

от них к тюркам. Сюда-то и прибыли персы-монахи и отсюда могли вывезти шелкопряда. Серинда — это перепутье между Дальним и Ближним Востоком, та Средняя Азия, в которой трудолюбивые согды занимались ремеслом и торговлей.

СРЕДНЯЯ АЗИЯ В ВИЗАНТИЙСКОЙ ТОРГОВЛЕ ШЕЛКОМ

В VI в. Средняя Азия пережила новую смену кочевого владычества. Наследники Кушанского царства в V в. эфталиты, разбитые персидским оружием в VI в., были вынуждены уступить свое место тюркам. Во второй четверти VI в. один из эфталитских царей, стремясь захватить северную Индию, выступил с многочисленной конницей и 2 сотнями слонов. Этот поход белых гуннов-эфталитов с Галласом имел своей главной целью богатую добычу. Лет 30—40 спустя они были вынуждены двинуться тем же путем, уже теснимые персами и потерпевши поражение от тюркских орд.

„Новыми господами“ Средней Азии стали тюрки. Под их властью оказались согдийцы, занимавшие ее главные культурные области.

Немногие сведения, которые могут быть получены из источников того времени, говорят о своеобразном положении согдов. Они жили на большой караванной дороге, которая справедливо получила название „шелковой“. Первоначально согды продавали лишь плоды своего сельского хозяйства, отчасти своих ремесел. Начав с посреднической торговли шелком, они сами переходят затем к изготовлению и выделке тканей из него, заимствуя их украшение, расцветку, рисунок из обихода своих потребителей, стремясь дать то, что могло найти сбыт. В этом отношении исключительно красноречивы и показательны археологические данные на всем протяжении шелковой дороги от Китайской стены до берегов Нила.

Погребения в Лу-Лане, на северной окраине пустыни Лоб-нор (на юге от Турфана), где датированные китайские документы III в. являются *terminus post quem*, свидетельствуют о том, что торговый обмен носил двухсторонний характер, так как в некоторых могильниках находятся не только шелковые, но и шерстяные ткани. Кусок ковра в одном из них, несомненно, является выделкой Таримского бассейна, откуда вышли и другие шерстяные ткани погребений Лу-Лана. Вдоль реки Тарим города и селения с древнейших времен выделывали шерстяные ткани, в частности появление кипорного тканья, *twill weave*, намечается здесь раньше, чем в Китае. Этот способ выделки шерстяной ткани был принят в Китае для шелка. Рисунки шерстяных тканей из Лу-Лана Aurel Stein называет „эллинистическими“, а сохранившуюся часть лица, вытканного на одной из них, считает принадлежащей „греко-буд-

дийскому типу“.¹ Шерстяные ткани Таримского бассейна находили сбыт за своими пределами, и в частности, в Китае. На одной из них техника, выделка которой близка коптской, имеется типичное китайское изображение птицы на лошадиных ногах.² Таким образом, для времени до IV в., на основании археологических данных, можно видеть, что „эллинистические“ рисунки и техника работы приносились с шерстяными тканями, производившимися в Средней Азии. „Китайские мотивы“ несли красочные и фигурные шелка от „серов“.

Для VI—VII вв. раскопки в Астане (Турфан) дают материал безошибочно указывающий на то, что шелк стал предметом выделки в Средней Азии. В могильниках Астаны умершему обычно закрывали лицо платком. Большинство из этих платков представляет собою многокрасочные шелковые ткани с типично „сасанидскими“ изображениями.³ Шелковая ткань, которая имеет персидский рисунок, точно датируется найденным в той же гробнице китайским документом от 8 декабря 667 г. На тесную торговую связь Византии и Китая, посредницей в которой была согдийская Средняя Азия, указывает и нумизматический материал. При захоронении умершего часто клали ему в рот монету, иногда ее клали на глаза. В одном случае были найдены монеты из серебра Хосроя Анушерована (531—579 гг. н. э.) и Хормизда IV (579—590 гг. н. э.) и медная китайская монета, которая „выделана династией Суй“ (581—618).⁴ Так как в Китае серебряной и золотой монеты не знали, то мертвому клали монету западного, византийского, или персидского образца или ее подражание. В двух могильниках Астаны найдены имитации золотых монет, одна Юстина I (518—527), другая Юстиниана (527—565).⁵

Таким образом, археологические данные позволяют сделать вывод, что в Согдиане, Самарканде, Фергане, Бухаре, в бассейне реки Тарим производили шелковые ткани.⁶ Образцы согдийского шелка доходили и до Дун-Хуана, к самой Великой китайской стене, где найдена не одна согдийская рукопись. Текстильное производство Согдианы было мощным, и производимые товары вывозились далеко за ее пределы. Если первоначальным материалом служила шерсть — местное сырье, которое поставляли скотоводческие

¹ Stein. *Serindia*. Oxford, 1921, v. II, p. 907—909; его же. *Innermost Asia*, p. 241.

² Stein. *Innermost Asia*, p. 242, 244.

³ Stein. *Innermost Asia*, v. III, p. 79—80.

⁴ Stein. *Innermost Asia*, p. 647, 993—994; v. III, pl. 119, № 3.

⁵ *Ibid.*, v. III, pl. 120.

⁶ Migeon. *Les arts de tissu*, p. 9.

районы Средней Азии, то затем торгозля с Китаем дала согдийцам в руки превосходную для выделки и окраски шелковую нить. О том говорят шерстяные ткани с „эллинистическими“ рисунками и многоцветные шелка с „иранскими“ узорами. Внедрение шелка в мастерские Средней Азии следует отнести к периоду между концом IV и концом V вв. н. э. Смена кушан эфталитами, эфталитов тюрками вызвала временное замешательство,¹ затруднения, но затем согдийцы продолжали свою хозяйственную жизнь, выращивая сельскохозяйственные культуры и занимаясь ремеслом. В сношениях с тюркскими ордами, как и с эфталитами, согдийская верхушка выдвигала представителей, которые вели все переговоры. Она добилась возможности участвовать вместе с тюркскими послами в переговорах с соседними державами, с Ираном и Византией. Материальная и духовная культура согдов достигала большой высоты. Пользуясь арамейским алфавитом, близким к сирийскому письму эстрангело, они писали на своем языке. Преимущественно это памятники манихейства, о распространении которого у согдов говорят письменные источники. Многочисленные рукописи, написанные этим своеобразным почерком, так и сохраняют название „согдо-манихейских“. Их культура окрашена этой гностической идеологией, испытывавшей на себе влияние различных течений, так легко проникавших на великую „шелковую“ дорогу. Вместе с товарами привозили сюда учение буддийских монахов, христианское сектанство, брахманизм, но в раннем средневековье было особенно широко распространено манихейство. Между прочим, об этом говорит факт, который до сих пор остался незамеченным. Видный согд, несший представительство при тюркском кагане, носил имя Маниах. Значение этого имени — „брат Мани“² — говорит как о почитании имени основателя манихейства, так и о связи этого учения с ближневосточной средой, говорившей на арамейских диалектах, где и сложилось самое имя Маниах. Несомненно, что носитель этого имени сам был манихеем и принадлежал к последователям этого широко распространенного у согдов учения.

Персы считали согдов очень серьезными соперниками как в посреднической торговле шелком, так и в торговле шелковыми изделиями, вышедшими из их ремесленных мастерских. Не желая допустить их участия в торговых операциях, персы пошли на крайние меры, не соглашаясь принимать сырец из рук согдов. Сменившие эфталитов тюрки, не вышедшие еще из полукочевового состояния, не были склонны

¹ Тюркское происхождение эфталитов отстаивают Fray and Sayili. *Turks in the middle east before the Saljuqs. Journal of the American oriental society*, 1943, v. 63, № 3, p. 195—196.

² Mani и ah — общесемитическое брат.

к широкому торговому обмену, и только под давлением своих подданных согдийцев они согласились на то, чтобы последние, возглавляемые Маниахом, отправили посольство в Иран.¹ Выражение Менандра, что тюркский каган Дизибул разрешил согдийцам послать посольство самим, говорит о том, что они пользовались известной самостоятельностью. Согдийское посольство, возглавляемое Маниахом, просило у Хосроя разрешения беспрепятственно торговать шелком в иранском государстве. Хосрой прямого ответа на их просьбу не дал и стал затягивать дело. Он менял предлоги, одним из которых было якобы нежелание допустить свободный въезд тюрков в пределы Ирана. Согдийцы настаивали на скорейшем ответе, тогда Хосрой решил созвать заседание совета — τότε Χοσρόης ἐκκλησίαν ἀνελογίζετο.² Очевидно, что это было одно из заседаний совета при государе, нечто вроде сената при византийских императорах, на которых обсуждались важнейшие государственные дела. Совет был лишь совещательным органом при шахе.³

Наиболее горячее участие в решении этого вопроса принял эфталит Катульф. Принять шелк из рук согдийцев в Персию значило допустить эту торговлю, допустить конкуренцию с персидскими купцами. Повидимому, Хосрой не был к этому склонен, поэтому Катульфу удалось настоять на особенно болезненной для согдийцев форме отказа. Привезенный ими шелк был закуплен шахом, но затем его сожгли в присутствии послов. Этим персы дали понять, что в согдийских товарах они не нуждаются, так как этот шелк исходит от тюрков. Согды возвратились из своего посольства недовольными и сообщили о происшедшем Дизибулу, тюркскому кагану. Но тюрки, — возможно, под влиянием тех же согдов, — решились на повторное посольство к персам. На этот раз посольство состояло из тюрков. Опасаясь их и желая положить конец повторным приездам тюрков, Хосрой приказал отравить тюркских послов. Он сделал это также согласно желанию персидской знати и упомянутого эфталита Катульфа. Для Ирана тюрки не представляли, следовательно, желанных союзников. А для торговли согдийцы представляли опасную конкуренцию; таким образом, отказ от дружественной политики на восточной границе для Ирана был достаточно мотивирован.

Пользуясь неблагоприятными отношениями между тюрками и персами, согдийцы обратились к кагану с просьбой дать им

¹ Menander. *Excerpta*, II, 450.

² Ibid.

³ Н. В. Пигулевская. *Византия и Иран на рубеже VI и VII вв.* 1946.

¹⁴ *Византийский Временник*, том I (XXVI)

возможность вести торговлю с Византией. Они считали, что сбыт шелка пройдет там особенно успешно, так как ромеи и персы были главными его потребителями. Вел эти переговоры тот же Маниах, предложивший отправить в Константинополь посольство, в котором он предполагал участвовать сам. Дизибул согласился на это предложение, несколько тюрок и Маниах пустились в путь. Они везли с собой царские послания, которые ромеи считали „скифской грамотой“, скифским письмом — τὸ γράμμα τὸ Σκυθικόν. Подарки и подношения состояли из „шелка не малой ценности“.¹ Это одно уже говорит о том, что торговля шелком была движущим интересом во всем посольстве. Хотя посольство состояло из нескольких тюрок, но Маниах занял в нем, повидимому, первое место, так как он получил царские верительные грамоты и затем двинулся в путь. Они направились сухим путем, точного направления которого не сообщено; он лежал в направлении Кавказа, который посольство перевалило перед тем, как попасть в византийские области, а затем в столицу. Этот необычный и трудный путь объясняется тем, что посольство стремилось избежать дорог через Иран, который мог их вовсе не пропустить. Они, следовательно, проехали из Средней Азии, обогнув Каспийское море с севера.

В столице Маниах получил доступ во дворец, был принят император Юстином II и передал свои предложения и послания приставленным к этому делу лицам.

Со „скифским“ письмом император ознакомился через переводчиков, а затем осведомился о том, завоеваны ли тюрками эфталиты и авары. Утвердительный ответ послов и перечисление народов, подвластных тюркам, давали полное представление о могуществе Дизибула и делали заключение договора желательным и для Византии. Юстин вошел по этому поводу в некоторые подробности, заинтересовавшись, в частности, эфталитами, относительно которых было желательно выяснить, где они преимущественно жили. Утверждение послов, что эфталиты „городское племя“ — ἀστικοί, ὃ δέσποτα, τὸ φύλον, указывало на то, что эфталиты — имели значение для культурного и хозяйственного положения Средней Азии, как (в части своей) жители городов. Это говорило и о том, что тюрки получили в свое распоряжение ремесленные и торговые города в завоеванных ими областях. Это был не только мирный договор, но и ἡ βασιχμία, т. е. военный союз. Направлен он был, конечно, против Ирана, во всяком случае был ему угрозой. Когда соглашение было достигнуто, тюрки и Маниах покля-

¹ Menander. Excerpta, II, 451: Καὶ δῶρα μετάξις, οὐκ ὀλίγον τι χρῆμα.

лись в верности этому договору. „Таким образом, народ тюрок стал дружествен ромеям“. Посольство еще находилось в Константинополе в 4-м году правления Юстина, во 2-м индиктионе и, следовательно, в 568 г., когда в августе этого года из столицы выступило византийское посольство, целью которого было посещение тюрок. Во главе посольства был поставлен стратиг восточных городов киликиец Зимарх, который двинулся в сопровождении Маниаха и его спутников. Если торговля шелком была главным мотивом для сношений с согдийцами, то и тюркские торговцы желали извлечь из дружбы с Византией пользу.

Когда после многих дней пути Зимарх и его спутники прибыли в области, населенные согдийцами (ἐς τοὺς τῶν Σογδιῶν τόπους), тюрки предлагали им приобрести железо, тем самым желая опровергнуть мнение, будто тюрки не имеют его в достаточном количестве. Между тем, утверждает Менандр, тюрки располагали даже железными рудниками. Имеются свидетельства, что тюрки, еще находясь в подчинении у китайцев, работали в железных рудниках (γῆν σιδηροφόρον). Таким образом, не только для согдийских, но и для тюркских купцов представлялось желательным завязать и поддерживать торговые сношения с Византией. (Дизибул) Сизабул, тюркский каган, принимал посольство в палатках, увешанных разноцветными шелковыми тканями, обставленных золотыми изделиями и посудой, роскошь которых поразила даже византийских послов.¹ Ставка хана не была приурочена к одному постоянному месту. После приема Зимарха все снялись и двинулись в поход против персов; на пути они остановились в Таласе. Здесь произошла встреча кагана с персидским посольством, с которым он обменялся резкими словами и заявлениями. Представители персов также держали себя дерзко и этим только утвердили Дизибула в желании выступить против Ирана. Этот же разрыв дипломатических отношений привел к заключению дружественного соглашения с ромеями, после чего Зимарху и его спутникам было разрешено вернуться. Но кроме того, от тюрок было послано еще одно посольство, которое присоединилось к Зимарху. Первое место в посольстве занял имевший звание тархана Тагма. В связи с тем, что Маниах умер, его сын Тагма, еще юноша, был назначен Дизибулом и занял второе по достоинству место в посольстве. Он занял его и по наследству и потому, что хан считал Маниаха близким и преданным ему человеком.²

¹ Menander. Excerpta de legat., I, p. 193—194.

² Ibid., I, p. 195.

Путь Зимарха и его спутников лежал через столицу холиатов.¹ К нему присоединились и те из ромейского посольства, которые были допущены раньше и должны были встретиться с ними. Далее они направились по дороге, которая шла по линии крепостей.

Между тем входившие в состав тюркского каганата области и тяготевшие к нему соседние государственные объединения, узнав, что византийские посланцы возвращаются, а с ними и представители тюрков, сами захотели послать своих людей „для обозрения Ромейского государства“.² Но предлог этот едва ли отвечал действительности, так как Дизибул отказал в этом преимуществе всем, кроме „эгемона холиатов“. Из этого следует, что каган имел большую власть и над соседними, в сущности не входившими в состав его державы царьками, которые не смели ему не подчиниться и фактически были в его власти. Несомненно и другое: что „обозрение“ Византии имело и более практическую цель — торговые связи, в которых были заинтересованы не только тюрки, но и их соседи, в том числе хорезмийцы. Не желая иметь их конкуренции, Дизибул, вероятно, и не пожелал, чтобы они показались в Константинополе. Путь, которым возвращались византийские послы, шел по берегам Аральского моря, северному берегу Каспия, с переправой через Волгу, а затем по Северному Кавказу. От областей, занятых уйгурами, до аланов посольство продвигалось с большим опасением, так как уйгуры предупредили Зимарха о засаде, сделанной по дороге персами; поэтому они отправились из Аллании по так называемой Даринской дороге (*Δαρεινῆς ὁδοῦ*), по которой прибыли в Аписию.³ Повидимому, более привычной была дорога через Миусимиану, но на ней близ Свании находилась персидская засада. Чтобы отвлечь внимание последней, Зимарх направил по этой дороге десять носильщиков с шелком (*μέταξα*), которые как бы ему предшествовали.

Это сообщение говорит о том, что шелк оставался главным товаром, представлял первый и наиболее существенный интерес в экономических, а тем самым и дипломатических сношениях Византии. Для препятствовавших этому персов торговля шелком также была основной.⁴

¹ Холиаты-хвалисы-хорезмийцы. В. В. Бартольд. Сведения об Аральском море. Ташкент, 1902, стр. 29—30.

² Ibid., II, 452.

³ Ibid., II, 454.

⁴ Ibid.

Далее путь шел из Аписии до Рогатория, по Черному морю до Риона (*Ράσις*) и Трапезунда.¹ Последний участок пути от Трапезунда до Константинополя посольство сделало уже на казенных почтовых лошадях (*οἱ δημοσίοι ἵπποι*).

Не прерывались сношения с тюрками и в последующее десятилетие VI в. Союз с тюрками все время поддерживал император Юстин, который рассматривал его как опору и возможность для открытых военных действий против персов.²

Он рассчитывал, что тюрки, с одной стороны, а Византия, с другой, при совместных действиях раздавят иранское государство. Во всяком случае, во 2-м году правления императора Тиверия, т. е. в 576 г., было отправлено посольство к тюркам, во главе которого был поставлен Валентин, один из царских оруженосцев. К тому времени в Константинополе сосредоточилось большое число тюрков, прибывших туда в разное время. Сто шесть тюрков присоединилось к Валентину, когда он отправлялся к кагану.

Даже краткий перечень, который дает Менандр, говорит о том, что сношения эти поддерживались с обеих сторон. Тюрки прибывали в столицу с возвращавшимися от них византийскими посольствами, которые названы Менандром в следующем порядке: посольство Анагаста, Евтихия, первое посольство Валентина, Иродиана и Павла Киликийца.³ Подробностей о них он не сообщает, но посылались они после 568 и до 576 г., т. е. после возвращения Зимарха и до отъезда во второе посольство Валентина. Живая связь с каганатом преследовала цель поддержать как военный союз, так и торговые интересы империи. Второе посольство Валентина потребовало всего напряжения его дипломатических способностей и изворотливости. Сын Дизибула Турксанф справлял в момент прибытия представителей Византии погребальные тризны по отцу. Он выражал крайнее недоверие и неудовольствие двоедушной политикой своей мощной соседки. Особенно сильно был он возмущен тем, что Константинополь заключил договор с вархонитами (хионитами, входившими в аварский союз). Жалуясь на лукавство византийской дипломатии и намекая на широкое использование толмачей, с помощью которых велись переговоры со всяческими народами, Турксанф картинно положил десять пальцев своих рук в рот, чтобы

¹ В. В. Бартольд. Сведения об Аральском море, стр. 29. — R. Henning. *Terrae incognitae*, V, II, p. 62. — Н. В. Пигулевская. Сирийские источники по истории народов СССР, стр. 76.

² Ibid., Указ. соч., II, 459.

³ Ibid., I, 203—204.

подтвердить свои слова, что „ромеи употребляют десять языков и один обман“.¹

Особенно угрожающий характер носили его обещания послать вархонитам свою конскую плеть, один вид которой заставит их бежать в преисподнюю, и утверждение, что ему известны точные сведения о географии Европы. Тюркский каган говорил, что знает, где течет Днепр (Δάναπρις), куда впадает Истр (Ἰστρος — Дунай) и протекает Эброс (Ἐβρος — Марица), этим самым он указывал на путь через южно-русские степи, которыми прошли авары и славяне на Балканский полуостров.² Свои военные действия он направил на Боспор, куда еще раньше был направлен с войском один из его полководцев.

Валентин отправился еще далее, к брату Турксанфа, Тардухану, правившему тюркскими племенами „внутренних“, восточных областей. Ставка его была на Эктеле — „золотой горе“.³

Так уже в VI в. дальновидной Византии приходилось сносить с тюрками, которые еще не были ее соседями. Они по своей многочисленности представляли величайшую опасность для Византии, когда становились ее врагами. Несколькими веками позднее именно тюркские народы окружили, а затем и поглотили Византию.

Так византийская дипломатия завязывала и развязывала важнейшие узлы торговых связей своего государства, обеспечивая его столице положение важнейшего мирового торгового рынка средневековья.

¹ В. В. Бартольд. Указ. соч., I. 205.

² Ibid., I, 206.

³ Ibid., I, 207.

Е. Ч. СКРЖИНСКАЯ

ГЕНУЭЗЦЫ В КОНСТАНТИНОПОЛЕ В XIV в.

В X и в начале XI в., после трехсотлетней борьбы с арабами, Византия вступила в пору высших исторических успехов. Руководимая блестящими императорами-полководцами, она наносила врагам внушительные военные удары и была, казалось, несокрушимо крепка. Но уже XI в. стал для империи веком непоправимых трещин, за которыми наметилось сокращение мирового масштаба великого государства. Напор шел как бы концентрически, направляясь к средоточию социально-экономической, государственной и культурной жизни сложного византийского организма, к Константинополю — „главе всех городов, центру четырех частей мира“ (πρόλεων πασῶν κεφαλῇ, ... κέντρον τῶν τεσσάρων τοῦ κόσμου μερῶν)¹ „очагу целой вселенной и общему пританею“ (κοινὴ τῆς ὅλης ... οἰκουμένης... ἐστὶ καὶ κοινὸν πρὸς πάντας).²

В течение последующих четырех с половиной веков Византия получала удары со всех сторон, и, быть может, ее история этих столетий являет собой один из самых поразительных примеров колоссальной жизнеспособности. Редко бывало, чтобы культура и ее фокус, каким была византийская столица, так продолжительно и ярко сияли, так прочно воспринимались и зарождались новые пышные расцветы в других странах, когда государство шаталось, народ бедствовал и волновался, враги наседали, а территория того, что продолжало носить гордое имя империи ромеев, бесконечно сжималась, стянувшись почти до пределов одного города, сохранившего биение сердца до последней минуты. Собравшись в комок в своем великом центре, Византия долго жила и на ничтожном клочке земли.

¹ Ducas, c. 41, ed. Bonn, p. 306.

² Nic. Greg. l. XIII c 11, ed. Bonn, p. 678.

Грозным предзнаменованием тягостных событий в далеком и неясном будущем явился роковой для Византии день 19 августа 1071 г. После поражения огромной сборной византийской армии под Манцикертом и позорного плена императора, подобно рабу, с кольцами в ушах, брошенного в пыль перед турецким победителем, который толкнул его ногой и хлестнул кнутом, затем — после утверждения врага в Никее и в Смирне (1080 г.), на берегах Мраморного и Эгейского морей, приблизился долгий и мучительный канун 1453 г. Опаснейшие удары с Востока не прекратились; через сто с небольшим лет после катастрофы 1071 г. — 17 сентября 1176 г. на голову Византии обрушился как бы новый Манцикерт, на этот раз не на далекой восточной окраине, а уже во Фригии, где турки Изз-эд-дина Кылыч-Арслана II разгромили армию Мануила Комнина под крепостью Мириокефалон. Император был настолько удручен непоправимым бедствием, что в течение последних четырех лет, завершивших его длительное и пагубное для государства правление, не мог оправиться от горя. Упадок, надвигавшийся на внешне еще блестящую империю, стал очевидным; Евстафий Солунский считает смерть Мануила I последним рубежом благоденствия своего отчества, после чего „земли исполнились мрака, как при затмении“.¹

Хотя обеспеченное победой 1176 г. господство сельджукидов в Малой Азии и было сломлено уже к середине XIII в. монголами, тем не менее победа последних у Кесе-Дага в 1243 г., когда предводитель монгольского войска и ханский наместник Байджу разбил турок султана Гияс-эд-дина Кей-Хюсрева II, не спасло Византию от турецкого нажима: монгольское нашествие, ослабив сельджукидов, способствовало быстрому возвышению феодального рода Османа, а следовательно и образованию того государства, которое покорило Византию.²

Кроме непрерывного наступления турок, не спускавших занесенного над Византией меча ряд веков, Византия терпела урон и с севера, от освободившихся из-под ее владычества славян — то болгар, то сербов. Не менее серьезно тревожили ее и удары с запада.

Те, кого византийские хроники обычно называют общим именем Латинян, οἱ Λατῖνοι, нападая на империю ромеев, целились в конечном счете на ее центр — Константинополь. Тяжелы были раны, нанесенные первыми врагами с запада — южно-итальянскими норманнами, двинувшимися на Балканский полуостров уже с первым своим вождем и организатором, Робертом Гвискардом. Вслед за сицилий-

¹ Eustathii. De Thessalonica a Latinis capta, ed. Bonn, p. 380.

² Ср. Вл. Гордлевский. Государство Сельджукидов Малой Азии, М. — Л., 1941, стр. 41.

скими королями с их прекрасными флотами, особенно могущественными рядом с деградирующими морскими силами византийцев, мыслью продвинуть свои владения до Константинополя был охвачен и (хотя и не непосредственный) преемник норманнов в Неаполитанском королевстве, Карл Анжуйский. В припадке озлобленного нетерпения он впивался зубами в свой жезл, неистовствуя перед папой, не дававшим окончательной санкции на его византийский поход.

Одним словом, осады Диррахия, опустошение иллирийских берегов, разорение Эпира, Македонии, Фессалии, средней Греции и Пелопоннеса, временный захват Солуни и неоднократная угроза движения латинских полчищ по прямой линии римской Игнатиевой дороги на Константинополь, держали византийских императоров и всю страну в непрерывном и основательном беспокойстве и даже страхе перед Западом.

Не оказались безразличными для Восточной империи и первые три крестовых похода, катившиеся по далеко не вполне защищенной территории Византии: вторгались то едва управляемые толпы западноевропейского люда, то войска, готовые занять враждебные позиции. Недаром византийцы сравнивали первый крестовый поход с движением на их родину как бы железной стеной: φοβερὸν μὲν... θέαμα, καὶ ἀπὸ τῆς σιδεροῦν τεῖχος κινούμενον.¹

Все эти события цеплялись друг за друга, сочетались и переплетались между собою; по остроумному выражению французского историка Латинского Востока, Рене Груссе, „1071 год звал за собой год 1095“, а „1082 год казался 1204-м“.²

Тем не менее этим не исчерпывалась вся мера опасности, нависшей над Византией. Ей наносился еще один, особый и в начальном проявлении будто бы и не страшный удар, также с запада.

Развитие исторической судьбы Византии одним коварным ходом заставило ее самой создать себе серьезнейшую по своим последствиям угрозу, какой явилось вынужденное и неосторожное соглашение Алексея Комнина с Вечевой в 1082 г. Известный

¹ Nic. Greg. I. IV c. 7, ed. Bonn I, p. 103.

² R. Grousset. Histoire des croisades et du royaume Franc de Jérusalem, (t. I, Introduction, pp. XXXIII, XLV). Этими сопоставлениями дат автор намекает на драматическую связь событий: когда Византия вышла из борьбы с восточным врагом после поражения при Манцикерте в 1071 г., то выступили в 1095 г. западные силы первого крестового похода. В 1082 г. Роберт Гвискард, казалось, дойдет до Константинополя и захватит его, как это случилось в 1204 г. С другой стороны, эти даты могут быть связаны между собой следующим образом: в 1071 г. Роберт Гвискард занял Бари и отсюда наметил свое движение на Византию. В 1095 г. его сын Боэмунд вместе с первым крестовым походом пошел в Константинополь. В 1082 г. венецианцы протянули руку к Константинополю, в 1204 г. они стали там хозяевами. — Е. С.

знаменитый хрисовул императора можно счесть своего рода смертным приговором; он не казался таковым лишь потому, что полное приведение его в исполнение относилось к далекому будущему. Во всяком случае, от договора 1082 г. протягивается та непрерывная нить явлений, которая отчетливо извивается в сложном и запутанном клубке событий, приведших Византию к концу.

Этот замечательный документ венециано-византийской дипломатии не обнаружен в подлиннике таким, каким он вышел из императорской канцелярии; не дошел он и в переводе, таким, каким он был оглашен в аристократических коллегиях венецианского правительства, то есть мы не имеем его ни в греческом автографе, ни в латинском апографе. Возможно, что в том или ином виде он до сих пор скрывается в залежах архивов республики св. Марка или в библиотеке какого-либо греческого монастыря. Пока можно воссоздавать его содержание лишь косвенными путями. Хрисовул, за который венецианские купцы держались, как за основу своего могущества на Леванте, по их настоянию и вследствие неблагоприятно складывавшихся условий внешней политики Византии (разорительные походы норманнов), вынуждавших ее к уступкам, был повторен в хрисовулах 1126 г. сыном Алексея, Иоанном, и в 1148 г. внуком его, Мануилом. Только по последнему акту, да и то в его латинской версии, приходится судить о том, что получила Венеция, и о том, что потеряла Византия. В общей форме, но точно отразила сущность договора в своей истории Анна Комнина. Проницательный наблюдатель и художник слова, она отметила безвыходность положения отца перед опасностью норманнского вторжения в пределы империи; император взывал к венецианцам о помощи флотом, воздействуя на них „и посулами (διὰ ὑποσχέσεων) и дарами, (καὶ δώρων), одно обещая (τὰ μὲν ἐπαγγελάμενος), другое уже предлагая (τὰ δὲ καὶ προτείνων ἤδη), только бы захотели они (εἰ μόνον θελήσαιεν), вооружить флот всей своей земли (τὸ ναυτικὸν ἀπάσης τῆς χώρας αὐτῶν ἐξοπλίσαι...)¹.

За помощь, оказавшуюся победоносной, венецианцы были вознаграждены привилегиями неисчислимого значения; в самом Константинополе они получили независимую от окружающего города станцию, где имели конторы с жильем для купцов (ἐργαστήρια) и пристани со складами и площадками для товаров (σκάλαι).² Чрезвычайно важно было то, что политически независимая от Византии республика, все силы которой были направлены исключительно на укреп-

¹ Ann. Comn. I. IV c. 2, ed. Bonn I p. 191—192 г.

² В русском переводе С.-Петербургской Духовной Академии (стр. 274) эти термины переданы неверно, так как взято их буквальное, к данному случаю не подходящее значение: „мастерская“ и „лестница“.

ление торговли и главного ее условия — мощного военного и торгового флота, внедрилась в экономический центр Византии на основе некоторого государства в государстве.¹

Наиболее просвещенные и дальновидные из византийцев — к ним принадлежала и дочь Алексея Комнина — учитывали рискованность этой уступки купцам из города на Адриатической лагуне. «Τὸ δὲ δὴ μέizon» — „самое же большое“ из того, что им предоставлялось, — писала Анна, уже этими словами выделяя исключительное значение дарованного, — составляло „торговлю без взысканий“ (τὴν ἐμπορίαν αὐτῶν ἀζήμιον) по всем областям, подвластным ромеям (ἐν πάσαις ταῖς ὑπὸ τὴν ἐξουσίαν Ῥωμαίων χώραις) без взимания таможенной пошлины — коммерция — и сборов в пользу государственной казны (τῷ δημοσίῳ). Венецианские купцы пользовались правом не платить ровно ничего, ни единого обола (ἄχρι καὶ ὀβολοῦ ἐνός) и пребывали вне компетенции всякой ромейской власти — ἀλλ' ἐξω πάσης εἶναι Ῥωμαϊκῆς ἐξουσίας.² Вот это состояние вне (ἐξω) поля действия государственной власти, это инородное тело в сердце византийского государства и было ядром зла для Византии и источником усиления итальянцев.

Переводный латинский текст хрисовула Мануила Комнина от 1148 г., как текст документа, полнее текста хроники. В нем, между прочими существенными подробностями, перечислены: 1) пункты, где могла осуществляться беспошлинная торговля венецианских купцов (примечательно, что в списке названий нет ни одного, относящегося к Черному морю: пути в Сирии и в Малой Азии были еще свободны); 2) сборы в пользу димосия, от которых освобождались венецианцы, dilectissimi duli (= δοῦλοι, отражение в латинской версии греческого оригинала) et amici imperii mei, как величает византийский император злейших врагов своего государства, вынужденный ждать помощи кораблями от этих „работников моря“, а thalattocoris (= θαλαττοκόρις).³

Хотя Комниновский хрисовул в пользу венецианцев и широко известен, однако обычно трактовка этого документа сводится к перечислению всех его статей подряд, даже тех, которые не имели прямой связи с основной экономической целью договора (вроде статьи о титуле протосебаста, жалованием [дожу, или ипертима — патриарху]). Издатели хрисовула, Тафель и Томас, справедливо предпослали ему краткую оценку: hoc ipsum chrysobullum... gravissimum; et quae posthac a graecorum imperatoribus concessa sunt

¹ В этом отношении предшественниками венецианцев не приходится считать амальфитанцев, имевших в XI в. торговую станцию в Константинополе.

² Ann. Comn. I. VI c. 5, ed. Bonn I, p. 287.

³ Tafel und Thomas. Urkunden zur älteren Handels- und Staatsgeschichte der Republik Venedig. Bd. I, 113, № 51.

Venetis privilegia s. chrysobulla, ea omnia in hoc ut in fundamento posita et stabilita sunt.¹

Необходимо выделить именно то, что составляет это основание, этот фундамент, от которого отправляется дальнейшая история проникновения итальянцев в Константинополь и их вмешательство в судьбы Византии. По стопам венецианцев и в яростном соревновании с ними пошли генуэзцы, осуществляя свою борьбу с венецианцами с намерением отобрать у них Константинополь и добиваясь победы по крайней мере в течение целого столетия. Следовательно, все прочие условия бледнеют перед тем, что венецианцы, торгуя повсюду в Романии и прочно сидя в Константинополе, не платили „ни единого обола“ и признавались вне того, что охватывалось ромейской властью.

Таким образом, развернулся не кровопролитный, но неодолимый поход итальянских купцов на Константинополь.

В течение 179 лет (1082—1261) торговля в Византии пульсировала в руках венецианцев. Они „одни из всех (μόνοι τε τῶν ἀπάντων)² пользовались львиной долей всевозможных льгот на основе императорских санкций; число остальных итальянских и других западноевропейских купцов из Пизы, Флоренции, Анконы, Амальфи, Марселя, Барселоны и даже Генуи было, сравнительно с венецианцами, не так уж значительно.

Внутри названного периода выделяются две даты, 1171 и 1182 гг., знаменательные резким протестом сначала византийского правительства, затем — всего населения столицы против излишних вольностей привилегированных купцов, которые „несоразмерно — ἀσυνμέτρως“ богатели и в спеси своей настолько „распоясались — ἐς ἀλαζονείαν ἤρην“,³ что стали относиться к константинопольцам, как к рабам. Они распоряжались в Византии, как у себя дома — *imperiū loca propria habitacula reputantes*.⁴ Пережив массовые аресты и конфискацию имущества по приказу Мануила Комнина, итальянские купцы, пользуясь удрученным состоянием императора после катастрофы у Мириокефалона, вновь наводнили Константинополь. „Народные страсти возбуждены были систематическим пренебрежением правительства к интересам населения и, частью, основательным опасением, что ромеям неминуемо угрожает порабощение со стороны латинян, если не будет дано решительного отпора“ — так

¹ Tafel und Thomas. Urkunden... Bd. I, 43 № 23.

² Ioh. Cinn. I. VI c. 10, ed. Bonn, p. 281.

³ Ibid.

⁴ Замечательно, что подобное суждение приводится в хронике венецианского (позднейшего, ум. в 1354 г.) историка Андрея Дандоло (Chron., Muratori RIS XII, p. 291).

охарактеризовал настроение греческого населения в Константинополе академик Ф. И. Успенский в одной из своих последних статей.¹ К этому времени (к началу восьмидесятых годов XII в.) итальянцев, преимущественно венецианцев, современники насчитывали в столице до 60 тысяч; если они преувеличивали цифру даже вдвое, то и тогда она остается не малой. Гроза разразилась в начале 1182 г., причем раньше вхождения Андроника Комнина в Константинополь, т. е. без его прямого участия. Этот год, который мог быть для венецианцев „юбилейным“, так как исполнилось ровно сто лет (1082—1182) их торговых успехов в Византии, принес с собой кровавое избиение латинян. Казалось, что жители Константинополя почуяли опасность близкого захвата своего города и встали на борьбу с поразившей его язвой чужеземного экономического ига.²

Однако упорное внедрение венецианцев на берега Босфора не было приостановлено. Через двадцать лет они укрепились здесь полновластно, изгнав византийцев из города, бывшего их столицей почти целое тысячелетие. От Константинополя, с его призрачными латинскими императорами, потянулась по Средиземному морю линия „венецианских“ морских путей, обеспеченных бесчисленными точками удобных стоянок и на побережьях и на островах, — только этим интересовалась торжествующая Адриатическая республика, сознательно не домогавшаяся никаких крупных территорий по делу 1204 г.³

Своеобразной параллелью хрисовулу 1082 г. в пользу венецианцев является знаменитый Нимфейский договор 1261 г. в пользу генуэзцев.⁴

¹ „Последние Комнины“. Виз. Временник XXV (1928) стр. 7.

² Ср. описание событий в Константинополе в эти дни у Ф. И. Успенского (цит. соч., стр. 13—14), дающееся, главным образом, по латинскому писателю XII в. Вильгельму Тирскому.

³ Совокупность условий, в которых развивалась восточно-средиземноморская — она же и мировая для средневековья — торговля, представляла собой далеко не простую картину, и потому приходится признать чрезмерно кратким суждение, промелькнувшее в книге, — правда, посвященной не истории Византии, а истории сельджуков в Малой Азии: „Напуганная призраками Византии отказалась от непосредственной торговли с Востоком; восточные товары доставляли в Византию венецианцы“. (В. А. Гордлевский. Государство Сельджукидов в Малой Азии. М. — Л.; 1941, стр. 116). Но тут же следует добавить, что названное исследование в высшей степени ценно для византинистов, получивших возможность уверенно опереться в вопросах смежной истории Малой Азии в XI—XIII вв. на этот новый труд известного турколога.

⁴ Этот трактат по византийской терминологии должен был бы также именоваться хрисовулом: „presens privilegium de aurea bulla imperii nostri (т. е. Михаила Палеолога) munitum“. Подлинник греческого диплома не сохранился; имеются только две латинские копии — пергаменная от 1267 г. и бумажная от 1285 г.,

Документ, заложивший основу могущества генуэзцев в Константинополе и на Черном море, не свалился на них неожиданно. Плод издавна лелеянных надежд, давнего острого соперничества и реальных попыток (договоры 1169 и 1192 гг.), он был осторожно и искусно подготовлен генуэзскими дипломатами и неизбежен для Византии.

Если генуэзцы и воспользовались раньше венецианцев возможностями, вытекавшими из успехов первых крестовых походов, если они крепко держали Тир, когда рядом, в Акре, не замедлили захватить их соперники, то все же выгоды, связанные с факториями на приморских концах сирийских торговых путей, не могли возместить выгод, получавшихся на перекрестке евразийских торговых магистралей, в Константинополе. Генуя не могла не поставить перед собой существеннейшей задачи — проникнуть в византийскую столицу на тех же условиях, что и венецианцы. Это означало — вытеснить венецианцев из Константинополя, так как лигурийская республика не желала делить своих прав с адриатической.

У генуэзцев было время взвесить и учесть все приемы искусной захватнической тактики венецианцев и обдумать план действий, следя за событиями на Востоке. Кампания по внедрению в Константинополь была проведена ими не менее мастерски, чем венецианский поход 1202—1204 гг.

Нагрянувшее в середине XIII в. монгольское нашествие смешало все политические отношения в Передней Азии; торговые пути, как малоазийские, так и сирийские, прервались, и торговля пошла по новым руслам, которые пролегли гораздо севернее. Тогда генуэзские купцы обратили взоры на крымские берега. Там рисовалась им огромная нажива: с широкого севера туда стекался хлеб и привозились меха; там была рыба и там продавались рабы; отсюда было удобно начинать странствия на восток и на юг за ценными товарами легкого веса: самоцветами и жемчугом, шелком и редкостными зельями, и за всеми видами того, что в купеческой практике называлось „специями“ и представлено длиннейшими списками в торговом справочнике флорентийского купца, знатока левантской торговли и товаров, Франческо Бальдуччи Пеголотти.¹ Совер-

а также латинский текст в генуэзских регистрах. Издания: 1) Monumenta historiae patriae. Liber iurum, I, 1345—50; 2) Atti d. Società Ligure, t. 28 (1898), p. 791—809; 3) F. Dölger, Regesten 1204—1282. München — Berlin, 1932, № 1890, pp. 36—38.

¹ Написанная ок. 1340 г. книга Пеголотти вышла недавно в хорошем критическом издании All. Evans'a: Fr. Bald, Pegolotti. La pratica della mercatura Cambridge, Mass. 1936. „Специи“, spezierie, нельзя переводить „пряности“, так как в число spezierie входят такие, как мыло, сахар, рыбий клей, слоновая кость, даже квасцы и хлопок. Все это — spezierie grosse; пряности же относятся к spezierie minute или sottile.

шенно ясно, что генуэзцы задумали обеспечить себе морской путь на северное черноморское побережье, т. е. захватить прочные позиции на проливах. За осуществление этой задачи принялись те, про кого Никифор Григора в XIV в. сказал: „Латинянам, особенно же генуэзцам, свойственно вкладывать свой труд более всего в торговую и морскую жизнь, ἐμπορικὰ τὰ πλεῖστα καὶ θαλαττίῳ βίῳ προσταλαίπωρεσθαι¹ и еще — „обогащение их происходило от торговли и морской жизни“, οἱς ἐξ ἐμπορίας καὶ ναυτικῆς βίου τὸ πλοτεῖν περιῆν.² Настороженное выжидание, подходящего момента увенчалось успехом. Узурпировав никейский трон, Михаил Палеолог вооружался для похода на латинский Константинополь; ему нужен был флот на случай необходимости померяться силами с венецианцами; таким флотом на Средиземном море располагали генуэзцы. Союз напрашивался сам собой; он был заключен в Нимфее 13 марта и ратифицирован в Генуе 10 июня 1261 г. Несмотря на то, что Константинополь оказался в руках военачальника Михаила — Алексея Стратигопула, совершенно неожиданно, без осады и без морского боя (следовательно, без участия генуэзских кораблей), Нимфейский трактат не подвергся изменениям и позволил союзникам „нового Константина“ упиться торжеством над исконными противниками. Михаил предоставил генуэзцам тот самый „palatium latum et amplum ad formam castrī“,³ который до того принадлежал венецианцам. Под звуки труб и литавров, ликуя, что выиграли труднейшую игру, генуэзцы разнесли до основания венецианское гнездо и, по обычаю победителей, стправили на корабле камни от разрушенного здания на родину. Этот эпизод не стал, однако, финальным в борьбе между обеими республиками: вся дальнейшая деятельность генуэзцев в Константинополе проходила под знаком продолжающейся конкуренции и жестоких столкновений с непобежденными до конца венецианцами.

Нимфейский договор провозгласил вечный мир, (pax perpetua), между Византией и Генуей и войну (guerra) между Византией и Венецией. История показала, что условие это сохранило силу всего лишь до 1265 г., когда обеспокоенный усилением и дерзостью генуэзцев император уравновесил положение перемирием с венецианцами.⁴

¹ Nic. Greg. I. XIII, c. 12, ed. Bonn II, p. 683.

² Nic. Greg. I. XVII, c. 1, ed. Bonn II, p. 845.

³ Ann. Jan. a. 1262, Mon. Germ. SS. XVIII.

⁴ Tafel und Thomas. Urkunden..., III, 66—89; Miklosich et Müller. Acta et diplomata graeca medii aevi, III. Wien, 1865, pp. 76—84; F. Dölger. op. cit., № 1934, 48—49.

Все же, условия договора в части обязательств Византии длились до конца ее политического существования, вернее — они превратились и неотъемлемую привилегию генуэзцев, оставаясь с первого до последнего дня их действия губительными для слабевшей империи. Генуэзские купцы получили право беспошлинной торговли, *libertatem, franchiciam et immunitatem* от всякого рода взносов, *comergium, dacita* на море и на суше, в портах и на островах, при въезде и выезде, на постое и при переходах из области в область, с товарами или без товаров. Разрешались торговые станции генуэзцев: на западном берегу Малой Азии с передачей им в полное распоряжение Смирны; на македонских берегах с кварталами в Салонике; на островах Лесбосе, Хиосе, Крите, Эвбее; важнее же всего — в Константинополе. Генуэзцы решительно оградились от вмешательства византийской власти в их дела; император мог привлекать их на службу, но обязывался не принимать ни одного из них в „вассалы“; все они были подсудны и ответственны только консулам и своему константинопольскому подеста.

Чрезвычайно серьезным и опасным для Константинополя и, обратно, выгоднейшим для генуэзцев было разрешение свободного вывоза из всей империи хлеба и иного продовольствия. Император отказался не только от хлебной монополии, но и от права единовременной принудительной скупки зерна и другой пищи в государственные склады в случаях голода в Константинополе.

Ввиду особого содержания отдельно сформулирована статья о Черном море, *Mare Majus*. Первые попытки „освоения“ его берегов генуэзцами относятся еще ко второй половине XII в.,¹ но только теперь добились они, наряду с правами на беспошлинное в нем плавание, запрета проходить в него всем прочим латинянам (т. е., главным образом, венецианцам), кроме дружественных императору пизанцев. Статья Нимфейского трактата о Черном море вполне развязала руки генуэзцам в осуществлении их плана направить сквозное движение товаров через Крым и создала фундамент всей системы генуэзских факторий в „Газарии“, а также важного опорного пункта в Тане.

Несмотря на то, что венецианцы весьма скоро после изгнания вновь появились на Босфоре, победу генуэзцев в области константинопольской транзитной торговли правильно считать полной. Византийцам это стало ясно с самого начала; поняли они и то, что сами способствовали созданию опасности в непосредственной от

¹ Договор между Византией и Генуей в 1169 г. (Miklosich et Müller. Acta, III, p. 35 и Atti d. Società Ligure 28 (1896—1898, p. 352—356).

себя близости. Уже наиболее сильный, ловкий и умный из Палеологов, Михаил, собственноручно скрепивший договор 1261 г., претерпевал оскорбления от самоуверенно-заносчивых купцов, каждый из которых был и торгашом, и воином, и смельчаком-мореходом. Они не остановились перед тем, чтобы сделать императора „предметом смеха и поношений“, как выразился Георгий Пахимер, передавая эпизод, относящийся, примерно, к 1275 г., с большим генуэзским кораблем, безвозбранно прорывавшимся через Босфор под носом самого василевса, на виду у всей столицы.¹ Хотя в гневе Михаил приказал ослепить пойманных виновных в неуважении к его особе, что было сделано на месте же подвернувшимися под руку гвоздями, он, тем не менее, „боялся“ этих „морских владык“ и „ухаживал“ за ними — *τοὺς θαλασσοκρατοῦντας ἐδεδίει καὶ ἐδερᾶπευε*, — соблюдая установленные условия до поры до времени“, *τῷ καίρῳ προσήκοντα ποιῶν*.² Пахимер, подробно рассказывая о переговорах Михаила Палеолога с неизбежными в Константинополе итальянскими купцами, отчетливо выделяет генуэзцев, как наиболее многочисленных в городе. Кроме них ожидалось еще немало их соотечественников, готовившихся воспользоваться нимфейскими свободами, предоставленными исключительно им; по этой причине генуэзцы держались обособленно, враждебные всем, кто намеревался пристроиться к константинопольскому рынку и утвердиться на проливах. Император „не верил“ им; с самого начала поселения генуэзцев в столице зародилась глубокая обоюдная подозрительность между ними и византийцами.³

Однако не только избавиться от опасных соседей, но даже ограничить и отодвинуть их подальше было уже невозможно. Попытка выселить их из города в Гераклею на северном берегу Мраморного моря не принесла освобождения; вскоре, во время царствования еще первого Палеолога, генуэзцы получили разрешение „поставить кучкой немного простых жилищ“⁴ на участке по другую сторону (πέρην) Золотого Рога, вне города, на противоположном от него берегу, ниже возвышенности Галаты.⁵ Уже в восьмидесятых годах XIII в. торговая жизнь была ключом в генуэзской Пере, о чем свидетельствуют многочисленные регистры генуэзских нотариусов,

¹ Pachym. I. V, 30.

² Joh. Cant. I. IV c. 25, ed. Bonn., III, p. 185.

³ Pachym. I. II, c. 32.

⁴ Nic. Greg. I. XVII, c. 1, ed. Bonn II, p. 841.

⁵ Pachym. II. 35. Сами генуэзцы называли свое поселение Пера, Pera, Peira, Peuga, а греческие источники употребляют название Галата, Γαλατᾶ (например И. Кантакузин) или τὸ Γαλατῶνυμον φρούριον (например, Григора).

составлявших акты о торговых товариществах, о наймах кораблей, о купле и продаже домов, разных судов, товаров и людей и т. д.¹

В конце каждого документа, при указании места его составления, писалось: *actum in Peira ante Constantinopolim sub logia Ianuensium*. Эту формулу интересно сопоставить с определением Перы у Григоры: *Τὸ τῶν Λατίνων ἀντιπέρας φρούριον*.² Сначала скромное и, казалось бы, предназначенное лишь для стоянки купцов и складов товаров поселение генуэзцев действительно стало „фрурием“ — крепостью. „По прошествии времени они незаметно поднялись до большой славы и силы — ἐπεῖτα ἔλαθον τοῦ χρόνου χωροῦντος ἐπὶ μέγα δόξης τε καὶ δυνάμεως ἀναβάντες...“³ и следствием этого было то, что, „хвастаясь и издеваясь изо дня в день над бессилием византийцев, они воздвигали здания и двухэтажные и трехэтажные; захватив еще большее место вверх по горе, они строят неприступные башни, господствующие над высотой, а вместе с этим и стены и длинные круговые ограды, заключающие широкое пространство, причем протягивают их вокруг одну за другой“.⁴ В этом свидетельстве отражено рождение той самой Галаты, которая так жестоко и непрерывно точила Византийское государство в XIV в. Родилась она фактически, конечно, раньше, но стала сильной и угрожающей своей военно-морской мощью именно с этого периода своего развития. Особенно ясно намерение генуэзцев в словах Иоанна Кантакузина, когда он вскрывает причину их стремления получить кусок территории выше основного укрепления на берегу — ὑπὲρ τὸ φρούριον. Это была круча, нависшая над их головой: ἀναντες γὰρ ὦν (τὸ χωρίον) καὶ οἷον ἐπικρεμάμενον σφισι κατὰ κεφαλῆς; такой господствующий над ними пункт мог принести им не малый вред, если бы им пришлось воевать с ромеями — οὐ μικρὰν παρεῖχε βλάβην, εἴποτε συμβαίη πρὸς πόλεμον Ῥωμαίοις καταστῆναι.⁵

Генуэзцы предусматривали возможность военных столкновений с византийцами тем более, что Константинополь лежал перед ними, как на ладони, отделенный лишь полосой воды Золотого Рога. Οἱ τὸ Γαλατῶνιον οἰκοῦντες φρούριον ἀστυγαίτονες Γεννοῖται с горечью называет их Григора.⁶

Обстановка была почти все время тревожная и неустойчивая.

¹ Actes des notaires génois de Péra et de Caffa de la fin du XIII s. publiés par G. I. Bratianu. Bucarest 1927.

² Nic. Greg. I. XXIX c. 17, ed. Bonn III, p. 235.

³ Nic. Greg. I. XVII, c. 1, ed. Bonn, p. 841.

⁴ Ibid., p. 842.

⁵ Joh. Cantl. IV c. 11, ed. Bonn III, p. 68—69.

⁶ Nic. Greg. I. XXV c. 17, ed. Bonn III, p. 41.

Эпоха Палеологов, дольше всей других династий занимавших византийский императорский трон, была полна внутренних потрясений; среди правителей значительны только две фигуры решительных и умных узурпаторов — Михаила VIII Палеолога и Иоанна Кантакузина. Если Андроник II и Мануил II привлекательны своей образованностью и культурным окружением, — хотя первый развалил византийский флот, а второму пришлось унижаться до сервизма в отношении турок, — то Иоанн V Палеолог, сидевший на троне около пятидесяти лет (1341—1391), представляет собой фигуру позорную и ничтожную. При этом почти нельзя назвать царствования или даже более или менее длительного периода, свободного от междоусобий, гражданской войны, открытой и скрытой борьбы за калиптру василевса, острой розни между членами императорской семьи, сталкивавших друг друга с престола, как это было неоднократно при Иоанне V.

Генуэзцы не оставались в стороне от византийских междоусобий; начиная с конфликта между дедом и внуком Андрониками, они вмешивались в эти расшатывавшие Византию события, и если их мало трогал спор исихастов, то их весьма интересовала ловля рыбы в мутной воде императорской распри. „Императоры враждовали друг с другом из-за власти; отсюда получалось, что деларомейские были потрясены и пришли в тягостный беспорядок“; на фоне соперничества двух лагерей, руководясь только своими интересами, генуэзцы „тайком и хитря, подделывались то к одним, то к другим“, λάθρα καὶ δολίως ὑπερχόμενοι νῦν μὲν τοῦσδε, νῦν δὲ τοῦσδε.¹

Действуя таким образом, они „незаметно перевели на себя все возможности благосостояния византийцев и без малого весь доход, поступающий от моря“, ἔλαθον... τὴν τῶν Βυζαντίων εὐπορίαν καὶ μικροῦ πᾶσαν τὴν ἐκ θαλάσσης πρόσδοτον παρελόμενοι.²

В связи с этим местом в хронике Григоры приводится известное и важнейшее его сообщение о соотношении доходов беднеющих византийцев и богатеющих генуэзцев: „их ежегодный доход от пошлин обратился, примерно, в 200 тысяч, а у византийцев он с трудом едва доходил до 30 тысяч“, τὴν μὲν ἐκείνων ἐκ τῶν φόρων ἐπέτειον γίνεσθαι πρόσδοτον διακοσίων ἑγγιστα χιλιάδων, τὴν δὲ Βυζαντίων βίᾳ καὶ μόλις τριάκοντα.³ Генуя действительно могла не жалеть средств на постройку триер и нефов и на их вооружение, чтобы крепко держать Перу, где ее купцы в несколько десятилетий достигли того,

¹ Nic. Greg. I. XVII, c. 1, ed. Bonn, p. 841.

² Ibid.

³ Nic. Greg. I. XVII, c. 1, ed. Bonn II, p. 842.

что их прибыль почти в семь раз превосходила прибыль государства, которое их приютило.

Внедрение генуэзцев в Константинополь было обдуманным, упорно и неумолимо проводимым предприятием. Их исключительная энергия, их огромные денежные средства были направлены на то, чтобы укрепить себя, а с другой стороны — ослабить Византию в самом ее центре. Выполнение этого плана не в малой степени содействовало, в конечном счете, гибели Палеологовской империи. Пера-Галата с ее обитателями, ничем не связанными с великим очагом византийской жизни и культуры, кроме только того, что они медленно, но верно губили его, была подобна неизлечимой язве на усталом, теряющем силы для борьбы, организме.

„Установку“ генуэзцев в отношении византийцев можно определить словами Иоанна Кантакузина: „задумали они не малое: они желали властвовать на море и не допускать византийцев плавать на кораблях, как будто море принадлежит только им“, ἐνενόουν γὰρ οὐδὲν μικρόν, ἀλλὰ θαλάσσοκρατεῖν ἐβούλοντο, καὶ Ῥωμαίους ἀπεῖργειν πλεῖν ὡς σφίσι προσήκουσας τῆς θαλάσσης.¹ Никифор Григора отмечает то же самое, говоря что у генуэзцев в головах засела одна мысль: „они бредили захватом гегемонии над всем морем“, θαλάσσης ἡγεμονίαν ὀνειροπόλησαν.² Этим словом „ὀνειροπολεῖν“ Григора подчеркнул несообразность притязаний алчных купцов, приписывая их мечту лишь „нелепому хвастовству генуэзского чванства“, ὁ τῆς Γεννοῦτικῆς ὀφρῦος ἄτοπος ὄγκος.³

Однако вытеснение ромеев с моря продолжалось, тем более, что византийский флот, некогда сильный, пришел в упадок со временем Андроника II и более не возрождался.⁴

Методом генуэзцев в достижении их целей был захват, выразительно звучащий в термине ἐπιχειρήσις, буквально — прибирание к рукам; их действия греки постоянно определяют глаголом ἀρπάζειν — хватать. Пристально следили зоркие хищники из Галаты за всем происходящим в Константинополе и учитывали каждый удобный случай: καίρὸν εἶναι οἰηθέντες ἐπιτηδεύοντάτων αὐτοῖς πρὸς ἐπιχειρήσιν.⁵

Вероломную политику генуэзцев прекрасно обрисовал несколькими словами один из умнейших наблюдателей событий трудного

¹ Joh. Cant. I. IV, c. 11, ed. Bonn III, p. 69.

² Nic. Greg. I. XXV, c. 17, ed. Bonn III, p. 41; cf. XVIII, 2, ed. Bonn II, p. 877. ἀλλ' ὀνειροπολεῖν ἐπ' αὐτῇ τῇ τῆς ὅλης θαλάσσης ἡγεμονίαν; ср. еще XXVIII, 29 ed., Bonn. III, p. 194: ὀνειροπολήσαντες γὰρ ἀπάσης θαλάσσης συλλήβδην ἡγεμονίαν.

³ Nic. Greg. I. XXVIII, c. 29, ed. Bonn, III, p. 194.

⁴ Cf. Cant., I. IV, c. 11, ed. Bonn III, pp. 69—70.

⁵ Ibid.

для Византии XIV в., Иоанн Кантакузин „Народ этот всегда был коварен и враждебен к ромеям и чрезвычайно склонен к ложным клятвам“, τοῦτο τὸ γένος αἰεὶ μὲν ἐπίβουλον καὶ πολέμιον Ῥωμαίοις καὶ πρὸς ἐπιτοκίας ἐτοιμότατον), в случае, если замечал возможность какого-либо захвата (ἂν συνόρη δυνάτην τὴν ἐπιχειρήσιν τινος).¹

Генуэзцы делали все, чтобы обеспечить себе успех захватов и возможность не только не опасаться византийцев, но даже не считаться с ними. При их „хозяйственной предусмотрительности“, πρόνοια οἰκονομική, „при их хитроумных усилиях“, σεσοφισμένη σπουδή — все у них было организовано блестяще, λαμπρῶς; был у них и хлеб и оружие, и деньги, и морской флот, византийцы же, поглощенные борьбой между императорами (Иоанном V и Иоанном Кантакузином) и волновавшими их соборами и церковными диспутами, не запасли ни достаточного количества оружия, ни денег, не говоря уже о кораблях. С горечью пишет Григора, что его соотечественники не желали понять, что снаряжаться надо не тогда, когда опасность уже перед глазами, а задолго до этого; суровый приговор слышится в словах историка о том, что жизнь византийцев была полна одними рассуждениями и они „казались добровольно оглохшими“, ἐδελοκωφεῖν ἐδόκουν Βυζάντιοι.² Внешне Константинополь жил бьющей ключом жизнью; принимались и чествовались послы, развешивались сложные и нарядные церемонии во дворцах и церквях, блистала умственная и художественная культура; но поток товаров и денег уже не проходил через столичные рынки, свернув на Галату; в торговле воцарилась итальянская монета, население города чаще голодало, чем было сыто, злоеущая язва — итальянское гнездо в Пере — развела изнутри расплощающееся хозяйство. Сохранялась по стойкой традиции лишь пышность на деле сильно оскудевшего двора, и оправдывалась народная греческая пословица: ὁ κόσμος ἐποντίζεται καὶ ἡ ἐμὴ γυνὴ ἐστολίζεται — „мир погибал, а жена моя украшалась“.³

На другом берегу все было наоборот: в противоположность беспечности и неподготовленности византийцев — у генуэзцев „город казался великолепной военной мастерской (πολέμου φάναι λαμπρὸν ἐργαστήριον ἢ τούτων ἐδόκει πόλις“).⁴

После того как при Андронике II, пользуясь его слабостью и преступным небрежением к византийскому флоту, генуэзцы

¹ Joh. Cant. I. IV, c. 11, ed. Bonn, III, p. 68.

² Nic. Greg. I. XVII, c. 1, ed. Bonn, II p. 843—844.

³ K. Krumbacher. Geschichte d. byz. Literatur. München, 1897, S. 425.

⁴ Nic. Greg. I. XVII, c. 2, ed. Bonn, II, p. 851. Примечательно, что Григора называет поселение генуэзцев городом.

расширили и укрепили свою территорию в Галате; после того как они помогали Андронику младшему отнять престол у деда и исподволь продолжали усиливать свои позиции при этом, сравнительно недолго царствовавшем, императоре, — они окончательно проявили себя в период злосчастного правления Иоанна V Палеолога. Все византийские летописи неоднократно и в самых разнообразных выражениях отмечают высокомерный тон генуэзцев, их чванливость и коварство, самомнение и презрительное, доходящее иногда до наглого издевательства, обхождение с константинопольцами. Им, изначальным хозяевам босфорских берегов и великого города, они позволяли себе приказывать (*ἐπέταττον*) „властно и дерзко, преисполнившись бесстыдства“, *ἡγεμονικῶς καὶ πολλῇ τῇ θράσει ρέοντες*).¹ На требование императора покинуть захваченную и уже обведенную ими стеной территорию вокруг Перы они, по словам самого, не умевшего совладать с ними, Кантакузина „и ухом не повели“, *οὐδ' ἄκροισι κατεδέχοντο ὧσιν*.² Подобное поведение было результатом явного превосходства генуэзцев над изнурившими себя междоусобиями византийцами, которым они „сделали море недоступным для плавания“, *τὴν θάλασσαν ἀπλωτον ἐποίησαν Ῥωμαίοις*; ³ император же „бедный триэрами“, *τριηρέων ἄπορος*, оказывался перед ними с пустыми руками и лишь частично наносил урон пришлецам-захватчикам, обстреливая галатский берег из камнеметательных машин, установленных над Золотым Рогом. Из множества характеристик, эпитетов, мимоходом брошенных отзывов у разных византийских писателей создается мрачная картина подлинного разгула генуэзских купцов, присосавшихся к Константинополю и вгонявших дела империи в стесненное положение: *πρὸς τοσαύτην τὰ Ῥωμαίων συνήλασαν στενοχωρίαν πράγματα*.⁴ Нет пределов понятному злорадству Григория, когда он сообщает, что генуэзцы, при всей своей надменности, попали под власть Висконти (осенью 1353 г.) и Милан урезал их владения в Италии: стремившиеся к господству „над морями сверху, от Танаиса и Мэотиды вплоть до Кадикса и Геркулесовых столбов, оказались вытесненными из пределов собственной родины“. Хотя Григория и торжествует по поводу этой неудачи (на самом деле, лишь политического хода) генуэзцев и с насмешкой уподобляет их „верблюду, который хотел иметь рога, а потерял уши“, как говорится в пословице, однако сам тут же очерчивает громадные просторства, действительно охваченные генуэзской торговой гегемонией

¹ Nic. Greg. I. XVIII, c. 2, ed. Bonn II, p. 877.

² Joh. Cant. I. IV, c. 11, ed. Bonn III, p. 73.

³ Ibid.

⁴ Nic. Greg. I. XXI, c. 6, ed. Bonn II, p. 1031.

нией в средневековой южной Европе: „от Танаиса и Мэотиды до Гадейры (Кадикс) и Геркулесовых столбов“.¹

Ненависть генуэзцев жила в сердцах не только людей образованных и разбиравшихся в политике, какими были Никифор Григора, и, конечно, Иоанн Кантакузин; она кипела и в константинопольских низах, так как генуэзских купцов, богачей и угнетателей, не терпело все население Константинополя, готовое из ненависти к латинянам подняться на них походом (*ἐχθεὶ τῶν Λατίνων προθύμως ἀπάντων συστρατευομένων*).²

Действительно, по призыву императрицы Ирины (Кантакузин был вне Константинополя) поднялись плотники, сапожники и шорники, кузнецы и медники, даже горшечники и землекопы; многие из них сели за весла. Народ остро ощущал результаты растущей силы генуэзцев из Галаты; когда последние желали чего-либо добиться от византийцев, они применяли крайнюю меру: будучи хозяевами моря (*ὅτι θαλασσοκρατήσαντες*), они пресекали путь всем грузовым судам, которые везли зерно в столицу, как с фракийских берегов из Мраморного моря, так и с северного Причерноморья. В городе появлялся страх голода, потому что сразу же наступала „скудость в хлебе и другом необходимом продовольствии“ (*ἐντεῦθεν σπάνιν ἐγγενέσθαι τῇ πόλει σίτου καὶ τῶν ἄλλως ἔχοντων ἐπιτηδείων*).³

Но далеко не все вступившие в качестве гребцов на византийские триэры „были привычны к морю и веслам: от большинства скорее отдавало либо рубкой леса, либо лопатой — *μηδὲ γὰρ εἶναι πάντας ἐν συνηθείᾳ θαλάττης καὶ κόπης*, *ἀλλ' ἀπόζοντας τοὺς πλείους δειδροτομίας τε καὶ σκαπάνης*“.⁴

Приведенная характеристика экипажей византийских кораблей свидетельствует о том, что византийцы уже не могли меряться морским искусством с генуэзцами; в былые времена среди них всегда было много талантливых флотоводцев; но к середине XIV в., когда генуэзцы не знали соперников на море, у византийцев случались и недостаточно искусные навархи, которых без труда одурачивали опытные генуэзские мореходы. Так было в позорном для Византии сражении с генуэзцами в 1348 г., когда неумелые гребцы и необученные воины, поняв, что их незадачливый начальник погубил флот, в беспорядке — *οὐδενὶ κόσμῳ*, побросались в воду и погибли.⁵ Неправильная расстановка кораблей и последовавшее

¹ Nic. Greg. I. XXVIII, c. 29, ed. Bonn III, p. 194.

² Joh. Cant. I. IV, c. 11, ed. Bonn III, p. 75.

³ Nic. Greg. I. XVII, c. 2, ed. Bonn, pp. 848—850.

⁴ Ibid., c. 5, ed. Bonn, p. 858.

⁵ Ibid., c. 6, ed. Bonn, pp. 861—862.

за тем общее смтение было до того неожиданным даже для презиравших греческих моряков генуэзцев, что генуэзский адмирал предположил „притворство и лицедейство“, *ὑποκρίσιν καὶ δραμὰς-ποιεῖν* со стороны византийцев; он двинулся с осторожностью к византийским кораблям и, найдя их пустыми, приказал связать их и потащил в латинский порт. Это зрелище вызвало панику в Константинополе: жители „теснясь и толкая друг друга, бежали (с берега) в город, сшибали и топтали один другого, а враги их стояли неподвижно и смотрели, страшно изумленные невероятностью такого зрелища“.¹ Бессилие византийцев было явным, тем более перед таким врагом, которого Петрарка в итоге своих наблюдений над международной жизнью называл *aspergima atque invictissima gens*; победы генуэзцев над любым противником — главнейшими же были ослабленные византийцы и весьма опасные венецианцы — стали привычным явлением: „*vobis vincere jam in consuetudinem versum est, quotque per orbem terrarum bella lanuensium, totidem victoriae numerantur*“.²

Такова отраженная главным образом современными событиями и действующим лицам византийскими источниками картина борьбы внутри Константинополя между греками и латинянами, между константинопольцами и генуэзцами. Соотношение сил было неравное не в пользу Византии. На фоне общего развития европейского производства и возросшего (с XIII в.) международного обмена при выдающейся роли Италии — страны передовой и в экономике и в культуре, — напор итальянских купцов, сначала венецианцев, затем генуэзцев, рвавшихся к мировому рынку, на перекресток мировых торговых путей, был необычайно интенсивен. XIV в., — век господства генуэзцев в Константинополе, — был временем их торжества над Византией и тем периодом, в который иноземные купцы наиболее эффективно играли роль в драме, закончившейся падением империи. Генуэзцам противостояла слабеющая в целом византийская экономика, которую они с дерзкой энергией захватили в свои руки; богатая централизованная империя прошлого переродилась в своеобразное государство феодального типа, уже не умевшее прочно наладить торговлю того размаха, который соответствовал бы возможностям Константинополя. Эти возможности реализовали и использовали только итальянские купцы; генуэзцы сделали это в лоне еще живого государственного организма

¹ Nic. Greg. I. XVII, c. 6, ed. Bonn, pp. 861—862.

² Fr. Petrarca. Epistolae de reb. familiaribus, ed. J. Fracassetti, t. II, (1862); I. XI, ep. VIII, p. 128; I. XIV, ep. V, p. 294.

в течение последнего периода его существования, в обстановке труднейшей и трагической борьбы, как внешней, так и внутренней, в которой иссякали силы византийцев и в результате которой хладнокровно богатели их враги.

Однако и их успехи не оставались не помраченными. Венецианцы не мирились с фактом явного преимущества генуэзцев на Босфоре, а следовательно, и на Черном море. Главнейшая выгода твердой позиции в Константинополе состояла в обладании морскими путями и станциями на Черном море. Вокруг вопроса о плавании в Магтаjus не прекращалось самое оживленное соперничество между обеими торговыми республиками; оно не раз переходило в ожесточенную борьбу и разражалось кровавыми конфликтами.

С Венецией Генуя не совладала, как с Византией, и „сорвалась“ на победоносно начатой, но печально для нее окончившейся Кюджской войне 1376—1381 гг. Туринский мир явился для нее рубежом полновластного благополучия на Леванте. Тем не менее силою своей энергии, изворотливости, смелости и хитроумия генуэзцы, несмотря на укреплявшееся и ненавистное им соседство венецианцев, держались в Константинополе, как известно, до рокового 1453 г., а на Крымских берегах — до 1475 г.

Со второй половины XIV в. наступило то невыносимое положение, в которое поставили, наконец, Византию турки. Ладившие с ними тогда, когда это вызывалось внутренней ситуацией в Константинополе и было для них удобно, генуэзцы начинали чувствовать стеснение своих торговых интересов вместе с неумолимым сжатием турецкого кольца вокруг византийской столицы. Это тяжелое для нее время, а именно, вторая половина XIV в., отражено в сохранившихся известных нам источниках неизмеримо скуднее, чем первая половина столетия, обставленная, можно сказать, роскошно в освещении драгоценного материала громадных хроник Пахимера, Григоры и Кантакузина. Конец XIV в. и не имел подобных монументальных летописей; он выясняется лишь неполно по немногим изданным источникам, главным образом эпистолярного характера. Среди них в высшей степени интересны письма Димитрия Кидона, ученого друга, с одной стороны, ушедшего в монастырь Иоанна Кантакузина, с другой — воцаряющегося Мануила Палеолога.¹ По его письмам жизнь в Константинополе становилась ужасной: „Все в невероятном беспорядке, и трудно

¹ Demetrius Cydones. Correspondance. Gius. Cammelli, ed. Paris., 1930. Cf. Byzantion, XVI, fasc. I (Boston, 1944) статья P. Charanis. The strife among the Palaeologi and the Ottoman Turks.

найти на свете подобие того хаоса, который царит в столице. Варвары захватили все, что находится вне города и они — причина всех его страданий“ (из письма 1391 г.). После упоминания о генуэзцах, в связи с их вмешательством в политику Иоанна V, которого они, за передачу венецианцам острова Тенедоса (у входа в Дарданеллы), свергли в пользу его сына Андроника IV (1376 г.), Кидон больше не говорит о них; они начинают отходить в тень. В городе носятся мысли „о рабстве“, как о лучшем исходе через подчинение туркам; гибель, в глазах Кидона, идет даже не отсюда: „Продолжает свирепствовать старое зло, которое причинило общее разорение. Я разумею раздоры между императорами из-за призрака власти. Ради этого они вынуждены служить варвару; это единственный путь, дающий возможность дышать. Всякий понимает, что кому из двоих варвар окажет поддержку, тот и возобладает. Поэтому императоры по необходимости превращаются в его рабов на глазах у всех граждан и живут соответственно его требованиям... Константинополь, лишенный своего гарнизона, лежит обнаженный, как добыча для того, кто пожелает ее схватить. И внутри города граждане — и не только рядовые, но и слывающие за самых влиятельных в императорском дворце — восстают, ссорятся друг с другом и дерутся за высшие должности. Каждый стремится пожрать все сам, и если это ему не удастся, он грозит переходом к врагу и нападением на свою страну и друзей. Разыгрывается трагедия, большая, чем была когда-либо рассказана Гомером и всеми другими поэтами“.

Это письмо Димитрия Кидона, написанное в самом конце XIV в., характерно отражает верно почувствованное состояние византийской столицы. Роль генуэзцев к этому времени уже сократилась, но в течение всего XIV в. они играли ее с азартом на пользу себе, в смысле своего обогащения, и на гибель Византии, в смысле ее катастрофического экономического упадка. Генуэзская Галата, столь враждебно-активная для византийцев в наиболее трудную и, тем не менее, блестящую по живой культуре пору существования их государства, внесла не малую долю в совокупность тех причин, вследствие которых подсекались силы Константинопольской, „городской“ империи накануне ее последних лет.

М. А. ШАНГИН

ПИСЬМА АРЕФЫ — НОВЫЙ ИСТОЧНИК О ПОЛИТИЧЕСКИХ СОБЫТИЯХ В ВИЗАНТИИ 931—934 гг.

Тридцатые годы X в. в Византии характеризуются ясно видимыми недостатками политического и общественного строя Империи. Деревенскую бедноту грабили военные и светские чиновники. Происходили восстания (см. Новеллу Романа Лакапена 934 г. и анализ памятника у Васильевского. Труды, IV, стр. 280 и сл.). Прото-спафарии, стоявшие во главе фем, враждовали между собой. Суды были заполнены всякими злоупотреблениями и даже подложными документами. Народ Константинополя никогда вообще не внушал добрых надежд императору. Единства в среде духовенства не было, несмотря на акт примирения 920 г. между сторонниками патриархов Николая и Евфимия. Болгария, хотя и находившаяся под византийским влиянием после 927 г., при слабом Петре не могла обеспечить безопасности византийской границы: происходили набеги венгров и вторжения славян. Почва была благоприятной для тираннических заговоров. Узурпатор Роман при законном императоре Константине вообще не чувствовал себя уверенно. Ему приходилось проводить всюду своих сторонников и поощрять доносы.

На этом фоне внутреннего положения Империи следует рассматривать новые документы для истории Византии тридцатых годов X в., дошедшие до нас в Московской рукописи № 315.

В рукописи Московского исторического музея № 315, в числе последних по времени составления и едва ли не самых интересных по содержанию, находились два литературных произведения архиепископа Кесарийского Арефы: письмо к Григорию, митрополиту Ефеса, об избрании на патриаршество Феофилакта (f. 122, sqq.) и апологетик (f. 94 sqq.) по поводу возводимого на Арефу обвинения в участии

в тиранническом заговоре, возникшем в Пелопоннесе против императора Романа Лакапена.

Эти памятники византийской литературы проливают новый свет на внутренние события истории Византии и представляют важные дополнительные сведения о самом их авторе — Арефе.

В специальной работе Ренсимана о Романа Лакапене данные Московской рукописи отсутствуют.

1. ИЗБРАНИЕ НА ПАТРИАРШЕСТВО ФЕОФИЛАКТА

(Время патриаршества 6. II. 933—27. II. 956 г.)

Избрание патриархом Феофилакта занимает видное место во внутренней истории Византии при императоре Романа Лакапене, как факт явного цезарепапизма, факт наиболее грубого вмешательства Романа в дела церкви с нарушением церковных обычаев и канонов. Византийская церковь и ее глава — патриарх Константинополя играли большую роль в политической истории. Понятно поэтому, что ни к одному избранию на патриаршество византийские императоры не относились безразлично; понятно поэтому и то, что Роман хотел поставить и поставил в патриархии своего сына — евнуха Феофилакта.

Еще в детстве Феофилакту была предназначена духовная карьера, Трифона только терпели на патриаршестве, пока Феофилакт не достигнет совершеннолетия, т. е. 16-летнего возраста: *μέχρις ἂν εἰς μέτρον ἡλικίας φθάσῃ Θεοφύλακτος ὁ τοῦ Ῥωμανοῦ υἱός, ὃν ἐμελλον πατριάρχην χειροτονεῖν Κωνσταντινουπόλεως*. Замыслы Романа, хотя и имели уже прецедент в избрании патриархом Стефана, брата Льва VI (886—893), встретили, однако, сопротивление со стороны большей части духовенства. На стороне Романа, во главе противной партии, стоял самый видный и влиятельный представитель духовенства — Арефа, архиепископ Кесарийский, первый по патриархе. И на этот раз в политической борьбе он был на стороне императора, как и раньше в склоке, возникшей вокруг четвертого брака императора Льва VI. В письме к митрополиту Ефеса Григорию, — а митрополит Ефеса в церковном ранге занимал второе место после патриарха и совместно с архиепископом Кесарийским должен был руководить выборами, — Арефа всеми средствами ведет пропаганду за избрание Феофилакта: „Я подаю голос, — начинает он письмо, — за избрание кира Феофилакта... , чтобы он, воспитываемый и выдвигаемый патриаршими добродетелями, в определенное ему богом время взял на себя патриаршую честь и хиротонию (*τὸν κύριον Θεοφύλακτον... ψηφίζομαι εἰς πατριάρχην, ἀνατρεφόμενον καὶ ἀναγόμενον*

патриарχικαῖς ἀρεταῖς πρὸς τῷ καιρῷ τῷ ὀφειλομένῳ αὐτῷ ὑπὸ κυρίου τοῦ Θεοῦ ὑποδέξασθαι αὐτὸν τὴν πατριαρχικὴν τιμὴν καὶ χειροτονίαν); другими словами, Арефа выражал заветную мысль императора и знал, что подрастающий Феофилакт, тогда уже патриарший иподиакон и синкелл, воспитывается для занятия патриаршего престола.

Выясненная письмом к Григорию партийная позиция Арефы в отношении Феофилакта дает возможность установить участие Арефы в коварном низложении патриарха Трифона. Когда, по достижении Феофилактом совершеннолетия, предложили Трифону отказаться от патриаршества, а он не согласился, то к нему, прикинувшись другом, обратился архиепископ Кесарийский (*Ὁ Καισαρείας* по Зонаре, *Θεοφάνης ὁ Καισάριος* по Глике, *ὁ Καισαρείας Θεοφάνης* по Кедрину) и разъяснил ему, что единственным основанием для низложения могут быть слухи о малограмотности Трифона, и посоветовал Трифону в присутствии собора дать полную патриаршую подпись. Когда же тот это сделал и попросил первопрестольного (т. е. архиепископа Кесарии) показать подпись императору, первопрестольный приделал к подписи грамоту об отречении. Так был устранен Трифон. Участие архиепископа Кесарии в подлоге не подлежит сомнению, но в это время архиепископом Кесарии продолжал быть Арефа (см. письмо к Григорию Ефесскому). Но тут возникает затруднение, как согласовать имя Феофана с именем Арефы. Нужно считать имя Феофана вторым именем Арефы, принятым в монашестве (см. еще об этом ниже в примечаниях к апологетику, 70—72). И не какому-нибудь Феофану, а всего вероятнее, Арефе принадлежало прозвище *χοῖρινος*, сообщенное Гликой и Кедринем: оно исходило от врагов Арефы, которого современники основательно считали сторонником многобрачия; это прозвище могло быть также ответом противников Арефы на памфлет против Хирсфакта (см. Византийский сборник, 1945, стр. 236—241). Намерение Романа сделать патриархом Феофилакта встретило отпор. Хотя некоторые писатели и сообщают нам, что после низложения Трифона, исключительно за несовершеннолетием Феофилакта, патриарший престол пустовал в течение семнадцати месяцев — с 931 по 933 г., но так как Трифон был удален единственно для того, чтобы предоставить место Феофилакту, то мы должны объяснять перерыв в замещении престола длительной борьбой церковных партий, причем Роману пришлось обратиться за содействием к римскому папе Иоанну XI (см. Theoph. Cont. 421, 422; *τοποτηρητῶν ἐκ Ῥώμης ἀνελθόντων καὶ τόμον συνδικὸν ἐπιφερομένων περὶ τοῦ αὐτοῦ χειροτονίας διαγορεύοντα* οἱ καὶ πατριαρχικῷ θρόνῳ τοῦτον ἐνίδρυσαν, а также Cedr. II, 313—315; Leo Gramm. 322; Symeon Mag. Ann.,

745). Об этой же задержке в выборах заключаем мы на основании письма Арефы к Григорию, что он (Арефа) держится неизменно своего мнения о патриаршестве Феофилакта, и после многих споров (καὶ μετὰ πολλὰ). Во всяком случае хиротония Феофилакта состоялась 6 февраля 933 г. (Чин этой хиротонии записан Константином, De saeget. II, с. 38). На патриаршем престоле Феофилакт был послушным орудием своего отца и даже после низложения Романа в 944 г. занимался интригами с целью восстановить на царство Романа. Самого же патриарха церковные дела занимали мало, его страстью были лошади. Ради конюшен патриарх оставлял церковную службу, ездил верхом, душил лошадей духами и погиб от ушиба при падении с лошади. Что же касается Арефы, то Феофилакт плохо вознаграждал его за хлопоты по избранию: карьера Арефы кончается в первые годы патриаршества Феофилакта. Интересно, наконец, отметить, что в одном месяцеслове, составленном вскоре после смерти Феофилакта (рукопись Московского исторического музея № 4, XII в.), под 27 февраля отмечается, правда, μνήμη этого патриарха, но без всяких титулов ἁγίου или ὁσίου, а просто: μνήμη Θεοφυλάκτου πατριάρχου Κωνσταντινουπόλεως (f. 278).

Новые материалы об избрании патриархов, и в частности об избрании Феофилакта, дает письмо Арефы к Григорию Ефесскому.

Проф. И. И. Соколов в работе „Избрание патриархов в Византии с половины IX до половины XV в. (843—1453)“ (Христ. чтение, 1907, март — июнь) устанавливает следующие акты избрания:

1. Предварительный акт — указание кандидатов.
2. ἔκλογή — выбор трех кандидатов на соборе епископов.
3. Избрание императором из трех одного.
4. Малое извещение (ответ кандидату).
5. Великое извещение (наречение).
6. Πρόβλησις — обряд возведения царем в патриаршее достоинство.
7. Хиротония.
8. Интронизация.
9. Обращение нового патриарха с соборным посланием к другим патриархам.

Приведем анализ, сделанный Соколовым относительно второго и третьего основных актов избрания.

Избрание кандидатов происходит на соборе митрополитов. Собор происходит по распоряжению императора и включает всех архиепископов, находящихся во время собора в Константинополе, но не менее 12 человек. Производство голосования на соборе принадлежит

исключительно митрополитам. Открытому голосованию (ψῆφος) предшествует обсуждение (δοκιμασία). Председательствует на соборе или первопрестольный архиепископ Кесарии, или митрополит Ефеса. О предизбранных кандидатах доводят до сведения императора, который из трех избирает одного. Но императору принадлежит право отвести всех указанных собором и выставить своего. О формуле императорской воли: ἐγὼ τὸν ὁ δεινὰ θέλω γενέσθαι (Const. De saeget., p. 564)¹. Но с этим императорским ставленником собор мог и не согласиться, в таком случае начиналась борьба между императором и членами собора.

Соколов утверждает, что избрание патриархов происходило единообразно, и приводит везде мысль об осуществлении на практике идеи симфонии: согласия между светской — императорской, и церковной властью; Соколов вовсе устраняет участие народа в избрании патриархов, напротив, ссылаясь на Epanagoge, 77; Basil., I. III, t. 1, и Prochiron, 248, утверждает участие народа в избрании епископов.

Случай избрания патриархов, когда панорики говорят прямо об участии народа, именно избрание патриархом Константина Лихуды, 1059 г. и Геннадия Схолария, 1453 г., Соколов считает исключением, вызванным специфическими условиями.

Против единообразия в порядке избрания патриархов, против симфонии светской и духовных властей в процессе избрания, и особенно против устранения народа в избрании константинопольского патриарха убедительно говорит, по крайней мере для первой половины X в., письмо Арефы к Григорию Ефесскому.

Григорий был сторонником народного избрания, Арефа стремился до крайности ограничить народную волю, чтобы Феофилакт без борьбы и осложнений получил патриарший престол.

Арефа называет своего принципиального противника в методе избрания хитрым и изворотливым (περιδεξιὸς καὶ ἀγχιστόρφος), себя же характеризует человеком вообще медлительным и малоподвижным, но на все благое по милости божьей готовым и быстрым (ταῦτά σοι... βραδύς καὶ δασκίνητος Ἀρέδας ἔχων μὲν εἰς αἰεὶ θεοῦ χάριτι τὸ εἰς αὐτὰν χρηστὸν ἔτοιμον καὶ εὐκίνητον). В данном случае τὸ εἰς ἀπαν χρηστὸν у Арефы — введение такой формы голосования, которая провела бы без хлопот на патриаршество Феофилакта. Есть основание думать, что Григорий принадлежал к противной Арефе партии. К тому же самому Григорию адресовано письмо Арефы о привле-

¹ Д. Ф. Беляев. Byzantina, II, 15, стр. 250—251.

чении к церковному суду епископа Евфимия, участника борьбы Византии с болгарами.¹

Позиция Григория, как упорного сторонника привлечения народа к избранию патриархов, выступает отчетливо; Арефа разоблачает в следующих словах его „странный либерализм“ — θαυμαστή ἐλευθερία: „Ты выставил себя, как некий крепкий акрополь, или священный якорь, или, сверх того, тебе показалось, что ты понесешь на себе это странное, разумею свободу, посвящая себя христовой церкви, лишь бы не поработиться кандидатам“ (ὡς ὀχυράν τινα προὔβαλον ἀκρόπολιν ἢ καὶ ἱερὰν ἀγκυράν ἢ καὶ τὸ θαυμάσιον ἀποισεῖσθαι ἐδοξας, τὴν ἐλευθερίαν δῆθεν, τῇ τοῦ Χριστοῦ μνόμενος ἐκκλησίᾳ ἐκ τοῦ μὴ ὑποψηφίοις καταδουλοῦσθαι). Что эта церковная свобода Григория — есть свобода выборов, при которой выставляются внезапные кандидаты и тут же избираются, ясно из следующего письма: „Или ты не понимаешь, что эта твоя странная свобода приносит гибель в дела священства — охладулию вместе с бесчинством: дано ведь каждому право при самочинном выдвижении подавать голос не за одного единственного кандидата, прежде намеченного с уверенностью и по достоинству, но за всякого, к кому кто дружески расположен и кто опирается при внезапном выдвижении на бунтующее мнение“ (ἢ οὐκ αἰσθάνη ὡς ἡ θαυμαστή σου αὕτη ἐλευθερία ὀχλοδουλίαν σὺν ἀταξίᾳ τοῖς ἱερατικοῖς πράγμασι παρεισφείρει· ἐκάστῳ γὰρ δεδομένου αὐτονομίᾳ προθέσει μὴ πρὸς ἓνα τὸν ἐπ' ἀδείας ἀξίως ἠρωρισμένον συντατεῦναι τὴν ψῆφον, ἀλλὰ πρὸς ὃν τις οἰχείως ἔχει τῷ τῆς προαγωγῆς αἰφνιδίῳ πρὸς καινотόμον γνῶμην ἐπιρρωνύμενος). Арефа разъясняет, что при свободных выборах побеждается произволом толпы „то, что было согласовано и решено“, и „многоголовая свобода“ принуждает к согласию насилием даже самых рассудительных, что в свободных выборах действуют происки беспринципных (τῶν ἀστηρίκτων τὴν σπουδαρχίαν). Борясь с народным избранием, Арефа напоминает Григорию скандальные случаи из прошлого: избрание в Александрии Ахиллы и Александра после мученической кончины Петра, погибшего во время мелитианских споров в начале IV в.; события 342 г., когда после Александра Византийского соперничали Павел и Македоний. В этом году, по Сократу (II, 12) и Сотомену (II, 17), взбунтовавшейся чернью был убит даже magister militum, а при интронизации Македония в церкви погибло от меча и давки до 3150 человек; события в Сирийской Антиохии после Флавиана (умер в 404 г.). Но особенный страх внушают Арефе недавние происшествия: честолюбивое избрание Стефана, которое, как уверен

Арефа, повторится при свободном участии народа в выборах Феофилакta. Арефа поэтому предлагает Григорию построить избирательный процесс иначе: лишить народ права выдвижения кандидатов и представить ему только на утверждение уже предизбранное и проверенное лицо — т. е. Феофилакta (πρὸς ἓνα τὸν ἐπ' ἀδείας ἀξίως ἠρωρισμένον συγκατεῦναι τὴν ψῆφον). Достойные люди, уверен Арефа, конечно, поддержат того, кого они уже предназначили к иерархическому посту (αὐτοὺς τε γ' ἀξίως ἀνάχεσθαι τῆς ἐποφειλομένης ἐραρχίης βραβεύειν), а „беспечальное и своевременное предизбрание устранил при голосовании вражду и безрассудство толпы“ (τῷ τῆς ἐτοιμότητος ἀταλαιπώρῳ τῆς ὅτε καιρὸς αὐτῶν προαγωγῆς τὴν τῶν πολλῶν ἔριδα καὶ δοξομανίαν διασκεδάζειν· τὸ γὰρ εἰς ἐκλογὴν προσφωδευμένον ἀργὴν ἀπελέγει τῶν ἀστηρίκτων τὴν σπουδαρχίαν).

Арефа ссылается на прецедент подобных выборов еще и до избрания Стефана (ἐπεὶ δὲ καὶ πρὸ Στεφάνου παρ' ἡμῶν ἐξετελέσθη). Свободу избрания хотел бы Арефа погрузить в пропасти забвения (λήθης ἀμυρανθῆναι βυθοῖς). Основание к преобразованию выборов он находит в том, что свободное избрание народом нигде не обосновано в каноническом праве, но покоится исключительно на обычае и поэтому может не считаться установленным, хотя и практикуется (τοῦ ἐξ ἀγράφου τῆς προφάσεως οὐκ ἂν ἀναμένοντος). Сущность своего рассуждения о преобразовании выборов Арефа выразил в таком воззвании к Григорию: „Да не возобновим мы опять вреда той практики, уже погибшей, или существующей, действующей или минувшей, — все равно, но предоставим таким образом померкнуть в пропасти забвения существующее и пребывающее, так как оно могло бы не быть существующим по причине того, что происходит не из письменного источника“.

В практике избрания патриарха, таким образом, вопреки мнению Соколова, в X в. народ принимал участие. Ему принадлежало слово после того, как митрополиты на соборе обсудили своих кандидатов и согласовали их с мнением императора. Утвердить нужное лицо во время народного голосования можно было только при опытном и умелом ведении дела, но почти всегда на практике возникали недоразумения и беспорядки. Нельзя сказать, чтобы соборы, особенно 7-й, не пытались ограничить вмешательство народа, но эти ограничения трудно было провести в жизнь — с константинопольской чернью приходилось считаться. Попытки Арефы преобразовать избирательный процесс ради Феофилакta показывают нам, как много было опасений за нормальный ход дела при голосовании и какое сопротивление вызвало в народе, руководимом оппозицией Роману, грубое вмешательство Романа в дела церкви.

¹ Опубликовано С. П. Шестаковым в Byzantinoslavica, I (1929), стр. 161—163.

F. 112

Γρηγορίῳ Ἐφέσου Ἀρέθας ἐλάχιστος ἀρχιεπίσκοπος
Καيسαρείας Καππαδοκίας

Τὸν κύριον Θεοφύλακτον τὸν υἱὸν τοῦ κυρίου καὶ δεσπότου καὶ βασιλέως
ἡμῶν Ῥωμανοῦ ψηφίζομαι εἰς πατριάρχην, ἀνατρεφόμενον καὶ ἀναγόμενον
5 πατριαρχικαῖς ἀρεταῖς, πρὸς τῷ καιρῷ τῷ ὀφειλομένῳ αὐτῷ ὑπὸ κυρίου τοῦ
θεοῦ ὑποδέξασθαι αὐτὸν τὴν πατριαρχικὴν τιμὴν καὶ χειροτονίαν· τούτοις
μηδὲν προστιθείς, μηδὲν ἀφαιρούμενος σοί, καὶ μετὰ πολλά. Ὁ δὲ ὡς ὀχυρὰν
τινα προῦβάλου ἀκρόπολιν ἢ καὶ ἱερὰν ἄγκυραν ἢ καὶ τὸ θαυμασίον
ἀποίσεσθαι ἐδοξας, τὴν ἐλευθερίαν δῆθεν, τῇ τοῦ Χριστοῦ μυώμενος ἐκκλησίᾳ
10 ἐκ τοῦ μὴ ὑποψηφίους καταδουλοῦσθαι. Πυνθάνομαι σου, θαυμάσιε, πόθεν
τοῦτο λαβὼν παραβέβηκας; Πρῶτον μὲν οὐ Πέτρον τὸν ἱερομάρτυρα ἐνόησας,
ὃς μαρτυρίῳ πρὸς κύριον ἐκδημῶν Ἀχίλλαν καὶ Ἀλέξανδρον ἐψηφίσατο
διαδόχους ἑαυτοῦ. Εἰ δὲ ὅτι ὑπὸ θεοῦ χρηματισθεὶς ταῦτα πρὸς τὴν ἀπο-
τροπὴν τοῦ ὑποδείγματος ἐγκαλλωπίσῃ, ἀπέχω τὸ ἀριστεῖον, ὅπου γε καὶ
15 θεὸς τοῖς παρ' ἐμοῦ εἰσηγουμένοις συνήγορος· ὅρα δὲ καὶ ὡς οὐδ' ἦντινα
βλάβην προσῆγεν ἢ ἐπὶ ζῶντι Ἀχίλλα τοῦ Ἀλεξάνδρου ψῆφος, εἰ μὴ καὶ
μᾶλλον εἶχεν τινα πορίζειν τῶν συντελούντων εἰς ὄνησιν τῷ προεπηγγελμένῳ.
αἱ γε τοιαῦται προτέλειαι τῶν οὕτω προαγομένων οὐχ ὅσον οὐκ ἐβλάψεν
ἡνεγκαν κέρδος αὐτοῖς· οὐχ οἷον ἐρεῖν νῆφειν ἂν καὶ ἐγρηγορέναι κατατυχοῦσαι
20 τῷ μήτι λωβήσασθαι τὸν ἀρραβῶνα, ἀλλ' οὐδὲ Ἀλέξανδρον τὸν θεῖον τοῦ
Βυζαντίου τούτου πρόεδρον ἔτι ζῶντα Παῦλον καὶ Μακεδόνιον ψηφισάμενον,
οὐδ' ἢ ἐν Ἀντιοχείᾳ τῆς Συρίας μετὰ Φλαβιανὸν τῶν ἐνδημούντων ψῆφος
εἰς Ἀντιοχείαν ἐπίσκοπον τῇ τοῦ ἀποσχομένου ἐκλείπει ἐπείσαχόντων τὸν
ἐφηζῆς· ἢ οὐκ αἰσθάνῃ ὡς ἡ θαυμαστή σου αὕτη ἐλευθερία ὀχλοδουλίαν σὺν
25 ἀταξίᾳ τοῖς ἱερατικοῖς πράγμασι παρεισφθέρει· ἐκάστῳ γὰρ δεδομένου αὐτονόμῳ
προδίδει μὴ πρὸς ἓνα τὸν ἐπ' ἀδείας ἄξιος ἡφωρισμένον συνακατευθύνει τὴν
ψῆφον, ἀλλὰ πρὸς ὃν τις οἰκείως ἔχει τῷ τῆς προαγωγῆς αἰφνιδίῳ πρὸς καινό-
τόμον γνώμην ἐπιρρωνύμενος οὐτι στάσεως ἂν τι ποτε τὸν ἱερὸν σύστημα
ὀχλοδούλου ἐώῃ καθαρεύειν, οὐ τῶν ἐγκρίτων καὶ δεδοκιμασμένων τις τὴν
30 ἱερὰν ἐφορείαν ἐλευθερίως ὑπέλθοι νικώσης ἂν τι τῶν πολλῶν αὐθαδεῖας τὸ
ἐγκριτον καὶ συναρπαζούσης τῇ πολυδεσπότη ταύτῃ πρὸς συγκατάθεσιν
ἐλευθερίᾳ καὶ τοὺς ἀκριβεστάτους εἰς γνωμολόγησιν τῆς βίας· καὶ ἄλλως δὲ
τὸ μὲν ἀμελλήτως εἰσαγόμενον πρὸς οἷς οὐκ ὠφέλησεν τῇ τοῦ ἀθροῦς ἐπεισόδῳ
οὐδὲ τὴν τυχοῦσαν ἡνεγκε βλάβην τοῖς χρησαμένοις· τὸ δὲ χρόνῳ τὴν
35 βάσκανον προσλαβὼν τῇ πείρᾳ παρέχεται τὸ δοκίμιον, ἀλλ' οὕτω τούτων
ἐχόντων· οὐκ ἂν οἶμαι τινα τῶν ἐπεικῶν τε καὶ οὐ φιλαύτων τὰς ἐκ μακροῦ
τῶν ἱερωδησομένων ἀτιμάσειε ψήφους δυοῖν ἔνεκεν· αὐτοὺς τε γ' ἄξιος ἀνάγεσθαι
τῆς ἐποφειλομένης ἱεραρχίας βραβεύσειεν οἷα τι νι χάρακι τῇ ψῆφῳ τὸν ἱερὸν
στέλεχος ἀπευθυνομένους καὶ δὴ γε καὶ τῷ τῆς ἐτοιμότητος ἀταλαιπώρῳ
40 τῆς ὅτε καιρὸς αὐτῶν προαγωγῆς τὴν τῶν πολλῶν ἔριδα καὶ δοξομανίαν
διασκεδάζοιεν· τὸ γὰρ εἰς ἐκλογὴν προεφωδευμένον ἀργὴν ἀπελέγχει τῶν

ἀσθηρίκτων τὴν σπουδαρχίαν· εἰ δ' ἐπὶ τὸ ἱερὸν καταφεύγοντι γράμμα δ' τοῦς
πρὸς καιρὸν ἀπίνοντας τῶν ἱερὰν τινα μετιόντων ἐπιστάσιαν μὴ ἕτερον ἀντ'
αὐτῶν ἀποδεσπίζει προβάλλεσθαι εἰ τοῦτο τὸ δραστικώτατόν σοι δῆπου 45
παρεγγυᾶται· δόξεις μὲν τι ἐρεῖν, οὐ μέντοι καὶ ὅσον οἶε· ἂν γὰρ ἂν τῶν
ἀναμφιλέκτων καὶ πρὸς ἀντινομίαν τοῦτο κατακολίον, εἰ τῷ τοῦ Στεφάνου
δοξοκόπῳ ψηφίσματι ἢ περὶ Θεοφυλάκτου ἐκαινουργεῖτο ἀρχαιρεσίᾳ· ἐπειδὴ
δὲ καὶ πρὸ Στεφάνου παρ' ἡμῶν ἐξετελέσθη, τίς ἐμφρονέστατος λόγος, ἐκείνου
εἰτ' ἀπολωλότος εἴτε καὶ μένοντος μὴ αὐδὺς ἡμᾶς εἴτ' ἐπικαιροῦντος καὶ
παρρυσέντος τὸ διεφθορὸς ἀνακαινίζειν, ἀλλ' ἔαν οὕτω λήθης ἀμαυρωθῆναι 50
βυθοῖς τοῦ ἐξ ἀγράφου τῆς προφάσεως οὐκ ἂν ἀναμένοντος τὸ ἐστὼς τε
καὶ ἔμμενον, ἀλλὰ τῆς προαγωγῆς τὸ προαπόλλυσθαι σχεδὸν εἰληχότος.
Ταῦτα σοι, ἀδελφέ, περιδεξίῳ τὰ πάντα καὶ ἀγχιστρόφῳ ὁ βραδύς καὶ
δυσκίνητος Ἀρέθας ἔχων μὲν εἰσαεῖ θεοῦ χάριτι τὸ εἰς ἅπαν χρηστὸν ἔτοιμον
καὶ εὐκίνητον, ἔχων τ' ἐπὶ καὶ τὸ πρὸς ἀντιλογίαν εὐλαβὲς καὶ αἰδέσιμον τῷ 55
μακαρίῳ Παύλῳ παιδόμενος ὃς τὰς δοξοπλήκτους καὶ εἰκαίας τούτων ζητήσεις
παρατεῖσθαι φιλοσοφεῖ ὡς τῆς ἀπὸ τούτων μάχης πρὸς ἄλλοτρίωσιν εἰωθυίας
ἐλαύνειν τῶν ἀδελφῶν τὸν κατὰ Χριστοῦ ἄνθρωπον.

F. 112.

Григорию Ефесскому Арефа Смиранный,
Архиепископ Кесарии Каппадокийской

Я подаю голос за избрание в патриархи кира Феофилакта, сына
кира и владыки и царя нашего Романа, чтобы он, воспитываемый
в выдвигаемый патриаршими добродетелями, в определенное ему
богом время взял на себя патриаршую честь и хиротонию. Ничего
я не мог бы к этому для тебя прибавить, ничего от этого отнять,
даже и после многих (споров). Это о нем. А ты выставил себя,
как некий крепкий акрополь или священный якорь, или, сверх того,
тебе показалось, что ты понесешь на себе это странное, разумею
свободу, посвящая себя христовой церкви, лишь бы не поработиться
кандидатам. Я спрашиваю тебя, странный, откуда ты это взял
и дошел до такого заблуждения. Во-первых, ты не подумал о свя-
щенном ученике Петре, который, отправляясь на исповедание господа,
избрал преемником по себе Ахилла и Александра. Не рисовался
ли уж ты тем, что предназначен для этого внушением бога, — для
отвращения прецедента? Я отказываюсь от премии в состязании
там, где, конечно, и бог согласен со мной в том, что я высказываю.
Обрати внимание, какой принесло вред голосование за Алексан-
дра еще при жизни Ахиллы, если он совершенно не мог предоста-
вить кого-нибудь из сослуживцев на пользу тому, кто предназначался
на кафедру. Конечно, подобные примеры так выдвигаемых лиц,
нисколько не навредили, не принесли пользы им. Нечего и говорить,

происходящие выборы должны быть трезвыми и бдительными, чтобы не запятнать залога. Но разве еще при жизни божественного Александра, проэдра этой Византии, не были избраны голосованием Павел и Македоний? Разве не было голосования обитающих там (в Антиохии) за антиохийского епископа после Флавиана в Сирийской Антиохии, когда они выставили следующего кандидата за исключением уклонившегося? Или ты не понимаешь, что эта твоя странная свобода привносит гибель в дела священства — охладулю вместе с бесчинством: дано ведь каждому право при самочинном выдвижении подать голос не за одного единственного кандидата, прежде намеченного с уверенностью и по достоинству, но за всякого, к кому кто дружески расположен и кто опирается при внезапном выдвижении на бунтующее мнение? Разве невозможно когда-нибудь очистить иерархическую систему от охладульного восстания? и никто из обсужденных и прошедших докимасию не сможет достигнуть святительской высоты, когда побеждается произволом толпы решенное, и насилие вместе с этой многоголовой свободой принуждаем к признанию и заставляем согласиться самых рассудительных. И другое: беззаботно выставленное лицо вмешательством собравшихся на то дело, к чему оно не пригодно, не только принесло вред избирателям, — испытанием во времени и на практике проявляется достойное. Но это так. Не думаю, чтобы кто-нибудь из пристойных и несебялюбцев мог бы не почтить голосами тех, кому давно надлежит быть в числе иерархии, — по двум причинам: с одной стороны, они решили бы их спокойно выдвинуть на должствующую им иерархию, их, принадлежащих к священному древу, как бы какой чертой характера — голосованием, и, с другой стороны, они рассеяли бы вражду толпы и тщеславие беспечальностью приготовления в своевременном выдвижении. Ведь предварением избирательного процесса архиереев обличается и обрекается на бездеятельность старание беспринципных. Если же обратиться к священному писанию, оно предписывает, чтобы отходящие в свое время к господу не иначе давали бы святительское руководство для наследующих им. Не поручается ли это, наконец, тебе, как самое действенное? Надумаешь ли ты что-нибудь сказать? Но что бы ты ни думал, было бы несомненным безрассудством, если бы честлюбивое голосование за Стефана возобновилось при избрании Феофилакта. А так как и до Стефана было у нас в практике, где место разумному возражению? Да не возобновим мы опять вреда той практики, уже погибшей или существующей, действующей или минувшей, — все равно, но да померкнет в пропасти забвения существующее и пребывающее, так как его могло бы и не быть по причине того, что происходит оно не

из письменного источника, — но оно едва ли обрекает заранее на провал всякое выдвижение. Об этом тебе, брат, во всем ловкому и хитрому, говорит медлительный и малоподвижный Арефа, но всегда по божьей милости на все благое готовый и подвижный, и, сверх того, обладающий искусством на возражение и честью, послушной блаженному Павлу, который философствует отвергать хитросплетение и подобные этому происки, ведь такая битва обычно приводит к отчуждению от братьев христового человека.

ПРИМЕЧАНИЯ

- v. 3—6 Τὸν κύριον — καὶ χειροτονίαν: рукопись отрывает от текста эту фразу и присоединяет к заголовку, но эта фраза несомненно принадлежит к началу письма Арефы. Вопросы согласования частей предложения в тексте Арефы разрешаются часто только на основании ритмики речи. Можно было бы относить εἰς πατριάρχην и κ ψηφίζομαι, и κ ἀνατρεφόμενον, равным образом ὑπὸ κυρίου τοῦ θεοῦ — и κ ὀφειλομένῳ, и κ ὑποδέξασθαι; из системы κῶλα видно, что εἰς πατριάρχην нужно связывать с ψηφίζομαι, а ὑπὸ κυρίου τοῦ θεοῦ — с ὀφειλομένῳ:
 ...ψηφίζομαι εἰς πατριάρχην.
 20 слогов ἀνατρεφόμενον καὶ ἀναγόμενον πατριαρχεικῆς ἀρεταῖς
 20 „ πρὸς τῷ καίρῳ τῷ ὀφειλομένῳ αὐτῷ ὑπὸ κυρίου τοῦ θεοῦ
 21 „ ὑποδέξασθαι αὐτόν τὴν πατριαρχεικὴν τιμὴν καὶ χειροτονίαν
 20 „ τοῦτοις μηδὲν προστιθείς, μηδὲν ἀφαιρούμενός σοι, καὶ μετὰ πολλὰ.
 (знаки препинания в рукописи дают именно это подразделение на κῶλα).
- v. 4 ἀνατρεφόμενον καὶ ἀναγόμενον] показывает, что Арефа знал о предназначении Феофилакта Романом на патриаршество еще при патриаршестве Тихона, в этих словах Арефа высказывает мысль самого императора.
- v. 7 Καὶ μετὰ πολλὰ], т. е. спустя много времени, в течение которого шла борьба с духовенством из-за Феофилакта.
- v. 8—9 Τὸ θαυμάσιον — ἡ ἐλευθερία] ср. ниже θαυμάστῃ ἐλευθερίᾳ и θαυμάσιε, иронические выражения. Речь идет о свободном народном избрании патриарха, сторонником этих выборов был Григорий.
- v. 11—23 Ссылки на смуты, сопровождавшие избрания епископов в древности.
 Петр Александрий был на кафедре в 300—311 гг., принимал участие как противник Мелития в мелитианских спорах, погиб мученически. Ему наследовал в Александрии Ахилла (311—312). Александр наследовал Ахилле (312—326). Выборы 312 г. сопровождалась большими смутами, противная партия выставляла на кафедру Ария. Павел в 342 г. наследовал в Константинополе Александру. Противная партия выдвигала арианина Македония. О борьбе партий в 842 г. см. вводную часть. Флавиан Антиохийский умер в 404 г.
- v. 13—14 Πρὸς τὴν ἀποτροπὴν ὑποδείγματος]: упрек Григорию в том, что он не согласен с предизбранием Феофилакта и не хочет следовать за Петром, который назначением себе в преемники Ахилла и Александра показал пример.
- v. 17 Τῷ προεπηγγελημένῳ], т. е. предизбранному Александру.
- v. 20 ἀραβῶνα]: залог — церковный строй, который не следует марать смутами.
- v. 22 Τῶν ἐνδημούντων]: жители Антиохии, местное население производило выборы приезжавшие на выборы епископы занимались докимасией кандидатов.

- v. 24—25 οχλοδουλίαν σύν ἀταξίαι: этими словами Арефа характеризует народное избрание, ср. ниже στάσεως οχλοδούλου. Ὀχλοδουλία и οχλοδούλος незарегистрированное слово у Арефы это слово — термин ставленничества толпы.
- v. 25—27 αὐτονόμῃ προθέσει, τῷ τῆς προαγωγῆς αἰφνιδίῳ: устраняется народом кандидат, прошедший докимасию (τὸν ἡφωρισμένον) на соборе епископов и согласованный с мнением царя.
- v. 32 τοὺς ἀκριβεστάτους εἰς γνώμολόγησιν τῆς βίας: народное мнение принуждает примкнуть к нему даже членов собора.
- v. 40 Движущей причиной народных выборов служит τῶν πολλῶν ἔρις и δοξομανία. Арефа выражает мысль, что толпа идет за подбившими ее лицами.
- v. 42 ὧν ἀστηρίκτων τὴν σπουδαρχίαν. Едва ли не монахов разумеет Арефа в слове ἀστηρίκτων; как постоянный эпитет монахов это слово находим в Апологетике, v. 105 sqq. (см. ниже).
- v. 42 τὸ ἱερὸν γράμμα: разумеется порядок назначения кандидатов предшественником по кафедре; на какую литературу у Арефы ссылка — в точности неизвестно.
- v. 46—47 τοῦ Στεφάνου δοξολογίᾳ ψηφίσματι: ссылка на недавние смуты при избрании или Стефана I (886—893) или Стефана II (925—928).
- v. 49 ἐπιχορῶντας: чтение рукописи.
- v. 51—52 τὸ ἐστὼς τεκμήριον. Народное избрание было обычной формой, хотя и не было установлено в письменном документе (τοῦ ἐξαγράφου).

II. СОБЫТИЯ В ПЕЛОПОННЕСЕ В 934—935 гг.

Апологетик Арефы, записанный на f. 94 sqq. в Московской рукописи, отличен от других апологетических речей этого писателя. Другие апологетики имеют в виду вопросы, связанные с четвертым браком Льва VI, тогда как этот написан в защиту от политического обвинения.¹

Апологетик содержит важные исторические материалы, которые по-новому представляют события в Пелопоннесе в 934 г., характеризуют с новых сторон византийское общество времени Романа, объясняют раскол в классе византийского духовенства, дают важные биографические сведения о самом Арефе и выводят на сцену политической истории новых лиц.

Для определения времени событий, о которых рассказывает Апологетик, мы располагаем следующими данными: Арефа говорит о своем семидесятитрехлетнем возрасте; в ученой литературе принято мнение, что он родился около 865 г., следовательно время написания Апологетика нужно бы определить приблизительно датой: „около 938 г.“; вместе с тем из истории Пелопоннеса при Романе известно, что в Пелопоннесе в 934 г. происходили

¹ На исключительный интерес к тексту Апологетика указал, между прочим, F. Cumont при издании по Московской рукописи произведения Арефы против Юлиана: на фотографических снимках, по которым работал F. Cumont, началось начало текста Апологетика (Mém. publ. par l'Acad., VII (1892), Bruxelles).

политические события, их-то мы и должны связывать с данными Апологетика о тиранническом замысле против Романа, а год рождения Арефы определять не приблизительно, а точно — 861. В сочинении De admin. imperio (p. 320—324, cap. 50) Константин рассказывает: в царствование императора Феофила (829—842) Пелопоннес попал в руки славян. С течением времени славяне Пелопоннеса были частично вытеснены, частично подчинены империи, но два славянских племени (Σκλαβηνοί) — милинги и эзериты удержались в горах Лакедемона, хотя и их стратиг Феокист заставил стать в зависимость от империи, они должны были принять от стратига архонта и платить дань: милинги — 60 номисм, эзериты — 300; но во времена императора Романа стратиг Пелопоннесской фемы Иоанн донес императору о восстании милингов и эзеритов,¹ они объявили себя автономными и не приняли от стратига архонта. Между тем, стратигом Пелопоннесской фемы вместо Иоанна был послан Кринит, который вел успешную войну с восставшими с мая по ноябрь (это было, как устанавливает Ренсиман, в 934 г.) и заставил и милингов и эзеритов платить значительно большую дань — в 600 номисм. Кринит после этого был перемещен стратигом фемы Эллады, в Пелопоннесе же произошли раздоры между новым стратигом Пелопоннесской фемы, протоспафарием Варзой Платипозой, с одной стороны, и другими подчиненными ему стратигами и архонтами, с другой стороны, причем протоспафарий Лев Агеласт был изгнан из своей фемы. Одновременно славянские племена (Σκλαβηνοί, не эзериты и милинги) сделали натиск на Пелопоннес и вторглись в Пелопоннесскую фему. В это время эзериты и милинги изъявили готовность подчиниться Роману на прежних условиях, имевших место еще до Кринита. Император дал согласие из боязни, что при отказе милинги и эзериты примкнут к вторгшимся в Пелопоннесскую фему славянским племенам (Σκλαβηνοί). Сопоставляем эти события с одновременным в 934 г. вторжением в пределы империи венгров. Продолжатель Феофана, (I. VI, § 37), равно как и Симеон Магистр, сообщает: „произошло первое нападение турок на римлян 7 индиктиона в апреле. Они в своем набеге достигли Константинополя и разграбили всю Фракию. Был послан для обмена пленными патрикий Феофан протовестиарий... царь не пожалел денег на выкуп пленных“. Движение венгров на Византию объясняет нам, почему славянские племена вторглись в пределы Пелопоннеса: они были теснимы с тыла

¹ Причиной восстания были, по всем данным, притеснения со стороны посланных к славянам архонтов и стратига (см. новеллу Романа Лакапена, 934 г.).

венграми или же действовали совместно с венграми. Несогласие между протоспафариями в Пелопоннесе в это тревожное время, когда Пелопоннес был под угрозой нападения милингов и эзеритов с юга и вторгшихся славянских племен с севера, в свою очередь, находит объяснение в Апологетике Арефы, именно в тиранническом заговоре. Тираннические заговоры против правящего императора были особенно удобны в то время, когда империя колебалась под натиском противников (многочисленные примеры представляет тот же X в., Роман Лакапен сам воспользовался подобными затруднениями Византии, чтобы достигнуть власти), стремившиеся к захвату власти нередко вступали в сношения с противниками империи (так поступил, например, Калокир в годы войны Свято-слава с греками). Теперь, опираясь на Апологетик, мы можем утверждать, что именно тираннический заговор против Романа лежал в основе борьбы между протоспафариями; в этом заговоре какое-то участие принимали протоспафарии Николай и Фома из Тегей, причастен к заговору был, вероятно, и Арефа, несмотря на все его опровержения.

На фоне этих событий Апологетик приобретает особую значимость для определения всего положения империи, в частности пелопоннесских дел в 934 г.

Апологетик характеризует Арефу, равно как и борьбу среди духовенства. Примечательны самовосхваления Арефы, оправдание которым он видит в словах апостола Павла (см. примечания к тексту Апологетика). Вот пример этих самовосхвалений: „Кто-я? Архиерей первого и величайшего престола, занимаю второе место по патриархе, с детства изошрен по божьей милости в самых прекрасных добродетелях, зримый, как некий светильник благочестия, в духе Христовом,“ или в другом месте: „Вам известны мои дела. Каковы они? Почтенны, целомудренны, для всех завидный пример, и их вы поносите, им делаете вред, но не дано руке грешников столкнуть меня“.

Противники Арефы выдвигали против него политическое обвинение, обоснованное, по словам Арефы, на плястографии: „Я подвергаюсь клевете на основании подделки грамот“, „Он [Симватий] сочиняет грамоты, примазывая меня к тиранническому заговору“.

Обвинителями были духовные лица, и дело разбиралось церковным судом. Арефа пытается объяснить причину клеветы враждой к нему духовенства. Раскол среди духовенства очевиден. Приводим эти любопытные места: „Да не победит клир грешников“, „И какая причина, что мои церковнослужители выступили с обвинением против меня? Воздаяние злом, ибо мы следуем за благом, воздер-

живаемся от общения с преступлениями неких людей. Разве не должны бы они чтить и высоко ценить истолкователя этих деяний?“. Особенно важно место: „Но кто и с какой целью пустился на подобные выдумки? Это дело безумцев и беспринципных монахов. Не осмеивал ли я их всяким смехом, не издевался ли всегда над ними, называя их апокалюптиариями (ἀποκαλυπτάρους)... Что же могло быть после этого? Непримируемая вражда произошла у нас, и мы безжалостно двинулись друг против друга“. Апологетик приводит замечательные строки о двух группах духовенства: нового, светски-образованного, карьеристов и сторонников силы — с одной стороны, монашеской массы — с другой. Враги Арефы воспользовались Симватием, который предоставил им материал против Арефы. Кто такой Симватий и в каком отношении стоял он к Арефе? Симватий, по данным Апологетика, также духовное лицо. Он занимался доносами — τὰς ἐτέρων ἀνερευόμενος οἰκίας. Он пытался в свое время возвести клевету на митрополита г. Патр, но был уличен и, по настоянию Арефы, сослан патриархом в Студийский монастырь: „Кричит весь Пелопоннес об этой гадине, и особенно архиерей г. Патр, потому что и ему устроен подлог — под его руку написан документ о наследстве, как и многие другие вкусили его подлости“, и ниже: „По причине разврата он был сослан патриархом в Студийский монастырь под стражу, и известно ему, что он, по моему настоянию, испытал это. Он воровским образом послал царю грамоту против митрополита г. Патр при ограблении казенных денег, причем он, негодный, был уличен в клевете“. Арефа ссылается также и на другую клевету Симватия: „Дело идет о Николае протоспафарии и Фоме протоспафарии из Пелопоннесской Тегей, которых Симватий сюда послал под стражей, он возвел на них обвинение в том, что они строят козни против царя и диадемы. К ним присоединил он и славного поэта Хрисохоя“. (К сожалению, об этих лицах мы не имеем сведений из другого источника.) Симватий донес и представил письмо Арефы (ἐπιστολίδιον), в котором Арефа будто бы вовлекал Симватия в тираннический заговор. Арефа не совсем ясно говорит о каком-то слезном раскаянии перед ним Симватия. Можно установить, что между ним и Симватием перед доносом Симватия на Арефу устанавливались дружеские отношения; но против возможности писать о заговоре Симватию Арефа приводит следующие доводы: он не мог бы довериться в этом деле человеку, лично им еще не испытанному, да еще и сноситься с ним через значительное пространство при помощи третьих лиц. Вместе с тем он заверяет в своей преданности императору Роману: „Почему же я мог

τῶν ἀληθῶν προβαίνοντα γραμμάτων· ἄρα τῶν εὐγνωμόνων ἐτι ὁ τούτοις
 55 προσανέχων ἢ θύραν ἀνοίξει τῇ τοιαύτῃ μηχανουργίᾳ σπουδῇ· εὐχαίμην ἂν
 τοῦτο· θυμοῦ δὲ δικαίου μεστός ὁ λόγος. Πῶς γε ἂν [f. 95^v] λάθοιεν οἱ τούτων
 συνίστορες καθ' ἑαυτῶν βάλλοντες, οἷς καὶ τὸ ὀλοθρευθῆναι αὐτοῖς περιγένοιτο
 ἢ το ἐξ ὁμοιότητος γραμμάτων δολοφονεῖν ὃ καὶ τοῖς Ἡρώδου τοῦ ἐξ Ἀντι-
 60 πάτρου παισὶ δι' ἐπηρείας ὑπῆρξεν ἀπὸ τοῦ ἐκ Δωρίδος τῆς αὐταδέλφου
 μανίας· πλὴν ἴδωμεν καὶ τὰ περὶ Συμβατίου· εἰπέ γάρτοι τίνι τρόπῳ Συμβατίῳ
 θαρρῶν ἢ πόσῃ φιλίᾳ ὑπαγόμενος τούτου καὶ κέρδεσι τίσι; τιμῆς δὲ τίνος
 ἐπαγγελία; ἀνὴρ τὴν πρώτην ἐν ἐπισκόποις τάξιν ἐπέχων τοιαῦτα θαρρεῖν
 εἶχον τῷ μέχρις ὀνόματος μόνον γνωρίμῳ τῷ ἄρτι μοι πρὸς φίλιαν τοῦτον
 65 καθιστὰν ἐπιχειρουμένῳ, ἀφ' οὗ καὶ πρώτῃ ταύτῃ ἐκεχρήμην ἐπιστολῇ
 ἢ γνώμης τοσοῦτον ἡμάρτανον ὥστε τὸ μῶγος καὶ ἀπὸ χειλέων εἰς χεῖλος
 διαδιδόμενον δι' ἐπιστολῶν ἐξαγγέλλειν καὶ τοσοῦτῳ διαστήματι τόπου καὶ
 διὰ γραμμάτων κηρῷ κατασεσημασμένων καὶ οὐδὲ δι' ἀνθρώπων ἐκ πολλοῦ
 μοι τὸ γνωρίμον μετὰ πίστεως εἰληχρότων καὶ οἷς τὸ θαρρεῖν οὐ πείρα καὶ
 70 χρόνος ἐβεβαιώσατο· τί δαὶ καὶ ἐγκαλεῖν ἔχων ὑβριοπαθῶς τῷ ἐκ Θεοῦ βασι-
 λεύειν λαχόντι; μᾶλλον δὲ τιμὴν πρὸς τιμὴν ἡμῶν τούτου ἐνηργηκότος δι' αὐ-
 καὶ πρὸς τὴν ἐκκλησιαστικὴν εἰρήνην τὸ μέγα καὶ θεοφιλέστατον αὐτοῦ
 ἔργον τῷ πλείστῳ μέρει τούτῳ συνεβαλλόμεθα πολυχρονίου κράτους αὐτῷ
 ὑποτείναντες ἐλπίδας ὥσπερ δὲ περιφόρητον πολλοῖς λόγοις· οὕτω πλημμελῶς
 καὶ ὀλεθρίως ἑαυτῷ πρὸς τοῦτον διαγινόμενῳ; ἀλλὰ καὶ τίς καὶ ὧν καὶ τίνα
 75 γνώμην ἔχων περὶ τῶν τὰ τοιαῦτα ματαιαζόντων ἀφρόνων ἀνθρώπων καὶ
 μοναχῶν ἀστηρίκτων· ἄρα οὐκ ὁ παντὶ καταγέλωτι τούτους μωκώμενος οὐς
 καὶ διαπαίζων ἀποκαλυπταρίους κατονομάζω· ἢ πρὸς τὸ πέρας μοι τοῦ βίου
 ἀφικομένῳ· πρὸς ματαιότητος ἀποβλέπειν καὶ μανίας ψευδεῖς ἐπαράτως
 ἐπέσπασται. Πῶς δαὶ καὶ μετὰ τοῦτο; ἔχθρας ἀσπόνδου ἡμῖν μεσιτευσάσης
 80 καὶ ἀπηνῶς ἡμῶν ἀλλήλοις ἀντεφορμώντων. Τίνος ἔνεκεν ὁ Συμβατίος οὗτος
 ἐνέσχετο ἄνθρωπος θυμῷ καὶ ἐπιθυμίᾳ κατάληπτος τοσοῦτον ὄλεθρον ἡμῶν
 παρορᾶν καὶ οὐ πρὸς βασιλέα παρέπεμπεν ἐτοίμην ἡμῶν πάγην καὶ ὄλεθρον,
 ὃ τὴν γῆν σείων καὶ οὐρανὸν συνταράσσων, καὶ τὰς ἐτέρων ἀνερευνώμενος
 οἰκίας ἐφ' ᾧτε τοιοῦτον ἀνευρεῖν καθ' ἡμῶν, εἰ καὶ λύκος ἀπῆλθε χανῶν τὸ
 85 τοῦ λόγου δι' ἀκοῆς· τὸ γάρτοι μὴ καθ' ἑαυτοῦ τχῦτα ὑποβλεπομένου κινεῖν
 εἰς ἀπολογία ἀνευρημένον προβάλλεσθαι ὑπὸ τῶν σοφωτάτων ἱκανῆς παρα-
 νοίξας ἐλέγξει μεγίστης τοῦς τούτων λήρους· τῷ ἐπὶ Νικολᾷ πρωτοσπαθαρίῳ
 καὶ Θωμᾷ τῷ ἐκ Τεγέας τῆς Πελοποννήσου πρωτοσπαθαρίῳ οὐς ἐνταῦθα
 Συμβατίος ἐμφροῦρους παρέπεμπεν ἐγκλημα τούτοις ἐπάγων τὸ εἰς βασιλέα
 90 αὐτὸν ἐνδιabάλλειν καὶ διάδημα πεποιηκότα, οἷς καὶ τὸν φημιζόμενον ποιητὴν
 Χρυσόχοον ἐπ— [f. 96] ἀπέστειλεν ὁ τοῖνον τοσαύτης μὴ φεισάμενος καὶ
 οὕτω τρανοτάτης κατηγορίας· ἄρα γε εἰ τὸ προκομιζόμενον γραμμάτιον ὡς
 ἄλλην Ἀρσενίου χεῖρα εὐπόρει λαβὼν τί οὐκ ἂν ἐπεποιήκει; Πόθεν δὲ καὶ
 λαβὼν ἔχει ὁ ἀλιτήριος οὗτος εἰπάτω. Διὰ τὴν μοιχείαν αὐτοῦ εἰς τὰ
 95 Σπουδίου ὑπὸ τοῦ πατριάρχου φρουρεῖσθαι ἀπέσταλτο, καὶ τοῦτο γνωστὸν

αὐτῷ ὡς ἐξ ἐμῆς ἐπεπόνθει ἐπισκήψεω· τοῦτο· ὁ τοῖνον πρὸς βασιλέα κατὰ
 τοῦ Πατρῶν μητροπολίτου γραμμάτιον σκευωρήσας ἐπὶ χρημάτων συλήσει
 δημοσίων ἐφ' οἷς καὶ ἑάλω συκοφαντίας ὁ δαίλαιος· ἄρα εἰ καὶ ἐμοῦ τοιοῦτον
 τι εἶχε πῶς οὐ προτιμότερον ἐπεποίητο τὸν ἐμοῦ ὄλεθρον βασιλεῖ ἐπιδοῦναι
 τοῦ προφανῶς τοῦτον συνέχοντος, εἰ μὴ τῷ ἦττον ἐπεχείρει· ἀλλ' οὐκ εἶχεν,
 100 ὅτι οὐπω ἂν ἐπεπλήρωτο τῶν εἰς ὕστερον ἐπιδεδωκότων αὐτῷ χρηστῶν
 ἀδελφῶν τὸ πονήρεμα· εἰπάτω οὖν πόθεν ἢ πότε τοῦτο λάβοι καὶ παρὰ
 τίνων; τὸ γάρτοι ἐκ Συμβατίου εἰληφέναι αὐτὸ καὶ κατὰ τοῦτον καιρὸν, ὅτε
 καὶ οἱ ἄγαν ἀπονενοημένοι καὶ ἀσεβεῖς ἐπιγνώμονες ἑαυτῶν καθίστανται
 τοιαῦτα κακουργεῖν καὶ οὕτως ὀπλίζειν καὶ κατ' ἐκείνου, ὃ θερμοτάτοις
 105 δάκρυσι δι' ἐπιστολῆς σφοδρὰν ἐποιεῖτο ἐξομολόγησιν. ἀξίων συγγνώμης τυχεῖν
 ἐφ' οἷς ἀβουλήτως κακοθελῶν ἀνθρώπων ἀνάγκαις τὴν εἰς ἡμᾶς ἐνεστήσατο
 ἔχθραν ὁ οὕτως τὸν ἑαυτοῦ ἔλεον διὰ τῶν αὐτοῦ γραμμάτων ἐνώπιον ἡμῶν
 ἐκχέων· ἄρα πίστις τῇ μὲν τὸν ἔλεον ἀφ' ἡμῶν ἔλκειν τῇ δὲ ἀπηνῶς τὰ
 πρὸς ἡμᾶς διατιθέμενος ἔχθρον τοσοῦτον ἀσκεῖν καθ' ἡμῶν βιβλίων ὀλεθρίων
 110 ἡμῶν ἐπιδόσει. εἰ τοῦτο λόγου ἐχόμενον προσεχέσθω, εἰ δὲ ἡ ἀδικία ἐψεύσατο
 ἑαυτὴν τὸ τῆς ἐπιφορᾶς τὸ ἀπὸ τοῦδε λοιπὸν παρ' ἡμῶν· ἀλλὰ γε πυνθάνομαι
 ὡς ἐμβροντησίᾳ φερόμενος ὁ κακόσυχος οὗτος περιάγει τοὺς ἐρκασιλοδόρους
 ἀναψύχων ὡς ἔχα παρασχέσθαι μάρτυρας εἰς ἐπήκοον αὐτοῖς Συμβατίον
 μαρτυροῦντας τὸ πλαστογράφημα τοῦτο ἀνεγνωκότα· ἀλλ' ἔτι καὶ οὗτοι
 115 πλαστοὶ οὐχ ἦττονες τῆς δολογραφίας αὐτόθεν ἔστι μαθεῖν· ἐρῶ· μάθωσάν
 γε ποτε βέλτιστος Συμβατίος ἀνέγνω ὑμῖν τὸ ἐπιστολίδιον τοῦτο φίλος εἰ
 ἔτι μένων πιστός ἢ πρὸς τὴν ἔχθραν ἡμῶν ἀποκλίνας καὶ παντοίως ἡμᾶς
 βλάπτειν ἐνεσκευασμένος; ἀλλ' εἰ μὲν φίλος, κακοδαίμονέστατος οὗτος ἀπάντων
 120 ἂ πρὸς τιμῆς αὐτοῦ καὶ ἀπόρητα μένοντα εἰς καιρὸν μὴ ἐχεμυδιῶν σωτηρίως
 ἑαυτῷ, ἀλλὰ τοῦ καιροῦ προεξανιστάμενος κονιορτὸν συμφορῶν ἐπαγείρων
 τυραννικόν, εἰ δὲ τῆς ἔχθρας ἤδη ἀναφλεχθείσης ἄρα οὐκ ἐμφορνεστέρον τὸν
 παντοίως ἡμᾶς βλάπτειν διεγνωκότα· τὸ μὲν τῆς ὑμετέρας ἀκοῆς πρὸς οὐδὲν
 τίθεσθαι, πρὸς βασιλέα δὲ ἀναπέμπειν ἀναντίρρητον ἡμῶν ὄλεθρον [f. 96^v]
 ἐγὼ μὲν οἶμαι καὶ οὐκ ἀφρόνως οὐδ' ὥσπερ ὑμῖν πέπλασται φοβεῖν ἡμᾶς
 125 φόβον, οὐ φόβος οὐκ ἔστιν δι' ἀφροσύνην ὑμῶν· πλὴν ὅποτεως ἔχει ἡ φιλοῦντος
 ἡμᾶς Συμβατίου ἢ καὶ ἐχθραίνοντος; ἐπεὶ τὸ πρὸς τυραννίδα ἡμῶν γραμ-
 μάτων ὑπαλείφον αὐτὸν ἀκούσατε, χρόνου δὲ τοσοῦτου παρωχηκότος οὐ πρὸς
 βασιλέα ἐφοράσατε, κατείχετε δὲ παρ' ἑαυτοῖς ἀνεκλάλητον, οὐκ ἀτιμώρητον
 130 δίκαιον ἀπολυθῆναι ὡς συνεργοὶ καὶ ἐπίβουλοι τῶν κατὰ τοῦ κυρίου ἐπανι-
 στάντων καὶ κατὰ τοῦ Χριστοῦ αὐτοῦ, καὶ οὕτως ἀπαλεύσεσθαι μισθὸν
 ἔνδικον ἀπενεγκάμενοι χρηστῆς ψευδομαρτυρίας· ἄξιός γε ὁ ἐργάτης τοῦ
 μισθοῦ αὐτοῦ, ὥσάν καὶ κατὰ τοῦτο ὁ μακχάριος κροτεῖτο Δαβὶδ· ἐν τῇ
 παγίδι φάσκων, ἢ ἐκρυψαν, συνελήφθη ὁ ποῦς, καὶ ἡ πρὸς θεὸν αὐτοῦ ἐντεῦξ
 135 ἔργῳ ἐκπληρωθεῖ κατὰ τὰ ἔργα τῶν χειρῶν αὐτῶν εὐχομένου δὸς αὐτοῖς
 κύριε καὶ τὸ ἀνταπόδομα αὐτῶν ἀπόδος αὐτοῖς ὡς ἐκατέρως τυφλώττουσι
 πρὸς τε τὰ τοῦ κυρίου ἔργα, καὶ πρὸς γε τὰ ἑαυτῶν, οὐς τὸ καταλύειν,

ἀλλὰ μὴ οἰχοδομεῖν κακὸν ἔσθ' ὅντας τῷ βίῳ ὑπόδειγμα καὶ τῆς προφητικῆς
 εὐχῆς συνεργὸν καὶ τῆς τοῦ κινουμένου αὐτὸν θεοῦ πνεύματος κατοχῆς οὐκ
 140 ἀνάρμοστον ὡς πρὸς θεοπειθεῖαν ἐκκαλούμενον.

F. 94.

Апологетик

Этот апологетик произнесен в то время, когда пытались при помощи писем примазать ему построенное на плястографии обвинение в какой-то тирании в Пелопоннесе.

Не к чести мне составлять апологию, по поговорке „из-за вымысла фантазий“, и бог-отец говорит, что это случилось с ним: „Онемел и унижен и смолк о благе и скорбь моя возобновилась“. Что за необходимость противопоставить негодьям нашу пристойность обольщая душу, разбавляя, как в харчевне, вино беспорочности водой злодейства? Но, чтобы не дать основания, что мы уличены безгласием по признанию за собой того, что наклеветали на нас, — мы выскажем строгое и простое и согласное с нашим характером. Достаточно уже по времени произносить защитительные речи вместе с Сократом, сыном Софрониска. Теперь я в первый раз, пожалуй, и в последний — да не победит клир преступников — подвергаюсь клевете в установлении тирании на основании подделки грамот, я, достигший семидесятитрехлетнего возраста. Кто я? Архиерей первого и величайшего престола, занимающий второе место по патриархе, с детства изоощряемый по божьей милости в самых прекрасных добродетелях и в безупречном образе жизни, зримый как некий светильник благочестия всеми в духе Христовом.

Да не будет зависти и обвинения в самовосхвалении, так как по необходимости из-за обвинителей эти речи, а не по хвастливости и самомнению, ибо и Давид выставляет свои подвиги против зверья, еще до этого никому неведомые, совершив единоборство против хвастуна Голиафа, и божественный Павел возвестил о чудесных подвигах и о восхищении до третьего неба. Он говорит: „Я безумец и хвастун. Ясно, что вы меня к этому принудили. Ведь — говорит он — вам бы надлежало хвалить меня“. И вот апостольское слово кстати для нас. Скажу, конечно, и сам я, позаимствовав у него: „Вам бы надлежало хвалить меня, вам, которым известны мои дела. И каковы они? Почтенны, целомудренны, для всех завидный пример, и их вы поносите, им делаете вред; но не дано руке грешников столкнуть меня, и не поносить меня безумцу, не безумцу уже, конечно; а это так, — да и к тому же замаранному всякой нечистью всякого зла, какое только бывает в думе зло- вредной, какое только бывает в теле, и притом он обнаруживает

косноязычность, как примету этих свойств. И не простая это речь, но и злостные обвинители. Кричит весь Пелопоннес об этой гадине, и особенно архиепископ города Патр в Пелопоннесе, потому что и ему устроен подлог — под его руку написан документ о наследстве, как и многие другие вкусили его подлости. И чтобы не говорить впустую и для кого-нибудь непонятно: мудрым судом главы божьей церкви осужден на семилетний срок, из-за развратных языков изгнан из божественных церквей. И оставить без внимания столько и таких похвальных деяний, быть поруганным от своих церковнослужителей, защищаться как раз при обнаружении такого позора? Не противно ли это богу и взирающим на бога? И какая причина, что мои церковнослужители выступили с обвинением в этом против меня? Воздаяние злом, ибо мы следуем за благом, воздерживаемся от общения с преступлением неких людей. Разве не должны бы они заботливо чтить истолкователя этих деяний и обращаться благосклонно и беречь тех, которые знают благо истолкования похвального, или уже бессовестно представить на суд царю и сопутствовать злодеянию своим ненавистным и поспешным сочувствием, связаться с преступником? Но обратимся к обвинению. У Симватия, говорят, на основании вашего письма донесение к царю, и это достоверно, основанное на заверенных документах вашей руки. Я же, если и ни один закон не отвергает подлинности заверенных документов, а также и совокупности признаков, — все же могу возразить, хотя и мягко, так как полны судопроизводства подобными злодеяниями — и столько дней! — они распознаются и уличаются, хотя и похожи на подлинные документы. Разве благоразумные доверяют еще им и откроют двери подобным махинациям? Хотел бы я этого. Справедливой же мыслью полно слово. Как скрыться сочинителям этих подлогов, доносчикам на самих себя, которым и самим надлежит погибнуть или коварно губить на основании подобия грамот, что и произошло с детьми Герода, сына Антипатра, по безумию Дориды, их родной сестры. Посмотрим только на то, что относится к Симватию. Скажи, по крайней мере, каким образом в этом дерзком деле я вошел в сношения с Симватием, какой дружбой к нему руководился я и какими корыстными целями? Какой цены донесение? Я муж первого ранга среди епископов, мог ли поднять на подобную дерзость человека, известного мне только по имени, едва только пытавшегося войти со мной в дружбу? Не по этой ли причине я воспользовался первым письмом? Или я уже так ошибся в расчете, что извещал в письмах о том, что с трудом передается из уст в уста, и это при таком пространственном расстоянии и в грамотах, запечатанных восковой

печатью, и через людей, знакомство с которыми не было испытано мной продолжительно и достоверно, и держание которых не было установлено опытом и временем? Почему же я мог преступно дерзнуть на получившего от бога царскую власть, в особенности когда он прилагает честь к нашей чести, за что мы в величайшей мере причислили его великое и боголюбивое деяние к церковному миру, выражая надежды на его долголетнюю власть, какое мнение живет в народе? А я поступил так вредно и пагубно в отношении его? Но кто и с какой целью пустился на подобные выдумки? Это дело безумцев и беспринципных монахов. Не осмеивали я их всяким смехом, не издевался ли всегда над ними, называя их апокалюптиариями (ἀποκαλυπτάρους)? Или, достигнув границы жизни, скатился я проклято до суетных дел и ложных безумных деяний? Что же и могло быть после этого? Непримируемая вражда произошла у нас, и мы безжалостно двинулись друг на друга. Что заставило этого Симватия, человека, одержимого гневом и страстью, пропустить такую нашу пагубу и не сообщить царю о приготовленной нами западне и гибели (О, сотрясающий землю и возмущающий небо!)? Он следит за домами других, так что ему было бы кстати открыть подобное и против нас. Или и волк отступил, разверзнув пасть, по поговорке. Но разве он, обсчитавшись, не дал против себя благоразумным следственным материалам в апологию, чтобы уличить в величайшей бессмыслице клевету на них? Дело идет о Николае Протоспафарии и Фоме Протоспафарии из Пелопоннесской Тегей, которых Симватий сюда послал под стражей; он возвел на них обвинение в том, что они строят козни против самого царя и диадемы. К ним присоединил он и славного поэта Хрисохоа. Итак, он не остерегся от такой столь ясной лжи обвинения. Действительно, если он взял ту представленную грамоту, чтобы приладить как бы другую руку Арсения, чего ему сделать? А откуда он мог взять, пусть скажет этот проклятый. По причине разврата он был сослан патриархом в Студийский монастырь под стражу, и известно ему, что он по моему настоянию испытал это. Он сочинил к царю грамоту против митрополита города Патр по поводу ограбления казенных денег, и был он, негодный, уличен в клевете. Если же и против меня он имел бы что-нибудь подобное, как бы он с величайшей готовностью не передал бы мою пагубу царю, если бы он этим располагал и если бы не сделал чего хуже? Но он не имел материалов, потому что не было еще изготовлено злодеяние добрыми братьями, позднее предоставленное ему. Пусть он скажет, откуда или когда или от кого это происходит. Оно происходит от Симватия и в то время, когда они

явные безумцы и безбожники, вошли между собой в соглашение сделать подобное злодеяние и вооружить таким образом при помощи того человека, у которого произошло в письме горячее раскаяние с жаркими слезами, чтобы добиться прощения достойных; таким образом безрассудно под влиянием злонамеренных людей поднял вражду против нас тот, кто так изливал свое сожаление в своих грамотах перед нами. Вот и доверие к тому, кто, с одной стороны, добивается от нас сострадания, а с другой — враждебно расположен, к нам, питает к нам такую вражду, что передает гибельные для нас книги. Если разумно, да обратят внимание, если же это обольщение неправдой, то все остальное в доносе принадлежит вам. Но я знаю, что этот негодяй, подстрекаемый безумцем, обхаживает и воодушевляет клеветников, чтобы иметь возможность представить свидетелей, которые будут показывать, согласно с подручным им Симватием, доложившим эту плястографию. Но что эти самые выдумки не ниже долографии, это отсюда можно узнать. Я скажу: узнайте-ка, когда Симватий доложил вам это письмецо, оставался ли он еще верным другом или склонялся к вражде к нам. Но если друг, он самый зловредный из всех. Что было у него в цене и оставалось до времени тайной, он благоразумно не разглашал, но во-время выступил, подняв тиранническую пыль несчастий. Если же вот вспыхнула ненависть, не было ли благоразумнее ему решить совершенно погубить нас: ни во что поставить вашу осведомленность, но к царю послать неопровержимые доказательства нашей гибели. Я же думаю, безрассудно из-за ваших выдумок нам бояться страха, где нет страха, по неразумию вашему. Разве только вот вопрос: по любви ли к нам Симватия или по вражде? Когда вы услышали, что он сочиняет грамоту с обвинением в тираннии, — а прошло столько времени — вы не отправили вора с поличным к царю, а придержали у себя неразобраным и неотмщенным судебное дело, как сообщники и единомышленники восставших против господа и самого Христа, и таким образом присуждены к тому, чтобы вас постигла справедливая кара за хорошее лжесвидетельство. Достоин ведь делатель платы своей, как по этому поводу бряцал на гусях блаженный Давид, говоря: в петлю, где они ее скрыли, попала их нога; и выступление его против бога да возместится на деле; по делам их рук, по моей молитве, воздай им, господи, и возмещение дай им, так как они с двух сторон слепы: на дела господни и на свои собственные, они разрушают, а не строят, давая плохой пример для жизни, не согласный с пророческой молитвой, несовместимый с воздействием движущего жизнь святого духа, призывающего к божественному послушанию.

ПРИМЕЧАНИЯ

- v. 2—3 Заметка схолиаста рукописи о теме Апологетика.
- v. 2 πλαστογραφία — подлог документа. Как термин πλαστογραφία сопоставляется с термином δολογραφία (v. 116), в котором разумеется и подчеркивается коварный умысел подлога.
- v. 4 τὸ ἀδόμενον вводит поговорочное выражение: ὑπὲρ ὑπονοίας φαντασιῶν.
- v. 5—7 Цитата из псалма 38, ст. 3.
- v. 7—8 τὸν οἶνον τῆς ἀκακίας τῷ ὕδατι κατηλεύτεον τῆς πανουργίας восходит к поговорочному выражению.
- v. 10—12 При этой фразе на поле рукописи: τὸ ἐξῆς οὕτως· ἀρκτέον δὲ ἡμῖν συναγαγεῖν κατὰ χαῖρόν Σωκράτη τῷ ἀπὸ τοῦ Σωφρονίσκου.
- v. 14 ἀρχιερέως рукоп.
- v. 21—24 Фраза апостола Павла, 2 Corinth., 12, 11.
- v. 33 τὸ θηρίον — гадина, т. е. зверь в приложении к змее; разумеется доносчик Симватий.
- v. 34 συμβόλαιον — заверенный документ при участии табулария (см. главу о табулариях в „Книге эпарха“). В данном случае речь идет о подложном завещании, ср. 49—51.
- v. 37 τὸ πρόστιμον-ζήμια, известно, как существительное, в данном месте πρόστιμος = наказанный. Судя по следующим строкам, Арефа говорит о самом себе, что он подвергся лишению сана; ὑπὸ σοφῇ κρίσει τῆς τοῦ θεοῦ κατάρχοντος ἐκκλησίας сказано с иронией — σοφῇ. Главой церкви в то время был патриарх Феофилакт.
- v. 43—44 ταῖς τινῶν ἀμαρτίαις μὴ κοινωνεῖν ἀνεχόμενοι одно из объяснений вражды духовенства, приводимое Арефой, дальше он называет себя ὑφῆγητής τούτων, т. е. τῶν ἐπαίνετῶν; истолкователем похвальных поступков; т. е. сознательный исполнитель похвальных поступков.
- v. 49 χρηματισμός — донесение.
- v. 50—54 Ценная характеристика нравов и судопроизводства в Византии в X в.
- v. 55 τῇ τοιαύτῃ μηχανουργίᾳ σπουδῇ cod. Mosq., lege τῇ τοιαύτῃ μηχανουργίᾳ σπουδῇ.
- v. 56 θυμοῦ δὲ δικαίου μεστός ὁ λόγος — гномическое выражение, приводится как пословица.
- v. 58—60 Пример из древности. О Герде Асколоните, см. Euseb. Hist. eccles., 1, 6, 2—3; 7, 11, о Дорице и об ее интригах Joseph. Ant. XIV, 300; Bell. I, 241, 432 ff., 451, 473, 568 f., 587, 590, 619. Δωρίδος τῆς ἀναδέλφου — чтение cod. Mosq.
- v. 61 θαρρέω, поднимать на дерзкое дело; в данном случае вовлечь в тираннический заговор.
- v. 63 τῷ μέχρις ὀνόματος μόνον γνωρίμῳ. Симватий был известен Арефе только по имени и еще только пытался войти с ним в дружеские сношения τῷ ἄρτι μοι πρὸς φίλιν τούτου καθίσταν ἐπιχειροῦμένῳ.
- v. 67 Послания Арефы были запечатаны восковой печатью διὰ γραμμάτων κυρτῶν κατὰ σφραγισμένων.
- v. 70—72 Арефа характеризует свои чувства к Роману: τιμὴν πρὸς τιμὴν ἡμῶν τούτου ἐνηργηκότων δι' αὐτὸ καὶ πρὸς τὴν ἐκκλησιαστικὴν εἰρήνην τὸ μέγα καὶ θεοφιλέστατον αὐτοῦ ἔργον τῷ πλείστῳ μέρει τούτῳ συνεβαλλόμεθα.

Он (Роман) прибавлял почесть к почести Арефы, „за что мы к церковному миру причислили его деяния“, — говорил Арефа. Связь почестей Арефы и церковного мира органическая. Под церковным миром разумеется тот факт, что в июле месяце 920 г. 8 индиктиона, в воскресный день по воле Романа совершилось единение церкви, было установлено согласие между митрополитами и кли-

риками, сторонниками, с одной стороны Николая, с другой, Евфимия (Theoph. Cont. I, VI, § 2. Ἰουλίῳ δὲ μηνὶ ἰνδικτιῶνος ἡ' ἡμέρᾳ κυριακῇ ἡ τῆς ἐκκλησίας παρὰ Ῥωμανοῦ γέγονεν ἑνωσις πάντων ἐνωθέντων μητροπολιτῶν τε καὶ κληρικῶν τῶν ἀπὸ Νικολάου πατριάρχου καὶ Εὐθυμίου διεχισμένων).

Карьера Арефы действительно зависела от этого события: он подвергался постоянным нападкам, как сторонник четвертого брака Льва VI и проповедник многобрачия. В приведенном тексте Апологетика имеется указание на прославление императора (συνεβαλλόμεθα) за его θεοφιλέστατον ἔργον. Интересно сопоставить: Московская рукопись № 162 (ff. 2—7) сохранила неопубликованное произведение Феофана архиепископа Кесарии Каппадокийской ἐξηγήσεις εἰς τὸ προοίμιον τοῦ κατὰ Λυχνὸν ἁγίου εὐαγγελίου καὶ εἰς τὴν σύλληψιν τοῦ ἁγίου Ἰωάννου Προδρόμου, в котором восхваляется тот же самый церковный мир. Праздник „зачатия“ приходился на 23 сентября, с июля по сентябрь могло уже практически восстановиться согласие между расколовшимся духовенством, так что на праздник „зачатия“ кстати было держать речь о церковном мире. Приводим начало толкования: «Χαίρετε ἐν κυρίῳ μετὰ τῆς θείας σάλπιγγος· ἐγὼ σήμερον, ἀδελφοί φθέγγομαι· χαίρετε πάντοτε· χαρὰς γὰρ ἡμετέρας κοινῆς· ἡ τῆς εἰρήνης ἐφέστηκεν ἡμέρα, ἐν ᾗ πᾶσα μὲν ἔχθρα τῆς ἐκκλησίας, πᾶσα δὲ μικροψυχία ἐβλήλαται, πᾶσα δὲ χαρὰ καὶ εὐφροσύνη τῇ πνευματικῇ ἀγάπῃ συνεισελήλυθεν· ἐπεὶ χριστὸς τῇ (cod. ἡ) εἰρήνῃ ἡμῶν εἰργάσατο τὰ ἀμφοτέρωθεν· διὸ καὶ τῶν οἰκείων ἡδὴ υπεράλλομαι ὄρων καὶ χάριν ὁμολογῶ τοῖς τὴν εἰρήνην ἡμῖν μαχύσασιν λόγοις».

(„Радуйтесь в госпде с божественным трубным гласом. Я сегодня, братие, возглашаю: радуйтесь всячески, ибо обща наша радость; наступил день мира, когда изгнана всякая вражда из церкви, всякая низость; всякая радость и ликование сомкнулись в духовной любви, так как Христос миром привел к единству ту и другую нашу партию; поэтому и я вот возвышаюсь над границами моих личных дел и благодарность согласую со словами, повившими у нас мир“. Эта речь могла принадлежать только участнику раскола, лично заинтересованному в мире (ἔχθρα μικροψυχία, ἀμφοτέρωθεν ἡμῶν и особенно τῶν οἰκείων ἡδὴ υπεράλλομαι ὅρος слова) и очень подходила бы к Арефе. Вместе с тем мы знаем, что Арефа при Романе занимал положение архиепископа Кесарии Каппадокийской. В вводной части были уже приведены основания для отождествления имен Феофана и Арефы: Феофан — это имя Арефы в монашестве. Все данные у нас поэтому — считать ἐξηγήσεις произведением самого Арефы. Способом согласования имен Феофана и Арефы объясняется, почему имени Арефы нет у историков, хотя он был очень видным политическим деятелем, но есть имя Феофана. Этим же согласованием имен объясняется и то, что у разнообразных произведений Арефы церковного содержания почти ничего не сохранилось под его именем. Произведения Арефы нужно искать также и под именем Феофана, архиепископа Кесарийского.

v. 76 Объяснение вражды между Арефой и монахами (μοναχῶν ἀσπρίκτων). Вражда эта была до такой степени ожесточенная и упорная, что Арефа дал им особое прозвище, как бы боевую кличку против монахов ἀποκαλυπτάρια. О напряжении вражды говорит выражение v. 111 ἔχθρας ἀσπόνδου ἡμῖν μεσιτεύσας.

v. 79 Симватий занимался доносами τὰς ἐτέρων ἀνεργυνόμενος δόξιας. Арефа упоминает имена пострадавших от Симватия: протоспафарии Николай и Фома, поэт Χρυσόχοος митрополит г. Патр.

v. 84 λυχνος ἀπῆλθε χανών — поговорочное выражение, взятое из басни.

v. 87 λῆρος — любимое выражение Арефы, обозначающее предельное безумие; это слово он, между прочим, прилагает к учению Юлиана Отступника и Эпикура.

v. 92—93 ὡς ἄλλην Ἀρσένιου χεῖρα, — воспоминание об Арсении, участнике заговора против

Романа Лакапена в первые годы правления Романа. См. у продолжателя Феофана (I. VI, 3): ἐμνηύθη γὰρ παρὰ Λέοντος ἀνθρώπου τοῦ Ἀρσενίου ἢ αὐτοῦ Ἀρσενίου ἐπιβολὴ καὶ Παῦλον μαγγλαβίτου· οἱ τυφθέντες καὶ δημευθέντες ἐξωρίσθησαν.

- v. 95 Студийский монастырь служил местом ссылки преимущественно духовных лиц.
- v. 97—98 ἐπὶ χρημάτων συλήσει δημοσίων — нужно понимать так, что συλήσεις χρημάτων δημοσίων было содержанием доноса.
- v. 105—106 Нужно понимать так, что Симватий после, вероятно, заточения в Студийском монастыре вымаливал в письмах прощения у высших церковных лиц — и в частности у Арефы.
- v. 113 ἐμβροντήσια — собственно „поверженность громом“; как термин] безумия у Арефы также в приложении к безбожникам.
- v. 115 τὸ πλαστογράφημα ἀνεγνωστόν — технический термин доноса.
- v. 120 ἃ πρὸς τιμῆς αὐτοῦ καὶ ἀπόρητα μενόντα — прикрываясь личиной дружбы, Симватий собирал материалы против Арефы и до времени не разглашал их.
- v. 120 При этом тексте на поле рукописи Ση-σημεῖον — знак внимания к этому месту Апологетика византийских читателей.
- v. 121 После χοινοτόν в рукоп. ἰσ' αὐτῷ = ἴσον αὐτῷ, т. е. в той копии текста, которая воспроизводилась переписчиком, в этом месте значилось αὐτῷ. Переписчик, устраняя это слово из текста, как ненужное, пометил ἴσον; такого рода исправления переписчик Московской рукописи обычно делает на полях.
- v. 125—126 φοβεῖν φόβον — поговорочное выражение.
- v. 128 ὑπαλείπειν — как термин клеветы, вполне соответствует нашему „примазывать“.
- v. 129—130 ἀνεκλάλητον οὐκ ἀτιμώρητον δίχαιον — Арефа хотел бы царского суда, а не простого решения церкви: дело не было разобрано и осталось без отмщения клеветникам.

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ

Б. Т. ГОРЯНОВ

ПЕРВАЯ ГОМИЛИЯ ГРИГОРИЯ ПАЛАМЫ, КАК ИСТОЧНИК К ИСТОРИИ ВОССТАНИЯ ЗИЛОТОВ

При изучении истории революционного движения зилотов в Фессалонике (1342—1349) исследователи¹ не принимали во внимание гомилий Григория Паламы; между тем первая из гомилий имеет прямое отношение к этому движению и дает новые материалы для его изучения.

Новую редакцию первой гомилии дает почти современная событиям рукопись 69 Гос. московского исторического музея (по каталогу Владимира № 212, Matthaei, LXX), которая содержит 65 гомилий Григория Паламы.² Поэтому мы даем палеографический и стилистический анализ текста Московской рукописи 69.

В этой рукописи имеется одна гомилия, которая встречается и в иерусалимском издании и у Migne. Однако внимательное изучение этой рукописи показало нам, что в обоих названных изданиях имели дело с другой рукописью, а настоящая рукопись нигде не принималась во внимание издателями.

Codex № 69 бум., 29.8 см. × 22 см. после письма 21 см. × 14.8 см в два столбца, 308 листов. Рукопись привезена Арсением Суха-

¹ O. Tafrali. Thessalonique au XIV siècle, Paris, 1913; Ch. Diehl. Les journées revolutionnaires byzantines. La revue de Paris, 1. XI, 1928; Г. Кордатов. Ἡ κομμουνία τῆς Θεσσαλονίκης, Ἀθήναι, 1928.

² Эти гомилии неоднократно издавались, 10 гомилий были изданы Matthaei в Москве в 1776 г. 41 гомилия появилась в Иерусалиме в 1857 г. [Наконец, 43 гомилии изданы у Migne, Patr. gr. 151, col 9—549, воспроизводящие 41 гомилию по иерусалимскому изданию. Издания первой гомилии Паламы как 1857 г., так и у Migne дают другую редакцию текста по сравнению с Московской рукописью 69.

новым из Афонского монастыря, имеет его пометки и надпись, внизу на первом листе: τῶν κατηχομενέων τῆς ἐκτὸς Λαύρας τοῦ ἁγίου Ἀθανασίου (из лавры Афанасия).¹

Нас интересует здесь первая гомилия Григория Паламы, так как она произнесена вскоре после подавления революционного движения зилотов и по своему содержанию имеет прямое отношение к этому движению.

Рукопись 69 имеет особый интерес потому, что она является современницей этого события. Matthaei и Владимир определяли эту рукопись относящейся к XV в. Между тем рукопись должна быть датирована третьей четвертью XIV в. по следующим основаниям.

Письмо рукописи характерно освобождением букв от власти строки, отмечено чрезвычайно большими круглыми буквами наряду с обычным строчным письмом. Этот тип письма вообще датируется второй половиной XIV в. Школа письма была сравнена нами с образцами, приведенными у Н. Омонт.² Школа письма в рукописи 69 соответствует Парижской рукописи 2915 на табл. 90 (1364 г., Евстафий); рукописи 1585 (1369 г.), на табл. 96 — Геродот. Все эти рукописи дают в общем одну и ту же школу письма с Московской рукописью 69, но наибольшую близость представляет табл. 96, что дает основание предполагать, что Московская рукопись 69 написана около 1372 г.

Школа письма табл. 96 соответствует Московской рукописи 69. В таблице α унциального типа Δ, но чаще дается в обычном начертании α. В рукописи 69 даются те же формы α, может быть с преобладанием унциального типа. δ дается в двух видах — унциальном и строчном, причем во вполне одинаковом начертании и в таблице и в рукописи 69. ε — унциального типа — узкое с выдающимся язычком и в таблице и в рукописи 69. β в таблице с непомерно развитой и выдающейся нижней петлей³ преобладает, в рукописи 69 мы встречаем строчную β обычного типа и чаще позднюю ее форму с непомерным развитием двух петель. θ унциаль-

¹ В начале рукописи дается оглавление гомилий. На f. 4 сколия (πρὸ εἰσὶν οἱ λέγοντες ἐν ἅν ἀρχόντε καὶ ἁγίστῳ — ὡς δὲ καὶ πρὸ τῶν χτισμάτων ὄντα, ἁγίστα δ' ἐστίν). За этой сколией следует другая сколия (τί οὖν ἄρα ἡ οὐσία τοῦ ἁγίου πνεύματος ἵστί — τῆς τῶν εὐσεβῶν κοινωνίας ἐκβάλλομεν). Кроме того, на f. 305 имеется оглавление 12 слов к Афанасию, архиепископу Кизика, против Варлаама и Акиндина. Первое из этих слов занимает передние листы рукописи. Начало текста: πυνθάνη περὶ τῶν Ἀκινδύνου σὺν γραμμάτων κατὰ τοῦ φῶτος... Текст обрывается на словах ἀλλὰ πάντες οἱ τηνικῶτα πεπιστευότες· εἰ δὲ κατὰ τὸ ἐπ' ἐκ... Отсюда видно, что рукопись сохранилась не целиком.

² Henri Oumont. Facsimilés des manuscrits grecs datés de la bibliothèque nationale du IX au XVI siècle. Paris, 1891.

ного типа и в таблице и в рукописи, но в рукописи 69 несколько сужены. η в обеих рукописях унциальная, очень узенькая и маленькая. φ, υ, ο и ω очень широки как в таблице, так и в рукописи 69. μ и тут и там ползущее по строке. Лигатура ε одинакового типа и представляет собою прямую линию с кружком в левой стороне. Лигатуры στ и εω одного типа (5 и 8).

К такому же заключению мы приходим и при сравнении рукописи 69 с другими указанными таблицами.

По материалу определяющим моментом служит водяной знак. В рукописи 69 водяным знаком служит ключ такого типа, какой зарегистрирован Н. П. Лихачевым¹ под № 485 и 486.

Эти знаки извлечены из рукописи: — акты № 147 1345 г. и рукописи Публичной библиотеки, Лат., XVII, 1342 г. Разница во времени между палеографическими данными и датировкой бумаги объясняется тем, что бумага могла не сразу быть пущена в употребление.

Таким образом, и по палеографическим данным и по материалу мы можем датировать рукопись 69 третьей четвертью XIV в.

Приведем ряд примеров разночтений, из которых видно, что Московская рукопись 69 не служила основанием при изданиях иерусалимском и у Migne.

- В, 2 ἀπαγγείλατε] εἶπατε
 p. II A, 10 ἐπὶ πάντας, καὶ διὰ πάντας] ἐπὶ πάντων καὶ διὰ πάντων
 27—28 τὰ κατ'αὐτὴν περίστασθαι] περίστασθαι τὰ κατ'αὐτὴν
 В, 2 ἀπήλαυσε πολλῶν ἀγαθῶν] ἀγαθῶν ἀπήλαυσε πολλῶν
 7 ὑποπεσόντων] ὑποπτῶντων
 III A 13 τὸ πάθος παραστήσω] παραστήσω τὸ πάθος
 26 ἐμφύλιος στάσις] ἡ ἐμφύλιος στάσις
 В, 16 ποιήν пропущено и написано сверху
 25 ὑμῶν] ὑμῖν
 IV A 8 ὑμῶν] ἡμῶν
 11 ἰδίους] οἰκείους
 25 ἀνθρώποις εὐδοκία] ommittit
 30 καὶ ἐν τούτῳ] καὶ πάσι καὶ ἐν τούτῳ
 В 2 φησὶν, ἴνα] φησὶν πατὴρ, ἴνα
 16 τοῖς συγγράμμασι] συγγράμμασι

Разночтений можно было бы привести гораздо больше, но и приведенных достаточно, чтобы доказать, что в рукописи 69 мы имеем дело с другой, более ранней редакцией, не принимавшейся во

¹ Н. П. Лихачев. Палеографическое значение бумажных водяных знаков, СПб., 1899.

внимание при вышеназванных изданиях. В частности, более ранняя редакция текста подтверждается также менее точными библейскими цитатами, сверенными в более поздних рукописях. Разночтения объясняются иногда умышленным умолчанием, как, например, в упущении *ἀνθρώποις εὐδοκία* и др.

Григорий Палама родился в 1296 г. Мы встречаем его сначала при дворе, откуда он отправляется на Афон. Здесь он изучил учение исихастов и в течение долгого времени руководил борьбой против Варлаама и Акиндина. Он стоял во главе монашеского движения, опираясь на Афон и зависимые от него монастыри на Балканском полуострове. Как отмечает академик Ф. И. Успенский, его имя пользовалось большим авторитетом среди секты богомилов¹. Партия Паламы получила преобладание тогда, когда Иоанн Кантакузин решил воспользоваться влиянием Паламы для укрепления своей власти.² В 1349 г., по настоянию Иоанна Кантакузина, константинопольский патриарх Исидор назначил Григория Паламу архиепископом Фессалоники. Однако зилоты, которые еще находились у власти, не приняли Паламу, и ему пришлось вернуться обратно.³ Он попал в Фессалоники только после подавления восстания зилотов и на третий день своего пребывания там произнес интересующую нас гомилию „о взаимном мире“. Хотя Палама не упоминает в гомилии названия зилотов, но содержание гомилии ясно показывает, что речь идет именно об этом движении. Да это и понятно: название „зилоты“ было знаменем для широкого народного движения, и Палама не хотел называть их по имени, которое еще было слишком свежо в памяти народных масс.

Классовая сущность гомилии ясна. Палама выступал как представитель центральной власти, опиравшейся на верхушку знати. Назначение речи — закрепить успехи правительства в подавлении движения зилотов. Этим объясняется и осторожность всей речи. Эта гомилия — первое выступление Паламы в Фессалониках — является как бы изложением *credo*, оправдывающего перед центральной властью его назначение. Интересно построение речи. Палама долго говорит о христианских чувствах, о всеобщем братстве во Христе и лишь затем переходит к самим событиям.

Полное название гомилии следующее: *Περὶ τῆς πρὸς ἀλλήλους εἰρήνης. Ῥηθεῖσα, μετὰ τρίτην ἡμέραν τῆς πρὸς Θεσσαλονίκην ἐπιδημίας.*

¹ Ф. Успенский. Очерки по истории византийской образованности. СПб., 1892, стр. 366.

² Там же, стр. 249.

³ Nic. Greg., XV, 12³, ed. Bonn, p. 793.

(Об общем замирении. Произнесена спустя три дня по прибытии в Фессалонику).

Мы приведем из этой гомилии место, которое имеет отношение к движению, подавленному незадолго до выступления Паламы.

Ἀλλὰ τὸ πρὸς ἀλλήλους μῖσος ἐπεισελθὼν τῇ συνεργείᾳ τοῦ πονηροῦ, καὶ τὴν ἀγάπην ἐξῶσαν, μᾶλλον δὲ οὐχ ἅπασι, ἀλλὰ καὶ πολλάκις ἐπεισερχόμενον, καὶ τὴν δι' ἀγάπης πρὸς ἀλλήλους τε καὶ πρὸς Θεὸν ἔνωσιν ἡμῶν διαλύον, οὐ μόνον ἀπ' ἀλλήλων παραλύει τὰ κοινὰ τῆς πόλεως μέλη, καὶ οἷον πάρετον αὐτὴν ἀπεργάζεται, ἀλλὰ καὶ εἰς πολεμίους, ἀντικαταστήσαν ταῦτα μερίδας ἐμφύλιος στάσεις κινεῖ, καὶ συγχύσεις καὶ ταραχὰς ἀνηέστους, καὶ τοὺς ὁμοφύλους ἀντιπάλους κατασκευάσαν σχῆμα πόλεως, ὑπ' ἐχθρῶν ἀλούσης τῇ καθ' ἡμᾶς ταύτῃ περιτίθησι πόλει, αὐτὴν ἐφ' ἑαυτὴν ἐλεεινῶς ἐγείρον, καὶ ἀντετίβουλον καὶ πολεμίαν ἑαυτοῖς ἐργαζόμενον· ὥς ὑπὸ τῆς ἀλιτηριώδους στάσεως ταύτης εἰς αἰνιγμα τὰ κατ' αὐτὴν περιστασθαι. Τίνες, γάρ οἱ τὴν πόλιν ἐπιτρέχοντες, ἔσθ' ὅτε καὶ τοὺς οἰκοὺς καταστρέφοντες, καὶ τὰ ἐν τοῖς οἴκοις διαρπάζοντες, καὶ σὺν πολλῇ μανίᾳ τοὺς τῶν οἰκῶν δεσπότας ῥινηλατοῦντες, καὶ κατ' αὐτῶν φωνῶντες ἀνηλεῶς τε καὶ ἀπανθρώπως; ἄρ' οὐχ οἱ τὴν πόλιν οἰκοῦντες ταύτην; Τίνες καθ' ὧν ἡ τηλικαύτη μανία καὶ βοή καὶ ὀρμή καὶ καταδρομή; οὐχὶ καὶ οὗτοι πάλιν οἱ τὴν πόλιν οἰκοῦντες ταύτην, ἔστι δ' ὅτε καὶ παρ' ὧν ἀπῆλause πολλῶν ἀγαθῶν; Ὡ τοῦ πάθους! βαβαὶ τοῦ μεγέθους τῆς ἀθλιότητος! Αὐτὴ ἑαυτὴν πολεμεῖ, αὐτὴ ὑφ' ἑαυτῆς πολεμεῖται, πόσιν οἰκείους ἐλάνεται, χερσὶν οἰκείαις κατακροτεῖται, φωναῖς οἰκείαις κατακροτεῖται, τῶν ἐν αὐτῇ κραιπνῶν ὑποπεσόντων καὶ τοῦ

Но ненависть, пришедшая к нам содействием лукавого, и не однажды, а многократно приходящая и нарушающая наше единство, состоящее из любви к богу и друг к другу, не только разделяет общие члены этого города, но производит также враждебные междоусобия, неизлечимые смуты и мятежи, делает единоплеменников противниками, и этому нашему городу придает вид города, захваченного врагами, наталкивая его на самого себя, уговаривая и вооружая против себя же, так что при таком вредном состоянии все становится загадочным.

Ибо кто бежит по этому городу, разбивает дома, расхищает в домах имущество и с бешенством водит за нос хозяев и кричит на них безжалостно и бесчеловечно? Не те ли, которые живут здесь? Кто те люди, против которых бесятся, кричат и устремляются с тем, чтобы их погубить. И они не те ли, которые населяют этот город, и от которых они получили много добра? Какое страдание! Какое большое бедствие! Город сам с собою воюет, сам себя поражает, своими ногами швыряется, своими руками подкапывается, своими криками оглушается, после того, как

βαναύσου καὶ χείρονος κακῶς κατάρ-
 40 χοντος μέρους. Ἀρ' οὐχὶ καὶ τῆς νόσου
 τῶν ἀναγεγραμμένων ἐν τῷ Εὐαγγελίῳ
 παραλύτων ἐκείνων ἡ συμβαίνειν ὑμῖν
 εἰδισμένη νόσος αὕτη πολλῶ χείρων
 45 ἐστὶ, καὶ ὅσον ἀργίας ἢ κακουργίας
 πολλῶ.

В конце гомилии Палама, после этой характеристики движения, в которой мы находим указание и на избиение динатов Фессалоники в 1345 г., и на захват власти зилотами, переходит к проповеди классового мира, призывает население Фессалоники вернуться на путь евангелия, восстановить постоянное взаимное единодушие (ἐν ὑμῶν ἀειθαλὴς εἶη καὶ διενεχὴς ἡ πρὸς ἀλλήλους ὁμόνοια).

Приведя ряд примеров из евангелия, Палама снова возвращается к причинам борьбы, которая происходила в Фессалонике.

Οὕτως ἐκ τῆς ἀμαρτίας ἐμφύλιος
 στάσις καὶ σύγχυσις ἡμῖν ἐπιγίγνεται,
 κακίας ἅπαν εἶδος ἐπαγομένη, καὶ τὸν
 ἀρχηγὸν τῆς κακίας τοῖς στασιάρχοις
 καὶ στασιασταῖς ἐνομιζουσα, ὅς εἰς
 θηρία μετασκευάζει.

Так из гражданского несогла-
 сия происходит восстание, при-
 нося с собою всякого рода зло,
 принося начала раздоров, созда-
 вая восставших и главарей вос-
 стания и превращая их в зверей.

Гомилия заканчивается повторением призыва к прекращению розни и водворению мира между всеми гражданами.

Таким образом, эта уникальная рукопись дает новые материалы для изучения истории революционного движения зилотов. Вместе с тем, это указывает на необходимость тщательных поисков в наших рукописных фондах, среди которых могут найтись еще ценные материалы как для истории этого движения, так и вообще для изучения истории Византийской империи.

М. Я. СЮЗЮМОВ

О ЗАПРЕТЕ НАКОПЛЕНИЯ НАЛИЧНЫМИ ДЕНЬГАМИ В ВИЗАНТИИ

В „Книге эпарха“ имеется запрещение, вызывающее недоуме-
 ние. В уставе ткачей полотен говорится:¹ § 5. Οἱ ὀθωνιοπράται μὴ
 θησαυρίζεωσαν τὰ νομίσματα εἰς καιρὸν ἐνδεΐας, ἀλλὰ τοῖς τραπέζιταις,
 ταῦτα διδόντων (Пусть отониопраты не копят на время нужды
 монеты, но пусть сдают их трапезитам).

В уставе торговцев благовониями говорится: § 6... Τραχύνων
 τοῖς τραπέζιταις, τὴν ἐκείνων ἐπιστήμην ὥσαντι ἰδιοποιούμενος, — τῇ προεξημένῃ
 ὑποκείσθω εὐδύνη (Тот, кто производит некоторые операции с накоп-
 ленными монетами, но не сдает их трапезитам, присваивая таким
 образом функции трапезитов, подлежит вышеназванному наказанию).

Как понимать эти запреты?

Миквиц понимает эти пункты как запрещение накоплений
 в звонкой монете вообще.² Миквиц совершенно резонно считает
 этот запрет странным для раннего средневековья, когда накопле-
 ние могло производиться именно в форме сохранения монеты. Тем
 не менее он считает, что данный запрет действительно имел место
 в Византии, и связывает требование сдавать деньги трапезитам
 с введением Никифором Фокой в обращение новой неполноценной
 монеты „тетартерон“.

Разумеется, подобный запрет копить старую, полноценную
 монету и требование сдавать ее „банкаирам“ — трапезитам, понятен.
 Но дело в том, что в условиях „Книги эпарха“ запрет копить
 νομίσματα и требование сдавать νομίσματα трапезитам, с одной стороны,
 и запреты, связанные с введением неполноценной монеты „тетар-
 терон“ — совсем различные запреты; законодатель их не смешивает;

¹ Ἐπαρχικὸν βιβλίον, ed. Nicol., IX, 5 и X, 4.

² Mickwitz. Die Organisation zweier byzantinischen Gewerbe. B. Z., 1936, 1.

оба запрета фигурируют рядом (IX, 5; X, 4). Очевидно, что в данном случае мы имеем дело с дополнительным запретом, не связанным с требованием приема неполноценной монеты.

Далее Миквиц считает, что требованием сдавать деньги трапезитам император Никифор Фока сознательно желал укрепить банки, вводя принудительное хранение сбережений у трапезитов. Возможно, говорит Миквиц, что Никифор при введении „тетартерон“ заимствовал у банкиров крупную сумму денег и, чтобы сохранить деятельность банков, озаботился о принудительном притоке капиталов в кассы банков.

Можно ли предполагать подобную зрелость банковского дела у византийских трапезитов X в., чтобы допускать возможность принудительного хранения капиталов в банках? Источники не дают оснований переносить сравнительно высокий уровень банковского дела в позднеимперской империи и в юстиниановской Византии на трапезитов IX—X в. Статьи „Книги эпарха“, касающиеся трапезитов, свидетельствуют о том, что законодательство стремилось ограничить функции трапезита деятельностью простого менялы.

§ 1 требует, чтобы трапезит сам лично сидел за столом и не поручал вести операции доверенным лицам.

§ 4 устанавливает, что трапезит имеет право содержать при себе только двух прислужников, которые должны помогать ему в разборе и подсчете монет и за которых трапезит должен ручаться.

§ 6 запрещает трапезитам посылать своих прислужников на сторону, передавая свои счета и деньги, т. е. мы имеем дело с категорическим запретом для трапезитов иметь свои филиалы и своих агентов.

Эти пункты ясно показывают, что ни о каких широких банковых операциях у трапезитов IX—X в. не может быть и речи. Необходимо, следовательно, видеть в запрете хранения монет иной смысл.

Вышеприведенное толкование пунктов запрета основано на расширительном понимании слова *νομίσια* (*nummos*). Миквиц переводит слово *νομίσια* общим понятием „Geld“ (*Geld zu thesaurieren*) и „Münzen“ (*Münzen sammeln*).

Однако *νομίσια* на языке VIII—X вв. означает не деньги вообще, а мелкую медную монету (см. И. И. Толстой. „Византийские монеты“, где дается изображение медных *νομίσια*; в византийской агиографии VIII—X вв. *νομίσια* — *λέπτα*, т. е. мелкая разменная монета).¹

¹ Византийский Временник, т. IV, стр. 390. Стоимость *νομίσια* по Острогорскому — 5. 33 зол. сантим., т. е. около 2 коп. (В. З., 1932, стр. 295).

Кроме того, нельзя обходить значение слова *ἐνδεΐας* переводя выражение *εἰς χεῖρὸν ἐνδεΐας*, как накопление вообще, так сказать, на „черный день“, на случай нужды. Словом *ἐνδεΐας* обозначается недостаток в чем-либо. В „Книге эпарха“ выражение *εἰς χεῖρὸν ἐνδεΐας* встречается несколько раз, причем всегда в значении „товарного голода“, — недостатка на рынке в мясе, свечах и т. д.¹ В значении нужды вообще, бедности, это слово не встречается. Следовательно, в данном случае при переводе выражения *εἰς χεῖρὸν ἐνδεΐας* необходимо добавить — в чем именно ощущается *ἐνδεΐα*? Очевидно, необходимо поставить слово *ἐνδεΐα* в связь с *νομίσια*. Но этим перевод запрета приобретает совершенно иной смысл: запрещается накапливать мелкую разменную монету в ожидании общего недостатка на рынке в разменной монете, чтобы затем спекулировать мелочью при размене. Этот запрет совершенно понятен. Известно, как часто восточные рынки страдают от недостатка разменной монеты, с каким трудом, иногда за большую сумму, приходится менять крупную монету. Вполне понятны также слова „присваивая, таким образом, функции трапезитов“, так как размен монеты — основная деятельность трапезита-менялы. Ноясен перевод слова *τραχύνω*. Собственно *τραχύνω* — делать неровным. В данном случае, полагая, следует перевести „сделать нуммий неровным в обмене“, т. е. „разменивать монету с необычайно высоким лажем“, вообще, — спекулировать при размене.

Таким образом, „Книга эпарха“ требует, чтобы разменная монета сдавалась трапезитам, чтобы размен денег являлся функцией исключительно трапезитов. Никакого принуждения хранить капиталы в банках в „Книге эпарха“ нет.

¹ „Книга эпарха“, XI, 3; XIII, 4; XIV, 5.

БИБЛИОГРАФИЯ

BIBLIOGRAPHIA USPENSKIANA

1. ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ТРУДОВ¹

А. Труды, составленные и опубликованные Ф. И. Успенским

1. *Первые славянские монархии на северо-западе*. СПб. Слав. благотвор. ком-т, 1872, XI, 266 стр.

Посвящено памяти А. Ф. Гильфердинга (1831—1872), председателя СПб. слав. благотвор. ком-та.

На собрании упомянутого Комитета 7 февраля 1871 г. было постановлено, согласно отзыву проф. К. Н. Бестужева-Рюмина, удостоить сочинение Ф. И. Успенского денежной премии (300 р.) имени Кирилла и Мефодия и напечатать его¹ на средства Комитета.

Рецензии: 1) Бестужев-Рюмин, К. Н. в газете Голос, СПб. 1871, № 53 (отчет о заседании 7 февр. 1871. СПб. к-та слав. благотвор. о-ва). Позднее перепечатано без изменений в сборнике. Первые 15 лет существования СПб. слав. благотвор. о-ва, СПб. 1883, стр. 147—149. 2) Леонтович, Ф. И. ЖМНП, 1876, № 2, стр. 427—444. В примечании объявлено, что редакция ЖМНП занимает нейтральную позицию по отношению к взглядам автора и высказываниям рецензента. 3) Волынские епархиальные ведомости, 1876, № 5, стр. 121—127. (Мнение учебн. ком-та при Св. синоде).

¹ Сокращения: Византийский временник — ВизВ. 2) Журнал министерства народного просвещения — ЖМНП. 3) Записки имп. Новороссийского университета — ЗНУ. 4) Записки Одесского общества истории и древностей — ЗОО. 5) История Византийской империи — ИВИ. 6) Известия Русского археологического института в Константинополе — ИРАИК. 7) Летопись Историко-филологического общества при Новороссийском университете — ЛИФО. 8) Archiv für slavische Philologie — Archiv. 9) Byzantinische Zeitschrift — ByzZ. 10) Горянов, Б. Т. Ф. И. Успенский и его значение в византиноведении (II, № 56, 1947) — Горянов, Б. Т. Римская цифра II перед порядковым № в ссылках означает список второй — Литература о Ф. И. Успенском (стр. 307—313).

4) Русская старина, 1873, № 9 (заметка на обложке). 5) Russische Revue, СПб. 1873, № 1, стр. 84—85.

Характеристику настоящей работы см.: 1) Поппруженко, М. Г. Сорокалетие ученой деятельности Ф. И. Успенского (II, № 7, 1911, стр. 3—4). 2) Бузескул, В. П. Общий очерк... (II, № 34, 1929, стр. 29).

2. Болеслав. *Русский энциклопедический словарь*, отд. I, т. 4, СПб. Изд. Березина, 1874, стр. 104—107. Подпись: Усп.

3. *Византийский писатель Никита Акоминат из Хон*. СПб., 1874, VI, 219 стр. Издано по определению Историко-филологического факультета СПб. ун-та от 30 мая 1874 г.

Диссертация на ученую степень магистра всеобщей истории, защищенная на публичном диспуте в СПб. ун-те 1 сентября 1874 г.

См.: [Краткая заметка о диспуте Ф. И. Успенского] Биржевые ведомости, 1874, № 239. Отзывы оппонентов, Г. С. Дестуниса и В. Г. Васильевского не напечатаны. Рукопись последнего отзыва находилась (в 1911 г.) в архивных документах Новороссийского ун-та (см. Поппруженко, М. Г. Сорокалетие ученой деятельности Ф. И. Успенского, II, № 7, 1911, стр. 4—5, сноска).

Характеристику настоящего исследования см.: 1) Бузескул, В. П. Общий очерк... (II, № 34, 1929, стр. 30—31). Горянов, Б. Т... стр. 74—75.

4. *Значение византийских занятий в изучении средневековой истории*. ЗНУ, 1875, т. 16, стр. 1—18.

Вступительная лекция, прочитанная в 1875 г. на Историко-филологическом факультете Новороссийского ун-та.

Характеристику лекции см.: Бузескул, В. П. Общий очерк... (II, № 34, 1929, стр. 31—32).

5. *Отчет о занятиях в течение минувшего полугодия (май—октябрь 1876) заграничной командировки*. ЗНУ, 1877, т. 22, стр. 157—174.

6. *О рукописях „Истории“ Никиты Акомината в Парижской национальной библиотеке*. ЖМНП, 1877, № 11, стр. 64—79.

Извлечение из отчета, представленного в Департамент народного просвещения о научной командировке за границу в 1876—1878 гг.

7. *Une page d'histoire byzantine*. Revue historique, Paris, 1878, t. 6, № 1, p. 100—106.

8. *О некоторых славянских и по-славянски писанных рукописях, хранящихся в Лондоне и Оксфорде*. ЖМНП, 1878, № 9, стр. 1—21; № 11, стр. 63—94.

Статья посвящена В. И. Ламанскому и написана автором в Париже во время заграничной командировки.

9. *Образование второго Болгарского царства*. ЗНУ, 1879, т. 27, стр. 97—448. Изд. отдельно: Одесса, 1879, II, 256, 91 стр.

[1] Состояние Болгарии под византийским господством (1018—1185), стр. 1—73; 2) Борьба за независимость (1185—1208), стр. 74—256. Приложения: Тексты рукописных документов восьми категорий (стр. I—78, отдельн. пагинац.); указатель собственных имен, составленный Р. Э. Заузе (стр. 79—91.)

Диссертация на ученую степень доктора всеобщей истории, защищенная 15 апреля 1879 г. на публичном диспуте в СПб. ун-те. О диспуте см.: Новое время, 1879, № 1125 (18 апреля).

Книга удостоена 25 сентября 1880 г. Акад. Наук премии имени гр. Уварова, согласно отзыву М. С. Дринова.

Рецензии: 1) Васильевский, В. Г. ЖМНП, 1879, № 7, стр. 144—217; № 8, стр. 318—348. См. также Wasiljevski, W. G. Wer hat das Bulgarische Reich begründet. Deutsch bearbeitet von V. Jagič. Archiv... 1880, B. 4, S. 627—637. (Перевод отрывка рецензии В. Г. Васильевского, стр. 173—182, с кратким предисловием В. Ягича). 2) Венгеров, С. Слово. С. 6. 1879, № 9, стр. 116—117. 3) Дринов, М. С. Записки имп. Акад. Наук, т. 39, 1881. Приложение № 8. Отчет о 23 присуждении наград гр. Уварова, стр. 84—113. То же в сокращенном изложении напечатано в отчете, прочитанном председателем Комиссии по присуждению наград гр. Уварова, К. С. Веселозским, 25 сентября 1880 г. на общем собрании Акад. Наук — там же, стр. 13—16. Перепечатано без изменений в ЖМНП, 1880, № 12, стр. 13—15 (Современная летопись. Отчет о 23-м присуждении наград гр. Уварова). 4) К. Г. Критическое обозрение, 1879, № 10, стр. 41—43. 5) Российская библиография, 1879, № 27, стр. 166. 6) [Пыпин, А. Н.] Вестн. Европы, 1879, № 10, стр. 770—779. 7) Jagič, V. Archiv..., 1880 B. 4, S. 170—172. 8) Martinov, I. Revue des questions historiques, 1879, № 7, p. 268—269.

Характеристику настоящей работы см.: 1) Попруженко, М. Г. Сорокалетие ученой деятельности Ф. И. Успенского (II, № 7, 1911, стр. 9—11). 2) Бузескул, В. П. Общий очерк... II, 34, 1929, стр. 34—36. 3) Горянов, Б. Т... стр. 48—51.

— 10. *Неизданные речи и письма Михаила Акомината*, ЖМНП, 1879, № 1, стр. 112—130; № 2, стр. 367—396.

11. *Мелик Гази и Дзул-Нун Данишменды*, ЗОО, 1879, т. XI, стр. 229—268 (III. История).

Заметка: Jagič, V. Archiv..., 1880, B. 4, S. 545—546.

Характеристику настоящего исследования см.: Попруженко, М. Г. Сорокалетие ученой деятельности Ф. И. Успенского (II, № 7, 1911, стр. 12).

12. [Предложение об избрании магистра В. Н. Пирогова доцентом всеобщей истории Историко-филологического ф-та Новороссийского ун-та]. ЗНУ, 1880, т. 29, стр. 8—12. (Протокол заседания Совета от 18 января 1879 г.)

Характеристика ученых трудов, подписанная Ф. И. Успенским и А. С. Трачевским.

13. *Цари Алексей II и Андроник Комнины (1180—1185)*. ЖМНП, 1880, № 11, стр. 95—130; 1881, № 3, стр. 52—86.

Заметка: Martinov, I. Revue des questions historiques, 1881, № 60 p. 626—627

14. [Доклад о правилах для учащихся университетов]. ЗНУ, 1881, т. 32, стр. 158—188. (Приложение к протоколу заседания Совета Ун-та 23 окт., 1880 г.)

Подписали: С. Ярошенко, Ф. Успенский и А. Посников.

15. Ф. К. Брун (1804—1880, профессор Новороссийского ун-та, историк и археолог). ЗНУ, 1881, т. 32, стр. 279—328. С портр. Издано отдельно: Одесса, 1881, 50 стр.

Приложения, сообщенные автору А. Ф. Бруном: 1) Список трудов Ф. К. Бруна в хронологическом порядке (стр. 321—327, №№ 1—80). 2) Указатель некрологов и воспоминаний о Ф. К. Бруне (стр. 328, №№ 1—21).

— 16. *Сочинения Михаила Акомината*. ЗНУ, 1881, т. 32, стр. 187—208. Издано отдельно: Одесса, 1881, 22 стр.

Рецензия на издание Сп. Ламброста: Дошедшие до нас сочинения Михаила Акомината из Хон, Афины, 1879—80, т. 1—2, (по-гречески).

17. [Увековечение памяти И. А. Самсонова]. ЗНУ, т. 33, 1882, стр. 19—22.

Записка в Совет ун-та, подписанная профессорами Успенским, Преображенским, Ярошенко и Кочубинским об изготовлении портрета и составлении биографии покойного И. А. Самсонова, завещавшего ун-ту свою картинную галерею.

18. *К истории крестьянского землевладения в Византии*. ЖМНП, 1883, № 1, стр. 30—87; № 2, стр. 301—360.

Статья распадается на две части; 1) Материалы о внутреннем состоянии Византии в сочинениях М. Акомината. 2) Славянская община в восточных и западных провинциях Империи.

Рецензии: 1) Иловыйский, Д. И. Еще раз о туранизме в славянской истории. Ф. И. Успенский о болгарском друнге, ЖМНП, 1883, № 8, стр. 383—387. 2) Jagič, V. Archiv..., 1884, B. 7, S. 654.

Характеристику настоящего исследования см. 1) Бузескул, В. П. Общий очерк... (II, № 34, 1929, стр. 37—40). 2) Горянов, Б. Т... стр. 51—58.

✓ 19. *Значение византийской и южно-славянской прони.*

Сборник статей по славяноведению, составленный и изданный учениками В. И. Ламанского по случаю 25 лет его ученой и профессорской деятельности. СПб., 1883, стр. 1—32. Изд. отдельно: СПб., 1883 32, стр.

Содержание: 1) История прони в Византии. 2) Попытка объяснения термина аффикт и прония. 3) Общие выводы о значении прони.

Рецензия: Павловский, А. ЖМНП, 1883 № 8, стр. 441—442 (В общей рецензии на весь сборник).

Характеристику настоящего исследования см.: 1) Бузескул, В. П. Общий очерк... (II, № 34, 1929, стр. 40—42). 2) Горянов, Б. Т... стр. 58—61.

20. *Материалы для истории землевладения в XIV в.* ЗНУ, 1883, т. 38, X, 56 стр. Изд. отдельно: Одесса, 1883, 56 стр.

Содержание: 1) Хиландарский практик. 2) Межевая опись Тетовского монастыря. 3) Указатель слов с объяснением податных терминов.

Тексты документов воспроизведены с фотокопий, изготовленных для собрания афонских актов П. И. Севастьянова.

Рецензия: Archiv., 1886, В. 9, S. 156—161.

21. [*Предложение об избрании В. И. Ламанского почетным членом Новороссийского ун-та.* ЗНУ] 1883, т. 37, стр. 87—89.

Приложение к представлению Историко-филологического факультета с краткой характеристикой научной деятельности В. И. Ламанского, известного слависта и проф. СПб. ун-та (1833—1914).

22. [*Отзыв о трудах В. И. Семева.*] ЗНУ, 1883, т. 35, стр. 223—227.

Характеристика научных трудов, приложенная к представлению Историко-филологического факультета об избрании магистра русской истории В. И. Семева (1848—1916) на штатную должность доцента Новороссийского ун-та по кафедре русской истории. Отзыв подписали: Ф. И. Успенский и А. С. Трачевский.

23. [*Отзыв о сочинениях на тему: Лиутпранда Кремонского Legatio Constantinopolitana.*] ЗНУ, 1883, т. 35, стр. 178—186 (Протокол заседания Совета ун-та 20 августа 1882 г. II. Приложения).

Рассматриваются сочинения студентов М. Бруна и В. Сошнякова, награжденных, согласно данному отзыву, золотыми медалями.

24. [*Мнение о введении преподавания географии на Историко-филологическом факультете.*] ЗНУ, 1883, т. 36, стр. 283—286. (Протокол заседания Совета 21 октября 1882 г.).

25. [*Девять относящихся к истории России документов — писем, инструкций, донесений, извлеченных из итальянских библиотек и архивов.*] В сб.: Русская историческая библиотека, т. 8, СПб., Археогр. комиссия, 1884, стлб. 1—82.

Первые четыре документа относятся к разным эпохам, последние — к Смутному времени. Документы напечатаны в подлинниках на греческом, латинском и итальянском языках, с русским переводом. Комментарии редакции, заключающие в себе также объяснительную записку Ф. И. Успенского, помещены в начале общего предисловия к сборнику (стр. 1—IV).

26. [Рецензия на книгу:] *Император Василий Болгаробойца. Извлечения из летописи Яхьи Антиохийского.* Издал, перевел и объяснил В. Р. Розен, СПб., 1883, 622 стр. — ЖМНП, 1884, № 4, стр. 282—319.

27. *Следы писцовых книг в Византии.* ЖМНП, 1884, № 1, стр. 1—43; № 2, стр. 289—335; 1885, № 7, стр. 1—52.

Содержание: 1) Писцовые книги в Римской империи. 2) Средневековые западноевропейские писцовые книги. 3) Окладной лист города Лампсака. 4) Хиландарский практик. 5) Выводы из рассмотрения византийских писцовых книг: зевгарат, воидат и организация военных участков.

21 августа 1884 г. автором был прочитан на шестом археологическом съезде доклад: О землевладении по византийским писцовым книгам.

28. *Сношения Рима с Москвою. Разбор трудов по русской истории о. Павла Пирлинга.* ЖМНП, 1884, № 8, стр. 368—412; № 10, стр. 316—340; 1885, № 8, стр. 290—325.

Разбираются труды П. Пирлинга в следующем порядке: 1) Rome et Moscou (1547—1579), Paris, 1883, VII, 168 p.; 2) Grégoire XIII et Ivan le Terrible. Revue des questions historiques, 1883, № 4; 3) Antonii Possevini missio moscovitica. Parisii. 1882. 4) Un nonce du Pape en Moscovie. Préliminaires de la trêve de 1582. Paris, 1884, IV, 219 p.; 5) Le saint-siège, la Pologne et Moscou, 1582—1587. Paris, 1885; 6) Rome et Démétrius d'après les documents nouveaux. Lyon, 1877, 90 p.; 7) La Sorbonne et la Russie (1717—1747). Paris, 1882, 178 p.

29. *На память тысячеклетней годовщины славянских просветителей.* 1) В газете Новороссийский телеграф, 1885, №№ 3030, 3031; 2) Киевская старина, 1885, № 5, стр. 107—126; 3) Известия СПб. слав. благотвор. об-ва, № 4, 1885, стр. 230—238. Изд. отдельно. СПб., 1885, 13 стр.

Речь на торжественном собрании Одесского слав. благотвор. об-ва, 6 апреля 1885 г.

Характеристику настоящей работы см. Попруженко, М. Г. Сорокалетие ученой деятельности Ф. И. Успенского (II, № 7, 1911, стр. 15).

30. *Наказ царя Ивана Васильевича Грозного князю Елецкому с товарищами.* ЗНУ., 1885, т. 43, Введение, стр. 248—252, текст. наказа, стр. 253—278. Изд. отдельно: Одесса, 1885, 32 стр.

Рецензии: 1) Библиограф, СПб., 1885, 2-е полугодие, стр. 101
2) ЖМНП, 1885, № 12, стр. 251.

31. *Сельская община в Англии.* ЖМНП, 1885, № 10, стр. 253—223. Изд. отдельно: СПб., 1885, 72 стр.

Рецензия на книгу: Seebohm, F. The English village community examined in its relations to the manorial and tribal systems and to the common or open field system of husbandry. An essay in economic history. Second edition. London, 1883, XXI, 464 p.

✓ 31. *Древнейший памятник славянского права.* Юридический вестник, 1886, № 4, стр. 700—713. В сокращенном изложении напечатано в сб. Известия СПб. слав. благотвор. об-ва, 1886, № 1 стр. 34—36.

Рецензия на издание: Книги законные, содержащие в себе в древнерусском переводе византийские законы — земельные, уголовные, брачные и судебные. Издал вместе с греческим, подлинником и историко-юридическим введением А. С. Павлов. — Сб. Отделения русского языка и словесности имп. Академии Наук, т. 33, № 3, 1885, стр. 1—92.

33. [Корреспонденции из-за границы]. В газете „Новости“, СПб., 1886—1887.

Описано по Списку ученых трудов Ф. И. Успенского (II, № 33, 1929).

34. *Как возник и развивался в России Восточный вопрос.* Известия СПб., слав. благотвор. об-ва, 1886, № 6, стр. 245—247., № 7—8, стр. 307—320; № 9, стр. 337—398. Изд. отдельно: СПб., 1887, 68 стр.

Рецензии: 1) Е. П. Исторический вестник, 1887, № 4, стр. 217—219. 2) Лп.-Дн. [Лаппо-Данилевский, А. С.]. Библиограф, СПб., 1887, № 6—7, стр. 72—75.

В 1886 г. автором были прочитаны две публичные лекции в Новороссийском (Одесском) ун-те на тему: Как возник на Руси Восточный вопрос.

35. *Ζητήματα πρὸς μελέτην τῆς ἐσωτερικῆς ἱστορίας τοῦ Βυζαντινοῦ κράτους. Δελτίον τῆς ἱστορικῆς καὶ ἐθνολογικῆς ἐταιρείας τῆς Ἑλλάδος.* Ἀθῆναι, 1887, т. 11/2, σελ. 533—552.

На нескольких примерах подчеркивается необходимость самого подробного исследования внутренней истории Византийского государства и его экономики, а также желательность основания международного общества с печатным органом, которое объединяло бы в едином плане занятия византийской историей по разным странам.

36. *Переговоры о мире между Москвою и Польшей в 1581—1582 г. Материалы, изданные Ф. И. Успенским.* ЗНУ. 1887, т. 45, стр. 343—426. Изд. отдельно: Одесса, 1887 84 стр.

37. *О браке Ивана Васильевича III-го с Софьей Палеолог.* Исторический вестник, 1887, № 12, стр. 680—693.

Разбор исследования: Pierling, P. Le mariage d'un tsar au Vatican. Ivan et Soé Paléologue. Revue des questions historiques, 1887, № 10, p. 353—396.

17 ноября 1892 г. на заседании ИФО автором был прочитан доклад: Русский митрополит Исидор.

38. *К юбилейному празднику 15 июля 1888 г.* В газете Одесские новости, 1888, 15 июля.

Статья по поводу 900-летия крещения Руси.

39. *Франция на Востоке в XIV веке.* ЖМНП, 1888, № 2, стр. 486—504.

Рецензия на книгу: Delaville Le Roulx, J. La France en Orient au XIV siècle. Expédition du maréchal Boucicaut. I—II. Paris, 1886.

40. [Рецензия на издание:] Замысловский, Е. Е. *Учебный атлас по русской истории*, изд. 3, СПб., 1887. В газете Одесские новости, 1888, № 36.

41. *Византийские землемеры. Наблюдения по истории сельского хозяйства. Труды VI археологического съезда в Одессе в 1884 г., т. 2, Одесса, 1888, стр. 272—341.*

Это же исследование в сокращенной редакции, без греческих текстов и их перевода, напечатано под заглавием: *Наблюдения по сельскохозяйственной истории в Византии.* ЖМНП, 1888, № 10, стр. 229—259.

Рецензия: Безобразов, П. В. ЖМНП, 1888, № 12, стр. 272—280.

Характеристику этой работы см. Горянов, Б. Т.... стр. 64—66.

Наблюдения по сельскохозяйственной истории в Византии. ЖМНП, 1888, № 10, стр. 229—259. См. предыдущую статью: „Византийские землемеры“, представляющую собою расширенный вариант настоящего исследования.

✓ 42. *Русь и Византия в X в.*, Одесса, Кирилло-Мефодиевск. книжный склад при Одесском слав. об-ве, 1888, 38 стр.

Речь, произнесенная 11 мая 1888 г. на торжественном собрании Одесского слав. благотвор. об-ва в память 900-летнего юбилея крещения Руси.

Рецензии: 1) Голубовский, П. Киевская старина, 1888, № 12, стр. 61—65. 2) Иловайский, Д. И. Историко-критические заметки. Русский вестник, 1888, № 12, стр. 5—8. 3) Милюков, П. Н. Русская мысль, 1888, № 10, стр. 481—482. 4) Б-ин А. Исторический вестник, 1888, № 8, стр. 392—394. 5) Ш[мурло], Е. Ф. Библиограф, СПб., 1889, № 5, стр. 94—96. 6) ЖМНП, 1888, № 7, стр. 198—199.

43. *Новая книга о Германии.* В газете Одесский вестник, 1888. 4 июля.

Рецензия на книгу: Модестов, В. И. О Германии. Наука, школа, парламент, люди, стремления. СПб., 1888 II, 276 стр.

44. *Заметки по истории Черногории.* ЖМНП, 1889. № 2, стр. 391—399.

Заметка в связи с разбором книги: Miklošić Fr. Die serbischen Dynasten Črnojević. Ein Beitrag zur Geschichte von Montenegro, Wien, 1886, 66 S.

45. *Византийские владения на северном берегу Черного моря.* Киевская старина, 1889, т. 25, № 5—6, стр. 253—294. Приложена карта. Изд. отдельно: Киев, 1889, 42 стр., с картой.

См. критический разбор настоящей статьи: Васильевский, В. Г. О построении крепости Саркела. ЖМНП, 1889, № 10, стр. 273—290, а также ответ Ф. И. Успенского (№ 46).

46. *Ответ на полемическую заметку В. Г. Васильевского.* Киевская старина, 1889, т. 27, № 12, стр. 604—621.

См. № 45.

Этот же ответ в краткой редакции: О миражах, открытых В. Г. Васильевским (ЖМНП, 1889, № 12, стр. 550—555) — вызвал заключительную реплику последнего: Ответ на статью Ф. И. Успенского, там же, стр. 555—557.

Заметка: Иловайский, Д. И. Исторические отметки. Русский вестник, 1890, № 1, стр. 96—98.

Характеристику полемики см.: Попруженко, М. Г. Сорокалетие ученой деятельности Ф. И. Успенского (II, № 7, 1911, стр. 17).

47. *Воспоминания о В. И. Григоровиче (1815—1876, славист, проф. Новорос. ун-та).* ЛИФО, 1890, № 1, стр. 15—49. Приложен список печатных трудов, составленный А. И. Маркевичем, стр. 49—52. Изд. отдельно: Одесса, 1890, 32 стр.

Речь, произнесенная (с сокращениями) 1 мая 1890 г. на акте по случаю 25-летия Новороссийского ун-та.

Рецензии: 1) Бестужев-Рюмин, К. Н. ЖМНП, 1890, № 8, стр. 409—412. 2) Киевская старина, 1890, № 7, стр. 158—159.

48. *Патриарх Иоанн VII Грамматик и Русь-дромиты у Симеона Магистра.* ЖМНП, 1890, № 1, стр. 1—34. ✓

22 февраля 1894 г. на заседании ИФО автором был прочитан доклад: Заметки к объяснению первых страниц русской летописи (см. № 121).

49. *История византийской литературы.* ЖМНП, 1891, № 3, стр. 199—218.

Рецензия на книгу: Krumbacher, K. Geschichte der byzantinischen Literatur von Justinian bis zum Ende des oströmischen Reiches, München, 1891, XII, 494 S.

Эту же рецензию в сокращенной редакции см.: 1) Literarisches Centralblatt, 1891, № 18, Sp. 240—244. 2) ЛИФО, т. 2, 1892, Визант. отд., № 1. Хроника, стр. 109—114. Подписано: „У“. (Значится в Списке ученых трудов Ф. И. Успенского, II, № 33, 1929). См. № 82.

50. *Очерки по истории византийской образованности.* СПб., 1891, 388 стр. Указатель имен и выражений, написанный Ф. В. Режабеком, стр. 389—395, оглавление, стр. I—III.

Книга составлена из оттисков статей, печатавшихся в ЖМНП (1891, №№ 1, 4, 9, 10; 1892, № 1—2) и распадается на пять глав. Предисловие отсутствует. Каждой главе предшествует краткий указатель содержания, повторяемый в оглавлении.

Рецензии: 1) Безобразов, П. В. ВизВ, 1896, т. 3, стр. 125—150. 2) Соловьев, М. К истории Византии. Русское обозрение, 1896, № 1, стр. 467—476. 3) А. В. [Пыпин А. Н.]. Вестник Европы, 1892, № 7, стр. 441—443. 4) А. Л[ебедев]. Русский византист на службе церковно-исторической науки. Чтения в Об-ве любителей духовного просвещения, 1894, № 1, стр. 86—111. 5) А. М. [аркевич]. ЛИФО, Одесса, 1892, т. 2, стр. 100—106. 6) Martinov, I. Revue des questions historiques, 1892, № 102, p. 629 (На гл. IV). 7) ByzZ., 1892, B. 1, S. 176—178. (На гл. I—III). 8) Jagić, V. Archiv..., 1892; B. 15, S. 144.

Характеристику настоящей работы см.: 1) Попруженко, М. Г. 40-летие ученой деятельности Ф. И. Успенского (II, № 7 1911, стр. 18—21). 2) Бузескул, В. П. Общий очерк... (II, № 34, 1929, стр. 42—47). 3) Горянов, Б. Т..., стр. 75—82.

По поводу отдельных вопросов рассматриваемой книги ее автором были прочитаны следующие доклады: 1) в 1889—1890 гг. на заседании ИФО: О русских синодиках; 2) 18 января 1890 г., на заседании VIII Археологического съезда в Москве: Синодик в неделю православия; 3) 6 ноября 1890 г., на заседании ИФО: Борьба племенных интересов в иконоборческом вопросе; 4) 30 апреля 1891 г., там же: Происхождение ереси стригольников.

51. *Деятельность патриарха Фотия в связи с исторической миссией византизма*. Помощь самообразованию, Саратов, 1891 № 3 (5), Ред.-изд. А. Ф. Тельнихин, стр. 213—222.

Речь, произнесенная 6 февраля 1891 г. на заседании ИФО.

Заметка: Историческое обозрение, СПб., 1891, № 2, стр. 195—197.

52. *Типик монастыря св. Маманта в Константинополе*. ЛИФО, 1892, т. 2, Визант. отд. № 1, стр. 25—84. Изд. отдельно: Одесса, 1892, 60 стр.

Рецензии: 1) Мелиоранский, Б. М. ВизВ, 1894, т. I, стр. 437—438. 2) Kurtz, E. ByzZ, 1893, B. 2, S. 137—138.

15 октября 1891 г. на заседании ИФО автором был прочитан доклад: Монастырь св. Маманта в Константинополе.

53. [Рецензия на книгу:] Mitteis, L. *Reichsrecht und Volksrecht in den östlichen Provinzen des römischen Kaiserreiches*. Leipzig, 1891, XIV, 561, S. — ЛИФО, 1892, т. 2, Визант. отд. № 1, Хроника, стр. 115—116.

Рецензия входит в серию, подписанную буквой „У“ (№№ 53—55). Приведена в Списке ученых трудов Ф. И. Успенского (II, № 33, 1929).

54. [Рецензия на книгу:] Schwarzlose, K. *Der Bilderstreit, ein Kampf der griechischen Kirche um ihre Eigenart und um ihre Freiheit*, Gotha, 1890, VIII, 266 S. — ЛИФО, 1892, т. 2, Визант. отд., № 1, Хроника, стр. 107—109 (см. № 53).

55. [Рецензия на книгу:] Лебедев, А. П. *Очерки истории византийской восточной церкви от конца XI до половины XV в.*, М., 1892, VII, 644 стр. ЛИФО, 1892, т. 2, Визант. отд. № 1. Хроника, стр. 106—107 (см. № 53).

56. *Византия*. Энциклоп. словарь, т. VI, (п/том XI). СПб., Брокгауз-Ефрон, 1892, стр. 251—260.

Исторический очерк, распадающийся на отделы: 1) Византия — колония; 2) Византия — империя (византизм); 3) Византийская история; 4) Византийский язык и литература.

С незначительными дополнениями перепечатано в Новом энциклопедическом словаре, т. X, СПб., Брокгауз-Ефрон, 1913, столб. 460—470 (Византия), 471—472 (Византийская литература и язык).

57. *Синодик в неделю православия*. Сводный текст с прибавлениями. ЗНУ, 1893, т. 59, стр. 407—502. Изд. отдельно: Одесса, 1893, VI, 96 стр.

Статья является дополнением к книге *Очерки по истории византийской образованности* (№ 50, 1891).

См. рецензии: 1) Безобразова, П. В. и 2) Лебедева, А., приведенные в библиографии к *Очеркам по истории византийской образованности*, относящиеся также и к рассматриваемой работе. 3) Kurtz, E. ByzZ., 1895, B. 4, S. 143—145.

58. *Quelques observations sur la Chronique de Laomédon Lacarpène*. ByzZ, 1893, B. 2, S. 122—125.

59. [Отзыв о рукописи студента А. Г. Готалова-Готлиба:] *Военное устройство Византийской империи*, ЗНУ, 1893, т. 58, стр. 19—20.

Отзыв, написанный по поручению Историко-филологического факультета о сочинении, представленном на соискание медали. (См. II, № 56, 1947, стр. 123—124).

60. [Рецензия на книгу:] Беляев, Д. Ф. *Byzantina*. Очерки, материалы и заметки по византийским древностям. т. 2, СПб., 1893, VIII, XLVII, 308 стр., 11 табл. — ЖМНП, 1893, № 12, стр. 364—379 — ByzZ, 1894, B. 3, S. 184—186. См. № 71.

61. [Рецензия на книгу:] Попов, Н. *Император Лев VI Мудрый (886—912) и его царствование в церковно-историческом отношении*. М., 1892, 304 стр. — ЖМНП, 1893, № 8, стр. 534—542. ByzZ, 1893, B. 2, S. 632—634.

62. *Византийский журнал, издаваемый проф. К. Крумбахом*. ЖМНП, 1893, № 7, стр. 231—272.

Рецензия, составленная совместно с А. И. Кирпичниковым на журнал *Byzantinische Zeitschrift, herausgegeben von K. Krumbacher* Leipzig, 1892, B. I.

6 февраля 1893 г. на заседании ИФО автором был прочитан доклад: *Byzantinische Zeitschrift* К. Крумбаха.

63. [Рецензия на статью:] *Krumbacher, K. Studien zu den Legenden des heiligen Theodosios Sitzungsberichte der philos.-philol. und historischen Klasse der Kaiserl. Bayer. Akademie der Wissensch., München, 1892, 161 S. — ЛИФО, 1894, т. 4, Визант. отд., № 2,*

Хроника, стр. 86—88. Входит в серию рецензий, подписанных „У-ский“ (№ 63—65). Рецензии указаны в Списке ученых трудов Ф. И. Успенского. (II, № 33, 1929).

64. [Рецензия на книгу:] *Le livre du préfet, ou l'édit de l'empereur Léon le Sage sur les corporations de Constantinople, par Jules Nicole*. Genève. 1893 — ЛИФО, 1894, т. 4, Визант. отд., № 2, Хроника, стр. 83—86 (см. № 63).

65. [Рецензия на книгу:] *Leben des heiligen David von Thessalonike. Griechisch nach der einzigen bisher aufgefundenen Handschrift. Hrsg. von V. Rose.*, Berlin, 1877, XVI, 22. S. — ЛИФО, 1894, т. 4, Визант. отд., № 2, Хроника, стр. 81—83 (см. № 63).

См. Kurtz, E. ByzZ, 1895, Bd. 4, S. 621—622, где по поводу рассматриваемой рецензии дана оценка двух новых приведенных Ф. И. Успенским вариантов жития Давида Солунского.

66. *Памятник В. И. Григоровичу*. ЛИФО, 1894, т. 3, стр. 60—65. Изд. отдельно: Одесса, 1894, 8 стр.

Речь на открытии 18 октября 1892 г. памятника на могиле В. И. Григоровича в Елисаветграде. См. № 47.

67. [Предложение об открытии Византийского отделения в Историко-филологическом обществе при Ново-российском ун-те]. ЛИФО, 1894, т. 3, стр. 2—3 (отчет о деятельности ИФО за 1890—93 гг.).

Докладная записка Правлению ИФО, принятая на собрании о-ва 6 февраля 1891 г. Записку подписали: Ф. И. Успенский (председатель ИФО), А. И. Кирпичников, А. А. Кочубинский, Н. Ф. Красносельцев, Ф. Е. Корш (первый председатель отделения) и Ф. И. Леонтович.

68. *Партии цирка и димы в Константинополе*. ВизВ, 1894, т. 1, стр. 1—16.

Заметка: Kurtz, E. ByzZ, 1895, B. 4, S. 208—209.

26 сентября 1893 г. на заседании ИФО автором был прочитан доклад: Константинопольские димы и партии цирка.

69. *Неизданное церковное слово о болгарско-византийских отношениях в первой половине X в.* — ЛИФО, 1894, т. 4, стр. 43—123. Изд. отдельно: Одесса, 1894, 76 стр.

Рецензии: 1) Мелиоранский, Б. М. ВизВ, т. 2, 1895, 346—347. 2) Kurtz, E. ByzZ, 1895, B. 4, S. 615—616.

18 августа 1884 г. о названном памятнике Ф. И. Успенским был прочитан на VI Одесском археологическом съезде доклад: Неизданный греческий текст, имеющий отношение к русской истории. В этом докладе „слово“ было приурочено к византийско-русским отношениям 989 г. в связи с усмирением восстания Варды Фоки,

что, однако, вызвало на съезде возражения оппонентов, и самый доклад Ф. И. Успенским не был опубликован. Для настоящего издания „слово“ комментарий написан автором заново, с коренным пересмотром его прежней точки зрения на этот памятник.

70. *Известия Геродота о скифах и занимаемой ими стране*. ЗНУ, т. 66, 1895, стр. 11—16.

Отзыв о сочинениях на премию историко-филологического факультета Новорос. ун-та, представленных студентами М. Фотом, М. Фармаковским и Л. Галаджиевым.

71. [Отзыв о сочинении:] Беляев, Д. Ф. *Byzantina. Очерки, материалы и заметки по Византийским древностям*, ч. 1—2, СПб., 1891—1893. 1) ИАН, т. 3, 1895, стр. 234—237. 2) Отчет о шестом присуждении премии митроп. Макария в 1895 г. СПб., 1897, стр. 60—72. См. № 60.

72. [Значение византиноведения для русской науки]. ИРАИК, т. I, 1896, стр. 6—12.

Речь при открытии РАИК, 26 февраля 1895 г.

73. *Акт отвода земли монастырю Богородицы Милостивой*. ИРАИК, т. I, 1896, стр. 1—25. (Греческий текст акта — стр. 25—34). Изд. отдельно: Одесса, 1896, 34 стр.

Заметка: Редин, Е. ВизВ, 1897, т. 4, стр. 230 (в рецензии на ИРАИК, т. I, 1896).

Характеристику этой работы см. Горянов, Б. Т., стр. 67—68.

74. *Вновь найденный пурпуровый кодекс евангелия*. ИРАИК, т. I, 1896, стр. 138—172, 2 табл.

Подпись отсутствует. В Списке ученых трудов (II, № 33, 1929) указано, что статья написана Ф. И. Успенским и Я. И. Смирновым.

См. Мсерианц, Л. Русский археологический институт в Константинополе. Русская мысль, 1897, № 4, стр. 58—60.

17 марта 1896 г. Ф. И. Успенским был прочитан в РАИК доклад: Древнейшее рукописное евангелие.

9 августа 1896 г. на 10-м археологическом съезде в Риге был прочитан другой доклад: Вновь открытый пурпуровый кодекс евангелия.

75. *Отчет о деятельности Русского археологического института в Константинополе за 1895 г.* 1) ИАН, т. 5, 1896, стр. 179—207 (имеется подпись Ф. И. Успенского); 2) ИРАИК, т. I, 1896, стр. 23—53 (подпись отсутствует, текст тождествен с предыдущим).

1) Ученая деятельность Ин-та — экскурсии по Анатолии, на Афон и в Афины; 2) изучение Константинополя и его окрестностей;

3) собрание археологических сведений; 4) библиотека и кабинет древностей.

Рецензии: 1) Мсерианц, Л. Русский археологический институт в Константинополе и первый год его деятельности. Русская мысль, 1897, № 7, стр. 49—61. 2) С. Ж. Записки имп. Русск. археологического об-ва, т. 9, вып. 3, 1897, стр. 347—350. 3) О Русском археологическом ин-те в Константинополе. ВизВ. 1895, т. 2, стр. 489—492, 723—725; 1896, т. 3, стр. 224—225, 735—736. 4) Археологические известия и заметки, М., 1897, № 7—8, стр. 271—272.

19 ноября 1895 г. на заседании РАИК Ф. И. Успенским был прочитан доклад: Новые материалы для истории Трапезунта. (Прочие доклады за 1895 г. см. №№ 72, 80, 120).

76. *Никейская империя*. Энциклопедический словарь, т. 21, (п/том 41), СПб., Брокгауз-Ефрон, 1897, стр. 68—71.

Перепечатано с незначительными изменениями в Новом энциклопедическом словаре, т. 28, Пг. Брокгауз-Ефрон, 1916, стр. 498—501.

77. *Никея*. Энциклопедический словарь, т. 21 (п/том 41 СПб Брокгауз-Ефрон, 1897, стр. 73.

Перепечатано с незначительными изменениями в Новом энциклопедическом словаре, т. 28, Пг., Брокгауз-Ефрон, 1916, стр. 502—503.

78. *Никита Акоминат*. Энциклопедический словарь, т. 21 (п/том 41), СПб., Брокгауз-Ефрон, 1897, стр. 74.

Перепечатано с незначительными изменениями в Новом энциклопедическом словаре, т. 1, СПб., Брокгауз-Ефрон. Б. г., столб. 720—721 (под словом: Акоминат).

79. *Никифор I, Никифор II, Фока, Никифор III, Вотаниат*. Энциклопедический словарь, т. 21 (п/том 41), СПб., Брокгауз-Ефрон, 1897, стр. 86—88.

Перепечатано с незначительными изменениями в Новом энциклопедическом словаре, т. 28, Пг., Брокгауз-Ефрон, 1916, столб. 521—524.

80. *Делопроизводство по обвинению Иоанна Итала в ереси*. ИРАИК, т. 2, 1897, стр. 1—66.

Рецензии: 1) Мсерианц, Л. Деятельность Русского археологического ин-та в Константинополе. Русская мысль, 1899, № 6, стр. 96—99. 2) Соколов, И. И. ВизВ, 1898, т. 5, стр. 280—282. 3) K[rumbacher], K. ByzZ, 1898, В. 7, S. 502.

По истории византийской высшей школы, которой в рассматриваемой работе посвящены стр. 10—29, Ф. И. Успенский прочитал

два доклада на заседаниях РАИК: 9 апреля 1895 г. под заглавием: Древний университет в Константинополе; 17 декабря 1895 г., там же. под заглавием: Высшее образование в Византии в XI в.

81. *Византийская эпическая поэма*. Русская мысль, 1897, № 9, стр. 67—75.

Рецензия на книгу: Schlumberger, G. L'épopée byzantine à la fin du 10-te siècle... 969—989. Paris, 1896, VI. 799 p.

82. *История византийской литературы*. ИРАИК, т. 2, 1897, стр. 1—4 (хроника)

Рецензия на книгу: Krumbacher, K. Geschichte der byzantin. Literatur... 2 Aufl., München, 1897, XX, 1193 S. Подпись отсутствует. Значится в Списке ученых трудов Ф. И. Успенского (П., № 33, 1929).

Эта же рецензия напечатана в немецком переводе: Literarisches Centralblatt, 1897, № 28, S. 912—914.

83. *Отчет о деятельности Русского археологического ин-та в Константинополе за 1896 г.* 1) ВизВ, 1897, т. 4, стр. 1—48, приложение. (Имеется подпись Ф. И. Успенского). 2) ИРАИК, т. 2, 1897, стр. 1—44. 3) ИАН, т. 6, 1897, стр. 435—482. (Последние два отчета не подписаны. Текст всех трех одинаков).

1) Заседания в ин-те. 2) Археологические экскурсии по Малой Азии, по Болгарии и Палестине. 3) Обработка материалов и научные предприятия. 4) Библиотека и кабинет древностей.

26 февраля 1896 г. на собрании РАИК Ф. И. Успенским была произнесена речь на тему: Восточная и Западная империя в IV и V вв. Речь помещена в сокращенном изложении на стр. 3—6. В 1890 г. Ф. И. Успенский прочитал в Одессе две публичные лекции на ту же тему: В 1896 г. им был прочитан на одном из заседаний РАИК доклад об экспедициях сотрудников ин-та в Малую Азию, в Болгарию и Палестину под заглавием: Научные результаты экскурсий, предпринятых летом 1896 г.

На X археологическом съезде в Риге (август 1896 г.) Ф. И. Успенский прочитал следующие доклады: 1) Деятельность РАИК за два года его существования; 2) Вновь открытый пурпуровый кодекс евангелия; 3) Древности Никеи; 4) Задачи археологического изучения Болгарии; 5) Ученая деятельность 10-го археологического съезда. (Ф. И. Успенский был председателем Совета съезда.) См. также № 74.

Рецензии: 1) Беглер и, Г. П. Русский археологический институт в Константинополе. ВизВ, 1897, т. 4, стр. 303—305. 2) Мсерианц, Л. Деятельность Русского археологического ин-та в

Константинополе за 1896—1897 гг. Русская мысль, 1899, № 6, стр. 90—106. 3) Златарски, В. Н. Български прѣгледъ, София, 1897, № 7, стр. 130—140.

84. *Поземельная община в Византийской империи*, Энциклопедический словарь, т. 24 (п/том 47), СПб., Брокгауз-Ефрон, 1898, стр. 199—201.

85. *Византийская табель о ранах*. ИРАИК, т. 3, 1898, стр. 98—137.

Рецензии: 1) Мсерианц, Л. Деятельность Русского археологического ин-та в Константинополе в 1896—1897 гг. Русская мысль, 1899, № 6, стр. 101—103. 2) Соколов, И. И. ВизВ, 1899, т. 6, стр. 211—214.

В связи с разбираемой темой Ф. И. Успенский прочитал два доклада: 1) 23 ноября 1897 г. на заседании РАИК под заглавием Древний Константинополь и его население 2) 12 января 1898 г. на заседании Русского археологического о-ва под заглавием: Новая редакция (в отрывке) сочинения Константина Порфирородного „О церемониях...“

86. *Две исторические надписи*. 1) *Надпись на башне Артавасда*. 2) *Пограничный столб между Византией и Болгарией при Симеоне*. ИРАИК, т. 3, 1898 стр. 180—194, 3 табл., 1 рис., 1 карта.

Рецензия: Соколов, И. И. ВизВ, т. 6, 1899, стр. 215—217 (в рецензии на ИРАИК, т. I, 1896.)

О второй надписи Ф. И. Успенским было прочитано три доклада: 1) На заседании РАИК в 1897 г.: О вновь найденной греческой надписи. 2) На заседании Русского археологического общества в 1897 г.: О границах Византии и Болгарии при Симеоне. 3) 16 января 1898 г. на заседании Моск. археологич. о-ва: О пограничном (между ромеями и болгарами) столбе с греческой надписью 902 г., найденном близ Солуни.

87. *Константинопольский эпарх*. ИРАИК, т. 4, вып. 2, 1899, стр. 79—104.

Рецензии: 1) Соколов, И. И. ВизВ, 1900, № 7, стр. 489—491. 2) ByzZ, 1900, В. 9, S. 716.

88. *Охридская рукопись Иоанна Куропалата Скилицы*. ИРАИК, т. 4, вып. 2, 1899, стр. 1—8, 1 фототипия.

Рецензии: 1) Соколов, И. И. ВизВ, 1900, т. 7, стр. 488—489. 2) ByzZ, 1900, В. 9, S. 716.

89. *Надпись царя Самуила*. ИРАИК, т. 4, вып. 1, 1899, стр. 1—4, 1 фототипия и 1 табл.

Древнейший (993 г.) памятник кирилловского письма.

Рецензии: 1) Соколов, И. И. ВизВ. 1900, т. 7, стр. 201—202. 2) Jireček, K. Die cyrillische Inschrift vom Jahre 993. Archiv..., 1899, В. 21, S. 543—551.

90. *Константинополь в последние годы IV в. По случаю 1500 юбилея Иоанна Златоустого*. ИРАИК, т. 4, вып. 3, 1899, стр. 156—165.

Речь 26 февраля 1898 г. на заседании РАИК.

91. Академик В. Г. Васильевский. *Обзор главнейших трудов его по изучению Византии*. ЖМНП, 1899, № 10, стр. 291—342.

Рецензия: Соколов, И. И. ВизВ, 1900, т. 7, стр. 223—225.

23 февраля 1901 г. на заседании Историч. о-ва при СПб ун-те, посвященном памяти В. Г. Васильевского, автором был прочитан доклад: В. Г. Васильевский, как представитель русского византизма.

92. *Староболгарская надпись Омортага*. ИРАИК, т. 6, вып. 1, 1900, стр. 216—335.

Рецензии: 1) Иловайский, Д. И. Омортаг болгарских надписей, хан или князь? Вторая дополнительная полемика по вопросам варяго-русскому и болгарско-гуннскому. М., 1902, стр. 87—92. (Дополненная заметка из газеты Кремль. М., 1901, № 13—14). 2) Соколов, И. И. ВизВ, 1901, т. 8, стр. 205. 3) Krumbacher, K. Archiv..., 1900, В. 10, S. 739—740.

93. *Мнения и постановления Константинопольских поместных соборов XI—XII вв. о раздаче церковных имуществ (хариستيки)*. ИРАИК, т. 5, 1900, стр. 1—48.

Рецензии: 1) Соколов, И. И. ВизВ, 1900, т. 7, стр. 494—498. 2) Krumbacher, K. ByzZ., 1901, В. 10, S. 370—371.

Характеристику настоящей работы см. Горянов, Б. Т..., стр. 67—68.

94. [Рецензия на книгу:] Gelzer, H. *Die Genesis der byzantinischen Themenverfassung*. Leipzig, Teubner, 1899, 133 S. — Literarisches Centralblatt, 1900, No 12, Sp. 526—528. Подпись: U-sky. Значится в Списке ученых трудов Ф. И. Успенского (II., № 33, 1929).

95. *Военное устройство Византийской империи*. ИРАИК, т. 6, вып. 1, 1900, стр. 154—204.

Рецензии: 1) Кулаковский, Ю. Деление Византийской империи на фемы. Чтение в Историч. о-ве Нестора летописца, кн. 16, вып. 4, Киев, 1902, стр. 4—5. (Изложение доклада. Протокол засед. 16 декабря 1901 г.). 2) Соколов, И. И. ВизВ, 1901, т. 8, стр. 195—204. 3) Stanojevič, St. ByzZ, 1901, В. 10, S. 461—462.

Характеристику настоящей работы см Горянов, Б. Т..., стр. 61—63.

23 января 1890 г. на заседании VIII археологич. съезда Ф. И. Успенским был прочитан доклад: Военное устройство Византийской империи. Тагмы и фемы.

24 января 1900 г. доклад на ту же тему был прочитан на заседании РАИК.

96. *О древностях города Тырнова*. ИРАИК, т. 7, вып. I, 1901, стр. 1—24, 16 табл.

Рецензии: 1) Иловайский, Д. И. Оморгаг болгарских надписей, хан или князь? Вторая дополнительная полемика по вопросам варяго-русскому и болгаро-гуннскому, М., 1902, с. 87—92. (Дополненная заметка из газеты Кремль, М., 1901, № 13—14). 2) Соколов, И. И. ВизВ, 1902, т. 9, стр. 550—552. 3) ByzZ., 1902, В. 11, S. 682.

1 февраля 1901 г. на заседании Русского археологического о-ва автором был прочитан доклад на разбираемую тему.

97. *История крестовых походов*. СПб. Брокгауз-Ефрон, 1901. 170 стр. (История Европы по эпохам и странам в средние века и новое время. Под ред. Н. И. Кареева и И. В. Лучицкого).

Часть главы пятой: Четвертый крестовый поход, стр. 113—139, была напечатана ранее без изменений с добавлением трех вводных страниц в виде отдельной статьи под загл.: Византия и крестовосцы. Южный сборник, Одесса, 1892, отд. II, стр. 195—222 (см. список Б, № 2).

Рецензии: 1) Соколов, И. И. ВизВ, 1901, т. 8, стр. 209—212. 2) П-в, М. Мир божий, 1901, № 7, стр. 105—106. 3) Σ — Историч. вестник, 1901, № 6, стр. 1156—1160. 4) ЖМНП, 1901, № 9, стр. 256 (Книжн. новости).

98. [Рецензия на книгу:] Schlumberger, G. *L'épopée byzantine à la fin du dixième siècle, t. 2, seconde partie*, 1900, 636 р. — ЖМНП, 1901, № 8, стр. 495—508.

99. *Артосная панатия*. ИРАИК, т. 8, вып. 3, 1902. стр. 249—263.

Рецензия: Соколов, И. И. ВизВ, 1903, т. 10, стр. 556—558.

Рецензия: Соколов, И. И. ВизВ, 1903, т. 10, стр. 219—222.

100. *Фрагменты мозаичной росписи церкви евангелиста Иоанна в Равенне*. ИРАИК, т. 8, вып. 1, 1902, стр. 63—78.

101. *Археологические памятники Сирии*. ИРАИК, т. 7, вып. 2, 1902, стр. 94—212, 47 табл.

Рецензии: 1) Соколов, И. И. ВизВ, 1902, т. 9, стр. 553—554, 2) В. М. С. ВизВ, 1901, т. 8, стр. 680—683. 3) Rommelaere, Ch. *Echos d'Orient, Constantinople*, 1905, t. 8, p. 255—257.

14 ноября 1901 г. на рассматриваемую тему автором был прочитан доклад на заседании РАИК.

102. [Отзыв о рукописи:] Вестберг, Ф. Ф. *Комментарий на записку готского топарха*. Зап. имп. Акад. наук по историко-филологич. отд. т. 6, вып. 7, 1904, стр. 243—262. (Отчет о 44-м присуждении наград гр. Уварова, 1902 г.).

103. *Фемное устройство*. *Энциклопедический словарь*, т. 41-а (п/том 82), СПб., Брокгауз-Ефрон, 1904, столб. 891—893. Подпись: У-ский.

Литература указана под словом „фема“, объяснение которого принадлежит, повидимому, также Ф. И. Успенскому (там же, столб. 888).

104. *Фома*. *Энциклопедический словарь*, т. 41-а (п/том 82), СПб., Брокгауз-Ефрон, 1904, столб. 947.

Подпись: „У-ский“. Заметка о руководителе большого восстания в Византии IX в.

105. *Вновь открытые на острове Крите древности*. Вестник и библиотека самообразования, СПб., 1904, № 13, стр. 491—504, 14 рис.

106. *Никифор Феотоки и лейпцигское издание толкований на восьмикнижие*. ИРАИК, т. 9, вып. 3, 1904, стр. 317—341. См. № 112.

107. [Рецензия на книгу:] Schlumberger, G. *L'épopée byzantine à la fin du dixième siècle, t. 3*, Paris, 1905, 800 р. ЖМНП, 1905, № 5, стр. 210—223.

108. *Историко-археологическое значение Абобы и ее окрестностей. Раскопки. Наименование древнего населения*. ИРАИК, т. 10, 1905, стр. 1—45 (Материалы для болгарских древностей, Абоба — Плиска, гл. I.).

Рецензии (на т. 10 ИРАИК в целом): 1) Кулаковский, Ю. Чтения в историческом об-ве Нестора летописца, кн. 21, Киев 1909, стр. 78—80. Протокол заседания 9 дек. 1907 г.) 2) Попруженко, М. ЖМНП, 1907, № 10, стр. 450—461. 3) Шестаков, С. П. Там же, 1908, № 1, стр. 241—252. 4) Gerland, E. ByzZ, 1908, В. 17, S. 211—213. 5) Strzygowski, J. *Deutsche Literaturzeitung*, Berlin—Leipzig, 1907, № 46, Sp. 2885.

Характеристику всех статей Ф. И. Успенского в этом сборнике (№ № 108—111) см.: 1) Kadlec, K. *Ruský archeologický institut v Cařihradě* (II, № 8, 1911, p. 269—278). 2) Горянов, Б. Т.... стр. 87—92.

О раскопках в Абобе были прочитаны Ф. И. Успенским следующие доклады: 1) 12 декабря 1899 г. на заседании РАИК под заглавием: Древности в долине Абобы. 2) 18 апреля 1900 г. на заседании третьей секции 2-го съезда христианских археологов в Риме, под заглавием: О раскопках в Абобе. 3) 26 февраля 1901 г. на заседании РАИК под заглавием: Раскопки в Болгарии близ деревни Абобы.

109. *Надписи староболгарские*. ИРАИК, т. 10, 1905, стр. 173—242 (Материалы для болгарских древностей. Абоба-Плиска, гл. 6). 1) Колонны с именами городов (стр. 173—189). 2) Надписи в честь государственных деятелей и героев (стр. 189—217). 3) Надписи с фрагментами договоров (стр. 217—227). 4) Надписи исторического содержания (стр. 228—238). 5) Фрагменты надписей разного содержания и происхождения (стр. 238—242). См. № 108.

110. *Неизвестное письмо. Древнейшие знаки письма*. — ИРАИК, т. 10, 1905, стр. 265—280 (Материалы для болгарских древностей. Абоба-Плиска, гл. 8). См. № 108.

С незначительными изменениями и сокращениями эта статья под заглавием: О древнейших знаках письма, напечатана в книге: Новый сборник статей по славяноведению, составленный и изданный учениками В. И. Ламанского. СПб., 1905, стр. 321—335.

111. *Вновь открытая надпись Омортага. Столицы (аулы, становища) древних болгар*. ИРАИК, т. 10, 1905, стр. 544—554 (Материалы для болгарских древностей. Абоба-Плиска, гл. 21).

Написано Ф. И. Успенским и К. В. Шкорпилом (болгарский археолог, учитель гимназии в Варне). См. № 108 и № 92.

112. *Константинопольский Серальский кодекс восьмикнижия*. ИРАИК, т. 12, 1907, стр. 1—235, 6 табл. Приложение: Альбом из 47 фото-таблиц.

Удостоено Русским археологическим о-вом большой золотой медали согласно отзыву Я. Н. Смирнова; отзыв не сохранился (См. Список ученых трудов Ф. И. Успенского, II, № 33, 1929).

Рецензии: 1) Ай н а л о в, Д. В. ВизВ, 1908, т. 15, стр. 549—551. 2) Gerland, E. ByzZ, 1908, B. 17, S. 211—213. Berlin. philol. Wochenschrift, 1909, B. 29, № 7, Sp. 209—214. 3) Millet, G. L'octa-teuque byzantin d'après une publication de L'Institut russe à Constantinople. Revue archéologique, Paris, 1910, t. 16, № 7—8, p. 71—80. 4) Schmit, T. ByzZ, 1908, B. 17, S. 641—643. 5) Strzy-gowski, J. Deutsche Literaturzeitung, Berlin—Leipzig, 1907, № 46, Sp. 2887—2888.

По поводу рассматриваемой рукописи восьмикнижия, дополняющего ее материала и отдельных моментов истории кодекса автор

прочитал следующие доклады, содержание которых можно установить по разного рода отчетам и по соответствующим местам самого исследования: 1) 14 ноября 1902 г., в РАИК, под заглавием: Греческие рукописи Серальской библиотеки в Константинополе; 2) 28 января 1903 г., доклад в Русском археологическом обществе на ту же тему. 3) 21 ноября 1904 г., доклад в РАИК. Византийский писатель Исаак Комнин Порфирородный и севастократор. В переработанном и дополненном виде включено в рассматриваемую монографию (гл. I, стр. 17—32). 4) В начале апреля 1905 г., доклад на Международном археологическом конгрессе в Афинах на тему: Серальская библиотека и хранящаяся в ней иллюстрированная рукопись восьмикнижия. 5) 20 апреля 1905 г. на Международном конгрессе востоковедов в Алжире от имени Ф. И. Успенского (который в это время находился на конгрессе в Афинах) был прочитан доклад: Письмо Аристия к Филократу. Письмо Аристия включено в рассматриваемую монографию (гл. I, стр. 1—18, 104—108). 6) Доклад 19 ноября 1906 г., в РАИК: Археологическая поездка по Южной Македонии. 7) 26 февраля 1906 г. Ф. И. Успенский прочитал в РАИК доклад: Ориген и его занятия библейским текстом. В переработанном и дополненном виде материал доклада включен в рассматриваемую монографию, стр. 190—197. 8) Доклад, прочитанный в 1906 г. в Об-ве любителей древней письменности: Серальский лицевой октаевх.

См. также: Никифор Феотоки и лейпцигское издание толкований на восьмикнижие (№ 106, 1904). Эта статья использована в настоящей монографии с дополнениями о Серальском кодексе (см. стр. 43—51, 89—96).

113. *Походы в Египет короля иерусалимского Амальриха I*. ЖМНП, 1907, № 11, стр. 239—244.

Рецензия на книгу: Schlumberger, G. Campagnes du roi Amaury I-er de Jérusalem en Égypte au 12-e siècle. Paris, 1906, 352 p.

114. *Резная деревянная доска от древнего складня*. ИРАИК, т. 13, 1908, стр. 348—362, 1 табл. (приложение № 1 к отчету РАИК за 1905 г.).

115. *О перевозке из Пальмиры в С.-Петербург плиты с надписью*. ИРАИК, т. 13, 1908, стр. 363—371 (приложение № 2 к отчету РАИК за 1905 г.).

Древняя плита с текстом таможенного тарифа на греческом и арамейском языках.

116. *Болгарские Асеневици на византийской службе в XIII—XIV вв.* ИРАИК, т. 13, 1908, стр. 1—16, I табл.

117. *Вновь открытые мозаики в церкви св. Дмитрия в Солуни*. ИРАИК, т. 14, вып. 1, 1909, стр. 1—61, табл. 1—20.

К искусствоведческому комментарию приложен подробный исторический экскурс о славянской колонизации сев. Балкан в VII в.

Рецензии: 1) Айналов, Д. В. ВизВ, 1908, т. 15, стр. 541—546. (Оценка художественной стороны мозаик). 2) Ивановъ, Иор. Извѣстия на българското археологическо дружество, София, 1910, т. 1, стр. 233—237. 3) Gerland, E. Deutsche Literaturzeitung, Berlin Leipzig, 1912, № 33, Sp. 2076—2079. 4) ByzZ, 1910, B. 19, S. 256.

Характеристику настоящей работы см. Горянов, Б. Т..., стр. 94.

118. *L'Institut archéologique russe à Constantinople*. Revue contemporaine, St-Petersbourg, 1910, № 10, p. 30—41.

28 июня 1909 г. на заседании IV областного историко-археологического съезда в г. Костроме автором был прочитан доклад: Русский археологический институт в Константинополе, его задачи и деятельность.

25 февраля 1910 г. в Московском археолог. о-ве Ф. И. Успенским был прочитан другой доклад: О работах и последних исследованиях Русского археологического института в Константинополе.

119. [Докладная записка в Министерство народного просвещения об открытии при Русском археологическом ин-те в Константинополе отделения доисторических древностей]. ИРАИК, т. 16, 1912, стр. 365—369.

120. *История Византийской империи, т. I*, СПб., Брокгауз-Ефрон, 1913, XIV, 872 стр., 7 карт., 12 табл., 87 рис.

Рецензии: 1) Безобразов, П. В. ВизВ, 1913, т. 20, стр. 294—301; 2) И. Б. Исторический вестник, 1913, № 12, стр. 1157—1159. 3) И. Б. Одесский листок, 1913, № 252. 4) Иловайский, Д. И. Византия и славянский вопрос в русской историографии. В газете Кремль, М., 1913, № 56—58. 5) Кареев, Н. И. Русские ведомости, 1913, № 250. 6) Захаров, А. Гермес, 1914, № 9 (135), стр. 254—255. 7) Успенский, К. Н. Новый крупный труд по истории Византии. Голос минувшего, 1914, № 4, стр. 283—292. 8) Русская мысль, 1914, № 2, стр. 73. 9) Васильев, А. ЖМНП, 1915, № 1, стр. 227—241. То же в краткой редакции, Вестник Европы, 1914, № 2, стр. 389—395. 10) Соколов, И. Slavia, Praha, 1928, roč. 7, str. 421—422. 11) Moravcsik, J. ByzZ, 1928, B. 28, S. 404—407 (на 1 и 2 томы). Там же, 1924, B. 25, S. 477 (заметка).

Характеристику настоящего труда см.: 1) Васильев, А. А. Лекции по истории Византии, т. I, Пг., 1917, стр. 35—38.

2) Бузескул, В. П. Общий очерк. (II, № 34, 1929, стр. 48—49). 3) Weingart M. F. J. Uspenskiij (II, № 40, 1929, str. 177—180).

В 1896 г. Ф. И. Успенский представил для отзыва в Моск. археологическое общество Программу по истории Византийской империи (с приложением объяснительной записки).

Осенью 1901 г. и весной 1902 г. Ф. И. Успенский прочитал в РАИК 17 лекций по общему курсу истории Византии, кончая временем Кирилла и Мефодия.

Некоторые отделы Истории Византийской империи составлены на основе ранее прочитанных автором докладов, или прежде изданных работ: так ее Введение составлено из переработанных и дополненных материалов двух публичных лекций в Одессе (1890 г.) на тему: Сходства и различия в историческом развитии Западной и Восточной Европы, а также доклада на ту же тему в заседании РАИК в 1896 г. В августе 1893 г. на IX археологическом съезде в Вильно Ф. И. Успенский прочитал доклад на тему: Вопрос о готах. 12 марта 1895 г. был прочитан другой доклад на заседании РАИК, озаглавленный: Германцы на службе Восточной империи. 14 ноября 1907 г. на заседании РАИК был прочитан доклад: Язычники и христиане в половине IV в. См. №№ 56 и 185.

121. *Первые страницы русской летописи и византийские переходные сказания*. ЗОО, т. 32, 1915, стр. 199—228. Изд. отдельно: Одесса, 1915, 32 стр.

122. *Всемирно-историческое значение переживаемых событий*. Биржевые ведомости, 1915, Пг., 31 марта.

123. *Конкуренция народов на Ближнем Востоке*. Биржевые ведомости, 1915, 6 апреля.

124. *Действительные и мнимые позиции на Ближнем Востоке*. Биржевые ведомости, 1915, 13 апреля.

125. *Константинополь — Стамбул — Царьград*. Биржевые ведомости, 1915, 21 апреля.

126. *С кем пойдет Константинопольский патриарх?* Биржевые ведомости, 1915, 27 апреля.

127. *Русские интересы на Афоне*. Биржевые ведомости, 1915, 7 и 14 мая.

128. *Религия и политика*. Биржевые ведомости, 1915, 1 июня.

129. *Суровый приговор над богословской диссертацией*. Биржевые ведомости, 1915, 12 июня.

Заметка в защиту диссертации П. Г. Преображенского о Феофане Исповеднике, за которую ее автору было отказано в ученой степени магистра советом СПб. духовной академии. См. рецензию на эту диссертацию (№ 136, 1915—16).

130. *Национальная идея на Балканском полуострове. Албанцы.* Биржевые ведомости, 1915, 23 июня.

9 декабря 1912 г. в РАИК был прочитан доклад: Инородческие элементы в пределах Византийской империи, разбирающий преимущественно албанский вопрос с древнейших времен.

131. *Балканская проблема.* Биржевые ведомости, 1915, 24 и 25 августа.

132. *На перепутьи.* Биржевые ведомости, 1915, 3 декабря.

133. *Новая струя, вносящая оживление в историю Византии.* ВизВ, 1915—16, т. 22, стр. 1—12—4.

134. *Уклон консервативной Византии в сторону западных влияний.* ВизВ, 1915—16, т. 22, стр. 21—40.

135. [Рецензия на книгу:] Доброклонский, А. А. *Преподобный Феодор, исповедник и игумен студийский. Ч. 1. Его эпоха, жизнь и деятельность.* Одесса, 1913, XX, 972, ХС, 10 стр. ч. II. Его творения. Вып. 1, Одесса, 569 стр. — ВизВ, 1915—16, т. 22, стр. 172—184.

136. [Рецензия на книгу:] Преображенский, П. Г. *Летописное повествование Феодана Исповедника (758—817).* Вена, 1912, изд. автора, XII, 266 стр. — ВизВ, 1915—16, т. 22, стр. 297—304. См. № 129.

137. *Первостепенные и второстепенные театры военных действий.* Русская будущность, Пг., 1916, № 17 (22 апреля), стр. 5—6.

138. *Как понимать Восточный вопрос?* Русская будущность, Пг., 1916, № 21—22.

139. [Работа в Трапезунте в 1916 г.:] I. *Сообщения и отчет о командировке в Трапезунт.* Приложение к протоколу 10 заседания Отд. историч. наук и филологии Имп. Академии Наук 21 сентября 1916 г. II. [Сообщение об условиях хранения собранных и оставленных в Трапезунте восточных рукописях]. Из протокола 11 заседания того же Отд., 12 октября 1916 г. III. *Второй отчет о занятиях в Трапезунте и окрестностях.* Приложение к протоколу 12 заседания того же Отд., 26 октября 1916 г. — ИАН, 1916, стр. 1464—1480, 1490—1492, 1657—1663. См. № 146.

О своих археологических работах в Трапезунте и о его древностях Ф. И. Успенский прочитал четыре доклада в Трапезунтском гарнизоне и в Петрограде.

140. *Старинная крепость на устье Чороха.* ИАН, 1917, стр. 163—169.

Доклад 11 января 1917 г. на заседании Отд. истор. наук и филологии Акад. Наук.

Заметка: Kurtz, E. ByzZ, 1924, В. 24, S. 227.

141. *Трапезунтская рукопись в Публичной библиотеке (№ 69).* ИАН, 1917, стр. 719—724, 2 фото-таблицы.

Доклад 22 марта 1917 г. на заседании Отд. истор. наук и филологии Акад. Наук.

Заметка: Kurtz, E. ByzZ, 1924, В. 24, S. 158.

142. *Константинопольская серальская рукописная псалтирь с толкованиями.* ВизВ, 1917—1922/1923, т. 23, стр. 118—133. Приложены образцы греческих текстов псалтири из кодексов Серальского и РАИК (стр. 128—133).

143. *Хроника византиноведения. [Работы в Трапезунте и образование византологических комиссий в Акад. Наук].* ВизВ, 1917—1922/1923, т. 23, стр. 134—141.

144. *Усыпальница царя Алексея IV в Трапезунте.* ВизВ, 1917—1922/1923, т. 23, стр. 1—14, 3 рис.

145. [Отзыв о книге:] Барвинок, В. И. *Никифор Влеммид и его сочинения.* Киев, 1911. XXXIII, 336, 11, 6 стр. Сб. отчетов о премиях и наградах, присужденных Российской Академией Наук за 1912 г. Пг., 1918, стр. 101—118.

Приложение: Отрывок Серальского кодекса толкования псалтири Зигавина в сравнении с отрывком Влеммида по кодексу РАИК, стр. 118—124.

146. *Отчет о занятиях в Трапезунте летом 1917 г.* ИАН, 1918, стр. 207—138.

Доклад 17 января 1918 г. в заседании Отд. историч. наук и филологии Акад. Наук. См. № 139.

Заметка: Kurtz, E. ByzZ, 1918, В. 23, S. 496.

147. *Монастырские акты Иоанна Предтечи Вазелон (Греческая рукопись Публичной библиотеки в Петрограде, № 743).* ИАН, 1919, стр. 1007—1022.

Доклад 1 октября 1919 г. на заседании Отд. истор. науки и филологии Акад. Наук. Материал настоящего доклада использован с переработкой и дополнениями в комментариях к книге: Вазелонские акты (№ 184, 1927).

148. *Петербургский университет в 1867—1871 гг. по воспоминаниям студента.* В сб. Дела и дни, № 1, Пг., ГИЗ, 1920, стр. 163—174.

149. *Записка об ученых трудах проф. (СПб. ун-та по кафедре русской истории) С. Ф. Платонова (1866—1933).* ИАН, 1920, стр. 5—7. Приложен список печатных трудов. Записку подписали Ф. Успенский, В. Бартольд, А. Никитский, Б. Тураев.

150. *Записка о трудах проф. (всеобщей истории Петроградского ун-та) Е. В. Тарле. (Род. в 1874 г.)* ИАН, 1921, стр. 67—72.

Составлено при избрании в члены-корреспонденты Академии Наук. Записку подписали: Ф. Успенский и С. Платонов. См. № 188.

151. *Записка об ученых трудах (проф. русской истории Московского ун-та) М. М. Богословского (1867—1929)*. ИАН, 1921, стр. 177—178. Приложен список трудов. Записку подписали: С. Платонов, Ф. Успенский, А. Никитский.

152. *Записка об ученых трудах (б. проф. русской истории СПб. ун-та) Н. Д. Чечулина (1863—1927)*. ИАН, 1921, стр. 73—75. Записку подписали: Ф. Успенский, С. Платонов.

153. *Записка об ученых трудах (члена французской академии надписей и изящной словесности, синолог) Поля Пеллио (Paul Pelliot, род. в 1878 г.)*. ИАН, 1922, стр. 56—57. Записку подписали: С. Ольденбург, И. Крачковский и Ф. Успенский.

154. *Записка об ученых трудах проф. (Харьковского ун-та, историка древней Греции) В. П. Бузескула (1858—1931)*. ИАН, 1922, стр. 111—114. Приложен список трудов. Записку подписали: Ф. Успенский, Н. Марр, В. Бартольд, С. Платонов.

155. [Об издании журнала „Анналы“], ИАН, 1922, стр. 123. (Протокол заседания Отд. истор. наук и филологии Акад. Наук 1 февраля 1922 г.).

Докладная записка от имени специальной комиссии об организации при Академии Наук издания журнала по всеобщей истории „Анналы“ под ред. Ф. И. Успенского и Е. В. Тарле.

156. [Возобновление издания сборника „Византийский Временник“]. ИАН, 1922, с. 129—130. (Протокол заседания Отделения исторических наук и филологии 26 апр. 1922 г.).

Докладная записка.

✓ 157. *Из истории византиноведения в России*. В сб. *Анналы* № 1, П., Изд-во Петроград, стр. 110—126. См. № 177.

158. *Социальная эволюция и феодализация в Византии*. В сб. *Анналы*, № 2. Изд-во Петроград, 1922, стр. 95—114. См. № 184.

159. *А. В. Никитский (1859—1921, академик, специалист по греческой эпиграфике)*. ИАН, 1923, стр. 1—3.

Некролог, прочитанный 23 мая 1923 г. на заседании Отд. истор. наук и филологии Акад. Наук.

160. [Комиссия по переизданию греческого словаря Дюканжа и комиссия „Константин Порфирородный“]. ИАН, 1923, стр. 504—506. (Протокол заседания 5 сентября 1923 г. Отд. истор. наук и филологии Акад. Наук).

Предложение о слиянии обеих комиссий в одну под названием „Русско-византийская историко-словарная комиссия“ и предвари-

тельный отчет о деятельности второй комиссии за пять лет (1918—1923).

161. *Путевые записки Вениамина из Туделы*. В сб. *Анналы*, № 3, П., Изд-во Петроград, 1923, стр. 5—20.

162. *Записка об ученых трудах (проф. Петроградского ун-та, византолога) А. А. Васильева (род. в 1867 г.)* ИАН, 1923, стр. 365—367. Приложен список трудов.

Записку подписали: Ф. Успенский, Н. Марр, С. Платонов, И. Крачковский.

163. *Материалы для словаря Дюканжа. Κατάλογος*. ВизВ, 1923—1926, т. 24, стр. 130—134.

164. *Ученая деятельность Б. А. Панченко (1872—1920, б. ученого секретаря РАИК)*. ВизВ, 1923—1926, т. 24, стр. 95—102.

165. *Византийские историки о монголах и египетских мамлюках*. ВизВ, 1923—1926, т. 24, стр. 1—16.

25 ноября 1926 г. на заседании Русско-византийской словарной комиссии при Акад. Наук Ф. И. Успенским был прочитан доклад: Значение выступления монголов в общеевропейской истории. 9 мая 1927 г. на заседании подкомиссии по вопросам об экономических и торговых связях Древней Руси с Византией и Востоком (при Русско-византийской историко-словарной комиссии) Ф. И. Успенским был прочитан доклад: О морском и сухопутном движении из Центральной Азии в Европу. См. № 198.

166. [К работам Русско-византийской комиссии]. ВизВ, 1923—1926, т. 24, стр. 115—116, 119—120, 124—125. (Выдержки из статьи В. Н. Бенешевича: Русско-византийская комиссия. Glossarium graecitatis).

1) Докладная записка о плане работ Русско-византийской историко-словарной комиссии Акад. Наук в связи с планом переиздания греческого словаря Дюканжа Международным союзом академий. 2) Докладная записка в Президиум Академии Наук от 22 октября 1924 г. о необходимости напечатания собранных комиссией материалов и о возобновлении выпуска „Византийского временника“ (см. № 156, 1922). 3) Указания на обсуждение отдельных греческих слов и терминологии памятников на заседаниях Русско-византийской историко-словарной комиссии.

167. *Записка об ученых трудах (проф. Ленинградского ун-та, византолога) В. Н. Бенешевича (Род. в 1874 г.)* ИАН, 1924, стр. 536—538. Записку подписали: Ф. Успенский, В. Бузескул, И. Крачковский и Н. Марр.

168. [Сообщение о докладе В. Н. Бенешевича: Византийские таблицы о рангах по Клиторологии Филофея и иерусалимским

спискам./ ИАН, 1924, стр. 640—641. (Протокол заседания Отд. истор. наук и филологии Акад. Наук 3 апреля 1924 г.).

Указанный доклад был прочитан В. Н. Бенешевичем 3 апреля 1924 г. на заседании Русско-византийской комиссии (см. ВизВ, 1923—1926, т. 24, стр. 123) и напечатан в переработанном виде под заглавием: *Die byzant. Ranglisten nach dem Kletorologion Philothei und nach den Jerusalemer Handschriften zusammengestellt und revidiert. Byzant.-neugriech. Jahrbücher, Athen, 1926, B. 5, S. 114—131.*

169. *Записка об ученых трудах (известного историка Французской революции) А. Олара (A. Aulard, 1849—1928).* ИАН, 1924, стр. 546. Приложен список трудов. Записку подписали: Ф. Успенский и В. Бузескул.

170. *Записка об ученых трудах (французского археолога и византолога) Г. Шлёмберже (G. Schlumberger, 1844—1929).* ИАН, 1924, стр. 548—550. Записку подписали: Ф. Успенский, В. Бузескул, С. Платонов.

171. *Записка об ученых трудах (видного специалиста по истории византийского искусства и археологии) Г. Милле (G. Millet, род. в 1867 г.).* ИАН, 1924, стр. 551—553. Записку подписали: Ф. Успенский и Н. Марр.

172. *Записка об ученых трудах (проф. всеобщей истории Варшавского ун-та) Н. Н. Любовича (1855—1937).* ИАН, 1924, стр. 539—542. Записку подписали: Ф. Успенский, В. Бузескул, С. Платонов.

173. *Записка об ученых трудах (проф. всеобщей истории Московского ун-та) Д. М. Петрушевского (1863—1942).* ИАН, 1924, стр. 542—545. Записку подписали: Ф. Успенский, В. Бузескул, С. Платонов.

174. *И. В. Яич (1838—1923).* В сб. *Анналы*, № 4, 1924, Л., изд-во Петроград, стр. 252—253.

Краткий некролог члена Академии наук, выдающегося специалиста по славянской филологии.

175. *Трапезунтская империя.* В сб. *Анналы*, № 4, Л., изд-во Петроград, 1924, стр. 20—33.

176. *Записка об ученых трудах (известного франц. византолога) Ш. Диля (Ch. Diehl, 1869—1944).* ИАН, 1925, стр. 890—892. Записку подписали: Ф. Успенский и И. Крачковский.

177. *Notes sur l'histoire des études byzantines en Russie.* Byzantion, Bruxelles, 1926, t. 2, p. 1—53. Пер. с русского Н. Grégoire.

178. *Памяти (академика, крупнейшего историка византийского искусства) Н. П. Кондакова (1844—1925).* ИАН, 1926, стр. 567—576, с портретом.

Некролог, прочитанный 3 октября 1925 г. на общем собрании Акад. Наук СССР.

179. *Памяти (академика и историка древнегреческих поселений южной России) В. В. Латышева (1855—1921).* ИАН, 1926, стр. 677—684.

Некролог, прочитанный 10 февраля 1926 г. на заседании Отд. истор. наук и филологии Акад. Наук СССР.

180. *П. Г. Виноградов (1854—1925, академик, выдающийся медиевист).* ИАН, 1926, стр. 1405—1414.

Некролог, прочитанный 9 октября 1926 г. на общем собрании Акад. Наук СССР.

181. *Конкуренция народов на Ближнем Востоке.* В сб. *Сообщения Российского палестинского общества*, т. 29, Л., 1926, стр. 1—27.

В 1923 г. на заседании кружка Друзей греческого языка и литературы, при Петроградском ун-те был прочитан доклад: *Конкуренция народов на восточном побережье Средиземного моря*. см. № 123.

182. *Восточная политика Мануила Комнина: турки-сельджуки и христианские государства Сирии и Палестины.* В сб. *Сообщения Российского палестинского об-ва*, т. 29, Л., 1926, стр. 111—138.

Глава XIV из неизданного третьего тома *Истории Византийской империи* (отд. VI).

183. *Основание Русского археологического института в Константинополе — Протоколы заседаний Отделения историч. наук и филологии Акад. Наук СССР.* Л., 1926, стр. 14—35 (Приложение к протоколу III-го заседания). Напечатано как рукопись.

184. *Вазелонские акты. Материалы для истории крестьянского и монастырского землевладения в Византии 13—15 вв.* Л. Гос. публ. б-ка, 1927, II, 124., стр., 11 табл. (Гос. публ. б-ка, Л., серия V. Orientalia, № 2).

Заглавие приведено также на франц. яз. Издано с историко-юридическим комментарием Ф. И. Успенским и В. Н. Бенешевичем. Посвящено второму международному конгрессу византинистов, состоявшемуся в 1927 г. в Белграде.

Книга состоит из следующих частей: Предисловие, стр. I—II, тексты актов на греческом языке, стр. 1—124, комментарий к текстам актов, стр. I—CIV, приложение к гл. 1, стр. CV—CIX, условн. знаки, стр. CX—CXII, указатель лиц, стр. CXIII—CXXXVII, указатель мест, стр. CXXXVIII—CL.

Рецензии: 1) Соколов, И. Украина, Київ, 1930, травень-червень, стр. 177—180. 2) Он же. *Slavia, Praha*, 1928, roč. 7, str. 413.

3) Черноусов, Е. А. Новинки по экономической истории Византии. Библиогр. заметки, Сб. статей по вопросам культуры. Ростов н/Д, 1928, стр. 206—209. (Труды Сев.-Кав. ассоциации научно-исследовательских ин-тов, № 43. Ин-т местной экономики и культуры, в. 4). 4) Amantos, K. *Ἑλληνικά*, 1928, № 1, сел. 444—446. 5) Dölger, F., *ByzZ*, 1929—1930, В. 29, S. 329—344. 6) Ostrogorski, G. *Byzantin.-neugriech. Jahrbücher*, Athen, 1928, В. 6, Н. 3—4, S. 580—586.

Характеристику настоящего исследования см.: 1) Бузескул, В. П. Общий очерк... (II, № 34, 1929, стр. 50—51); 2) Горянов, Б. Т..., стр. 63—64, 66—67.

30 мая 1925 г. на заседании Русско-византийской комиссии Ф. И. Успенским был прочитан доклад: Магистр Косьма, паричское право.

185. *История Византийской империи*, т. 2, ч. 1, Л., изд. автора, 1927, (I—V), 520 стр., 29 илл.

Рецензии: 1) Соколов, И. И. *ВизВ*, 1928, т. 25, стр. 154—157. Он же. *Slavia, Praha*, 1928, roč. 7, str. 422—423. Он же. Там же, 1931. roč. 10, str. 586—599 (основная рецензия). 2) Grumel, B. *Echos d'Orient*, Paris, 1928, t. 31, p. 504—506. (Рец. на 1 и 2 томы). 3) Moravcsik, J. *ByzZ*, 1928, В. 28, S. 404—407. То же на венгерском яз.: *Történeti szemle*, Budapest, 1929, № 14, p. 244—249. 4) Vogt, A. *Revue des questions historiques*, Paris, 1929, № 10, p. 483—485.

Характеристику рассматриваемой работы, см. в статьях В. П. Бузескула и М. Вейнгарта, указанных при томе первом ИВИ (№ 120, 1913), а также в обзоре Brian-Chaninov N. *Revue des questions historiques*, Paris, 1929, № 4, p. 458—459 (*Courrier russe*).

Отрывок из XI главы (отд. IV) под заглавием: Греция и эллинизм в конце VIII и начале IX в. (стр. 212—217) был помещен до выхода в свет настоящего полутома в оставшемся неизданным „Сборнике статей в честь тридцатипятилетия научной деятельности С. А. Жебелева“.

Изложение отрывка приведено в изданном ГАИМК обзоре содержания упомянутого сборника: *Récueil Gébélév. Récueil d'études dédiées à S. A. Gébélév par ses élèves, ses amis et ses confrères* L., 1926 p. 5—6.

186. *Выделение Трапезунта из состава Византийской империи*. В сб. *Seminarium Kondakovianum*, т. 1, Прага, 1927, стр. 21—34. См. № 195.

187. *Последние Комнины. Начало реакции*. *ВизВ*, 1927—28, т. 25, стр. 1—23.

188. *Записка об ученых трудах (проф. всеобщей истории Ленингр. ун-та) Е. В. Тарле. (Род. в 1874 г.)*. ИАН, 1927, стр. 1557—1560. Приложен список трудов. Составлено при избрании в действит. члены Акад. Наук.

Записку подписали: Ф. Успенский, В. Бузескул, М. Богословский, С. Платонов. См. № 150.

189. *Записка об ученых трудах (немецкого археолога) Т. Виганда (Th. Wiegand, род. в 1864 г.)*. ИАН, 1927, стр. 1522—1528.

Записку подписали: Ф. Успенский, И. Крачковский, С. Ольденбург, В. Бузескул, С. Платонов.

190. *Записка об ученых трудах (археолога и проф. греческой филологии Ленингр. ун-та) С. А. Жебелева (1869—1942)*. ИАН, 1927, стр. 1541—1545. Приложен список печатных трудов.

Записку подписали: В. Бузескул, Ф. Успенский, В. Бартольд, С. Платонов, Н. Марр, И. Крачковский.

191. *Записка об ученых трудах (немецкого византолога) А. Гейзенберга (A. Heisenberg, 1869—1930)*. ИАН, 1927, стр. 1520—1521.

Записку подписали: Ф. Успенский, И. Крачковский, В. Бузескул, С. Платонов.

192. *Записка об ученых трудах (проф. греческой филологии Моск. ун-та) С. И. Соболевского (Род. в 1864 г.)*. ИАН, Отд. гуманитар. наук, 1928, стр. 449—451. Приложен список печатных трудов.

Записку подписали: С. Жебелев, Ф. Успенский, В. Бузескул.

193. J. V. Bury (1861—1927). ИАН, Отд. гуманитар. наук. 1923, стр. 1—10.

Некролог английского византолога, проф. всеобщей истории Кембриджского ун-та и чл.-корресп. Акад. Наук СССР, прочитанный 3 марта 1928 г. на общем собрании Академии.

194. *Балканский полуостров в XIII в. Сб. статей в честь А. И. Соболевского*, Л., 1928, стр. 398—400.

Отрывок из неизданного т. III „Истории Византийской империи“.

195. *Очерки из истории Трапезунтской империи (с кратк. предисловием С. А. Жебелева)*, Л., 1929, 160 стр., 5 фото-таблиц (Академия Наук СССР).

Предисловие автора, стр. 1—3, гл. 1—10, стр. 4—140. Приложения: 1) Надпись в церкви Иоанна... стр. 140—149. 2) Колокольная при храме Софии... стр. 149—154. 3) Кремль, стр. 154—156. 4) Указатель, стр. 156—160.

Рецензии: 1) Андреева, М. А. *Byzantinoslavica*, Praha, 1930, № 1, стр. 116—118. 2) Соколов, И. И. *Україна*, Київ, 1930, липень-

сепень, стр. 149—151. 3) Epstein, F ByzZ, B. 31, 1931, S. 101—102. 4) Grumel, B. Echos d'Orient, Paris, t. 30, 1931, p. 121—122. 5) Vasiliev, A. A. The empire of Trebizond in history and literature. Byzantion, Boston, 1941, v. 15. p. 351—353.

Характеристику настоящей работы см. Горянов, Б. Т..., стр. 70—73.

25 ноября 1926 г. Ф. И. Успенским на заседании Русско-византийской комиссии был прочитан доклад: Трапезунт в начале XIII в.

196. Центробежные и центростремительные силы в истории Византии. Изв. Акад. Наук СССР, ООИ, 1931, стр. 455—470.

Гл. V, Отд. VII из неизданного третьего тома Истории Византийской империи. Статья прочитана в виде доклада на заседании Русско-византийской комиссии Акад. Наук 10 дек. 1925 г.

✓ 197. Значение похода Святослава в Болгарию. Вестник древней истории, 1939, № 4, стр. 91—96.

Часть главы XIX из неопубликованной второй части второго тома „Истории Византийской империи“ (отд. V).

198. Движение народов из Центральной Азии в Европу. I. Турки II. Монголы. ВизВ, т. I (XXVI). 1947, стр. 10—28.

Обработка доклада 9 февр. 1928 г., прочитанного в подкомиссии (Русско-визант. комиссии Академии наук) по изучению экономических и торговых связей древней Руси с Византией и Востоком. Входит в серию статей Ф. И. Успенского последних лет его жизни о значении появления монголов и турок в истории Европы и Византии

Б. Труды, изданные под редакцией Ф. И. Успенского

1. Труды VI археологического съезда в Одессе, т. 2 и 4, Одесса, 1888—1889.

Напечатано под редакцией Ф. И. Успенского как председателя Редакционного комитета съезда.

24 августа 1884 г. на Археологическом съезде Ф. И. Успенским была прочитана первая часть доклада: Некоторые рукописи на о. Халки и в Святогорском подворье в Константинополе.

2. Южный сборник. В пользу пострадавших от неурожая. Одесса, 1892, Изд. Одесск. об-ва вспомош. литераторам и ученым, X, 256, 222 стр.

Предисловие: „От редакционного комитета“ составлено его председателем, Ф. И. Успенским (стр. III—V). В сборнике напечатана статья Ф. И. Успенского: Византия и крестоносцы (см. № 97, 1901).

3. Летопись историко-филологического общества при имп. Новороссийском ун-те, тт. I—V, Одесса, 1890—1895.

Рецензии: 1) Шестаков, С. П. ЖМНП, 1892, № 12, стр. 392—405. 2) Kurtz, E. ByzZ, 1893, B. 2, S. 136—142; 1895, B. 4, S. 614—622.

Характеристику настоящего издания см. Попруженко, М. Г. Сорокалетие ученой деятельности Ф. И. Успенского. (II, № 7, 1911, стр. 21).

4. Известия Русского археологического ин-та в Константинополе (ИРАИК). Одесса — София, т. 1—16, 1896—1913.

См. 1) Отчеты о деятельности РАИК, составленные Ф. И. Успенским за 1895—1896 гг. (№№ 75, 83, 1896, 1897) и указанные там рецензии, а также приведенные ниже (№№ 6—22) такие же отчеты за 1897—1913 гг., выходившие под ред. Ф. И. Успенского в ИРАИК и ВизВ. 2) Notes sur l'histoire des études byzantines en Russie (№ 177, 1926).

Характеристику настоящего издания см.: 1) Попруженко, М. Г., Сорокалетие ученой деятельности Ф. И. Успенского (II, № 7, 1911, стр. 23—29). 2) Kadlec, K. Ruský archeologický institut v Cařihradě (II, № 8, 1911). 3) Шкорпиль, Карель. Славянски научно-културенъ центъръ въ Цариградъ. Юбилеенъ сборникъ на славянского дружество въ България, 1899—1924, София, 1925, стр. 95—101.

Реферативные обзоры деятельности РАИК, иногда дополняемые изложением содержания его „Известий“, можно найти в соответствующих №№ ВизВ (см. ниже) и ByzZ. См. Gerland, E. Deutsche Literaturzeitung, Berlin — Leipzig, № 33, 1912 S. 2073—2079 (Характеристика ИРАИК, т. 13 и 14). См. Также II, № 35, 1929.

5. Отчет об ученой деятельности 9-го археологического съезда. Труды 9-го археологического съезда в Вильне, т. 2, М., 1897, стр. 122. (Протоколы).

Изложение доклада 14 августа 1893 г., сделанного Ф. И. Успенским в качестве председателя Ученого совета съезда.

6. Отчет о деятельности Русского археологического ин-та в Константинополе в 1897 г., ИРАИК, т. 3, 1898, стр. 195—230.

1) Заседания в Ин-те. 2) Ученые экскурсии в Малую Азию, в Ираклию, на Хиос и Патмос. 3) Собираание археологических материалов. 4) Редакционно-издательская деятельность. 5) Библиотека и кабинет древностей.

26 февраля 1897 г. на заседании РАИК Ф. И. Успенский произнес речь: О славянском элементе в Византийской империи. (Прочие доклады Ф. И. Успенского за 1897 г. см. №№ 85, 86).

Рецензия: Мсерианд, Л. Деятельность Русского археологического ин-та в Константинополе в 1896 и 1897 гг., Русская мысль, 1899, № 6, стр. 90—106.

См. 1) Беглери, Г. П. Русский археологический ин-т в Константинополе. ВизВ, 1898, т. 5, стр. 354—355; 2) И. С. Деятельность Русского археологического ин-та в Константинополе в 1897 г. ВизВ, 1899, т. 6, стр. 293—306.

7. *Отчет о деятельности Русского археологического ин-та в Константинополе в 1898 г.* ИРАИК, т. 4, вып. 3, 1899, стр. 109—155.

1) Заседания в Ин-те. 2) Археологические экскурсии в Никею и Македонию. 3) Редакционно-издательская деятельность. 4) Раскопки в Македонии. 5) Организация кабинета древностей.

В отчете имеются указания на доклады Ф. И. Успенского: 5 апреля 1898 г. в РАИК: О дочери Велисария на основании надписи в Солуни. 19 ноября 1898 г. там же: Памятники славянских древностей в Македонии (стр. 111), а также отчет об экспедиции в Македонию (стр. 122—152). (Прочие доклады Ф. И. Успенского за 1898 см. №№ 85, 86, 90). 19 февраля 1899 г. в Моск. археолог. обществе был прочитан доклад: Экспедиция РАИК в Македонию, летом 1898 г. 8 января 1899 г. доклад в РАИК на тему: Рукописи, находящиеся в Охриде в библиотеке при церкви св. Климента (стр. 131—141).

8. *Отчет о деятельности Русского археологического ин-та в Константинополе в 1899 г.* ИРАИК, т. 6, вып. 2—3, 1901, стр. 397—481.

1) Заседания, лекции и практические занятия в Ин-те. 2) Археологические экскурсии в Малую Азию, в с.-в. Болгарию и в Эльбасан. 3) Редакционно-издательская работа. 4) Раскопки в Македонии и Болгарии. (См. также доклады Ф. И. Успенского за 1899 г. № 108 и предыдущий № 7).

См. 1) Васильев, А. Экскурсия в Македонию осенью 1899 г. ВизВ, 1900, т. 7, стр. 588—590. 2) С. Раскопки Русского археологического ин-та в Константинополе и Болгарии осенью 1899 г. Там же, стр. 590—592. 3) Сонкин, В. Деятельность Русского археологического ин-та в Константинополе за 1899 г. Там же, 1901, т. 8, стр. 303—331.

9. *Отчет о деятельности Русского археологического ин-та в Константинополе в 1900 г.* ИРАИК, т. 7, вып. 2—3, 1900, стр. 213—244.

1) Заседания в Ин-те. 2) Археологическая экспедиция в Сирию. 3) Редакционно-издательская работа. 4) Раскопки в Болгарии близ дер. Абобы. 4) Организация библиотеки и кабинета древностей. (См. также доклады Ф. И. Успенского за 1900 г., №№ 95, 108).

См.: В. М. С. Русский археологический ин-т в Константинополе в 1900 г. ВизВ, 1901, т. 8, стр. 331—332.

10. *Отчет о деятельности Русского археологического ин-та в Константинополе в 1901 г.* ИРАИК, т. 8, вып. 3, 1903, стр. 330—341.

1) Ученые заседания в Ин-те и чтение лекций. 2) Редакционно-издательская работа. 3) Организация библиотеки и кабинета древностей. (См. также доклады Ф. И. Успенского за 1901 г., №№ 91, 96, 101, 108).

См. Б. П. Русский археологический ин-т в Константинополе в 1901 г. ВизВ, 1902, т. 9, стр. 294—300.

11. *Отчет о деятельности Русского археологического ин-та в Константинополе в 1902 г.* ИРАИК, т. 9, вып. 3, 1904, стр. 397—410.

1) Заседания в Ин-те. 2) Поездка в Равенну и Смирну с окрестностями. 3) Археологические исследования Константинополя и его района. 4) Изучение рукописей Серальской библиотеки. 5) Работы в мечети Кахриэ-Джами. 6) Редакционно-издательская работа. 7) Обработка археологического материала и пополнение коллекций. (См. также доклады Ф. И. Успенского за 1902 г., № 112).

См. Сонкин, В. Отчет о деятельности Русского археологического ин-та в Константинополе в 1902 г. ВизВ, 1903, т. 10, стр. 303—314.

12. *Отчет о деятельности Русского археологического ин-та в Константинополе в 1903 г.* ИРАИК, т. 9, вып. 3, 1904, стр. 411—430.

1) Заседания и лекции в Ин-те. 2) Издание научных трудов. 3) Исследование местных древностей и рукописей в Серале. 4) Научные экскурсии на Крит, в Малую Азию, в Грецию и Италию. 5) Пополнение и описание коллекций и библиотеки. (См. также доклады Ф. И. Успенского за 1903 г. № 112).

См.: Сонкин, В. Русский археологический ин-т в Константинополе в 1903 г. ВизВ, 1904, т. 11, стр. 419—425.

13. *Отчет о деятельности Русского археологического ин-та в Константинополе в 1904 г.* ИРАИК, т. 13, 1908, стр. 303—322.

1) Заседания и лекции в Ин-те. 2) Редакционно-издательская работа. 3) Экскурсия в Самсун и соседние города. 4) Пополнение и описание коллекций. (См. также доклады Ф. И. Успенского за 1904 г. № 112).

См.: Деятельность Русского археологического ин-та в Константинополе в 1904 г. ВизВ, 1906, т. 12, стр. 525—528.

14. *Отчет о деятельности Русского археологического ин-та в Константинополе в 1905 г.* ИРАИК, т. 13, 1908, стр. 323—347.

1) Заседания в Ин-те. 2) Участие в Международном археологическом съезде в Афинах. 3) Раскопки на месте г. Преславы и другие научные предприятия. 4) Редакционно-издательская работа. 5) Пополнение и описание коллекций.

20 ноября 1905 г. Ф. И. Успенский прочитал в РАИК доклад: Раскопки в Преславе (близ Шумлы) (стр. 332—333, 335—340). Прочие доклады Ф. И. Успенского за 1905 г. см. № 112.

См. также: 1) Деятельность Русского археологического ин-та в Константинополе в 1905 г. ВизВ, 1916, т. 13, стр. 240—243. 2) Шкорпиль, К. Български за старата българска столица Прѣславъ. Извѣстия на археологическото дружество въ София, № 4, 1914, стр. 129—147.

15. *Отчет о деятельности Русского археологического ин-та в Константинополе в 1906 г.* ИРАИК, т. 14, вып. 2—3, 1909, стр. 195/127—203/135.

1) Заседания в Институте. 2) Экспедиция на Афон, в Ю. Македонию, Никею и Бруссу. 3) Исследование развалин Студийского монастыря в Константинополе (мечеть Имрахор-Джами). 4) Редакционно-издательская работа. 5) Пополнение и описание коллекций. (Доклады Ф. И. Успенского за 1906 г. см. № 112.)

См. также: Деятельность Русского археологического ин-та в Константинополе в 1906 г. ВизВ, 1908, т. 14, стр. 196—200.

16. *Отчет о деятельности Русского археологического ин-та в Константинополе в 1907 г.* ИРАИК, т. 14, вып. 2—3, 1909, стр. 204/136—233/155.

1) Заседания в Ин-те. 2) Редакционно-издательская работа. 3) Приведение в порядок музея и библиотеки. (Доклады Ф. И. Успенского за 1907 г. см. № 120).

См. также: Деятельность Русского археологического ин-та в Константинополе в 1907 г. ВизВ, 1909, т. 15, стр. 199—202.

17. *Отчет о деятельности Русского археологического ин-та в Константинополе в 1908 г.* ИРАИК, т. 14, вып. 2—3, 1909, стр. 234/166—252/184.

1) Заседания в Ин-те. 2) Исследование мозаик храма Дмитрия Солунского, экспедиция в Македонию и Старую Сербию, исследование мечети Имрахор-Джами. 3) Редакционно-издательская работа. 4) Пополнение музея и библиотеки.

25 февраля 1910 г. Ф. И. Успенский прочитал на заседании РАИК доклад: Экспедиция Русского археологического ин-та в Константинополе в Дечаны и Старую Сербию (стр. 171/239—181/249).

19 марта 1910 г. на заседании РАИК был прочитан другой доклад: О дечанском храме и фресковой в нем росписи.

См.: Деятельность Русского археологического ин-та в Константинополе в 1908 г. ВизВ, 1909, т. 15, стр. 451—455.

18. *Отчет о деятельности Русского археологического ин-та в Константинополе в 1909 г.* ИРАИК, т. 15, 1911, стр. 240—258.

1) Заседания в Ин-те. 2) Участие в ученых съездах (в Каире и в Костроме). 3) Археологические работы в мечети Имрахор-Джами. 4) Пополнение коллекций.

21 ноября 1909 г. Ф. И. Успенский прочитал в РАИК доклад: Международный археологический съезд в Каире (стр. 242—244). (Прочие доклады Ф. И. Успенского в 1909 г. см. № 118).

В феврале 1910 г. Ф. И. Успенским был прочитан в Обществе любителей древней письменности доклад под заглавием: Новые исследования в Константинопольском монастыре Феодора Студита.

См.: Деятельность Русского археологического ин-та в Константинополе в 1909 г. ВизВ, 1911, т. 17, стр. 437—441.

19. *Отчет о деятельности Русского археологического ин-та в Константинополе в 1910 г.* ИРАИК, т. 15, 1911, стр. 259—289.

1) Заседания в Ин-те. 2) Поездка в Энос и его окрестности по южному берегу Мраморного моря, в Салоники и на о. Хиос. 3) Редакционно-издательская работа. 4) Пополнение музея и библиотеки. (Доклады Ф. И. Успенского за 1910 г. см. № 118 и предыдущие №№ 17, 18).

См. также: Деятельность Русского археологического ин-та в Константинополе в 1910 г. ВизВ, 1913, т. 18, стр. 115—118.

20. *Отчет о деятельности Русского археологического ин-та в Константинополе в 1911 г.* ИРАИК, т. 16, 1913, стр. 360—393.

1) Заседания в Ин-те. 2) Занятия по доисторической археологии Болгарии. 3) Обработка археологического материала. 4) Печатание ученых трудов. 5) Пополнение музея и библиотеки.

20 февраля 1911 г. Ф. И. Успенский произнес на заседании РАИК речь: Памяти первого почетного председателя Ин-та А. И. Нелидова (стр. 360—361).

См.: Деятельность Русского археологического ин-та в Константинополе в 1911 г. ВизВ, 1914, т. 20, стр. 327—330.

21. *Отчет о деятельности Русского археологического ин-та в Константинополе в 1912 г.* ВизВ, 1912, т. 21, стр. 110—115.

1) Заседания в Ин-те. 2) Экспедиция в окрестности Эноса и др. предприятия. 3) Редакционно-издательская работа. Пополнение музея и библиотеки.

22. *Отчет о деятельности Русского археологического ин-та в Константинополе в 1913 г.* ВизВ, 1913, т. 21, стр. 235—239.

Вследствие войны на Балканах работа Ин-та сосредоточилась, главным образом, на обработке собранных материалов.

См.: 1) Русский археологический ин-т в Константинополе. Правит. вестник, СПб., 1914, № 105 (15 мая). 2) Библиографическая летопись, Пг., 1915, № 11 (о судьбах коллекций РАИК после ликвидации Ин-та в 1914 г.).

23. *Византийский Временник*, Пг.—Л., тт. 22—25. 1915/1916—1927, Акад. Наук.

См.: 1) Лозовик. Г. Десять лет русской византологии 1917—1927 (П., № 21, 1928, стр. 231—235). 2) Brian-Chaninov, N. *Revue des questions historiques*, Paris, 1929, № 4, p. 457—458. (в обзоре: *Courrier russe*).

24. *Анналы. Журнал всеобщей истории, издаваемый Российской Академией Наук, под ред. Ф. И. Успенского и Е. В. Тарле* №№ 1—4. Пг.—Л. Из-во «Петроград», 1923—1924.

II. ЛИТЕРАТУРА о Ф. И. УСПЕНСКОМ

Хронологический список

1. [Избрание Ф. И. Успенского экстра-ординарным профессором Новороссийского ун-та]. ЗНУ, 1880, т. 29, стр. 99—106 (Протокол заседания Совета 7 мая 1879 г.).

Предложение проф. А. С. Трачевского и доц. В. Н. Пирогова, приложенное к представлению Историко-филологического ф-та от 26 апреля о возведении доцента, доктора всеобщей истории Ф. И. Успенского в экстра-ординарные профессора. Предложение сопровождается характеристикой ученых трудов последнего.

2. [Избрание Ф. И. Успенского ординарным профессором Новороссийского ун-та.] ЗНУ. 1880, т. 30, стр. 143—145 (Протокол заседания Совета от 20 сентября 1879 г.).

Представление Историко-филологического ф-та.

3. Маркевич, А. В. *Ф. И. Успенский*. ЗНУ, 1890, т. 53, стр. 200—202 (25-летие Новороссийского ун-та).

Биографическая заметка со списком трудов (№№ 1—18), сообщенным самим Ф. И. Успенским.

4. Н. К. *Ф. И. Успенский*. Энциклопедический словарь, т. 35 (п/том 69), СПб., Блокгауз-Ефрон, 1902, стр. 22—23.

5. *Ф. И. Успенский*. Большая энциклопедия, т. 19, СПб., Майер—Просвещение, 1904, стр. 52.

6. *Летопись Историко-филологического об-ва при Новороссийском ун-те*, Одесса, т. 21. С портр. Ф. И. Успенского.

Сборник посвящен сорокалетию ученой деятельности Ф. И. Успенского. Описано по № 13 (II, 1918, стр. 199). Обзореть не удалось, так как книга отсутствует в главных библиотеках Москвы и Ленинграда.

7. Попруженко, М. Г. *Сорокалетие ученой деятельности академика Ф. И. Успенского*. ЛИФО, т. 21. Приложен список трудов №№ 1—115. Изд. отдельно: Одесса, 1912, 41 стр.

Речь на собрании Историко-филологического об-ва при Новороссийском ун-те, произнесенная 3 ноября 1911 г. в честь юбилея Ф. И. Успенского. См. № 6.

Заметка: *ByzZ*, 1912, В. 20, S. 282.

8. Kadleč, Karel. *Ruský archeologický institut v Cařihradě a jeho reditel F. I. Uspenskij*. *Věstník české Akademie císaře Františka Josefa pro vědu, slovesnost a umění*. Ročník XX, Praha, 1911, С. 203—232, 261—290.

9. Безобразов, П. В. *Сорокалетие ученой деятельности Ф. И. Успенского*. ВизВ, 1913, т. 20, стр. 103—104.

10. Лаппо-Данилевский, А. С., Дьяконов, Н. М., Никитин, П. В., Латышев, В. В. *Доклад об ученых трудах сверхштатного академика Ф. И. Успенского (с приложением списка печатных трудов)*. Протоколы заседаний Отд. истор. наук и филологии Рос. Академии Наук. СПб., 1915, стр. 179—189. (2-е прилож. к протоколу 13 заседания Отд. истор.-филол. наук Академии Наук, 28 октября 1915 г.). Напечатано как рукопись.

11. *Ф. И. Успенский*. В кн.: Имп. Моск. археологическое об-во в первое 50-летие его существования. 1864—1914, М., 1915, стр. 378. Список трудов (№№ 1—18) в изданиях о-ва, стр. 228—229.

12. К. У. *Ф. И. Успенский*. Энциклоп. словарь, т. 42, М., Гранат, Б. г. (1915?), столб. 482—485.

13. *Ф. И. Успенский*. В кн.: Материалы для биографического словаря действ. членов имп. Академии Наук. Ч. 2, П., 1918, стр. 194—199.

Приложен список (с ошибками) печатных трудов (стр. 195—199, №№ 1—117), почти не отличающийся от такого же списка при статье М. Г. Попруженко (см. № 7). Указана библиография о Ф. И. Успенском.

14. Salaville, S. *Théodore Ouspensky (1845—1920)*. *Echos d'Orient*, № 125, I, Paris, 1922, p. 52.

Заметка по случаю 75-летия со дня рождения.

15. Бенешевич, В. Н. *Русско-византийская комиссия. Glossarium Graecitatis*. ВизВ, 1923—1926, т. 24, стр. 115—130.

В статье имеются материалы о научной деятельности Ф. И. Успенского, как председателя указанной Комиссии.

16. *Zu Ehren von Th. Uspenskij*. ByzZ., 1925, B. 25, S. 269.

Заметка по случаю 80-летия со дня рождения.

17. Бенешевич, В. Н. [Чествование Ф. И. Успенского по случаю его 80-летия]. ВизВ, 1926, т. 24, стр. 112—113. (Хроника).

Заметка о торжественном собрании Государственной академии истории материальной культуры в день юбилея Ф. И. Успенского 18 февраля 1925 г. На собрании, после приветственного слова его председателя Н. Я. Марра, были прочитаны доклады:

1) Приселков, М. Д. Работы Ф. И. Успенского как историка славян. 2) Васильев, А. А. Работы Ф. И. Успенского как историка Византии. 3) Фармаковский, Б. В. Работы Ф. И. Успенского как археолога.

18. Вернадский, Г. Академик Ф. И. Успенский. *Seminarium Kondakovianum*, т. I, Прага, 1929, стр. 307—308 (Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый семинарием им. Н. П. Кондакова).

Заметка по случаю 80-летия со дня рождения.

19. Златарски, В. и Милетичъ, Л. Ф. И. Успенский. Летопись на Българската академия на науките, 1925—1926, № 9, София, 1927, стр. 24—26.

Предложение об избрании Ф. И. Успенского в члены-корреспонденты Академии, состоявшемся 30 июня 1916 г. Обзор трудов и научной деятельности.

20. Valdenberg, V. *Les études byzantines en Russie (1924—1929)*. Byzantion, Bruxelles, 1927—1928, t. 4, p. 483—491.

21. Лозовик, Г. 10 лет русской византологии (1917—1927). Историк-марксист, М., 1928, № 7, стр. 228—238. Имеется характеристика основных трудов Ф. И. Успенского.

22. Лозовик, Г. Н. Ф. И. Успенский (1845—1928). Историк-марксист, 1928, № 9, стр. 110—114. Некролог.

23. Лозовик, Г. Н. Творчий шлях акад. Ф. И. Успенського. Східний світ, Харків, 1928, № 6, стр. 13—20.

24. Толль, Н. П. Академик Ф. И. Успенский. *Seminarium Kondakovianum*, № 2, Прага, 1928, стр. 328. (Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый семинарием им. Н. П. Кондакова). Заметка-некролог.

25. Bréhier, L. [F. Uspenskij]. *Revue historique*, Paris, 1928, № 11—12, p. 450.

26. Millet G. [Th. Uspenskij]. *Revue des études slaves*, Paris, 1923, т. 8, p. 323—325.

27. А. Н. F. I. Uspenskij. ByzZ, 1928, B. 28, S. 479—480.

Заметка-некролог.

28. Reinach, S. Th. Ouspensky. *Revue archéologique*, Paris, 1928, т. 28, p. 322.

29. Ostrugorsky, G. F. I. Uspenskij. Byzant.-neugriech. Jahrbücher, Athen, 1928, B. 6, S. 598—600.

30. Попруженко, М. Г. България въ трудоветѣ на Ф. И. Успенски. Македонски прѣгледъ, София, 1928, кн. 4, стр. 79—98.

Резюме на франц. яз., стр. 154—156.

31. Памяти академика Федора Ивановича Успенского. 1848—1928. Л., Акад. Наук СССР, 1929, 78 стр. С портретом. Сборник статей (№№ 32—37).

На обложке ошибочно указан год рождения „1848“ вместо „1845“.

Рецензия: Ильинский, Г. Byzantinoslavica, Praha, roč. 2, str. 173—174.

32. Жебелев, С. А. Ф. И. Успенский. 1. Биографическая канва. В сб. Памяти Ф. И. Успенского (№ 31), стр. 1—3.

33. Бенешевич, В. Н. Ф. И. Успенский. 2. Список ученых трудов. В сб. Памяти Ф. И. Успенского (№ 31), стр. 3—23. Самый полный из существующих списков. Перепечатан без изменений с параллельным переводом на франц. яз. в сб. L'Art byzantin chez es slaves... II, p. IX—XL (II, № 42, 1932).

34. Бузескул, В. П. Общий очерк деятельности Ф. И. Успенского. В сб. Памяти академика Ф. И. Успенского (№ 31) стр. 25—52.

35. Жебелев, С. А. Ф. И. Успенский и Русский археологический институт в Константинополе. В сб. Памяти Ф. И. Успенского, (№ 31), стр. 53—66.

36. Бенешевич, В. Н. Ф. И. Успенский как основатель и руководитель Русско-византийской комиссии Академии Наук. В сб. Памяти Ф. И. Успенского. (№ 31), стр. 67—74.

37. Малеев, А. И. Ф. И. Успенский как председатель кружка друзей греческого языка и литературы (в Ленингр. ун-те). В сб. Памяти Ф. И. Успенского (№ 31), стр. 75—78.

38. Жебелев, С. А. Памяти Ф. И. Успенского. Госуд. академия истории материальной культуры (ГАИМК). Сообщения, № 2, Л., 1929, стр. XXV—XXVI.

39. Анастасиевич, Д. Н. Ф. И. Успенски. Богословље, Бе оград, 1929, т. I, № 4, стр. 53—63. Некролог.

40. Weingart, M. F. J. Uspenskij a význam v dějinách ruské byzantologie. Byzantinoslavica, Praha, 1929. roč. 1, str. 165—181.

Резюме на нем. яз. Доклад в семинарии по славяноведению

в Карловом ун-те на собрании 28 ноября 1928 г., посвященном памяти Ф. И. Успенского.

41. Соколов, И. *Ученая деятельность академика Ф. И. Успенского*. Slavia, Praha, 1930, roč. 9, str. 642—645.

Заметка по случаю второй годовщины смерти.

42. *L'art byzantin chez les slaves. Recueil dédié à la mémoire de Th. Uspenskij*. I—II. Paris, Geuthner, 1930—1932. (Collection „Orient et Byzance“, t. IV—V). I. Les Balcanes. P. 1—2. XV, 305 p. 307 fig., LII pl. II. L'ancienne Russie, les slaves catholiques. P. 1—2. XLVIII, 535 p., 176 Fig., LXII pl. См. № 33.

Рецензии: 1) Byzantinoslavica, 1930, roč. 2, str. 474—476. 2) Bréhier, L. Revue historique, 1935, t. 175, p. 541—542. 3) Н. Т. и D. P. Seminarium Kondakovianum, т. 4, Прага, 1931, стр. 296—298.

43. Diehl, Ch. *L'oeuvre de Théodore Uspenskij*. L'art byzantin chez les slaves... I, p. VII—X (II, № 42, 1930)

Обзор трудов и научной деятельности.

44. Οὐσπένσκις, Θ. Ἐλευθερουδάκης ἐγκυκλοπαιδικὸν λεξικόν. Τ. 10. Ἐξδοτικὸς οἶκος Ἐλευθερουδάκης „ΑΕ“, ἐν Ἀθῆναις. 1930, σελ. 259.

Биографическая заметка.

45. Benešević, V. N. *Théodore Uspenskij. Essai de biographie*. L'art byzantin chez les slaves..., II, p I—VI. (II, № 42, 1932).

46. Златарски, В. Н. *Академикъ Ф. И. Успенски* (1845—1928). Лѣтопись на Българската академия на наукитѣ. 1928—1929. кн. XII, София, 1931, стр. 143—156.

Некролог с обзором важнейших работ.

47. Vasiliev, A. *Uspensky, Fedor Ivanovich*. Encyclopaedia of the social sciences, v. 15, New-York, 1935, p. 194.

Краткий очерк с перечислением важнейших трудов Ф. И. Успенского и литературы о нем.

См. также: Vasiliev, A. A. Byzantine studies in Russia. Past and present. American historical review, New-York, 1926, v. 32, N° 3, p. 539—545.

Доклад в декабре 1925 г. на собрании историч. о-ва в Анн Арбор (штат Мичиган, США). Имеется характеристика научной деятельности Ф. И. Успенского.

48. Ф. И. Успенский. Большая Советская Энциклопедия. т. 56. М. 1936, стлб. 347—348.

49. Данчовъ Н. Г. и Данчовъ И. Г. Ф. И. Успенски. Българска енциклопедия, София, и-во Ст. Атанасовъ. 1936, стр. 1575. С портретом Ф. И. Успенского.

50. Альтман В. Памяти Ф. И. Успенского. Сессия Отделения истории и философии Академии Наук СССР, посвященная вопросам византиноведения. Вопросы истории. М. 1945. № 1, стр. 116—

120. Ф. И. Успенскому были посвящены доклады Б. Т. Горянова и Н. С. Лебедева (см. №№ 54 и 55).

51. Лебедев Н. С. Академик Ф. И. Успенский и русское византиноведение. Звезда. Л. Гослитиздат. 1945. № 10—11, стр. 205—207.

52. Димитров Д. П. Сто години от рождането на руския византинист академик Ф. И. Успенский. Историч. преглед, София. Кн. 2. 1945—1946, стр. 226—235. В заключение обзора приведено подробное изложение почти всей статьи В. Альтмана (№ 50).

53. Византийский временник, т. 1 (XXVI). М. 1947... 387 стр., с портретом Ф. И. Успенского. (Акад. Наук СССР. Ин-т истории). Сборник посвящен памяти Ф. И. Успенского. Возобновленное издание, следующее за т. XXV (1927—1928).

54. Горянов, Б. Т. Ф. И. Успенский и его значение в византиноведении. (К столетию со дня рождения: 1845—7 февр.—1945). ВизВ, т. I (XXVI), 1947, стр. 29—108.

Самый обстоятельный обзор работ Ф. И. Успенского по главным темам, составленный с точки зрения современной советской византистики и дополняющий более ранние обзоры подобного же рода, упомянутые в настоящем списке, особенно статьи в сб. Памяти Ф. И. Успенского. 1929 (№ 31). В разбираемой статье Б. Т. Горяновым использован его же более ранний обзор: Ф. И. Успенский и русское византиноведение. Историч. журнал. М. 1944, № 12, стр. 44—52 и основанный на этом обзоре доклад в апреле 1945 г. на сессии Акад. Наук, посвященной Ф. И. Успенскому (см. № 50).

См. также краткие характеристики научной деятельности Ф. И. Успенского, включенные в историографические обзоры советской печати последнего десятилетия:

1. Жебелев, С. А. Русское византиноведение, его прошлое, его задачи в советской науке. Вестник древней истории, М., 1938, № 4 (5), стр. 114—115.

2. Шангин М. История славян в трудах русских византистов. Историч. журнал. М., 1941 № 12, стр. 134—136.

3. Лебедев, Н. С. Византиноведение в СССР за 25 лет. В сб. 25 лет исторической науки в СССР, Л., 1942, Акад. Наук, стр. 217—218.

4. Горянов, Б. Т. Академия Наук и византиноведение в дореволюционный период. Вестн. Акад. Наук СССР, М., 1945, № 5—6, стр. 184—188.

5. Пичета, В. И. Академия наук и славяноведение в советское время. Там же, стр. 163—165.

55. Лебедев, Н. С. Научное рукописное наследство акад. Ф. И. Успенского. ВизВ, т. I (XXVI), 1946, стр. 109—113.

Доклад в апреле 1945 г. на сессии Акад. Наук, посвященной Ф. И. Успенскому (см. № 50).

56. Готалов-Готлиб А. Г. Ф. И. Успенский как профессор и научный руководитель. Там же, стр. 114—126.

57. Каптерев С. Н. Bibliographia Uspenskiana. Хронологический указатель трудов Ф. И. Успенского и литературы о нем. Там же, стр. 270—314.

Сокращенный (в описательной части) вариант библиографии, входящей в подготовленную для печати по заданию Фундаментальной библиотеки ОН АН СССР рукопись: Материалы для обзора трудов и научной деятельности Ф. И. Успенского.

С. Н. Каптерев

Сектор истории Фундаментальной б-ки ОН АН СССР

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ РАБОТЫ В ОБЛАСТИ ВИЗАНТИНОВЕДЕНИЯ

Фундаментальная библиотека общественных наук Академии Наук СССР приступила к библиографическим работам в области византиноведения около трех лет тому назад. Работа с самого начала была запланирована широко в двух основных направлениях.

Ранее всего было предпринято составление персональных библиографий крупнейших наших византинистов — и в первую очередь В. Г. Васильевского, Ф. И. Успенского и Н. П. Кондакова. Эти работы были поручены научному сотруднику Сектора истории Библиотеки С. Н. Каптереву. В отношении этих выдающихся ученых был принят один общий тип персональной библиографии. Библиография каждого ученого должна заключать в себе, прежде всего, краткий очерк его научной деятельности и обзор трудов, распадающийся на следующие части: а) анализ наличных материалов для характеристики научной деятельности ученого; б) указания на основные факты его научной биографии в связи с важнейшими данными о его литературно-исследовательской работе и в) обзор критических отзывов на важнейшие труды ученого, как современных этим трудам, так и позднейших их оценок.

После этого вводного очерка, носящего отчасти историографический характер, неизбежный, в сущности, для всякой углубленной персональной библиографии, следует собственно библиографическая часть работы: а) основной аннотированный список трудов

ученого, расположенных в хронологическом порядке, причем основная задача аннотаций, — указать на взаимные связи между отдельными трудами ученого; б) вспомогательные списки тех же трудов, классифицированных по их тематике, типам и т. д., и в) хронологический аннотированный список литературы о данном ученом.

По этому плану уже разработаны персональные библиографии В. Г. Васильевского (около 20 авторских листов) и Ф. И. Успенского (в извлечении напечатана в настоящем выпуске „Византийского Временника“; в полном виде занимают около 15 авторских листов). В настоящее время ведется работа над библиографией Н. П. Кондакова: составлены вчерне картотеки его трудов и работ о нем.

Другое направление, в котором развивается библиография по византиноведению, это — составление полной библиографии книг на русском языке по истории Византии, причем эта тема принимается в самом широком смысле: картотека должна охватывать как историю в собственном смысле слова, так и смежные с ней области: историю права, историю церкви, историю искусства, историю литературы и т. д. Притом в картотеку должны войти не только материалы по истории самой Византии, но и по истории отдельных стран, находившихся в тесных взаимоотношениях с Византией и испытывавших ее культурное влияние, поскольку в соответствующих работах затрагивается вопрос об этом влиянии. С особой тщательностью картотека должно учесть книги, касающиеся вопросов об отношениях Византии к Руси, южным славянам, Грузии и Армении.

Картотека составляется различными, взаимно-восполняющими один другого методами. Прежде всего были систематически просмотрены все двадцать пять томов „Византийского Временника“ (1894—1928) с целью выявления всех библиографических указаний, имеющихся не только в рецензиях, библиографических заметках и т. п. материалах „Временника“, но и в подстрочных примечаниях к отдельным помещенным в нем статьям. Далее, с теми же установками, были просмотрены основные византинологические труды на русском языке (около ста книг). Наконец, — и это явилось наиболее трудоемким процессом, — были просмотрены систематические каталоги Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина: специальный каталог по истории Византии, каталоги по истории религий, искусства, права и др., а также некоторые разделы каталогов по истории СССР (например, Киевская Русь), по всеобщей истории (например, Крестовые походы). Всего было просмотрено около 150 тысяч карточек.

В результате этого комбинированного метода образовалась картотека объемом около 2 тысяч карточек, классифицированных по схеме, доложенной в июле 1944 г. группе истории Византии Института истории АН СССР и ею одобренной. Постепенно все данные картотеки проверяются *de visu*, и каждая учитываемая книга аннотируется. Тип аннотации выбран довольно развернутый: по каждой аннотируемой книге указываются основные проблемы ее, методы исследования и важнейшие выводы.

Из числа тех библиографических работ по истории Византии, которые можно назвать эпизодическими и которые, тем не менее, требуют не мало времени для своего исполнения, упомянем о библиографии иностранных книг по истории Византии 1928—1941 гг., напечатанной в настоящем выпуске „Византийского Временника“. Библиотека продолжает учитывать вновь выходящую иностранную литературу по византиноведению.

Работы предстоит еще весьма много. Так, в частности, ту картотеку книг на русском языке, о которой речь шла выше, нельзя считать полной без учета книг, хранящихся в некоторых крупнейших наших библиотеках, — Гос. публичной исторической библиотеке в Москве, Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина и Библиотеке Академии Наук в Ленинграде.

К. Р. Симон

ИНОСТРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ ПО ИСТОРИИ ВИЗАНТИИ

(Книги 1928—1941 гг.)

С момента прекращения „Византийского Временника“ советский византист утратил возможность получения информации о текущей иностранной литературе, которую давали ему отдельные рецензии, историографические и библиографические заметки, „Хроника византиноведения“ и т. п. материалы, столь частые на страницах „Временника“. С учетом этого, перед возобновляющимся „Временником“ сама собой встала задача дать советскому византисту то, чего он так долго был лишен, т. е. осведомить его о наиболее крупных трудах по истории Византии, вышедших за границы.

Стремлением пойти навстречу этой потребности объясняется появление на страницах возобновляемого „Византийского Временника“ печатаемого ниже списка. Список этот далеко не в полной мере удовлетворяет требованиям, которые специалист в области византиноведения в праве предъявить к научной библиографии по интересующему его предмету. Прежде всего, он составлен не на основании непосредственного знакомства с соответствующими кни-

гами, а путем обработки различных библиографических указателей, выходящих или выходивших в важнейших зарубежных странах: в первую очередь так называемых *национальных библиографий*, а затем и разного рода специальных библиографий. Из этого основного недостатка вытекает ряд дальнейших: неполнота списка, зависящая от различной степени полноты, свойственной отдельным использованным при составлении его библиографиям, и даже от факта неполучения московскими библиотеками, по обстоятельствам военного времени, некоторых номеров соответствующих указателей; регистрационный характер списка, лишенного аннотаций, невозможных без непосредственного знакомства с аннотируемой книгой; наконец, — всегда неизбежные при данном методе работы ошибки в систематизации материала и самом его описании.

Отдавая себе полный отчет во всех этих недостатках, мы надеемся, однако, что и в настоящем несовершенном своем виде публикуемый ниже список будет иметь определенное положительное значение, давая советскому византиноведу возможность обозреть значительнейшую часть книжной продукции, вышедшей за последние 15 лет по интересующим его вопросам в ряде зарубежных стран. Одновременно список может быть использован советскими библиотеками как (правда, не всегда достаточно полное и точное) пособие при комплектовании ими иностранной византиноведческой литературы.

Материал списка расположен по следующим разделам: Источники и источниковедение. Исторические исследования. Экономика. Право. Церковь. Культура. Искусство. Страны, связанные с Византией. География и топография. Археология и нумизматика. Справочники. Внутри же этих разделов материал сгруппирован тематически, с учетом хронологического момента.

БИБЛИОГРАФИЯ ПО ИСТОРИИ ВИЗАНТИИ

КНИГИ НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ

1928—1941 гг.

Источники и источниковедение

Акты и документы

Acta conciliorum Oecumenicorum jussu atque mandato Societatis scientiarum Argentoratensis ed. E. Schwartz. Tl. I—III Berlin, de Gruyter, 1927—1940.

Tl. I. Concilium Universale Ephesenum. Vol. I, p. 1, 3, 4, 6, 7, 8; vol. III, p. 1. 1927—1930.

*) Список составлен в мае — июне 1944 года.

Tl. II. Concilium universale Chalcedonense. Vol. I, p. 1, 2, 3; vol. II, p. 1; vol. III, p. 1, 2, 3; vol. IV; vol. V; vol. VI. 1932—1938.

Tl. III. Collectio sabbaitica contra Acephalos et Origenistas destinata. 1940.

Schroeder, H. J. Disciplinary decrees of the General Councils text. Transl. and comment. St. Louis, Herder, 1937. VIII, 669 p.

Schwartz, E. Der Prozess des Eutyches. [448. Klage gegen den Archimandriten und Presbyter Eutyches wegen Irrlehre]. München, Bayer. Akad. d. Wiss. 1929. 93 S.

Corpus notitiarum episcopatum Ecclesiae Orientalis Graecae. Ed. E. Gerland. Bd. I. Die Genesis de Notitia Episcopatum. Hrsg. von E. Gerland. H. I. Bad Homburg v. d. Höhe, 1931. XII, 48 S.

Corpus notitiarum episcopatum Ecclesiae Orientalis Graecae. Ed. E. Gerland. T. I. Fasc. 2: Les listes conciliaires, rev. et compl. par V. Laurent. I: Synode de Gabadius (394), et II: Concile d'Ephèse (431). Kadi-Koi, Assomptionistes, 1936. XVI, 122 p. (Le patriarcat byzantin. Série II).

Photius et Ecclesia Romana. I. Primus patriarchatus Photii: 858—867. Documenta collegit et notis illustravit G. Hofmann. Roma, Pontificia Università Gregoriana, 1932. 65 p. (Textus et documenta; series theologica, 6).

Hofmann, G. ed. Epistolae pontificiae ad Concilium Florentinum spectantes. Pars I. Epistolae pontificiae de rebus ante Concilium Florentinum gestis (1418—1438). Roma, Pontif. Ist. di Stud. Orient. 1940. XVII, 118 p. (Concilium Florentinum Documenta et scriptores. Ser. A, pars I).

Actes de Lavra. Edition diplomatique et critique par G. Rouillard et P. Colomb d'après les descriptions, photographies et copies de G. Millet et Spyridon de Lavra. T. I (897—1178). Paris, Lethielleux, 1937. XXXIII, 249 p., 30 pl. (Arch. de l'Athos, I).

Les registres des actes du Patriarcat de Constantinople. ed. U. Grumel. Vol. I: Les actes des patriarches. Fasc. 2: Les registres de 715 à 1043. Thouars, Impr. Nouv.; Istanbul, Socii Assomptionistae Chalcedonenses, 1936. XXIII, 267 p. (Le patriarcat byzantin. Recherches de diplomatique, d'histoire et de géographie ecclésiastiques publ. par l'Inst. d'Et. byzantines des Augustins de l'Assomption. Série I).

Zayat, H. Documents inédits pour servir à l'histoire des patriarchats melkites. VI. La croix dans l'Islam. Harissa (Liban), Imprim. de Saint Paul, 1935.

Dölger, F. Die Urkunden des Johannes-Prodromos-Klosters bei Serrai. München, Bayer. Akad. d. Wiss., 1935. 52 S.

Zakythinos, D. A. Le Chrysobulle d'Alexis III Comnène, empereur de Trébizonde, en faveur des Vénitiens. Paris, Belles-Lettres, 1932. VIII, 102 p. (Coll. de l'Institut néohellénique de l'Univ. Paris, fasc. 12).

Византийски текстове. Подбрал и наредил П. Мутафчиев. София. Придворна печатница, 1934. IV, 200 стр. (Университет. биб-ка № 152).

Авторы

Athanasius Alexandrinus. Werke. Hrsg. im Auftr. d. Kirchengväter-Komm. d. Preuss. Akad. d. Wiss. von H. G. Opitz. Berlin, de Gruyter, 1934—1940. Bd. 2. Tl. I. Die Apologien: De Sententia Dionysii. 3. Apologia de fuga sua. Lfg. 4. 1936. 40 S. 4. Apologia secunda. Lfg. 6. 1938. 40 S. Apologia secunda (Schluss). Epistula encyclica. De morte Arii. Epistula ad monachos. Historia Arianorum. Lfg. 7. Historia Arianorum (Schluss). De synodis. Lfg. 8. 1940. Bd. 3. Tl. I. Urkunden zur Geschichte d. arian. Streites 318—328. Lfg. I. 1934. 40 S.

Athanasius. Briefe an Serapion. Erläutert von G. Crone. Steyl, Miss.-Druckerei, 1939. XXIV, 119 S.

Sanctus Athanasius. Cristo-Dio (Contro Arianos), ed. E. Sala. Siena, Cantagalle, 1937. 300 p. (I classici cristiani LXIV).

Athanasius. Die Menschwerdung Gottes. Ausgewählt und übertragen. von. L. Winterswyl. Leipzig, Hegner, 1937. 97 S.

Günthör, A. Die sieben pseudoathanasianischen Dialoge, ein Werk Didymus des Blinden von Alexandrien. Roma, 1941. VIII, 140 S. (Studia Anselmiana, II).

Didymus. Der Hl. Geist. Erläutert von G. Crone. Steyl, 1939. XVI, 103 S.

St. Basilio. Commento al profeta Isaia. Testo, introduzione, versione e note di P. Trevisan. V. 1—2. Torino, Soc. ed. Internaz., 1939. XXXVI, 409 p.; 587 p.

Cammelli, G. ed. Demetrius Cydonis: Correspondance. Paris, 1930.

Leonis Magni Epistulae contra Eutychis haeresim. Pars prima: Epistulae quae Chalcedonensi Concilio praemittuntur (aa. 449—451). Ad Codicum fidem recensuit C. Silva — Tarouca. De clausularum ratione praefatus est F. di Capua. Romae, apud aedes Univ. Gregoriana, 1934. XXXII, 89 p. (Textus et documenta in usum exercitationum et praelectionum academicarum; series theologica, 15).

Des hl. Bischofs Cyrill von Jerusalem Reden der Einweihung. (Mystagogische Katechesen). Aus d. Griech. übertr. und eingeleitet.

L. A. Winterswyl. Freiburg i. Br., Herder, 1939. 57 S. (Zeugen des Wortes, 12).

Cyrillus (Kyrillos v. Skythopolis). [Werke]. Hrsg. v. Ed. Schwartz Leipzig, Hinrichs, 1939. 415 S. (Texte u. Untersuchg. z. Gesch. d. altchristl. Lit. Reihe 4, Bd. 4, 2).

Johannes von Lykopolis. Ein Dialog über die Seele und die Affekte des Menschen. Hrsg. von S. Dederling. Upsala, Almqvist & Wiskells, 1936. XXXIV, 93 S.

Jean le Solitaire (Pseudo-Jean de Lycopolis). Dialogue sur l'âme et les passions de l'homme. Trad. du syriaque sur l'édition de Sven Dederling par J. Hausherr. Roma, Pontif. Ist. di Stud. Orient. 1939, 106 p.

Le commentaire de Théodore de Mopsueste sur les Psaumes (I—LXXX). ed. par Devreesse. Città del Vaticano, 1939. XXXI, 572 p.

Epiphanius. Ancoratus und Panarion. Hrsg. im. Auftr. d. Kirchenväter-Comm. d. Preuss. Akad. d. Wiss. von Karl Holl. Bd. 3. Hälfte 1—2. Panarion haer. De fide. Leipzig, Hinrichs, 1931—1933. 272 S.; 273-526, XI S. (Die griech. christl. Schriftsteller. Bd. 37; Bd. 37, 2.)

Eusebius Pamphilus von Cäsarea [Eusebius Caesariensis Episcopus]. Ausgewählte Schriften. Bd. 2. Kirchengeschichte. Aus d. Griech. übers. von Ph. Haeuser. München, Kösel & Pustet, 1932. 501 S. (Bibl. d. Kirchenväter. Reihe 2. Bd. 1).

Eusebius. Ecclesiastical history and the Martyrs of Palestine translated by H. J. Lawlor and J. E. L. Oulton. Vol. II. London, S. P. C. K., 1928. 377 p.

Schwartz, E. Publizistische Sammlungen zum Acacianischen Schisma. München, Beck, 1934. 303 S. (Abh. d. Bayer. Akad. d. Wiss. philos.-hist. Abt. N. F. H. 10).

Rucker, I. Florilegium Edessenum anonymum (Syriace antc. 562), München, Bayer. Akad. d. Wissen. 1933. XXIV, 92, 8 S. (S.-B. d. Bayer. Akad. d. Wiss., Philol.-hist. Abt. H. 5).

D'Alton, J. F. Selections from S. John Chrysostom. Greek text with introduction and commentary. London, Burns Oates, 1940. VIII, 395 p.

San Giovanni Crisostomo. Dialogo del Sacerdozio. Testo, introduzione et note di S. Colombo. Torino, Soc. ed. Internaz., 1934. XXVII, 317 p. (Corona Patrum Salesiana. Ser. graeca, I).

Giovanni Chrisostomo. Omelie sulla lettera de S. Paola ai Colossesi. Testo, introduzione et note di C. Piazzino. Torino, Soc. ed. Internaz., 1939. XX, 462 p. (Corona Patrum Salesiana. Ser. graeca, 6).

Die heilige Liturgie unseres heiligen Vaters Johannes Chrysostomus. Uebers. aus d. Griech. Amay, Benediktinerpriorat, 1937.

Giovanni Chrisostomo. Ricchezza e povertà. A cura di M. Pellegrino. Siena, Cantagalli, 1938. 208 p. (I classici cristiani).

Burns, M. A. Saint John Chrysostom's Homilies on the statues. Washington, Catholic Univ. Press, 1930. VIII, 121 p.

Johannis Ephesini Historiae ecclesiasticae pars tertia. Ed. E. W. Brocks. Textus. Versio. Lovanii, 1935—1936. (Corpus scriptorum christianorum orientalium. Scriptores syri. Ser. III, т. 3).

Nicétas Stéthatos. Vie de Syméon le nouveau théologien, 949—1022. (Un grand mystique byzantin). Texte grec inédit, publié avec introduction et notes critiques, par Irénée Hausherr, et traduction française en collaboration avec Gabriel Horn. Roma, Pontif. Inst. Orient. Stud., 1928. XCIII, 254 p.

Synesii Cyrenensis Hymni. N. Terzaghi recensuit. Roma, R. Officina Polygraphica, 1939. XLII, 323 p.

Osterjubiläum der Ostkirche. Hymnen aus der 50-tägigen Osterfeier der byzantinischen Kirche, übertr. u. eingeleitet von K. Kirchhoff. Münster i. W., Regensburg, 1940. 340 S.

Die Ostkirche betet. Hymnen aus den Tagzeiten der byzantinischen Kirche. Aus dem Griechischen übertr. von K. Kirchhoff. 4 Bd. Leipzig, Hegner, 1937. 207 S.

Ehre sei Gott. Dreifaltigkeitshymnen der byzantinischen Kirche. Übertragung aus dem griech. Originaltext des Oktoechos von K. Kirchhoff. Münster i. W., Regensburg, 1940. 102 S.

In Paradisum. Totenhymnen der byzantinischen Kirche. Übertragung aus dem griech. Originaltext der Oktoechos von K. Kirchhoff. Münster i. W., Regensburg, 1940.

Über dich freut sich der Erdkreis. Marienhymnen der byzantinischen Kirche. Übertragen aus dem griechischen von K. Kirchhoff. Münster i. W., Regensburg, 1940. 188 S.

Hymns of the Octoechos, transcr. by Tillyard. Pt. 1. Copenhagen, 1941. 192 p.

The Hymns of the Sticherarium for November, transcr. by Tillyard. Copenhagen, 1938. 180 p.

Schwartz, E. Drei dogmatische Schriften Justinians. München, 1939. 123 S. (Abh. d. Bayer. Akad. d. Wiss. Philos.-hist. Abt. N. F. H. 18).

Procopius of Caesarea. Secret history of Procopius. Transl. from the Greek with an introduction by R. Atwater. Covici, 1934. 286 p.

Chronicle of John Malalas. Books VIII—XVIII. Transl. from the Church-Slavonic by M. Spinka in collab. with Gl. Downey. Chicago, Univ. of Chicago Press, 1940. VI. 150 p.

Psellos, Michel. Chronographie ou Histoire d'un siècle de Byzance (976—1077). T. II. Ed. et trad. par E. Renauld. Paris, Belles-Lettres, 1928. 200 p. (Coll. byzantine. Assoc. Guillaume Budé).

Michaelis Pselli scripta minora magnam partem adhuc inedita. Ed. recognovitque Eduardus Kurtz. Ex schedis eius relictis in lucem emisit Franciscus Drexler. Vol. 2. Epistulae. Milano, Vita e pensiero, 1941. XX. 349 p.

Constantin VII Porphyrogénète. Le livre des Cérémonies. A. Vogt, éd., trad. et comm. Paris, Belles-Lettres, 1935—1940 (Coll. byzantine. Assoc. Budé). I (1935): Livre I, chap. I—46 (37). Texte: XI, 183 p. (pp. 1—179 double); Commentaire: XXXIII, 194 p., 2 pl. II (1939—1940): Livre I, chap. 47 (38). Texte: XI, 193 p. (pp. 1—186 double). Commentaire: XVI, 205 p., 1 diagr.

Anna Comnena. Alexiade. (Règne de l'empereur Alexis I Comnène 1081—1118). Texte établi et traduit par B. Leib. T. I. Paris, Belles-Lettres, 1937. (Coll. byzantine. Assoc. Budé).

Anna Comnena. The Alexiade of the princess Anna Comnena; being the history of the reign of her father Alexius I emperor of the Romans 1081—1118 a. d. Transl. by E. A. S. Dawes. London, Kegan, Trench, Trubner & Co., 1928. VIII, 439 p.

Phrantzes Georgios... Chronicon. Ed. J. B. Paparregopulos. V. 1. Lipsiae, Teubner, 1935. XXXIV, 201 p.

Villehardouin Geoffroy de. La conquête de Constantinople, éd. et trad. par E. Faral. T. I (1199—1203). T. II (1203—1207). Paris, Belles-Lettres, 1938—1939. LXVII, 233 p., 3 cartes; 372 p. (Les classiques de l'histoire de France en moyen-âge, 18, 19).

Robert de Clari. La conquête de Constantinople. Trad. par P. Charlot. Paris, Boccard, 1939. VII, 243 p. (Poèmes et récits de la vieille France, XVI).

Bachmann, M. Die Rede des Johannes Syropoulos an den Kaiser Isaak II Angelos (1185—1195) (Text u. Kommentar), nebst Beiträgen zur Gesch. des Kaisers, aus zeitgenöss. rhetor. Quellen [Diss.] München, 1935. 120 S.

Kolias, G. Léon Choerosphactès, magistre, proconsul et patrice. Biographie-correspondance (Texte et traduction). Athen, Byzant.-neugriech. Jahrbücher, 1939. 129 p. (Texte u. Forschungen z. byzant.-neugriech. Philologie, 31).

Svidae lexicon ed. Ada Adler. P. I—V. Leipzig, Teubner, 1928—1935. (Lexicographi graeci recogniti et apparato critico instructi, vol. I).

Oeuvres complètes de Georges Scholarius publiées pour la première fois par L. Petit, X. A. Sidérides, M. Jugie. T. I—VIII. Paris. 1929—1936.

Описание рукописей. Критика и комментарии источников

Bénéchévitch, V. N. Les manuscrits grecs du Mont Sinaï et le monde savant de l'Europe depuis le XVII siècle jusqu'à 1927. Athen, byzant.-neugriech. Jahrbücher, 1937. I Bl., 116 S. (Texte und Forschungen z. byzant.-neugriech. Philologie, 21).

Buberl, P. Die byzant. Handschriften. I. Der Wiener Dioskurides u. d. Wiener Genesis. Leipzig, Hiersemann, 1937. 147 S. Taf. (Die illum. Handschr. u. Inkun. d. Nationalbibl. in Wien, T. 4, 1).

Buberl, P. und Gerstinger, H. Die byzant. Handschriften. 2. Die Handschriften d. 10—18 Jh. Leipzig, Hiersemann, 1938. 186 S. 52 Taf. (Die illum. Handschr. u. Inkun. der Nationalbibl. in Wien, T. 4, 2).

Lake, K. a. Lake, S. Dated Greek minuscule manuscripts to the year 1200. VII—IX. Boston, Mass., Amer. Academy of Arts and Sciences, 1937—1938. VII. Manuscripts in Rome, part I, 1937. 17 p., 7 ill., tabl. 453—525. VIII. Manuscripts in Rome, part II, 1937. 16 p., 8 ill., tabl. 526—602. IX. Manuscripts in Rome, part III, in Messina, in Naples and in London. 1938. 16 p., 8 ill., tabl. 603—673.

Mercati, G. Codici latini Pico Grimani Pio e di altra biblioteca ignota del secolo XVI esistenti nell'Ottoboniana e i codici greci Pio di Modena con una digressione per la storia dei codici di S. Pietro in Vaticano. Città del Vaticano, 1938. XII, 331 p., VII tav. (Studi e testi, 75).

Mercati, G. Notizie di Procoro e Demetrio Cidone, Manuele Caleca e Teodoro Meliteniota ed altri appunti per la storia della teologia e della letteratura bizantina del secolo XIV. Città del Vaticano, Biblioteca Apostolica Vaticana, 1931. XII, 548 p., tav. 130 lit. (Studi e testi, 56).

Till, W. u. Sanz, P. Eine griech.-koptische Odenhandschrift. (Papyrus copt. Vindob., K. 8706). Rom, Pöpstl. Bibelinstitut, 1939. 112 S., 2 Taf.

Dölger, F. Der Titel des sog. Suidaslexikons. München, Beck, 1936. 37 S., 1 Taf. (S.-B. d. Bayer. Akad. d. Wiss. Philos.-hist. Abt. H. 6).

Peradze, G. Dokumente, welche die Frage der Entdeckung und des Textes des Sinai-Codex betreffen. Warschau, Drukarnia Synodalna, 1934. 28 S.

- Milne, H. J. M. a. Skeat, T. C. Scribes and correctors of the Codex Sinaiticus. London, British Museum, 1938. XII, 112 p., 66 tab.
- Mariès, L. Etudes préliminaires à l'édition de Diodore de Tarse sur les Psaumes. Paris, Belles-Lettres, 1933. 184 p.
- Sbordone, F. Ricerche sulle fonti e sulla composizione del „Physiologus“ greco. Napoli, Perrella, 1936. 200 p., 35 lit.
- Seiler, R. Athanasius Apologia contra Arianos. (Ihre Entstehung u. Datierung). [Diss.], Tübingen, 1932. V, 53 S.
- Simeon, X. H. Untersuchungen zu d. Briefen des Bischofs Synesios von Kyrene. Paderborn, Schöningh, 1933. 85 S. (Rhetor. Stud. H. 18).
- Soffray, M. Recherches sur la syntaxe de S. Jean Chrysostome. Paris, Belles-Lettres, 1940. (Coll. d'études anciennes).
- Helm, R. Die neuesten Hypothesen zu Eusebius' (Hieronymus') chronik. Berlin, Akad. d. Wiss., de Gruyter, 1929. 40 S.
- Stevenson, J. Studies in Eusebius. Cambridge, Univ. Press, 1929. VIII, 146 p.
- Rucker, I. Zur Literatur über Nestorius und zum Inhalt der Ephesus-Enzyklika. Oxenbronn b. Günzburg, Selbstverl., 1936. 136, 54 S.
- Schnitzler, Th. Im Kampfe um Chalcedon. Geschichte und Inhalt des Codex Encyclicus von 458. Diss. Roma, Pontif. Univ. Gregor., 1938. IV, 132 S.
- Severyns, A. Recherches sur la Chrestomathie de Proclus. I Partie: Le Codex 239 de Photius. T. I. Etude paléographique et critique. T. II: Texte, traduction, commentaire. Liège—Paris, Faculté de philos. et lettres—E. Droz, 1938. XVI, 404 p., 3 tab.; 296 p. 1 ill.
- Marx B. Procliana. Untersuchungen über den homiletischen Nachlass des Patriarchen Proclus von Konstantinopel. Münster i. W., 1940. X, 104 S. (Münster. Beitr. z. Theolog., 23).
- Hausherr, I. Les versions syriaque et arménienne d'Evagre le Pontique. Leur valeur, leur relation, leur utilisation. Roma, Ist. Pontif. di studi orientali, 1931. 48 p. (Orientalia christiana. Vol. 22, № 2).
- Van den Eynde, C. La version syriaque du commentaire de Grégoire de Nysse sur le Cantique de Cantiques. Ses origines, ses témoins, son influence. Louvain, Bur. de Muséon, 1939. (Bibl. du Muséon, 10).
- Schwartz, E. Ueber die Bischofslisten der Synoden von Chalcedon, Nicaea und Konstantinopel. München, 1937. 90 S (Abh. d. Bayer. Akad. d. Wissensch.-Philos.-hist. Abt. N. F. H. 13).
- Schwartz, E. Zu Cassidor und Prokop. München, 1939. 22 S. (S.-B. Bayer. Akad. d. Wiss., Philos.-hist. Abt. H. 2).
- Schwartz, E. I. Vigiliusbriege. II. Zur Kirchenpolitik Justinians. München, 1940. 82 S. (S.-B. Bayer. Akad. d. Wiss., Philos.-hist. Abt. H. 2).
- Schenk von Stauffenberg, A. Die römische Kaisergeschichte

- bei Malalas. Griech. Text der Bücher IX—XII und Untersuchungen. Stuttgart, Kohlhammer, 1931. XV, 525 S.
- Balthasar, H. U. Die „Gnostischen Zenturien“ des Maximus Confessor. Freiburg i. Br., 1941. 156 S.
- Sigalas, A. Des Chrysippos von Jerusalem Enkomion auf den hl. Johannes den Täufer. Textkritische erstmalige Ausgabe. Athenai, ed. B. N. J., 1937. VII, 123 S.
- Lameere, W. La tradition manuscrite de la correspondance de Grégoire de Chypre, patriarche de Constantinople (1283—1289). Bruxelles—Rome, 1937. IX, 238 p. (Etudes de philologie, d'archéologie et d'histoire ancienne publ. par l'Inst. historique belge de Rome, t. II).

Исторические исследования

- Actes du IV Congrès international des études byzantines. Sofia, 1934. Vol. I—II. Sofia, 1935—1936. 432 p.; 320 p. (Bulletin de l'Institut archéologique bulgare. T. 9—10).
- Atti del V Congresso Internazionale di Studi Bizantini. Roma, 20—26 settembre 1936. Roma, Tipogr. del Senato, 1939—1940.
- I. Storia-Filologia-Diritto. 1939. VIII, 740 p. (Studi Bizantini e Neoellenici, 5).
- II. Archeologia e storia dell'arte. Liturgia e musica. Cronaca del Congresso. 1940. VIII, 618 p. 141, 12 tav. (Studi Bizantini e Neoellenici, 6).
- Mélanges Charles Diehl. Etudes sur l'art et sur l'histoire de Byzance. I—II. Paris, Leroux, 1930. XXXI, 308 p.; 247 p.
- Mélanges Nicolas Jorga. Paris, Gamber, 1932. 256 p.
- Festgabe A. Heisenberg. Zum 60. Geburtstage gewidmet. Hrsg. v. F. Dölger, Berlin u. Leipzig, 1929—1930. XII, 682 S.
- Studi dedicati alla memoria di Paolo Ubaldi. Con prefazione di A. Gemelli. Milano, Vita e Pensiero, 1937. VIII, 483 p. (8 tav.) 50 lit. (Pubbl. della Univ. cattol. del Sacro Cuore. Serie V. Sec., stor., 16).
- Amantos, C. I. Ἱστορία τοῦ Βυζαντινοῦ κράτους, τ. πρῶτος 395—867. M. X. Athens, 1939. XVI, 494 p.
- Eckstein-Diener, Berta. Imperial Byzantium. Transl. from the German by Eden and Paul. Boston, Little Brown and Co, 1938. 396 p.
- Bally, A. Byzance. Paris, Fayard, 1939. 438 p.
- Byron, R. Byzantine achievement; an hist. perspective, A. D. 350—1453. New York, Knopf, 1929. XIII, 345 p.
- Jorga, N. Histoire de la vie byzantine. Empire et civilisation. D'après les sources illustrées par les monnaies. Tome I. L'Empire oecuménique (527—641). Tome II. L'Empire moyen de civilisation hel-

lénique (641—1081). Tome III. L'Empire de pénétration latine (1081—1453). Bucarest, N. Jorga, 1934. 298 p.; 282 p.; 363 p.

Jorga, N. Byzance après Byzance. Continuation de „l'Histoire de la vie Byzantine“. Bucarest, Inst. d'études byzantines, 1935. 272 p.

Jorga, N. Byzance après Byzance. Considérations générales pour le Congrès d'études Byzantines de Sofia. Bucarest (Datina-Valeni) 1934. 11 p.

Jorga, N. Etudes byzantines. I—II. Bucarest, 1939. 354 p. (Institut d'études byzantines. 1—2).

Ostrogorsky, G. Geschichte des byzantinischen Staates. Mit 8. Karten, davon 2 im Text. München, Beck, 1940. XX, 448 S. (Byzant. Handbuch im Rahmen des Handbuchs der Altertumswiss., hrsg. von W. Otto. I Teil, 2 Bd.).

Vasiliev, A. History of the Byzantine empire. Trad. from the Russian by S. Ragozin. V. 1—2. Univ. of Wisc., 1928—1929. 5, 457 p., 5, 502 p. (Studies in the social sciences and hist. №№ 13—14)

Diner, H. Emperors, angels and eunuchs. The 1000 years of the Byzantine empire. London, Chatto & W., 1938. 369 p.

Kiefer, O. Kaiser und Kaiserinnen von Byzanz. Berlin, 1937. 303 S., Abb. (Das Gesicht der Epochen).

Soyter, G. Byzanz und Neugriechenland. Bonn, Scheur, 1941. 18 S.

Stein, E. Geschichte des spätrömischen Reiches. Bd. 1—2, Wien, Seidel, 1928—1934.

Bury J. B. History of the later Roman empire. From the death of Theodosius I to the death of Justinian (A. d. 395 to a. d. 565) London, Macmillan, 1931. XXV, 471 p.; IX, 494 p.

Vasiliev, A. Byzance et les Arabes. I. La dynastie d'Amorium (820—867). Edition française préparée par H. Grégoire et M. Canard avec le concours de C. A. Nallino, E. Honigmann et Backvis. Bruxelles, Inst. de philol. et d'hist. orient., 1935. 451 p. (Corpus Bruxellense historiae Byzantinae, 1).

Honigmann, E. Byzance et les Arabes. III. Die Ostgrenze des byzantinischen Reiches von 363 bis 1071 nach griechischen, arabischen, syrischen und armenischen Quellen. Bruxelles, Inst. de phil. et d'hist. orient., 1935. 269 p. (Corpus Bruxellense Historiae Byzantinae, 3).

Andreotti, R. Il regno dell'imperatore Giuliano. Bologna, Zanichelli, 1936. 206 p.

Bidez, J. Julian der Abtrünnige. Uebers. von H. Rinn. 2. Aufl. München, Callwey, 1940. 453 S., 10 Taf.

Biondi, B. Giustiniano primo principe e legislatore cattolico. Milano, Vita e Pensiero, 1936. VII, 190 p. 15 lit. (Pubbl. dell' Univ. Cattol. del S. Cuore, S. II. Sci. Giurid., vol. 48).

Diehl, Ch. Théodora, impératrice de Byzance. Paris, de Boccard, 1937. 315 p.

Higgins, M. J. Persian war of the Emperor Maurice (582—602). Pt. I. The chronology with a brief history of the Persian calender. Washington, Catholic Univ. of Am., 1939. (Byzantine studies, v. I).

Martin, E. J. A history of the iconoclastic controversy. London, S. P. C. K., 1930. XII, 282 p. (Church Hist. Soc.).

Ostrogorsky, G. Studien zur Geschichte d. byzant. Bilderstreites. Breslau, Marcus, 1929. VII, 114 S. (Hist. Untersuchungen, H. 5).

Benrath, H. Die Kaiserin Theophano (956—991). Vortr. in d. Ges. z. Förd. d. kulturellen Lebens. Zürich, 1939. 22 S.

Runciman, S. The emperor Romanus Lecapenus and his reign; a study of tenth-century Byzantium. Cambridge, Macmillan, 1929. VI, 275 p.

Buckler, Georgina. Anna Comnena. A study. London. Oxford Univ. Press, 1929. X, 558 p.

Böhm, L. Johann von Brienne, König von Jerusalem, Kaiser von Konstantinopel, 1170—1237. [Diss.] Heidelberg. 1938.

Dade, E. Versuche zur Wiedererrichtung der lateinischen Herrschaft in Konstantinopel im Rahmen der abendländischen Politik (1261 bis etwa 1310). Jena, Biedermann, 1938. XVII, 158 S.

Grousset, R. Histoire des croisades et du Royaume Franc de Jérusalem. 1—3. Paris, Plon, 1934—1938. LXII, 681 p.; IV, 920 p. XXIV, 834 p.

Cahen, C. La Syrie du nord à l'époque des croisades et la principauté franque d'Antioche. Paris, Geuthner, 1940. (Institut français de Damas, Bibliothèque orientale, t. I).

Nicholson, R. L. Tancred: a study of his career and work in their relation to the First Crusade or the establishment of the Latin states in Syria and Palestine. [Diss.] Chicago, 1940. 240 p.

Papadopoulos, A. Th. Versuch einer Genealogie der Palaiologen 1259—1453. [Diss.] München, 1938. XVI, 107 S., 1 Stammtaf.

Hałlecki, O. Un empereur de Byzance à Rome. Vingt ans de travail pour l'union des églises et pour la défense de l'empire d'Orient, 1355—1375. Warszawa, 1930. 416 p. (Tow. Nauk. Warsz., № 8).

Gaudfroi-Demombynes, J. Le monde musulman et byzantin jusqu'aux croisades. Paris, Boccard, 1931. 591 p. (Histoire du monde).

Bussi, E. Ricerche intorno alle relazioni fra retratto bizantino e musulmano. Milano, Vita e Pensiero, 1933. 95 p., 6 lit. (Pubbl. dell' Univ. Cattol. del S. Cuore. S. 2. Sci. giurid., vol. 41).

Heisenberg, A. Zu den armenisch-byzant. Beziehungen am Anfang des 13. Jahrh. München, Bayer. Akad. d. Wiss., 1929. 201 S.

Heisenberg, A. Ungarn und Byzanz. Debrecen, Dunántuliny, 1928. 19 p.

Мутафчиев, П. Маджаритѣ и болгаро-византийскитѣ отношения пред третята четвъртъ на Х в. София, Придворна печатница, 1935. 35 стр. (Годишник на Софийск. унив. ист.-филолог. фак-т, кн. 31, № 8).

Galante, A. Les juifs de Constantinople sous Byzance. London, Luzac, 1940. 68 p.

Starr, J. The Jews in the Byzantine empire, 641—1204. Athens, 1939. VII, 266 p.

Macri Christo, M. Des byzantins et des étrangers dans Constantinople au moyen-âge. Paris, Guillon, 1928. 120 p.

Vasiliev, A. A. The Goths in the Crimea. Cambridge, Mass., 1936. X, 292 p. (Monographs of the Mediaeval Academy of America, N° 11).

Zakythinos, D. A. Le despotat grec de Morée. T. I. Histoire politique. Paris, Belles-Lettres, 1932. 334 p. (Coll. de l'Inst. néo-hellénique de l'Univ. de Paris. T. I).

Kyriakides, St. P., Βυζαντινὰ μελέται. II—V, Thessalonike, 1937. 334 p.

Papadopoulos, Av. 'Ο ἄγιος Λεόντιος Παλαιολόγος Μαμῶνας (1377—1452). Thessalonike, Νέα Ἀληθεία, 1940. 94 p.

Xanthoudidès, S. A. Ἡ ἑνετοκρατία ἐν Κρήτῃ καὶ οἱ κατὰ τῶν ἑνέτων ἀγῶνες τῶν Κρητῶν. Athens, 1939. XX, 208 S. (Texte und Forschungen zur byzant.-neugriech. Philologie, 34).

Экономика

Andreades, A. M. Ἑλληνικὴ οἰκονομία καὶ δημοσιονομικὴ ἱστορία. Athen, 1938. 790 p. (Ἔργα ἐκδιδόμενα ὑπὸ τῆς Νομικῆς Σχολῆς τοῦ πανεπιστημίου Ἀθηνῶν..., I).

Sbarunis, A. Andreas M. Andreades, Begründer der Finanzwissenschaft in Griechenland. Mit einem Vorwort von K. Varvaresos und einem Vorwort zur deutschen Ausgabe von M. Sombart. Jena, Fischer, 1940. XII, 264 S.

Etudes dédiées à la mémoire d'André M. Andréadès publiées par un comité d'amis et d'élèves sous la présidence de K. Varvaresos. Athènes, Impr. Pyrsos, 1940. VIII, 449 p.

Basten, M. Athanasius. Wirtschaftsgeschichtliches aus seinen Schriften [Diss.] Giessen, 1928. 63 S.

Bratianu, G. J. Etudes byzantines d'histoire économique et sociale. Paris, Geuthner, 1938. 294 p., 20 tab. (Universitaded Mihăileană din Iași. Studii de istorie generală, 4).

Heyd, W. Histoire du commerce du Levant au moyen-âge. Edit. franç. refondue et considérablement augm. par l'auteur, publ. par F. Raynaud. T. 1—2, Paris, Geuthner, 1936. [Ed. allemande publ. 1879.]

Macri Christo, M. L'organisation de l'économie urbaine dans Byzance sous la dynastie de Macédoine (867—1057). Paris, Guillon, 1928. 160 p.

Ivan, J. D. Bunurile bisericești în primele 6 secole. Situația lor juridică, și canonică. Teză. (Les biens de l'Eglise dans les six premiers siècles. Leur situation juridique et canonique). București, tip. „Activitate a Grafică“, 1937. XVI, 170 p. (Univ. din București, Fac. de Teol.).

Van Berchem, D. Les distributions de blé et d'argent à la plèbe romaine sous l'empire. [Diss.] Genève, 1939.

Maxey, M. Occupations of the lower classes in Roman society. Chicago, Univ. of Chicago Press, 1938. VIII, 98 p.

Xanatalatos, D. A. Beiträge zur Wirtschafts- und Sozialgeschichte Makedoniens im Mittelalter, hauptsächlich auf Grund der Briefe des Erzbischofs Theophylaktos von Achrida. [Diss.] München, 1937. 87 S.

Hardy, E. R. The large estates of Byzantine Egypt. New York, Columbia Univ. Press, 1931. 162 p. (Studies in history, economics and public law, № 354).

Право

Μ. Κριτοῦ τοῦ Πάττ'ῃ Τιπούκειτος. Librorum LX Basilicorum Summarium. Libros XII—XXIII, edidit Fr. Doelger. Roma, Bibl. Apost. Vaticana, 1929. XX. 228 p.

Müller, H. Der I. Titel des 20. Buches der Basiliken des Patzes in seinem Repertorium Tipucitus. [Diss.] Würzburg. a. M. Triltsch., 1940. X, 35 S.

Provincial manual of later Roman law, the Calabrian Procheiron on servitudes and byelaws incidental to the tenure of real property, rendered into english by E. Freshfield. Cambridge, Bowes, 1939. IX, 120 p.

Croce, J. Textus selecti ex operibus commentatorum byzantinorum juris ecclesiastici. Roma, Vatican, 1939. 242 p.

- Die Kanonessammlung des Dionysius Exiguus in der ersten Redaktion, hrsg. von A. Strewe. Berlin, de Gruyter, 1931. VI, 107 S.
- Schwartz, E. Die Kanonessammlung des Johannes Scholastikos. München, Beck, 1933. 6 S.
- Joannis Scholastici Synagoga L. titulorum ceteraque ejusdem opera juridica. Jussu ac mandato Academiae Scientiarum Bavaricae edidit Vladimirus Benešević. T. I. München, Beck, 1937. XXIII, 281 p. (Abh. d. Bayer. Akad. d. Wiss. Philos.-hist. Abt. N. F. H. 14).
- Hohenlohe, C. Einfluss des Christentums auf das Corpus juris civilis; eine rechtshistor. Studie zum Verständnis der sozialen Frage. Wien, Hölder-Pichler-Tempsky, 1937. X, 225 S.
- Volterra, E. Diritto romano e diritti orientali. Bologna, Zanichelli, 1937. XII, 309 p.
- Albertario, E. Introduzione storica allo studio del diritto romano giustiniano. Parte I. Milano, Giuffrè, 1935. XVII, 163 p.
- Albertario, E. Studi di diritto romano. Vol. III. Obbligazioni. Milano, Giuffrè, 1936/37. XVI, 619 p.
- Biscardi, A. Studi sulla legislazione del Bass Impero. I. La legge delle citazioni. Siena, 1939.
- Cassimatis, G. Les intérêts dans la législation de Justinien et dans le droit byzantin. Paris, Recueil Sirey, 1931. 132 p.
- De Villa, V. La liberatio legata nel diritto classico giustiniano. Milano, Giuffrè, 1939. 95 p.
- Olivier-Martin, T. Les institutes de Justinien en français. Traduction anonyme du XIII siècle. Paris, 1935. XVII, 316 p.
- Freshfield, E. H. Roman law in the later Roman Empire. The Isaurian period, eighth century. The Ecloga. Cambridge, Bowes, 1932, 78 p.
- Freshfield, E. H. Roman law in the later Roman Empire, Byzantine guilds professional and commercial. Ordinances of Leo VI c. 895 from the Book of the Eparch, rendered into English. Cambridge, Univ. Press, 1938.
- Freshfield E. H. Les manuels officiels de droit romain publiés à Constantinople par les empereurs Léon III et Basil I (726—870). Paris, Leroux, 1929. 30 p.
- Freshfield E. H. A manual of Byzantine law, compiled in the fourteenth century by George Harmenopoulos. Vol. VI. On torts and crimes. Cambridge, 1930. IX, 57 p.
- Spulber, C. A. L'Eclogue des Isauriens. Texte, traduction, histoire. Cernautzi (Roumanie), Mühldorf, 1929. V, 192 p.
- Spulber, C. A. Les nouvelles de Léon le Sage. Traduction. Histoire. Cernautzi (Roumanie), Mühldorf, 1934. X, 339 p.

- Wittken, H. Die Entwicklung des Rechts nach Justinian in Byzanz. [Diss.]. Halle, 1933. 143 S.
- Bratianu, G. I. Privilèges et franchises municipales dans l'Empire byzantin. Paris, Geuthner. Bukarest, Cultura Natională, 1936. 138 p.
- Robertis, F. M. de. La espropriazione per pubblica utilità. Bari, Istituto di Dir. Rom., 1936. XVI, 345 p.
- Sontis, J. M. Die Digestensumme des Anonymos. I. Zum Dotalrecht. Ein Beitrag zur Frage der Entstehung des Basilikentextes. Heidelberg, Winter, 1937. IV, 160 S. (Heidelberger rechtswiss. Abh., 23).
- Kalomenopoulos, N. Η στρατιωτική ὀργάνωσις τῆς Ἑλληνικῆς Αυτοκρατορίας τοῦ Βυζαντίου. Athen, 1937.
- Dausend, H. Das interrituelle Recht im Codex juris canonici. Die Bedeutung des Gesetzbuches für die orientalische Kirche. Paderborn, Schöningh, 1939. 189 S. (Görres-Gesellschaft, Veröff. d. Sektion f. Rechts- u. Staatswiss., 79).
- Kolias, G. Aemter- und Würdenkauf im früh- und mittelbyzantinischen Reich. Athen, 1939.
- Palanque, T. R. Essai sur la préfecture du prétoire du Bas-Empire. Paris, Boccard, 1933. XVI, 144 p.
- Rouillard, G. L'administration civile de l'Egypte byzantine. 2-e éd. Paris, Geuthner, 1928. XV, 268 p.

Религия и церкви

- Ehrhard, A. Die altchristlichen Kirchen im Westen und im Osten. I. Die griechische und lateinische Kirche. Bonn, Verlag der Buchgemeinde, 1937. 456 S. (Die kathol. Kirche im Wandel der Zeiten und der Völker. I, 2).
- Lietzmann, H. Geschichte der alten Kirche. 3. Bd.: Die Reichskirche bis zum Tode Julians. Berlin, de Gruyter, 1938. VIII, 346 S.
- Wand, J. W. C. A history of the early church to A. D. 500. London, Methuen, 1937. XII 290 p., 3 maps.
- Der christliche Osten. Geist und Gestalt. Hrsg. von J. Tyciak, G. Wunderle u. P. Werhun. Regensburg, Pustet, 1939. 408 S.
- Heiler, F. Urkirche und Ostkirche. München, Reinhardt, 1937. XX, 607 S. (Die kathol. Kirche des Ostens und Westens, Bd. I).
- Die orthodoxe Kirche auf dem Balkan und Vorderasien. Geschichte, Lehre und Verfassung der orthodoxen Kirche. Leipzig, Klotz, 1939. 160 S. (Ekklesia. Sammlung v. Selbstdarstellungen d. christl. Kirchen, 10).

Die orthodoxe Kirche auf dem Balkan und in Vorderasien. Die Orthodoxen Patriarchate von Konstantinopel, Alexandrien, Antiochien, Jerusalem und das Erzbistum von Cypern. Leipzig, Klotz, 1941. 129 S. (Ekklesia. Sammlung von Selbstdarstellungen d. christl. Kirchen, 11).

Brook, D. Pilgrims were they all. Studies of religious adventure in the fourth century of our era. London, Faber & Faber, 1937. 357 p.

Elliger, W. Die Stellung der alten Christen zu den Bildern in den ersten vier Jahrhunderten (nach den Angaben der zeitgenössischen kirchlichen Schriftsteller). Leipzig, Dieterich, 1930. VI, 98 S. (Stud. über christl. Denkmäler, H. 20).

Grondijs, L. H. Asceten, Hellenen, Barbaren. Haag, van Stokum, 1935. 105 S.

Resch, R. Etudes de théologie historique. La doctrine ascétique des premiers maîtres égyptiens du IV siècle. Paris. Beauchesne, 1931. XXXVIII, 286 p.

Labriolle, P. La réaction païenne. Etude sur la polémique antichrétienne du I au VI siècle. Paris, L'Artisan du livre, 1934. 520 p.

Cront, G. La lutte contre l'hérésie en Orient jusqu'au IX siècle. Pères, Conciles, Empereurs. Paris, F. Loviton, 1933. 200 p.

Rucker, I. Studien zum Concilium Ephesinum 431—1931. Zur 1500 — Jahrfeier des 3. ökumen. Konzils. Oxenbronn b. Günzburg a. D., Selbstverlag, 1931—1936. A. Orientierende Quellenkunde nach d. primären Quellen. 2. Ephesinische Konzilsakten in Latein. Uebersetzung. Ein Beitr. zur Quellenkunde innerhalb der abendländ. Christenheit. 1931. XVI, 184, XVI S. B. Zur Dogmengeschichte nach d. syrischen Liber Heraclidis. 4. Das Dogma von der Persönlichkeit Christi u. d. Problem d. Häresie d. Nestorius. Die Quintessenz der syr. Nestoriusapologie, gen. Liber Heraclidis (Damasceni). 1934. XXXI, 452 S. 4 d. Cyrillus u. Nestorius im Lichte d. Ephesus Encyclika. Das ephesin. Konzil u. s. dogmengeschichtl. Probleme in alter und neuer Beleuchtung. 1936. CXXXVI S.

Mihălcescu, P. I. Sinodul III ecumenic din Efes (431 d. Chr.). [Le III synode oecuménique d'Ephèse (431 après J. Chr.)] Bucuresti, Tip. Cartilor Bisericești, 1931. 110 p.

Michel, A. Amalfi und Jerusalem im Griech. Kirchenstreit (1054—1090). Kardinal Humbert, Laycus v. Amalfi, Niketas Stethatos, Symeon II v. Jerusalem und Bruno v. Segni über d. Azyemen. Roma, Pont. Institutum Orientalium studiorum, 1939. 64 S. (Orientalia Christiana Analecta, 121).

Michel, A. Humbert und Kerullarios, Quellen und Studien zum Schisma des 11. Jh. Tl. 1—2. Paderborn, Schöningh, 1925—1930. (Quellen und Forschungen aus d. Geb. d. Gesch. Bd. 23).

Symonds, H. E. The Church Universal and the See of Rome. A study of the relations between the Episcopate and the Papacy up to the schism between East and West. London, S. P. C. K. 1939. X, 296 p.

Jugie, M. Le schisme byzantin. Aperçu historique et doctrinal. Paris, Lethielleux, 1940.

Stadtmüller, G. Michael Choniates, Metropolit von Athen. (Ca. 1138—ca. 1222) [Diss.] Roma, Ist. Pontif. di Stud., Orient. 1934. 202 p. 36 Lit. (Orientalia Christiana. Vol. 33, 2).

Santifaller, L. Beiträge zur Geschichte des lateinischen Patriarchats von Konstantinopel (1204—1261) und der venezianischen Urkunden. Weimar, Böhlau Nachf., 1938. XV, 370 S., 2 Taf. (Hist. diplomat. Forschungen. Bd. 3).

Hotzelt, W. Kirchengeschichte Palästinas im Zeitalter der Kreuzzüge. Köln, Bachem, 1940. VIII, 254 S., 16 Taf. (W. Hotzelt. Kirchengeschichte Palästinas von der Urkirche bis zur Gegenwart, in 5 Teilen. III Teil).

Hofmann, G. Papato, conciliarismo, patriarcato (1438—1439). Roma, Saler, 1940. 82 p. (Misc. Hist. Pontif., II, 2).

Hofmann, G. Griechische Patriarchen und römische Päpste. Untersuchungen und Texte. II. Roma, Pontificio Istituto di studi orientali, 1932. 225—304 S. (Orientalia Christiana. Vol. 25). 4: Patriarch Jeremias II. 5: Die Patriarchen Meletios Pegas, Neophytos II, Timotheos II. 6: Patriarch Joannikios II.

Taoussi, A. Le V centenaire du Concile oecuménique de Florence et l'unité dans l'Eglise du Christ. Istanbul, 1938. 50 p.

Hagel, K. F. Kirche und Kaisertum in Lehre und Leben des Athanasius. [Diss.] Tübingen, 1933. VIII, 83 S.

Charanis, P. Church and State in the later Roman empire; the religious policy of Anastasius the First, 491—518. Madison. 1939. 10, 102 p. (University of Wisconsin Studies in the Soc. Scien. and hist., 26).

Schönebeck, H. Beiträge zur Religionspolitik des Maxentius und Constantin. Leipzig, Dieterich, 1939. VIII, 165 S. (Klio, Beiheft 43. N. F. H. 30).

Diekamp, F. Analecta Patristica. Texte und Abhandlungen zur griech. Patristik. Roma, Pontif. Ist. di Stud. Orient. 1938. 252 S. (Orientalia Christiana Analecta, 117).

Budge, E. A. W. ed. and transl. Stories of the Holy Fathers: histories of the anchorites, recluses, monks, coenobites etc. comp. by Athanasius and others and transl. from the Syriac with notes and introd. London, Oxford Univ. Press, 1934. 550 p.

- Bardy, G. *Recherches sur Saint Lucien d'Antioche et son école*. Paris, Geuthner, 1936. VIII, 380 p. (Et. d. théol. hist.).
- Fox, M. M. *The life and times of St. Basil the Great as revealed in his works*. [Diss.] Washington, Cath. Univ., 1939. XVIII, 172 p.
- Courtonne, Y. *Saint Basile et l'hellénisme. Etude sur la rencontre de la pensée chrétienne avec la sagesse antique dans l'Hexaméron de Basile le Grand*. Paris, Firmin-Didot, 1934. XV, 247 p.
- Gict, S. *Les idées et l'action sociales de St. Basile*. Paris, Gabalda, 1941. XXII, 454 p.
- Attwater, D. *St. John Chrysostom*. Milwaukee, Bruce, 1939. XV, 202 p.
- Baur, C. *Der heilige Johannes Chrysostomus und seine Zeit*. Bd. I—II. München, Hueber, 1929—1930. XL, 331 S.; 411 S.
- Van den Berghe, B. H. *Chrysostomus, de grote redenaar. Cultuurbeeld van het oude Antiochië*. Utrecht, Het Spectrum, 1930. 113 S.
- Meyer, L. *Saint Jean Chrysostome, maître de perfection chrétienne*. Paris, Beauchesne, 1934. 428 p. (Et. de théol. hist.).
- Fleury, E. *Hellénisme et Christianisme. Saint Grégoire de Nazianze et son temps*. Paris, Beauchesne, 1930. 383 p. (Et. de théol. hist.).
- Dörr, F. *Diadochus von Photike und die Messalianer. Ein Kampf zwischen wahrer und falscher Mystik im 5. Jh.* Freiburg i. Br. Herder, 1937. XVI, 145 S. (Theolog. Studien. H. 47.).
- Pando, J. C. *The life and times of Synesios of Cyrene as revealed in his works*. Diss. Washington, Cath. Univ. of Am. Press, 1940. XVIII, 186 p. (Cath. Univ. of Am. Patristic studies, 63).
- Bettini, G. *L'attività pubblica di Sinesio*. Udine, Istit. Edizioni accad., 1938. 127 p.
- Attwater, D. *The golden book of eastern saints*. Milwaukee, Bruce, 1938. 166 p.
- De Lacy O'Leary, E. *The saints of Egypt*. London, 1937. IX, 386 p.
- Heseler, P. *Hagiographica, 1,2. Beiträge zur Kirchengeschichte d. Gelasios von Kaisareia*. [Diss.]. Athen, Chronika, 1934. 38 S.
- Max, Herzog zu Sachsen. *Der heilige Theodor, Archimandrit von Studion*. München, Müller, 1929. 96 S. (Religio, 10).
- Koch, H. *Quellen zur Geschichte der Askese und des Mönchtums in der alten Kirche*. Tübingen, Mohr, 1933. XII, 196 S. (Samml. ausgewählter Kirchen- u. dogmengeschichtl. Quellenschriften, N. F., 6).
- Krüger, P. *Das syrisch-monophysitische Mönchtum im Tur-Ab(h)din bis zur Mitte des 12. Jh.* Münster, Greve, 1937. 79 S.

- Leo, P. *Die Wirkung Basilius des Grossen auf das Mönchtum seiner Zeit*. [Diss.] Marburg, 1928. V, 142 S.
- Murphy, M. G. *St. Basil and monasticism*. Washington, Cathol. Univ. Press, 1930. XIX, 112 p.
- Oppenheim, Ph. *Symbolik und religiöse Wertung des Mönchskleides im christlichen Altertum, vornehmlich nach Zeugnissen christl. Schriftsteller d. Ostkirche*. Münster, Aschendorff, 1932. XXVI, 186 S. (Theol. d. christl. Ostens. H. 2).
- Strothmann, W. *Die arabische Makariustradition. Ein Beitrag zur Geschichte d. Mönchtums*. [Diss.] Göttingen, 1934. 38 S.
- Schiwietz, S. *Das morgenländische Mönchtum. III: Das Mönchtum in Syrien und Mesopotamien und das Aszetentum in Persien*. Mödling bei Wien, Miss.-Druck St. Gabriel, 1938. VIII, 440 S.
- Holloway, H. *Study of the Byzantine liturgy*. London, Mitre Press, 1933. 276 p.
- Frere, W. H. *The Anaphora or Great Eucharistic Prayer. An eirenic study in liturgical history*. London, S. P. C. K., 1938. 212 p.
- Casper, J. *Weltverklärung im Liturgischen Geiste der Ostkirche*. Freiburg i. B., Herder, 1939. XIII, 233 S. (Ecclesia orans, 22).
- Buckel, A. *Die Gottesbezeichnungen in den Liturgien der Ostkirche*. Würzburg, Triltsch; Paderborn, Post, 1938. XIV, 138 S.
- De Meester, P. *Liturgia bizantina. Studi di rito bizantino alla luce della liturgia, del diritto ecclesiastico, dell'arte e dell'archeologia*. Libro II, parte VI: *Rituale benedizionale bizantino*. Roma, Tip. Leonina, 1930. XXXII, 571 p., ill.
- Tarchnišvili, M. *Die byzantinische Liturgie als Verwirklichung der Einheit und Gemeinschaft im Dogma*. Würzburg, Rita, 1939. 76 S. (Das östliche Christentum, 10).
- Salaville, S. *Studia orientalia liturgico-theologica*. Romae, Ephemeridesliturg., 1940. XVI, 254 p.
- Borgia, N. *Frammenti eucaristici antichissimi. Saggio di poesia sacra bizantina*. Grottaferrata, Tip. della Badia, 1932. 68 p.
- Falsone, F. *I canti ecclesiastici greco-siculi*. Padova, Cedam, 1936. VI, 342 p.
- Die Totenfeiern der byzantinischen Kirche*. Uebertr. v. Paulus Matzerath. Paderborn, Schöningh, 1939. 159 S. (Hl. Feiern der Ostkirche, 2).
- De Vries, W. *Sakramententheologie bei den Syrischen Monophysiten*. Roma, Pontif. Ist. di Stud. Orient. 1940. 264 p. (Orientalia Christiana Analecta, 1925).
- Tixeront, J. *Histoire des dogmes dans l'antiquité chrétienne II. De Saint Athanase à Saint Augustin (318—430)*. Paris, Gabalda, 1931. 534 p.

Hauret, C. Comment le „Défenseur de Nicée“ a-t-il compris le dogme de Nicée? Bruges, Beyaert, 1936. VII, 103 p.

Gomes de Castro, M. Die Trinitätslehre des Hl. Gregor von Nyssa. Freiburg i. Br., Herder, 1938. XVI, 126 S.

Ehrhardt, A. Ueberlieferung und Bestand d. hagiogr. u. homilet. Literatur d. griech. Kirche v. d. Anfängen bis z. Ende d. 16. Jh. Tl. I. Die Ueberlieferung. Bd. 3. Lfg. 1, 2, 3, Leipzig, Hinrichs, 1939—1940. (Texte u. Untersuchungen z. Gesch. d. altchristl. Lit. 52, 1).

Beck, H. Vorsehung und Vorherbestimmung in der theologischen Literatur der Byzantiner. Roma, 1937. 270 S. (Orientalia Christiana Analecta, 114).

Berkhof, H. Die Theologie des Eusebius von Caesarea. Amsterdam, Uitgev. Holland, 1939. 206 p.

Boularand, E. La venue de l'homme à la foi d'après Saint Jean Chrysostome. Roma, Univ. Gregor., 1939. 189 p. (Anal. Gregor., 18).

Davids, H. L. De Gnomologieën van Sint Gregorios van Nazianze. Nijmegen — Utrecht, Dekker en van de Vegt, 1940. 164 p.

Gericke, W. Marcell von Ancyra, der Logos-Christologe und Biblizist. Sein Verhältnis zur antiochenischen Theologie und zum Neuen Testament. [Diss.] Halle, Akad. Verl., 1940, X, 264 S. (Theol. Arb. z. Bibel-, Kirchen- u. Geistesgeschichte, 10).

Hammersberger, L. Die Mariologie der ephremischen Schriften. Innsbruck, Tyrolia, 1938. 87 S.

Heston, E. L. The spiritual life and the role of the Holy Ghost in the sanctification of the soul, as described in the works of Didymus of Alexandria. Roma, Univ. Gregor., 1938. 61 p.

Jüssen, K. Die dogmatischen Anschauungen des Hesychius von Jerusalem. Tl. I. Theol. Erkenntnislehre u. Christologie. Münster, Aschendorff, 1931. XII, 184 S. (Münster. Beitr. zu Theol. H. 17).

Rituale Melchitarum. A Christian euchologion. Ed. and transl. by M. Black. [Diss.] Stuttgart, Kohlhammer, 1938. 104 S., 3 Taf.

Spindeler, A. Cur verbum caro factum? Das Motiv der Menschenwerdung und das Verhältnis der Erlösung zur Menschwerdung Gottes in den christologischen Glaubenskämpfen des 4. und 5. christlichen Jahrhunderts. Paderborn, Schöningh, 1938, 162 S. (Forsch. z. christl. Liter. u. Dogmengesch., 18, 2).

Ammann, A. M. Die Gottesschau im palamitischen Hesychismus. Ein Handbuch der spätbyzantinischen Mystik. Würzburg, Rita, 1938, 161 S.

Культура

Runciman, S. Byzantine civilisation. New York, Longmans; London, Arnold, 1933. 320 p.

Mercier, E. La spiritualité byzantine. L'Orient grec et chrétien. Attique, Thessalie, Macédoine, Salonique, le Mont Athos. Paris, Edit. du Cygne, 1933. 524 p.

Hussey, J. M. Church and learning in the Byzantine empire, 867—1185. New York, Oxford Univ. Press, 1937. IX, 259 p., maps.

Straub J. A. Vom Herrscherideal in der Spätantike. Stuttgart, Kohlhammer, 1939. XII, 364 S. (Forschungen z. Kirchen- u. Geistesgeschichte, 18).

Treitinger, O. Die oströmische Kaiser- und Reichsidee nach ihrer Gestaltung im höfischen Zeremoniell. Jena, Frommannsche Buchh., 1938. XIV, 246 S.

Puech, A. Histoire de la littérature grecque chrétienne depuis les origines jusqu'à la fin du IV siècle. T. III. Le IV siècle. Paris. Belles-Lettres, 1930. 688 p. (Coll. d'études anciennes).

Antoniadis, S. Place de la liturgie dans la tradition des lettres grecques. Leiden, Siijthoff, 1939. XVII, 367 p.

Haight E. Essays on the greek romances. New York, Longmans, Green & Co. 1943. IX, 208 p.

Gaster, M. Die Geschichte des Kaisers Skinder. Ein rumänisch-byzantin. Roman. Beitr. z. Quellengesch. d. altfranz. „Istoire de sept sages de Rome.“ Athen, Byzant.-neugriech. Jahrbücher, 1937. 42 S. (Texte u. Forsch. z. byzant.-neugriech. Philologie, 22).

Lambert van der Kolff, J. A. Le roman de Libistros et Rhodamné. Littérature byzantine du 14 ou 15 siècle. Publié d'après les manuscrits de Leyde et de Madrid avec une introduction, des observations grammaticales et un glossaire. Amsterdam, Noord-Hollandsche Uitgeversmij, 1935. VIII, 545 p. (Verh. Akad. Wet. Afd. Letterkunde, N. R. XXXV).

Impellizeri, S. Il Digenis Akritas, l'épopée di Bisanzio. Firenze, Sansoni, 1940. VIII, 189 p. (Studi di lettere, storia et filosofia pubbl. dalla Scuola Norm. Super. di Pisa, 18).

Grégoire, H. Digenis Akritas, the Byzantine Epic in history and poetry. With the collaboration of P. Morphopoulos. Forwards by R. Dawkins and G. Cohen... New York, Nationl Herald, 1942. 336 p. 19 ill.

Nissen, Th. Die Byzantinischen Anakreonten. München, Bayer. Akad. d. Wiss., 1940. 81 S.

Nonnos. Vol. 1, 2. Transl. by W. H. Denham Rouse. London, Heinemann, 1939. LI, 553 p.; VIII, 556 p.

Zilliacus, H. Zum Kampf der Weltsprachen im oströmischen Reich. [Diss.] Helsinki, 1935. 293 S.

Foakes-Jackson, F. J. Eusebius Pamphili, Bishop of Caesarea in Palestine, and first Christian historian: the man and his writings. Cambridge, Heffer, 1933. 153 p.

Laqueur, R. Eusebius als Historiker seiner Zeit. Berlin, de Gruyter, 1929. X, 227 S.

Brunet, F. Médecine et thérapeutique byzantines. Oeuvres médicales d'Alexandre de Tralles. T. I—III, Paris, Geuthner, 1933—1936. 296 p.; V, 259 p.; IX, 254 p.

Искусство

L'art byzantin. 86 héliotypies précédés d'une introduction par A. Grabar. Paris, 1938.

Dalton, O. M. Byzantine art and archeology. Oxford, 1929. XIX, 727 p.

Byvanck, A. W. Byzantijsche kunst van Konstantijn de Groote tot Mohammed den Veroveraar. 330—1453. Amsterdam, Paris, 1930. 92 p.

Diehl, Ch. L'art chrétien primitif et l'art byzantin. Paris, Van Oest, 1928. 64 p., 64 pl. (Bibl. de l'hist. de l'art).

Grabar, A. L'empereur dans l'art byzantin. Recherches sur l'art officiel de l'empire d'Orient. Paris, 1936. (Publications de la Faculté des lettres de l'Université de Strasbourg, Fasc. LXXV).

Molé, V. Historia sztuki starochrześcijańskiej wczesnobizantyńskiej. Lwów, Jakubowski, 1931. 420p. (Lwowska Biblioteka Sławiścyczna, t. 13).

Peirce, H. et Tyler, R. L'art byzantin. T. I. Paris, Libr. de France, 1932. 116 p., pl. h. t.

Volbach, W., Salles, G., Duthuit, G. Art byzantin. Paris, A. Levy, 1933. 80 p., 100 pl.

Volbach, W. L'arte bizantina nel Medio Evo. Roma, Sansoni, 1935. 18 p., 15 tav., 3 lit. (Bibl. Apostolica Vaticana, Museo Sacro, Guida, I).

Wulff, O. Altchristl. u. byzantin. Kunst. Bibliogr.-krit. Nachtr. Potsdam, Athenion, 1939. 88 S., Abb. (Handbuch d. Kunstwissenschaft).

Jerphanion, G. Une nouvelle province de l'art byzantin. Les églises rupestres de Cappadoce. 2 cartes... Texte. T. I, 2 partie. T. II, 1 partie. Paris, Geuthner, 1932. VIII, 297—615 p., VIII, 388 p. (Haut-

Commiss. de la Rép. Fr. en Syrie et au Liban. Service des antiquités et des beaux-arts. Bibl. archéol. et hist., T. 5, t. 6).

Colasanti, A. L'art byzantin en Italie. Paris, Morancé, 1929. 24 p., 100 pl.

L'art byzantin chez les Slaves. Les Balkans. Premier recueil dédié à la mémoire de Th. Uspensky. 2 v., Paris, Geuthner, 1930. XV, 305 p., 307 fig., LII pl. L'ancienne Russie, les slaves catholiques. Deuxième recueil dédié à la mémoire de Th. Uspensky. 2 v. Paris, Geuthner, 1932. XLIII, 535 p., 176 fig., LXII pl.

Beza, M. Byzantine art in Roumania. 1939.

Zaloziecky, W. Byzanz und Abendland im Spiegel ihrer Kunsterscheinungen. Salzburg-Leipzig, Pustet, 1936. 110 S. (Bücherei der Salzburger Hochschulwochen, Bd. 7).

Bettini, S. L'architettura bizantina. Firenze, Via Taenza, 1937. 68 p. (Nuovissima enciclopedia monografica illustrata).

Ebersolt, J. Monuments d'architecture byzantine. Paris, Edit. d'art et d'hist., 1934. VI, 218 p. (Hist. de l'art Byzantin, publ. sous la dir. de Ch. Diehl, 2).

Golzio, V. Architettura bizantina e romanica. Milano, Soc. ed Libreria, 1939. 232 p., 224 ill.

Mamboury, F. u. Wiegand, Th. Die Kaiserpaläste von Konstantinopel zwischen Hippodrom und Marmara-Meer. Mit einem Beitr. von Eckhard Unger. Berlin, de Gruyter, 1934. VIII, 71 S. 31 Abl., 118 Taf.

Schneider, A. M. Die Hagia Sophia zu Konstantinopel. Berlin, Mann, 1939. 48 S., 67 Taf.

Swift E. H. Hagia Sophia. New York, Columbia Univers. Press, 1940. XVII, 265 p., III.

Zaloziecky, W. R. Die Sophienkirche in Konstantinopel und ihre Stellung in der Geschichte der abendländischen Architektur. Città del Vaticano, 1936. VIII, 271 S., 37 Abb. im Text u. 24 Taf. (Studi di Antichità Cristiana, pubbl. per cura del Pontificio Istituto di Archeologia Cristiana, 12).

Kalliga, M. Die Hagia Sophia von Thessalonike. Würzburg, Triltsch, 1935. 66 S., 8 Taf.

Bettini, S. La pittura bizantina. T. II: I mosaici. Fasc. I, II. Firenze, Nemi, 1938 e 1939. 66 p.; 74 p., ill. (Nuoviss. enciclop. monogr. illustr.).

Diehl, Ch. La peinture byzantine. Paris, Van Oest, 1935. 109 p. 96 pl. (Hist. de l'art byzantin, publ. sous la dir. de Ch. Diehl, I).

Muratoff, P. La pittura bizantina. Roma, Valori plastici, 1929. 182 p., 256 tav., 100 lit.

Medea, A. Gli affreschi delle cripte eremitiche pugliesi. I. Testo. II. Albo delle illustrazioni. Roma, 1939. I: 270 p.; II: 10 p., 165 fig. (Coll. Merid. editr. diretta da U. Zanotti-Bianco. 14).

Millet, G. and Talbot, R. D. Byzantine painting at Trebizond pub. with the collaboration of the Academie des inscriptions et belles-lettres de l'Institut de France and of the Univ. of London, with 57 pl. London, Allen, 1936. 182 p.

Schreyer, L. Bildnis der Engel. 2. Aufl. Freiburg i. Br., Herder, 1940. 144 S., 24 Bildtaf.

Schreyer, L. Bildnis des Heiligen Geistes. Freiburg i. Br., Herder, 1940. 210 S. 24 Bildtaf.

Visser, W. Die Entwicklung des Christusbildes in Literatur u. Kunst in der frühchristlichen und frühbyzantinischen Zeit. Bonn, Visser, 1934. 197 S.

Stefanescu, J. D. L'art byzantin et l'art lombard en Transylvanie. Peintures murales de Valachie et de Moldavie. Paris, Geuthner, 1938. IX, 166 p.

Friedländer, P. Spätantiker Gemäldezyklus in Gaza. Des Prokopios von Gaza „Ἐκφρασις Εἰκόνοϋς“ hrsg. und erklärt. Città del Vaticano, 1939. VII, 120 S., XII Taf.

Konstantynowicz, I. B. Ikonostasis. Studien und Forschungen, I. Lwów, 1939. 270 S., 201 Abb., 2 Taf.

Bettini, S. Byzantinische Mosaiken. Berlin, Günther, 1941. XL S., 2 Bl. Abb.

Whittemore, T. The mosaics of St. Sophia at Istanbul. 2-d preliminary report: The mosaics of the S. Vestibule. London, Oxford Univ. Press, and Byzantine Inst., Paris, 1936.

Demus, O. Die Mosaiken von S. Marco in Venedig 1100—1300. Baden b. Wien, Rohrer, 1935. 108 S., 50 Abb.

Diez, E. und Demus, O. Byzantine mosaics in Greece; Hosios Lucas and Daphni. Cambridge, Mass., Harvard Univ. Press, 1931. XIV, 117 p. (plates). (Am. School of class. studies Athens).

Morey, C. R. The mosaics of Antioch. New York, Longmans, Green, & Co., 1938.

Ricci, C. Tavole storiche dei mosaici di Ravenna. Fasc. VIII. S. Giovanni Evangelista, S. Michele in Africisco. S. Agata, Basilica Ursiniana. Roma, Istit. Poligr. dello Stato, 1937. (R. Istit. di archeol. e stor. dell'arte. Monumenti, 8).

Gerola, G. I monumenti di Ravenna bizantina. Milano, Treves, 1930. XXXV, 60 p., 8 lit. (Il Fiore dei musei e monumenti d'Italia, 13).

Omont, H. Evangiles avec peintures byzantines du XI siècle. Paris, 1940. 187 tbl.

Egbert, D. D. The Tickhill Psalter and related manuscripts. Princeton, Princeton Univ. Press, 1940.

Grabar, A. Miniatures byzantines de la Bibliothèque Nationale. 66 phot. inédites. Paris, Edit. d'art et d'hist., 1939.

Illustrations in the manuscripts of the Septuagint. Vol. 3. Psalms and odes. Pts. 1—2, ed. by E. T. De Wald, A. M. Friend and K. Weitzmann. Princeton, Princeton Univ. Press, 1941—1942.

Der Nersessian, S. L'illustration du roman de Barlaam et Joasaph. Paris. 1937.

Weitzmann, K. Byzantinische Buchmalerei des IX und X. Jahrhunderts. Berlin, 1935.

Soterin, G. A. Τὰ βυζαντινὰ μνημεῖα τῆς Κύπρου Α'. Λεύκωμα. Athen, Verl. d. Akademie, 1935. XLVII S., 1 Karte, 57 S. Abb. 162 Taf. (Abh. d. Athener Akad. Phil.-hist. Kl. Bd. 3).

Bréhier, L. La sculpture et les arts mineurs byzantins. Paris, Ed. d'art et d'hist., 1936. 112 p., 96 pl. (Coll. hist. de l'art byzantin, 3).

Braun, J. Die Reliquiare des christlichen Kultes und ihre Entwicklung. Freiburg i. Br., Herder, 1940. XXIV, 743 S. 157. Abb.

Cecchelli, C. La cattedra di Massimiano ed altri avorii romano-orientali. Fasc. I—III. Roma, Istit. Poligr. dello Stato, 1936—37. 95 p., ill., 14 tav. (R. Istit. di archeol. e stor. dell'arte).

Morath, G. W. Die Maximianskathedra in Ravenna. Ein Meisterwerk, christlich-antiker Reliefkunst. Freiburg i. Br., Herder, 1940. XI, 114 S., 16 Taf. (Freib. theol. Stud., 54).

Goldschmit, A. u. Weitzmann, K. Die byzantinischen Elfenbeinskulpturen des 10. bis 13. Jh. (Hrsg. vom Deutsch. Ver. f. Kunstwiss.). Berlin, Cassirer, 1934. 95 S.

Kollwitz, J. Oströmische Plastik der theodosianischen Zeit. Mit einem Beitrag von P. Schatzmann. Berlin, de Gruyter, 1941. IV, 206 S. 7 Bl. Abb., 56 Taf.

Niederle, L. Příspěvky k vývoji byzantských šperků ze IV—X století. Praha, C. Akademie, 1930. 154 p.

Peirce, H. and Tyler, R. Three Byzantine works of art. Cambridge, Mass., Harvard Univ. Press, 1941. 26 p., 30 l. ill. (Half title: Dumbarton Oaks papers, № 2).

Talbot, R. Byzantine glazed pottery, with an introd. by Bernard Rackham. New York, Oxford Univ. Press, 1930. XII, 120 p., 21 pl.

Tiby, O. La musica bizantina. Teoria e storia. Milano, Bocca, 1938. VIII, 213 p. 8 tav.

Wellesz, E. Trésor de musique byzantine. I. Paris, L'oiseau Lyre, 1934. 22-39 p.

Tardo, L. L'antica melurgia bizantina nell' interpretazione della Scuola monastica di Grottaferrata. Roma, Coll. Meridionale Editr., 1938. XXI, 402 p.

Tillyard, H. J. W. Handbook of the middle byzantine musical notation. København, Levin & Munksgaard, 1935. 50 p.

Høeg, C. La notation ekphonétique. København, 1935. 162 p.

Theocharidis, G. J. Beiträge zur Geschichte der Profantheater im IV und V Jahrhundert hauptsächlich auf Grund der Predigten des Johannes Chrysostomos, Patriarchen von Konstantinopel. [Diss.] München, Thessaloniki, 1940. 126 S.

Страны, связанные с Византией

De Lacy O'Leary, E. The Ethiopian Church. Historical notes on the Church of Abyssinia. London, Soc. for Promoting Christ. knowl., 1936. 79 p.

Kraus, J. Die Anfänge des Christentums in Nubien. [diss.] Münster, 1930. VIII, 156 S.

Monneret de Villard, U. Storia delle Nubia cristiana. Roma, Pontif. Ist. di Stud. Orient. 1938. 250 p., 1 ill., 10 cart. (Orientalia Christiana Analecta, 118).

Oliverio, G. Il decreto di Anastasio I sull'ordinamento politico-militare della Cirenaica. Iscrizioni di Tocra, El Chamis, Tolemaide, Cirene. Bergamo, Ist. ital. arti grafiche, 1936. 135—283 p., ill., tav. (Docum. antichi dell'Africa Ital. Vol. II: Cirenaica, fasc. 2).

Schwartz, A. Der Kampf der arianischen Vandalen gegen die Kirchenpolitik Roms und Byzanz. Leipzig, Klein, 1938. 77 S.

Hebbelynck, A. and van Lantschoot, A. Codices Coptici Vaticani, Barberiniani, Borgiani, Rossiani. T. I. Codices Coptici Vaticani. Città del Vaticano, Bibl. Vaticana, 1937. XXIX, 698 p.

Crum, W. Varia Coptica. Texts, translation, indexes. Aberdeen, Univ. Press, 1939. 105 p.

Heuser, G. Die Kopten. Heidelberg, F. Bilabel, 1938. 48 S. (Prosopogr. von Aegypten, IV, Quell. u. Stud. z. Gesch. u. Kult. d. Altert. u. d. Mittelalt. Reihe C, Bd. 2).

Christensen, A. L'Iran sous les Sassanides. Copenhagen; Paris, 1936. 559 p.

Strzygowski, J. L'ancien art chrétien de Syrie, son caractère et son évolution, d'après les découvertes de Vogüé de l'expédition de Princeton, la façade de Mschatta et le calice d'Antioche. Paris, de Boccard, 1936. II, 215 p., 1 pl., fig., cartes.

Jerphanion, G. de. Les miniatures du manuscrit syriaque № 559 de la Bibliothèque Vaticane. Città del Vaticano, Bibl. Apost. Vatic., 1940. VIII, 124 p., 28 tabl., 55 ill.

Akinean, N. Elisäus Vardapet und seine Geschichte des Armenischen Krieges. Eine literarisch-historische Untersuchung. 2 Teil. Wien, 1936, S. 401—806.

Markwart, J. Die Entstehung der armenischen Bistümer. Kritische Untersuchungen der armenischen Ueberlieferung. Roma, Pontif. Ist. di studi orientali, 1932. 96, (146—236) p. (Orientalia Christiana, vol. 27, 2, № 80).

Rucker, I. Ephesinische Konzilakten in armenisch-georgischer Ueberlieferung. München, Oldenbourg, 1930, 112 S.

Kekelidse, K. Die Bekehrung Georgiens zum Christentum. Leipzig, Hinrichs, 1928. 51 S. (Morgenland, H. 18).

Amadumi, G. C. Monachismo. Studio slavico canonico e fonti canoniche. Venezia, Tip. dei Padri Mechitaristi S. Lazzaro, 1940. XXXV, 232 p.

Dvornik, F. Les légendes de Constantin et de Méthode vues de Byzance. Praha, Orbis, 1933. X, 443 p.

Kašanin, M. L'art yougoslave des origines à nos jours. Belgrad, Prinz-Paul-Museum, 1939. 91 p. 168 tab.

Tzenoff, G. Geschichte der Bulgaren und der anderen Süd-slaven von der römischen Eroberung der Balkanhalbinsel an bis zum Ende des IX Jahrhunderts. Berlin — Leipzig, 1935. XV, 272 S.

Zlatarski U. Geschichte des Bulgarenstaates im Mittelalter. София, 1934.

Runciman, S. History of the first Bulgarian Empire. London, 1930. XII, 337 p.

De Stefano, A. Federigo III d'Aragona, re di Sicilia (1296—1337). Palermo, F. Ciuni, 1937. 242 p.

Jamison, E. The Sicilian Norman kingdom in the mind of Anglo-Norman contemporaries. Oxford, Univ. Press, 1939, 52 p.

Leanti, G. Ruggero II il Normanno, re di Sicilia (1130—1154). Palermo, Unione Tip. Sicil., 1938, 112 p.

Hill, G. A history of Cyprus. Vol. I. To the Conquest by Richard Lion Heart. Cambridge, Univers. press. 1940. 352 p., XV pl.

Barbaro, C. Legislazione veneta. I capitolari di Candia. Venezia, Tip. S. Marco, 1940. XIV, 148 p.

Condanari Michler. Zur frühvenezianischen Collegantia. München, Beck, 1937. XIII, 124 S. (Münchener Beiträge zur Papyrusforschung und antiken Rechtsgesch., 25).

Macartney C. A. Studies on the early Hungarian historical sources. III. Budapest, 1940. 228 p. (Etudes sur l'Europe centreorientale, 27).

Moravcsik, G. A magyar történet bizanci forrasai. (Sources byzantines de l'histoire hongroise.) Budapest, Magy, Történelmi Tars, 1934. 256 p.

Lehmann, B. Die Nachrichten des Niketas Choniates, Georgios Akropolites und Pachymeres über Selçugen in der Zeit von 1180—1280 n. Chr. Gräfenhainichen, Schulze, 1939. 96 S.

Silberschmidt. Das orientalisches Problem zur Zeit der Entstehung des Türkischen Reiches nach venezianischen Quellen. Leipzig—Berlin, 1933.

Wittek, P. The rise of the Ottoman Empire. London, Royal Asiatic Society, 1938. VII, 54 p.

География. Топография

Philippson, A. Das Byzantinische Reich als geographische Erscheinung. Leiden, Brill, 1939. VIII, 214 S., 5 Karten. 7 Textfig.

Schneider, A. M. Byzanz. Vorarbeiten z. Topographie und Archäologie der Stadt. Beitrag von W. Karnapp. Berlin, Archäol. Institut d. D. Reiches, 1936. 5 Bl., 106 S., 10 Taf., 1 topogr. Karte, zahlr. Textalb., Pläne. (Istanb. Forsch., Bd. 8).

Schneller, L. Nicäa, eine vergessene Welt- und Schicksalsstadt. Leipzig, Wallmann, 1938. 58 S., Abb.

Meyer, E. Peloponnesische Wanderungen. Reisen und Forschungen zur antiken und mittelalterlichen Topographie von Arkadien und Achaia. Zürich u. Leipzig, Nilhaus, 1939. XVI, 148 S., 36 Taf. 10 Planskizzen, 2 Karten.

Palestine of the Crusades. A map of the country on scale 1:350 000 with historical introduction and gazetteer. By C. N. Johns. Jerusalem, Salmon, 1938. 52 p., 2 maps.

Археология. Нумизматика

Dörner, T. K. u. Naumann, R. Forschungen in Kommagene. Mit Beiträgen von K. Dorn und J. Keil. Berlin. 114 S., 20 Abb., 25 Taf. (Istanb. Forsch., Bd. 10).

Bires, K. E. Αἱ Ἐκκλησίαι τῶν Παλαιῶν Ἀθηνῶν. Athen, Estia, 1940. 54 S.

Demangel, R., Mamboury, E. Le quartier des Manges et la première région de Constantinople. Paris, Bocard, 1939. (Recherches franç. en Turquie, 2).

Bertelé, T. Monete e sigilli di Anna di Savoia, imperatrice di Bisanzio. Roma, Santamaria, 1937. 69 p., 2 il., II tav.

Forrer, L. Portraits of royal ladies on Greek coins. London, Spink, 1939. 72 p.

Miles, G. C. Byzantine weight validated by al-Walid. New York, Am. numismatic soc., 1939. II p. (Numismatic notes and monographs, № 87).

Pink, K. Römische und byzantinische Gewichte in Oesterreich. Sammlungen. Mit 12 Abb. Baden b. W., Rohrer, 1938. 112 S. (Sonderschriften d. österr. archäol. Inst. in Wien, 12).

Справочники

Ἀεζικὸν τῆς Ἑλληνικῆς γλώσσης Α'. Ἱστορικὸν Ἀεζικὸν τῆς Νέας Ἑλληνικῆς τῆς τε κοινῆς ὁμιλουμένης καὶ τῶν ἰδιωμάτων. Τόμος Β'. ΑΝ-ΑΠ Ἀκαδημία Ἀθηνῶν. Athen, Hestia, 1939, 647 S.

Dictionnaire de spiritualité ascétique et mystique. Doctrine et histoire. Publ. sous la direction de M. Viller. Fasc. VI. Bibliothèques—Byzance. Fasc. VII. Cabasilas—Cassien. Paris. Beauchesne, 1937.

Bar Bahlul. Lexicon syriacum, voces syriacas graecasque cum glossis syriacis et arabicis. Paris, 1940. 39, 246, 1049 p.

Crum W. C. A coptic dictionary. Part V. Oxford, Clarendon Press 1937. VIII. 573—744 p.

Е. Елеонская

Сектор истории Фундаментальной б-ки
ОН АН СССР

НОВАЯ СЕРИЯ ЖУРНАЛА «BYZANTION»

После пятилетнего перерыва мы получили 2 тома¹ (XV и XVI) „Byzantion’a“; это первые вышедшие в США тома, куда журнал, спасаясь от фашистских варваров, перенес свое местопребывание и научную традицию. Мы вновь находим в нем широкий подход к изучению Византии в ее тесных исторических связях со всеми культурными народами Старого света. В частности, в журнале ясно выражен интерес к древнейшей истории русского народа и народов СССР в ее взаимоотношении с историей Византии. Свежо и интересно трактуется также ряд основных проблем внутренней истории Византии. Ввиду труднодоступности журнала в данное время для советских историков, мы даем обзор его содержания в виде кратких

¹ Byzantion. International Journal of Byzantine Studies, vol. XV (American Series, I), 1940—1941, Boston, Mass., 1941; vol. XVI, fasc. I (American Series, II), 1942—1943, Boston, Mass., 1944.

рефератов всех содержащихся в обоих томах статей, не входя, однако, в критику научных позиций тех или иных авторов работ, опубликованных в этом журнале.

BYZANTION

International Journal of Byzantine Studies, vol. XV (Amer. Series I)
1940—1941. Boston, Mass., 1941

СТАТЬИ

Quasten, Johannes. *A Coptic Counterpart to a vision in the Acts of Perpetua and Felicitas*, pp. 1—9.

Видение небесной лестницы в страданиях Перпетуи — мотив, заимствованный в житии этой святой из древнеегипетской и эллинистической мифологии. Христианские мученики рассматривали свой подвиг как переход от земного к небесному существованию и ретсепировали мотив небесной лестницы. „Деяния Перпетуи и Фелицитаты“ были переведены на греческий язык и оказали влияние на коптскую агиографию.

Coster, C. H. *Synesius, A Curialis of the Time of the Emperor Arcadius*, pp. 10—38.

Основываясь, главным образом на „Письмах“ Синезия, автор рисует его как типичного представителя провинциальной средней знати. Деятельность Синезия, как куриала, самый факт принадлежности его к сословию куриалов, говорят о том, что принятое представление о жалком положении куриалов поздней Империи требует существенной поправки.

„Речь“ Синезия к императору свидетельствует о высоком развитии гражданского самосознания в Империи, о сохранившейся в известной мере политической правоспособности курий и куриалов, о конституционных началах императорской власти.

Автор обращает внимание на совмещение Синезием положения куриала с властью епископа, цитирует высказывания самого Синезия по этому поводу. Подробно рассказав про победу Синезия в столкновении с Правителем Пентаполя — Андроником, автор квалифицирует этот эпизод как материал для характеристики положения куриалов.

Downey, Glanville. *The Calendar reform at Antioch in the fifth century*, pp. 39—48.

Две греческие надписи из Сирии, опубликованные в 1870 г., позволяют установить, что в Антиохии между 449 и 483 гг. была проведена реформа календаря; начало года было передвинуто с 1 октября на 1 сентября. Это привело к хронологическим неточ-

ностям при сопоставлении счета индиктионов со счетом лет по Антиохийской (селевкидской) эре. Малала и Евагрий противоречиво датируют землетрясение в Антиохии, случившееся около этого времени, сопоставляя его с хронологией правления Льва I; автор находит выход из этих противоречий, ранее исследовавшихся Клинтонем, Лицманом, Иделером, Норисом, исходя из реформы календаря показаний Сирийской *Liber Chalifarum* и биографии Симеона Стилита.

Charanis, Peter. *Coronation and its constitutional significance in the later Roman Empire*, pp. 49—66.

Автор указывает, что в существующей литературе по данному вопросу наибольшую распространенность имеет взгляд W. Sickel'a, утверждающего, что коронация императора патриархом не имела религиозного содержания и была чисто государственным актом в котором патриарх выступал представителем избирателей, и что, таким образом, введение акта коронации не было конституционным новшеством. Бюри высказывает по этому поводу два противоположных мнения. F. Dölger как и некоторые другие немецкие византилисты, вообще отрицает конституционное значение коронации.

Византийские авторы (Феодорет, Константин Порфирородный и др.) уделяют коронации большое внимание и отмечают ее религиозное и политическое значение. Ссылаясь на ряд примеров на протяжении всей византийской истории, автор доказывает, что в акте коронации церковь давала высшую санкцию императорской власти; византийское государственное правосознание оправдывало свержение народом императора, нарушившего свою религиозную клятву. Византийцы рассматривали власть патриарха как основной столп конституции. И при многочисленных захватах императорской власти санкция ее коронацией оставалась неизменно необходимой. То же наблюдается в истории болгарской и сербской царской власти.

Vernadsky, G. *Byzantium and Southern Russia*, pp. 67—86.

Анализ списка епископатов Готской архиепископии, имеющегося в *Notitia episcopatum*, опубликованной де-Боором в 1891 г. Этот документ состоит из разновременных возникших частей, в частности список епископатов Готии заключается в позднейшей глоссе, составленной не ранее 861—862 г. Этот список возник из отчета Константина-философа („апостола славян“ Кирилла) о своей миссии у хазар патриарху Фотию; ученый миссионер посетил все епископии Готии, за исключением Тмутараканской, места обитания тмутараканской Руси, которая была христианизирована почти в это же время, но не Кириллом. Хазарские епископии и епископия тмутараканская были включены в архиепископию Готии, а не составили архиепи-

скопии Хазарии вследствие оппозиции Хазарии проникновению византийского политического влияния через церковь. В начале X в. готская архиепископия распалась; существенную роль при этом сыграло крещение Руси. Что касается обращения хазар к юдаизму, то это объясняется политической нейтральностью этой религии, что было удобно Хазарии в ее лавировании между Византией и халифатом. Дата этого обращения определяется автором путем сопоставления данных Масуди и „Жития Константина“; это дает дату post quem — 860—861; дату ante quem дает латинский источник *Expositio in Matthaeum* Христиана из Стабла, по прозвищу Друтмара, именно 866 г.

Frantz, A. *Digenis Akritas: a byzantine epic and its illustration*, pp. 87—91.

Недавно найденные на афинской агора фрагменты византийской керамики XII—XIII вв. дают образцы иллюстрации византийской художественной светской литературы. Это иллюстрации к нескольким эпизодам византийского эпоса о Дигенисе Акрите; изображенные эпизоды свидетельствуют о широкой распространенности отдельных народных песен о Дигенисе, из которых далеко не все вошли в поэму, составленную в X в.

Grégoire, H. *Notes on the byzantine epic. The greek folk-songs and their importance for the classification of the russian version and of the greek manuscripts*, pp. 92—104.

Археологические открытия, подтверждающие существование народных песен о Дигенисе Акрите, на основе которых создавалась византийская поэма (см. выше ст. А. Франца), открывают новые возможности для классификации рукописей поэмы. Степень близости к народной песне определяет возраст данного рукописного варианта, возраст рукописи или ее архетипа. Анализируя рукописи поэмы с этой точки зрения, автор устанавливает основные моменты ее древнейшей тематики; поэма в своем древнейшем виде была павликианской, враждебной императору Василию I. Автор устанавливает отдельные детали рукописных вариантов; характеризующие хронологическое соотношение рукописей и вариантов, и дает соответствующую таблицу всех существующих рукописей поэмы. Изданный текст поэмы воспроизводит одну из поздних и далеких от оригинала рукописей.

Автор считает, что настало время предпринять критическое издание поэмы.

Ter Nersessian, S. *Remarks on the date of the menologium and the Psalter written for Basil II*, pp. 104—125.

Ватиканская рукопись менология датируется историками искусства приблизительно 1000-м годом. Анализируя текст, автор привле-

кает сообщения о землетрясении 989 г. в памятниках, связанных с менологием, прежде всего с синаксариями Сирмондианского кодекса, а также агиографические памятники, в частности биографию Луки Стилита, историю Льва Дякона, Яхьи Антиохийского. Устанавливается дата post quem — 979—989 гг.; terminus ante quem — 989 г. С этой точки зрения анализируется правление и личность Василия Второго; в конечном итоге рукопись менология датируется 986 г., а псалтири — 1019 г. Вторая часть статьи посвящена миниатюрам Ватиканской рукописи, анализу биографических данных о церковных деятелях, изображенных на этих миниатюрах.

Willoughby, H. *Vagrant folios from family 2400 in the Free Library of Philadelphia*, pp. 126—132.

За последние десять лет в США были опубликованы две великолепные византийские рукописи, так называемые фамилии 2400. Рукопись, принадлежащая *Free Library of Philadelphia*, содержит произведения новозаветной литературы; она принадлежит к фамилии 2400 и совершенно соответствует (по всем основным признакам) рукописи Национального музея в Палермо. Автор дает краткую историю главных однотипных рукописей и заканчивает описанием Филадельфийской рукописи.

Buckler, G. *Writings familiar to Cecaumenos*, pp. 133—143.

Отражение в трактатах Кекавмена „*Strategikon*“ и „*Logos Nouthetikos*“ библии, произведений греко-римской и византийской литературы. Наибольшее число цитат — из Ветхого и Нового завета, главным образом социально-этического содержания; при использовании библии Кекавмен ни разу не касается ересей. Много цитат из „*Экклесиаста*“ — литературно-психологического характера. В нескольких местах Кекавмен использует Кассия Диона, причем некоторые его цитаты могут рассматриваться как новые фрагменты историка. Одним из главных источников Кекавмена была „*Tactica*“, приписываемая Льву VI, откуда заимствуются и общеисторические и военные данные. В поучительной части трактата Кекавмен использует „*κατάλα παραινετικά*“, приписываемые императору Василию Первому.

Giorgio Levi Della Vida. *A christian legend in Moslem Garb*, pp. 144—157.

Происхождение, развитие и распространение христианского сюжета о женщине, которая заставила убить себя, защищая свою честь. Этот сюжет встречается в обширном, но мало изученном труде египетского араба Ибн-Ас-Субки (год смерти — 1370), содержащем весьма разнообразный исторический материал, и может по-

служить отправным моментом для критики текста Ибн-Ас-Субки. Здесь героиней является жена последнего калифа Аль-Муташима, не желавшая стать наложницей завоевателя Хулагу. Сюжет получил широкое распространение в мировой исторической и художественной литературе. Наиболее раннюю трактовку сюжета надо, повидимому, искать в греческой литературе; но греческий текст этой трактовки до нас не дошел, а сохранился в арабской и грузинской версиях. Н. Я. Марр, издавший грузинскую версию, приписывает ее Антиоху Стратигу, монаху монастыря св. Саввы начала VII в.; эта версия представляет собой гомилию на взятие Иерусалима персами в 614 г. Отсюда этот сюжет перешел в поздневизантийскую литературу, в Италию эпохи Возрождения (Барбаро, Ариосто), в Польшу XVI в. (*Martinus Cromer Polonia, sive de origine et rebus gestis Polonorum*).

Мусульманским вариантом сюжета является рассказ Ибн-Ас-Субки. Другая, повидимому более поздняя линия развития и распространения сюжета связывается с коптской биографией александрийского патриарха Михаила (744—768), написанной его секретарем Иоанном Диаконом. Отсюда этот сюжет был заимствован христианско-арабским автором „Истории александрийских патриархов“ Севером Ибн-Аль-Мукаффа, труд которого, в свою очередь, был источником для Эль-Макина и Абу-Салиха, написавшего в XIII в. историю церквей и монастырей Египта. Мусульманский автор XIV в. Аль-Макризи кратко упоминает о данном сюжете. Проникновение христианского сюжета в арабскую литературу следует изучить более глубоко, так как это дает основу для наблюдений над культурным взаимодействием византийского и передневносточного мира.

Gregoire H. *The Question of the diversion of the fourth crusade, or, an old controversy solved by a latin adverb*, pp. 158—166.

Для византиниста несомненно, что конечная цель и направление IV крестового похода были заранее обдуманы и решены. Однако недавно последний издатель Виллардуэна Фараль (*M. Faral*) доказывает обратное в *Revue Historique* за 1936 г.; именно он считает, что захват Константинополя крестоносцами был непредвиденной случайностью. Фараль отводит показания основных источников как недостоверные и, основываясь на анализе текста Никиты Хониата, утверждает, что бежавший из Константинополя византийский принц Алексей прибыл к крестоносцам летом 1202 г., когда они уже были готовы к отплытию к сирийским берегам. Прибытие же Алексея перевернуло все их планы. Между тем, сам Никита Хониат утвер-

ждает, что взятие Константинополя было исполнением папской воли. Тенденциозная ошибка Фаралья состоит в том, что он рассматривает изложение Хониата как хронологически последовательное. Между тем, это совершенно неверно, в чем можно убедиться только при овладении трудным греческим подлинником, чего Фараль не сделал. Папское письмо от 16 ноября 1202 г. окончательно разоблачает Фаралья „*Nos autem imperiali prudentia aliter duximus respondendum, quod predictus Alexius olim ad praesentiam nostram accedens*“... Прекрасная работа *Usseglio. L. 1 Marchesi di Monferrato* (1926 г.) показывает, как глубоко была заинтересована семья Бонифация Монферратского в захвате Константинополя.

Alexander P. J. *A chrysobull of the emperor Andronicus II. Palaeologus in favor of the see of Kanina in Albania*.

Описание и публикация текста хрисовулла Андроника II от 1307 г. с филологическим и историческим комментарием. Об этой рукописи, хранящейся в Pierpoint Morgan Library of New York City, до сих пор не было упоминания в литературе. Между тем, она принадлежит к редкому типу хрисовуллов, снабженных миниатюрами; на данной рукописи имеются изображения Андроника II и девы Марии, представляющие историко-искусствоведческий интерес. Данный документ по своему содержанию является подтверждением владельческих прав епископской кафедры в Канине; этих прав епископат лишился в результате предшествующей политической борьбы в Византии. Alexander комментирует документ, касается истории взаимоотношений Византии с другими балканскими странами со времени Василия II, а также историю тесно с ними связанных отношений Византии к южно-итальянскому королевству. В самом документе останавливает на себе внимание вступление, трактующее о теоретических основах императорской власти. Интересны далее данные о своеобразном синкретизме кровной мести с византийским уголовным и гражданским правом.

Charanis P. *Internal strife in Byzantium during the fourteenth century*, pp. 208—230.

Главной причиной окончательного падения Византии после Михаила Палеолога была внутренняя борьба между аристократией и низшими классами. Ряд городских восстаний установил на тот или иной срок народную власть в ряде городов, причем эта социальная борьба была тесно связана с борьбой за императорскую власть. Восстание в Адрианополе 1341 г. и особенно восстание злотов в Фессалонике в 1342 и 1345—1349 гг. характеризуются писателями-современниками и участниками событий, как движение социально-революционное. И. Кантакузен сообщает в своей

„Истории“: „Чернь, при всех обстоятельствах, считала своим долгом сохранять лояльность по отношению к императору Палеологу, тогда как люди, обладавшие собственностью, были искренно расположены к императору Кантакузену или, во всяком случае, были обвиняемы в этом восставшей беднотой“. И. Кантакузен и другие авторы рисуют картину гражданской войны с проявлением страстной ненависти друг к другу борющихся сторон. Восставшие захватывали власть и устанавливали свое управление. Особенно глубоко было движение в одном из крупнейших центров тогдашнего мира — Фессалонике. Во главе восставших масс, ядром которых были многочисленные в городе моряки, стояли представители рода Палеологов. Богатые и знатные бежали из города или подвергались избиению и уничтожению. Никифор Григора, писатель-современник, дает характеристику социально-политического режима, установленного восставшими, и, перечислив все известные науке того времени о государстве формы правления, заявляет, что установленный зилотами порядок не был похож ни на одну из них, но был странной властью черни. Зилоты выдвинули социально-политическую программу, которую они обосновывали и теоретически; они считали необходимым для спасения и возрождения государства произвести конфискацию крупного землевладения, как светского, так и монастырского; этот фонд они считали необходимым обратить на поддержку масс и армии, которая комплектовалась из этих масс.

Иоанн V признал эту „Фессалоникскую коммуну“ и послал туда из Константинополя своего уполномоченного, который, впрочем, не сумел найти с ней общий язык. Charanis отмечает, что движение, сходное с выступлением зилотов, имело место и в Трапезундской империи. Эти яркие выступления масс не были случайным явлением, вызванным резким ухудшением политической и экономической конъюнктуры Византии в середине XIV в.

Он подчеркивает „народную традицию“ Византии, большую постоянную и организованную активность народных масс, главным центром которой был ипподром; он указывает также и на существование неперiodического представительного собрания, созывавшегося императорами для решения важных вопросов, причем в этих собраниях были широко представлены трудовые массы. Восстания XIV в. были вызваны политическими и экономическими причинами; в связи с резким территориальным сокращением Византии должен был сильно возрасти налоговый гнет; варварские вторжения и гражданские войны сильно ухудшали положение масс.

Не прекращавшаяся в течение XVI в. борьба между знатью и центральной властью, поддерживаемой широкими массами, пара-

лизовала все попытки укрепить положение государства. Эта борьба не была прекращена и завоеванием византийской территории турками. Социальные причины лежали в основе гражданской войны между сыновьями Баязида, приведшей к поражению при Анкаре в 1402 г. Вождем социального и религиозного движения среди турецких масс выступил шейх Бедреддин, проповедывавший своеобразный коммунизм и стремившийся на этой почве слить мусульманство с христианством. После разгрома войска, поддерживавшего Бедреддина, он бежал в Валахию, откуда рассылал эмиссаров, обращавшихся и к христианскому и к мусульманскому населению. Эта пропаганда вызвала серьезное крестьянское восстание, разгромившее две регулярные армии, но затем подавленное.

Гибель византийского государства была, по формулировке Хараниса, следствием близорукого домогательства своих интересов со стороны народа — являлся ли этот народ массами, аристократией или императорской фамилией.

Da Costa Louillet, G. *Y eut-il des invasions russes dans l'empire Byzantin avant 860? Pp. 231—248.*

Статье предпослано предисловие Н. Grégoire'a, в котором цитируется работа Baumgarten'a „Aux Origines de la Russie“ в „Orientalia Christiana“ (Рим, 1939), в опровержение „химер“ Васильевского о вторжениях руссов в Византию до 860 г. Н. Grégoire утверждает, что никакой проблемы происхождения Русского государства и народа, в сущности, теперь не существует ввиду доказанной правильности норманистской теории.

Основным утверждением статьи Da Costa Louillet является положение, что истории известны только два нападения руссов на Константинополь: в 860 и 941 гг. Упоминание о руссах в Анналах Пруденция Треденского под 839 г. имеет в виду не народ руссов, а лишь скандинавских купцов; то же следует сказать и о ранних сообщениях арабских авторов об руссах. Различение А. А. Васильевым руссов южных, известных уже в VI в., и северных, появляющихся в источниках только с IX в. — ошибочно, так как южные руссы были теми же скандинавскими купцами и воителями, что и северные. Сведения о древности русских писем в Крыму (в „Житии св. Константина“) аннулируются догадкой, что письма эти были сирийскими. Основанный в 733 г. Саркел был защитой против печенегов, а не против руссов. Упоминание о вторжении руссов в Византию в житии Стефана Сурожского является перенесением в это произведение соответствующего мотива из „Жития Георгия Амастридского“; этот последний памятник не является произведением диакона Игнатия (первая половина IX в.), как

доказывал Васильевский, а представляет собой позднюю компиляцию Симеона Метафраста, т. е. относится к X в. Основным аргументом автора статьи для всех этих положений является не доказываемое им положение, что до 860 г. у руссов не могло существовать государства, следовательно [?] они не могли делать вторжений в Византию, а появлялись лишь в образе купцов. Таким образом, в „Житии Георгия Амастридского“ отражено вторжение 941 г. и оба исследования В. Г. Васильевского, с точки зрения автора статьи, являются вполне опровергнутыми.¹

Segre A. *Inflation and its implication in early byzantine times*, pp. 249—279.

Автор опирается, главным образом, на данные папирусов; его выводы преимущественно относятся к Египту; во второй половине статьи эти выводы, с оговорками, распространяются на Византийскую империю в целом.

Между второй половиной III века и началом VII серебряные и медные монеты почти непрерывно теряли свою стоимость по отношению к *Edictum de pretiis rerum venalium* и солиду; золотым монетным единицам соответствовало все возрастающее количество серебряных — денария, египетских драхм, антониниана в его различных наименованиях. Этот процесс находил свое отражение в монетной политике императоров — Аврелиана, Диоклетиана, Константина и его преемников, Анастасия и Юстиниана; эта политика сводилась к девальвации демонетизированной монеты и введению вместо нее монеты полноценной; борьба с инфляцией, однако, не приводила к прочным результатам. Цены росли скачкообразно. Падение стоимости монеты зависело, в известной мере, от падения стоимости золота, всякий раз сопровождавшее падение стоимости разменной монеты и развитие инфляции; золото в монете стоило дороже, чем в натуре. Особенно остро низкая покупательная способность золота сказалась в конце III и первой половине IV в., когда одновременно имели место войны и стихийные бедствия; этот период является одним из самых ужасных в истории человечества.

Представление о развитии инфляции в Египте дает одна из приводимых автором таблиц, из которой видно, что *aureus* в 270 г. стоил $133\frac{1}{3}$ денария, а в VI в. — 60 000 денариев. Для характеристики денежного обращения во всей империи привлекается

¹ Положения, высказанные в этой статье, с которыми не может согласиться советская историческая наука, были подвергнуты критическому разбору в докладе Е. Э. Липшиц на сессии Отделения истории и философии АН СССР 30 октября 1946 г.

Codex Theodosianus и нумизматические данные. Инфляция здесь развивалась приблизительно так же, как в Египте. В смысле монеты и ее обращения, вся империя представляла собой единство, являвшееся одним из моментов латинизации империи. Интересно отметить, что в конце VI и в VII в. в Византии наступает частичная стабилизация денежного обращения.

Taubenschlag R. *The legislation of Justinian in the light of the Papyri*, pp. 280—295.

Вначале автор отмечает, что уже один из первых выпусков Юстинианова кодекса был переписан в Египте, как это показывают Оксиринхские папирусы. Далее в статье исследуются отражения различных частей кодекса в современных Юстиниану правовых документах Египта. Среди этих документов автор отмечает большое количество контрактов, заключенных рабами от имени своих господ, как об этом сообщают сами рабы-контрактанты в тексте папирусов. Миттейс указал на применение в этих сделках конституций кодекса. Далее рассматриваются материалы по брачному и наследственному праву, опеке, дарственному праву, сервитутам, обязательствам и. т. д. Во всех этих юридических папирусах ясно проступает применение норм Юстинианова права. Отражены в папирусах и некоторые теоретические положения Юстинианова законодательства, — например, о „справедливой цене“, — а также и формально-процессуальные нормы кодекса.

Mc Carthy, B. *Literary reminiscences in Psellus's Chronographia*, pp. 296—300.

Литературные заимствования М. Пселла до сих пор почти не изучены. В своей хронографии М. Пселл заимствует литературные обороты не у Лукиана, как на это указывал Е. Renauld в своей работе „Etude de la langue et du style de Michel Psellos“ (Paris, 1920), а у Плутарха — „De Malignitate Herodoti“; автор устанавливает также литературные заимствования Пселла у Платона.

La Monte, J. *The significance of the crusaders' states in the medieval history*, pp. 300—315.

Важность изучения крестоносных государств мало признавалась историками; даже в книге O. Tatcher and F. Mc Neal. *Europe in the Middle Ages*, N. A., 1920, авторы считают государства крестоносцев незначительными и преходящими явлениями. Однако и противоположная точка зрения находит сторонников в последнее время. Эти две точки зрения на крестовые походы возникли еще во время самих походов. Осевшие в Сирии, Палестине крестоносцы освоили эти страны и стали патриотами своей новой родины; наоборот, крестоносцы позднейших очередей были в гораздо боль-

шей мере воителями-пришельцами, часто воевавшими не только с неверными, но и с крестоносными государствами и их отдельными феодальными представителями. Крестоносные государства являлись средневековым эквивалентом колониальных империй нашего времени. Это были всеевропейские колонии христианства, представлявшие все народы Европы. Крестоносцев нельзя рассматривать только как отбросы европейского общества, ибо они создали наиболее развитый и совершенный тип феодализма, достичь которого европейские государства не смогли вследствие процессов внутреннего разложения. В крестоносных государствах сложился особый местный интернациональный тип людей, вполне сознававших себя таковыми, как об этом свидетельствуют их собственные высказывания; эти высказывания, вместе с тем, полны деловых, политических и экономических интересов. Автор, цитируя Вильяма Тирского, Лиудольфа фон-Зухема, наблюдателя XIV в., показывает, что „франки“ крестоносных государств превратились в купцов, ремесленников, находившихся в тесных взаимоотношениях с окружающим мусульманским миром, так же как и с европейскими государствами; военные столкновения происходили не из-за религиозных, но из-за торговых интересов и чаще имели место между самими христианами, чем между христианами и неверными. В крестоносных государствах городские интересы преобладали над сельскими. Названные авторы описывают богатство и роскошный облик сирийских городов в руках крестоносцев; в статье подчеркивается культурное сближение Европы и Востока на территории крестоносных государств, в результате которого культурное влияние мусульманского Востока проникало в Европу и являлось одним из истоков европейского Возрождения XV и XVI вв.

Vasiliev, A. A. *The empire of Trebizond in history and literature*, pp. 316—377.

В статье дается историографический обзор всех работ, специально посвященных Трапезундской империи, начиная с XVII в. Первым автор называет труд Афанасия Даймоноката (Δαίμονοκατάλκτες), — трапезундского митрополита, давшего описание и историю прославленного монастыря Сумела, находившегося недалеко от Трапезунда и неразрывно связанного с судьбами Трапезундской империи. Этот труд ни разу не был издан, но им воспользовался позднейший архимандрит монастыря Парфений Метаксопул, издавший в Лейпциге в 1775 г. свою краткую историю Трапезундской империи на греческом языке. В настоящее время известны всего четыре экземпляра этого издания. В XVII в. появилось много работ о Трапезундской империи, в частности в Венеции — прославляющий Комнинов

труд Миниати. Знаменитый *Du Cange* в своей *Familiae Byzantinae* посвятил Трапезундской империи не мало места, но в его время источники были крайне скудны. В XVIII в. появляются всего две работы. В начале XIX в. появилась работа скандинавского историка Афцелиуса, не утратившая своего значения и теперь, несмотря на то, что она написана до открытия Фальмерайером самого основного источника — хроники Михаила Панарета. Фальмерайер открыл новую эру в разработке истории Трапезундской империи: во-первых, благодаря открытию основного первоисточника, во-вторых, благодаря изучению других материалов на месте в Трапезунде; в результате, Фальмерайер дал первую развернутую „Историю Трапезундской империи“. Опираясь на этот труд, писали: Финлей, давший в своем основательном труде весьма отрицательную характеристику трапезундского общества и государства, Куник, Иоаннидес, Фишер и др. Взятие Трапезунда русскими войсками в 1916 г. вызвало появление ряда работ, в том числе работы В. Безобразова, отметившего мировое историческое положение Трапезундской империи. В 1926 г. крупнейший английский специалист по поздней византийской истории *W. Miller* выпустил книгу: *Trebizond: The Last Greek Empire*, в которой популярность сочетается с серьезными научными качествами. В 1929 г. вышли „Очерки истории трапезундской империи“ Ф. И. Успенского, давшего много новых археологических материалов, так же как и исторических выводов; Ф. И. Успенский подчеркивает определяющее влияние местных лазских элементов на историю империи, ее гораздо большую связанность с Тбилиси и Грузией, чем с Константинополем и Византией; отмечает развитие местных феодальных начал. Книга Успенского начинает новый, после Фальмерайера, этап в изучении истории Трапезундской империи. Далее, в статье излагается трактовка этой истории в больших общих исторических трудах, начиная с Монтегье, Гиббона, Лебо, продолжая Папарригопуло, К. Хопфом, Герцбергом; особого упоминания заслуживают страницы, посвященные Трапезундской империи у *W. Heyd* в его известной *Histoire du Commerce du Levant au Moyen Age*. (последнее французское издание 1923 г.), где выявляется мировое торговое положение трапезундских территорий. Далее Васильев кратко останавливается на *Weltgeschichte* Ранке, на очерке византийской истории Г. Гельцера, Ш. Дия и др., среди которых следует отметить „Историю греческих государственных финансов“ Андреадеса, вышедшую в 1918 г. на ново-греческом языке. В *Cambridge Mediaeval History* Васильев констатирует полное невнимание к Трапезундской империи, несмотря на участие в IV т. *W. Miller*'a. Наоборот, весьма интересную трактовку культурно-исторического

значения империи дает не специалист *R. Bayron* в своей общего характера книге „*The Byzantin Achievement. An historical Perspective A. D. 330—1453*“.

Указав, что работы *N. Yorga* ничего не дают для истории Трапезундской империи, Васильев отмечает ценную трактовку этой истории у Г. Острогорского в его *Geschichte des byzantinischen Staates*, вышедшей в 1940 г. Васильев цитирует и упоминания о Трапезундской империи в Истории Византии М. В. Левченко, отмечая их как первую попытку марксистского подхода к византийской истории. Упомянув общие работы по истории Византии — Кулаковского, Ф. И. Успенского, К. Н. Успенского, С. П. Шестакова, *N. Baynes'a*, *Ch. Diehl'a*, *G. Marçais*, *Amantos*, — как не касающиеся Трапезундской империи, в силу своих хронологических границ, — Васильев останавливается на своей полемике с Ф. Дельгером (Месарит, как источник) и Иорга (о роли грузинской царицы Тамары в истории Трапезундской империи) и, в связи с этим последним, упоминает о работе К. Туманова *On the Relationship between the Founder of the Empire of Trebizond and the Georgia Queen Thamar (Speculum XV, 1940)*; заканчивает он свой историографический обзор упоминанием о Трапезундской империи в больших общих и специальных энциклопедиях. В заключительной части статьи рассматривается трактовка Трапезундской империи в мировой художественной литературе; в рыцарской литературе эта тема была одной из самых популярных; этот мотив встречается у Сервантеса, у Мильтона, в венецианской литературе XVII в. (*II Calloandro*), неоднократно встречается тема Трапезундской империи и в литературе XIX и XX вв.

Voegelin, E. The Mongol Orders of submission to european Powers, 1245—1255, pp. 378—413.

Монгольское завоевание восточной части Европы создало угрозу проникновения монголов и на запад; это вызвало ряд посольств от папы и французского короля к великому хану в Каракорум. Посольства эти (Плано Карпини, Асцелино) должны были выяснить международное положение и защитить западное христианство от нависшей опасности. Послы доставили ответы как самого хана, так и некоторых его наместников. С другой стороны, Людовик IX французский предпринял крестовый поход в Египет и вошел в сношения с ханом Куюком, который, повидимому, принял христианство и собирался напасть на Багдад. Эти сношения выразились в нескольких посольствах (Лонжюмо, Рубрука), доставивших ряд грамот великого хана. Все эти документы сохранились, но не в подлинниках, а в латинских и старо-французских переводах.

Исключение составляют: персидское письмо Куюк-хана, сохранившееся в Ватиканской библиотеке в подлиннике, и второе письмо этого хана, латинский перевод которого был сделан с монгольского оригинала придворной канцелярией самого хана. Эти монгольские документы содержат развитую политическую теорию и представляют собой юридически четкие государственно-правовые акты. С этой точки зрения они до сих пор оставались весьма мало исследованными. Автор подвергает анализу содержание документов, прибегая к филологическим приемам, и приходит к выводу, что монгольские оригиналы представляли собой не письма, а государственные акты нескольких определенных типов; именно: провозглашение всемирной власти монгольских ханов, сообщение западным государям о том, что они включены во всемирное монгольское государство, приказы этим государям о безусловном подчинении воле монгольского хана, как представителя воли единого бога на земле. Таким образом, в этих актах содержится четкая государственно-правовая теория, согласно которой весь мир по воле единого бога провиденциально должен представлять собой единую державу; власть над этой державой вручена великому хану монголов; но еще не все народы мира включены в эту державу, которая, таким образом, находится в периоде становления. Все народы и государи, добровольно признающие над собой монгольскую власть, будут мирно продолжать свое существование; признание власти должно быть активно выражено:... „*ei qui faciem totius orbis continent virtutem tradat*“; автор передает эти отношения термином „вассалитет“. Государи, узнавшие о становлении монгольской державы, но пренебрегшие всемирным постановлением великого хана, будут преданы смерти, а земли их — разрушению. Эти общие основы всемирной монгольской державы получают выражение в индивидуальных приказах, обращаемых к отдельным государям. Эти приказы являются вместе с тем и извещениями, в которых устанавливаются источники власти великого хана; этот источник — бог и его воля. Чингиз-хан был сыном бога и его эдикты были выражением абсолютной воли бога; так же по существу трактуются эдикты и его преемников. Эдикты эти должны доводиться до сведения на местах и лишь после этого вступают в силу. Таким образом, грамоты монгольского хана и его приближенных являлись не примитивными письменными документами, но „подлинными правовыми актами, являющими замечательную юридическую технику“, с помощью которой оформлялась стройная система политических идей. Автор приводит мнение одного из крупнейших исследователей монгольских актов (*Abel-Rémusat*), по которому контакт западно-европейской

культуры с монголами привел ее к пробуждению от средневековой летаргии. Большое число открытий и изобретений, сделанных в Европе, с этого времени имело своей основой „культурную диффузию“, шедшую из Китая, при посредстве монголов.

Topping, P. W. *Modern Greek Studies and Materials in the United States*, pp. 414—442.

Статья делится на две части. Первая часть — историографо-библиографический обзор американской литературы по истории, языку и культуре Греции с XVII в. до наших дней. Значительное место занимает литература о филэллинском движении как в США в целом, так и в отдельных штатах в начале XIX в. Однако главное место в этой части статьи занимают историко-литературные и лингвистические работы; среди последних надо упомянуть о Софоклесе и его известном словаре. Историко-литературные работы касаются почти исключительно современной греческой литературы; здесь особое внимание на себя обращает Байрониана. Большое место в обзоре занимают работы, посвященные политическим проблемам современной Греции, начиная со времени Первой империалистической войны, национальным меньшинствам Албании, Эпиру, Всебалканской федерации и др. Вторая часть статьи посвящена описанию имеющихся в США книжных фондов по истории и литературе Греции после 1453 г. Автор останавливается, главным образом, на литературе на греческом языке, которая является основной по данной теме. Несмотря на отмечаемую автором значительную неполноту имеющихся в США фондов, все же нельзя не отметить большой интерес, который представляет данная библиография для занимающихся средневековой и современной Грецией: комплекты многочисленных специальных журналов, собрание источников, как например: *Παλαιολόγεια καὶ Πελοποννησιακά* Лампроса (4 vol. Athens, 1912—1913) или Собрание сочинений Георгия Геннадия и биографических данных о нем *Γεωργίου Γενναδίου βίος, Ἔργα, Ἐπιστολαί*, 2 vol, Athens, 1926) или „Исторический лексикон“ афинской Академии и др. Автор заканчивает статью указанием, что в США ведется энергичная работа по доукомплектовыванию этой литературы.

Higgins, M. J. *Why another optative dissertation?* 7, pp. 443—448.

На изучении средневекового греческого литературного языка до сих пор лежит печать взглядов XVIII в. на Византию: этот язык рассматривается как упадочное явление; он находился в состоянии застоя, ему свойственны искусственные, „мумифицированные“ формы. Главной такой формой провозглашается „аттицизм“, которым определялся уже язык Филона или Климента Александрийского. Однако этот „аттицизм“ самими исследователями харак-

теризуется как совсем не аттический. Выходом из этого противоречия является изучение средневекового греческого языка, как такового, как изучается история всякого другого литературного языка. Изучение употребления желательного наклонения у Григория Назианзина обнаруживает у последнего последовательный синтаксис, хотя и резко отличный от синтаксиса Ксенофонта. Синтаксис опатива у Григория Назианзина есть звено в развитии греческого литературного языка от поздней эллинистической эпохи к III—IV вв. нашей эры, а не искусственное оживление якобы умершего поздне-эллинистического синтаксиса. Если согласиться с этим, то надо признать, что до сих пор не только ничего не было известно о синтаксисе византийского греческого языка, но даже сам этот синтаксис представлялся несуществующим.

Воусе, G. T. *The legacy of Henri Pirenne*, pp. 449—464.

Автор начинает с общей характеристики Пиренна, как историка исключительной величины, как человека высокого морального облика, как гражданина, пользовавшегося огромным уважением всей страны. Затем он переходит к характеристике литературного наследства Пиренна, отмечает не только громадный объем и ценность содержания напечатанных литературных трудов Пиренна, но и большое влияние на последователей и после его смерти. Это влияние выражается в созданной им школе, числящей десятки крупных имен его непосредственных учеников, уже посвятивших своему учителю несколько томов ценных сборников; это влияние поддерживается двумя крупными работами самого Пиренна, изданными его учениками после смерти учителя: „L'Histoire de l'Europe des invasions au XVI siècle“, „Mahomet et Charlemagne.“

Последняя книга представляет крупный интерес и для историков Византии. Наконец значение работ Пиренна подтверждается многочисленными переводами его книг на иностранные языки.

РЕЦЕНЗИИ

P. Charanis. *Constantin J. Amantos. Ἱστορία τοῦ βυζαντινοῦ κράτους: τόμος πρῶτος* (395—867). *Athens*, 1939, pp. XVI+494, pp. 465—473.

Рецензия весьма положительно оценивает книгу Амантоса, как оригинальную работу, не только точно излагающую исторические события, но дающую правильную периодизацию исторического процесса, вскрывающую внутреннее содержание главных, определяющих исторический процесс фактов (роль экономического развития, взаимоотношения церкви и государства, этнографический и историко-географический состав империи и ее взаимоотношения

с окружающим историческим миром); при этом Амантос стремится выяснить положительные стороны всемирно-исторической роли Византийской империи.

Halecky, O. Aziz Suryal Atiya. *The Crusades in the Later Middle Ages*. London, Methuen & Co, pp. XVI—604; pp. 473—483.

Рецензент подчеркивает важность темы, поскольку крестовые походы выражали борьбу христианства с мусульманством на широком хронологическом и географическом протяжении, далеко за 1291 г. и задолго до 1096 г. Отмечает суженное представление о крестовых походах у Атии, вследствие чего военно-политическая борьба XV в., в том числе и падение Константинополя в 1453 г., остается почти вне внимания автора. Если Атия дает много нового и интересного материала для военно-дипломатической борьбы в Египте, Северной Африке, Восточной Азии, то он почти не затрагивает Восточной Европы. В связи с этим находится то обстоятельство, что Атия мало использовал ватиканские и венецианские архивы, между тем как Jorga и Delaville Le Roulx уже извлекли оттуда ценные материалы.

Geiger B. Arthur Christensen. *L'Iran sous les Sassanides*. 1936, 559 p. — pp. 483—485.

Рецензент высоко оценивает книгу Кристенсена, дающую общий очерк всех сторон жизни и развития сассанидского Ирана; особенно подчеркивается важность трактовки вопроса о соотношении византийской и иранской культуры, иранского права.

Charanis, P. George Kolias. *Léon Choërosphactès magistre, proconsul et patrice Athens*, 1939, 135 p. — pp. 485—488.

Рецензент указывает на важность изучения Леона Хоэросфакта, как деятеля и автора, поскольку в нем находила свое отражение социальная, экономическая и культурная действительность IX—X вв. Книга Койлиаса весьма способствует ее изучению.

Starr, J. Gerhart B. Ladner. *Origin and Significance of the Byzantine Iconoclastic Controversy*. *Medieval Studies*, II., Toronto, 1940, pp. 127—149; pp. 488—489.

Рецензент поддерживает положение автора, что иконокласты были выразителями цезаре-папизма, и выражает надежду на дальнейшее выяснение не только политической, но и социальной природы иконоборческого движения.

Vasiliev, A. M. V. Levchenko. *A History of Byzantium. A brief sketch*. M.—L., 1940, 253 p. — pp. 489—495.

В рецензии отмечено хорошее знание материала, умелый подбор источников, новый подход к социально-экономическим проблемам. Рецензент упрекает автора в недооценке византинологии дореволюционной России, а также в известном произволе при интерпретации

отдельных фактов; в заключение выражает свое удовлетворение возрождением византинологии в Советском Союзе, называя, помимо М. В. Левченко, имена С. А. Жебелева и Н. В. Пигулевской.

L. B. N. John Masefield, *Basilissa, a Tale of the Empress Theodora*, New York. The Macmillan Co, 1940. Cloth, pp. 307—pp. 495—497.

Рецензент отмечает, что, несмотря на наличие значительной литературы, посвященной императрице Феодоре, автору удалось дать яркий образ Феодоры, игравшей большую роль в правление Юстиниана I.

Vernadsky, A. Alexander A. Vasiliev. *The Goths in the Crimea*, pp. 497—500.

Рецензент отмечает невозможность дать связную историю готов в Крыму; тем большая заслуга А. Васильева, сумевшего внести полную ясность в отдельные моменты. Рецензент возражает против некоторых хронологических и историко-географических утверждений автора.

Vernadsky, V. Albert Vogt, ed. transl. comment. *Constantin VII Porphyrogénète. Le Livre des Cérémonies (Collection byzantine publiée sous le patronage de l'Association Guillaume Budé)*, Paris, Société d'éditions „Les Belles. Lettres“, I (1935) Livre I: Chapitres 1—46, Texte XI. 183 p. Commentaire: XXXIII. 194 p. II (1939—1940): Livre I. Chapitre 47, Texte: XI, 193 pp. Commentaire: XVI. 205 pp. — pp. 500—502.

Рецензент отмечает трудности издания текста *De Ceremoniis*: наличие только одной рукописи, не считая мелких параллельных отрывков, ее явно составной характер. При таких обстоятельствах издателю следовало бы точно воспроизвести текст рукописи, обозначив все свои поправки. Фогт, частично следуя прежним издателям, Рейске и Нибуру, допускает неоговоренные поправки. Не использован единственный по своей авторитетности „Исторический словарь современного греческого языка“, издаваемый Афинской академией (т. I вышел в 1933 г.).

Starr, J. Stephenos A Xanthoudidès. *Ἡ Ἐνετοκρατία ἐν Κρήτῃ καὶ οἱ κατὰ τῶν Ἐνετῶν ἀγῶνες τῶν Κρητῶν*. [Texte und Forschungen zur Byzantinisch-Neugriechischen Philologie, № 34] Athens, 1939, pp. XX + 208 — pp. 502—504.

Рецензент отмечает, что автор не только дает подробное описание восстаний на Крите против венецианского господства (1204—1669 гг.), но сообщает также ценные сведения о сельском хозяйстве острова. События XVI—XVII вв. трактованы в книге слабее, чем предшествующий период. Рецензент указывает на неполноту данной в книге библиографии.

НЕКРОЛОГ

Иосиф Стржиговский (7/III 1862—7/I 1941), стр. 504—510.

До 20 лет Стржиговский был по образованию и деятельности ткачом. Его энергия и решительность, склонность „плыть против течения“ дали возможность ткачу превратиться в студента-искусствоведа, быстро ставшего исследователем. Уже в восьмидесятых годах появляется ряд его исследований по раннехристианскому и итальянскому искусству: *Iconographie der Taufe Christi* (1885). В 1887 г. он открывает рисунки Боттичелли для „Ада“ Данте; в 1888 г. появляется его работа „Die Calenderbilder des Chronographen vom Jahre 354“. К этому же времени относится начало его занятий византийским искусством: в 1890 г., как результат раскопок на Афинском акрополе, появилась его статья: „Die Akropolis in altbyzantinischen Zeit“. В этом году он начинает свои археологические странствования по Переднему Востоку, в результате которых дает ряд исследований, подготовивших его знаменитую книгу: „Orient oder Rom“, вышедшую в 1901 г., в которой были сформулированы выводы, создавшие переворот в понимании истории средневекового европейского искусства и оказавшие глубокое влияние на историческую мысль вообще. Автор некролога отмечает, что в 1900 г. появилась в Петербурге работа Айналова „Эллинистические основы византийского искусства“, близкая по методам и выводам к работе Стржиговского; связи Стржиговского с русским искусствоведением несомненны. В 1904 г. вышла его еще более значительная книга „Kleinasien, ein Neuland der Kunstgeschichte“; в 1909 г. — „Amida“ посвященное одному из важнейших центров передневосточного искусства и культуры; в 1918 г. — двухтомное „Die Baukunst der Armenier und Europa“. Как показывают заглавия этих работ, Стржиговский утверждал, что определяющее влияние на развитие европейского искусства оказали искусство и культура Переднего Востока, византийско-азиатских стран. События Первой мировой войны толкнули Стржиговского частично сосредоточить свое исследовательское внимание на славянских и северноевропейских странах.

BYZANTION

International Journal of Byzantine Studies. Vol. XVI, Fascicle I (Amer. Series, II), 1942—1943, Boston, Mass., 1944

Elie Bickerman. *Jean-Baptiste au Désert*, pp. 1—19.

Анализ рассказа Евангелия от Луки о пребывании Иоанна Крестителя в пустыне. Не подвергая сомнению авторства и под-

линность текста Евангелия от Луки, автор анализирует текст, следуя за высказываниями по поводу этого текста ранних отцов церкви и сопоставляя евангельский рассказ с аналогичными данными о Будде, Магомете, Мани и др.

Honigmann, E. *The original liste of the members of the Council of Nicaea, the Robber-Synod and the Council of Chalcedon*, pp. 20—80.

Основываясь на сохранившихся греческих Акта вселенских соборов, списках участников названных в заглавии соборов и сопоставляя эти списки с данными Евсевия, Феодорета, Сократа, а также с латинскими и сирийской версиями Акта, автор восстанавливает древнейшие подлинные списки; в этих списках участники соборов были расположены не по странам, которые они представляли, как это имеет место в дошедших до нас списках, но по иерархическому признаку. В комментарии к списку членов халкедонского собора (521 имя), затрагиваются вопросы церковно-политической организации Византии IV—V вв.

Vernadsky, G. *Sur l'origine des alains*, pp. 81—85.

Статья дает содержание подготовляемой автором синтетической работы об истории алан в связи с ранней историей восточных славян — антов. Сравнительно-лингвистический анализ названия „Alani“ и „As“. Слово „Alani“ восходит к индо-европейскому праязыку: „elen“, славянское „Jelen“, русское — олень. Название „осетины“, „ossi“ есть видоизменение слова „As“, „Os“ связано с названием народа „Osium“ „Wousoun“ китайских хроник. „As“ — теснейшим образом связаны с названием „Anti, Antes. Название Ρωξάλανοι происходит от зендского raokchna, т. е. „блестящий“; Rukhs-As — название самого знатного племени среди алан. Эти сближения дают возможность искать предков саков-сарматов-алан в Казахстане и Семиречии. Во II в. до н. э. движение гуннов и ю-тсе увлекло алан („osun“ китайских хроник) в Фергану и Кабулистан, где они стали самостоятельной частью основанного ю-тсе обширного индо-скифского государства. Отсюда, под натиском тех же ю-тсе, аланы приняли участие в общем сако-сарматском движении на запад.

Weltzman, K. *Illustrations for the chronicles of Sozomenos, Theodoret and Malalas*, pp. 87—134.

Несоответствие текстов Парижской рукописи Григория Назианзина (рукопись IX в.) с тематическим содержанием иллюстраций к этим текстам показывает, что художник в ряде случаев воспроизводил иллюстрации, а не творил их заново. С другой стороны, автор цитирует ряд мест из Созомена, Феодорета и Малалы, содержание которых близко совпадает с сюжетами анализируемых иллю-

страций. Это дает основание утверждать, что эти иллюстрации заимствованы из недошедших до нас более ранних рукописей названных хронистов. Для некоторых миниатюр Парижской рукописи текст хронистов служил источником для композиции. Эти миниатюры в известной мере дополняют содержащиеся в тексте Парижской рукописи фактические данные, что делает необходимым анализ данных по существу (история борьбы ариан и никейцев, религиозно-политическая борьба при Юлиане Отступнике, взаимоотношения Василия Великого и императора Валента). Об иллюстрациях древнейших рукописей хронистов дает представление Мадридская рукопись XIV в., содержащая текст И. Скилицы, Ватиканская рукопись болгарского перевода К. Манассы, рукопись русского перевода Георгия Монаха, и, особенно, недавно открытый папирус в коллекции Берлинского *Staatsmuseum*, восходящий к началу IV в. Эти материалы позволяют установить развитие техники иллюстрирования рукописей.

Malz, G. *The date of Justinians edict XIII*, pp. 135—141.

Этот эдикт о реорганизации управления Египтом датировался большей частью исследователей 538—539 гг. Но уже Цахариэ фон-Лингенталь изменил эту дату на 553—554 гг. Анализ содержания эдикта приводит автора к подтверждению датировки 553—554 гг.

Bonner, C. *The Maiden's strategem*, pp. 142—161.

Литературно-сказочный сюжет эллинистической эпохи о невинной девушке, борющейся с насильником с помощью особого снадобья, получил дальнейшее развитие и широкое распространение в мировой литературе вплоть до наших дней. Автор отправляется от греческой синаксарной рукописи, приобретенной мичиганским университетом в 1922 г. Рассказ этой рукописи автор называет версией „В“ рассматриваемого сюжета; более ранняя версия „А“ дана в хронике Георгия Монаха. Этот же сюжет содержится и в анонимном памятнике византийской литературы „Взятие Иерусалима персами“, имеющемуся в грузинском, армянском и арабском вариантах; здесь Bonner находит версию „С“ сюжета, особенно широко использованную в арабской литературе. Эта же версия встречается в немецкой литературе XIV в. Версия „В“ использована в итальянской литературе XV в. — Мальпегини, Ф. Барбаро. Ариосто. Наконец, в наши дни, этим сюжетом воспользовался Дж. Лондон.

Kurz, O. *An alleged portrait of Heraclius*, pp. 162—164.

Содержание рисунка на коптской рукописи VII в. книги Иова, изображающего четыре человеческие фигуры, было очень спорным. Неясно было, кого изображает мужская фигура — Иова или импе-

ратора Ираклия. В конце рукописи имеется глава об отношении Иова к царю Эдома — Иоваву. Этот последний на рисунке и изображен.

Vasiliev, A. *The Life of St. Theodore of Edessa*, pp. 165—225.

Автор дает краткую историю публикации рукописей жития Федора Эдесского и отмечает, что отдельные разделы памятника являются ценным историческим источником, до сих пор мало использованным. Между тем содержание этого агиографического памятника тесно связано с развитием иконоборчества в Сирии и Палестине; оно дает, таким образом, продолжение исторического развития этих византийских стран под арабской властью и освещает вместе с тем один из наименее документированных периодов византийской истории. Автор подчеркивает историчность личности Федора Эдесского, в противоположность сомнениям Р. Peeters'a, и считает, что автором жития был племянник Федора Эдесского — епископ Эмезы — Василий, как на это указывается в тексте памятника. Время жизни Федора Эдесского теперь может быть твердо датировано серединой IX в. Центральное место в памятнике занимает полулегендарный рассказ о крещении вавилонского царя Муавии. Эта легенда дает характеристику религиозно-политической борьбы в халифате; в основе ее лежит исторический факт борьбы и гибели арабского принца середины IX в. Аль-Мувайяда, причем связанность Аль-Мувайяда с христианскими кругами привела к канонизации этого мусульманского деятеля в качестве святого восточно-христианской церкви. Иконоборцы господствовали в христианских кругах сирийских городов; Федор Эдесский, опираясь на обращенного им халифа, вступает с ними в успешную борьбу: в ходе рассказа выступают интересные детали: обилие стилитов, религиозно-философские диспуты, конкретные описания храмов. Наличие арабских рукописей жития Федора Эдесского, в связи с самим содержанием этого памятника, выдвигает вопрос об его арабском происхождении; автор статьи отрицает эту возможность. С житием Федора Эдесского соприкасается весьма интересный греческий документ — „Письмо (трех восточных патриархов) к императору Феофилу, касающееся святых и почитаемых икон“; в этом письме сообщается о грандиозном церковном соборе, имевшем место в Иерусалиме в 836 г. (185 епископов, 17 игуменов, 1153 монаха). В письме выражается уверенность в скором переходе восточных стран вновь под власть православного императора.

Blake, R. P. and Ter Nersessian, S. *The Gospels of Bertay: An old Georgian Ms. of the tenth century*, pp. 226—285.

Описание и палеографо-искусствоведческий анализ грузинской рукописи, попавшей в США в числе сирийских несторианских

рукописей. Помимо иллюстрированного текста евангелий X в. рукопись содержит ряд надписей XVI—XVII вв., сделанных ее прежними владельцами. Эти надписи, язык которых приближается к языку грузинских хроник, позволяют определить место и время написания основного текста. Живопись миниатюр носит следы влияния раннего византийского искусства. Но основное византийское влияние проникало в Грузию X в. через посредство Армении; это общее положение подтверждается и анализом миниатюр рукописи. В XI в. Византия непосредственно оказывала культурное влияние на Грузию, как и на другие страны христианского Востока.

Charanis, P. *The strife among the Palaeologi and the Ottoman Turks. 1372—1402*, pp. 286—314.

Турецкое завоевание Константинополя было вполне подготовлено глубокой деморализацией греческого общества, в частности его правящей верхушки. После окончания борьбы между И. Кантакузиным и Иоанном V Палеологом этот последний должен был бороться за свою власть против интриг и открытых выступлений своих сыновей — Андроника, Мануила и внука Иоанна. Боровшиеся стороны опирались на внешние силы — оттоманских турок, Венецию, Геную, открывая им широкую возможность прямого вмешательства во внутреннюю жизнь Византии. Иоанн V искал помощи западных политических сил, тогда как его сыновья больше ориентировались на турок; но Иоанн V, не получая поддержки с запада, вынужден был становиться в зависимость от султана Мурада I. В 1373 г. Андроник открыто выступил против отца; одновременно и сын Мурада — Саудчи — поднял восстание против отца во Фракии. Это сблизило Иоанна V с Мурадом. Но уже в 1376 г. Андроник захватил власть при поддержке того же Мурада, передав Галиполи туркам, а остров Тенедос — Генуе. В результате сложной сети интриг, излагаемых автором статьи, Иоанн V получив поддержку Венеции и Мурада, возвращает себе власть в 1379 г., превращаясь вместе с тем в фактического вассала Мурада. В 1385 г. Андроник умирает. Мануил, в качестве правителя Фессалоники, ведет антитурецкую политику, что приводит к захвату города Мурадом, который одновременно вмешивался в отношения между Мануилом, Иоанном V и Иоанном-внуком. В девяностых годах император Мануил de facto политически подчинен преемнику Мурада I — Баязиду; византийское войско участвует в походах Баязида против его малоазиатских врагов, в том числе против бывшего византийского города Филадельфии. Автор широко использует труды Дмитрия Кидона, особенно его переписку (Giuseppe Cammelli (ed.) *Demetrios Cydones. Correspondance*, P., 1930), а также недавно опубликованную

анонимную хронику: Lampros, J. and Amantos, C. *Βραχέα Χρονικά*. — «Ἀκαδημία Ἀθηνῶν. Μνημεῖα τῆς ἑλληνικῆς ἱστορίας». Τόμος Α' (Athens, 1932—1933). Эти источники говорят о тяжелом материальном положении и культурном падении бывших византийских территорий, особенно Малой Азии, о морально-политическом отчаянии лучших людей византийского общества того времени.

Magoun, F. *Stojan Novakovic on the so-called „Serbian Alexander“*, pp. 315—338.

Английский перевод выдержек из труда С. Новаковича о так называемой „сербской редакции“ легендарной истории Александра Македонского. Перевод содержит ту часть труда Новаковича, где имеется обзор рукописей „сербской Александрии“, хронологический и историко-культурный комментарий текста рукописей. Переводчик, со своей стороны, прибавил некоторые библиографические указания.

А. К. Бергер

ХРОНИКА

СЕССИЯ ОТДЕЛЕНИЯ ИСТОРИИ И ФИЛОСОФИИ АКАДЕМИИ НАУК СССР, ПОСВЯЩЕННАЯ ПАМЯТИ Ф. И. УСПЕНСКОГО

27—28 апреля 1945 г. состоялась сессия Отделения истории и философии Академии Наук СССР, посвященная памяти академика Ф. И. Успенского в связи с исполнившимся в 1945 г. столетием со дня его рождения (7 февраля 1845 г.).

На сессии был заслушан доклад руководителя группы Истории Византии Института истории АН СССР, члена-корреспондента АН СССР Е. А. Косминского о задачах советского византиноведения. В своем докладе Е. А. Косминский отметил необходимость дальнейшего объединения исследовательской работы советских византинистов, разработки плана публикаций неизданных первоисточников на основе обследования советских рукописных фондов, главным образом Московского исторического музея, Ленинградской публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина и Библиотеки Академии Наук СССР, а также плана издания переводов византийских историков. Докладчик остановился на задачах подготовки кадров советских византинистов. Для этой цели Е. А. Косминский указал на необходимость введения в программу нескольких средних школ преподавания греческого и латинского языков, чтения курса истории Византии, византийской литературы и палеографии в университетах, расширения подготовки аспирантов по специальности византиноведения.

Кандидат исторических наук Б. Т. Горянов выступил на сессии с докладом на тему: „Ф. И. Успенский и его значение в византиноведении“.

Кандидат исторических наук Н. С. Лебедев сделал сообщение о неопубликованном рукописном наследстве Ф. И. Успенского, хранящемся в архиве Академии Наук СССР.

На сессии были также заслушаны и обсуждались доклады, представляющие результаты исследований советских византинистов:

1) кандидата исторических наук Е. Э. Липшиц „Славянская община и ее роль в формировании византийского феодализма“; 2) проф. М. В. Левченко „Венеты и прасины в V—VII вв.“, 3) проф. Н. В. Пигулевской „Византийская дипломатия и торговля шелком в V—VII вв.“ и 4) проф. Е. Ч. Скржинской „Итальянские колонии и Византия в XIV в.“. В прениях по докладам выступили член-корреспондент АН СССР В. И. Пичета, А. К. Бергер, Б. Т. Горянов, проф. Ф. М. Россейкин и др. Все эти доклады публикуются в настоящем томе „Византийского Временника“.

В ознаменование памяти главы русского византиноведения академика Ф. И. Успенского сессия Отделения истории и философии приняла следующие решения:

1) возобновить издание неперiodических сборников исследовательских работ в области византиноведения под общим наименованием „Византийский Временник“;

2) для проведения подготовительной организационной работы по восстановлению Археологического института в Константинополе создать под председательством академика Б. Д. Грекова комиссию в составе Е. А. Косминского и С. В. Бахрушина — от Института истории АН СССР; Б. Д. Грекова — от Института истории материальной культуры имени Н. Я. Марра; В. Н. Лазарева — от Института истории искусства АН СССР и представителя Института востоковедения АН СССР;

3) включить в план изданий Академии Наук СССР на 1946 г. издание трехтомной „Истории Византийской империи“ академика Ф. И. Успенского и других его неопубликованных работ;

4) закончить издание трудов академика В. Г. Васильевского;

5) обратиться в Комитет по делам высшей школы при СНК СССР с просьбой о введении в программу исторических факультетов университетов общего курса по истории Византии и ряда семинаров и специальных курсов, а также истории византийской литературы, изучения греческих текстов и греческой палеографии;

6) обратиться в Наркомпрос РСФСР с просьбой ввести в программу нескольких средних школ преподавание греческого и латинского языков;

7) предложить Институту истории АН СССР внести в план изданий на 1946 г. работу М. А. Шангина „Византийское книжное письмо“ в качестве пособия по греческой палеографии и хрестоматию по социально-экономической истории Византии;

8) поручить Институту истории АН СССР разработать план издания переводов произведений византийских историков.

ЧЕСТВОВАНИЕ ПАМЯТИ Ф. И. УСПЕНСКОГО В ОДЕССКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ ИМ. И. И. МЕЧНИКОВА

В ознаменование столетия со дня рождения выдающегося русского византиста Федора Ивановича Успенского, бывшего в течение 20 лет профессором Одесского университета, историческим и филологическим факультетами Одесского университета была организована научная сессия, на которой было прочитано 5 докладов:

- 1) Жизнь и деятельность Ф. И. Успенского — основоположника русского византиноведения (проф. А. Г. Гоголов-Готлиб);
- 2) История славянских народов в трудах Ф. И. Успенского (проф. М. В. Беляев);
- 3) Источниковедение истории народов СССР в трудах Ф. И. Успенского (доц. Н. Н. Коровяков);
- 4) Византия и итальянский гуманизм в трактовке Ф. И. Успенского (проф. Н. Н. Розенталь);
- 5) Двадцать лет работы Русского археологического института в Константинополе под руководством Ф. И. Успенского (доц. М. Ф. Болтенко).

Этими докладами охвачена лишь часть многогранной ученой деятельности Ф. И. Успенского. Проф. А. Г. Гоголов-Готлиб выразил надежду, что сессия послужит стимулом к объединению лиц, работающих в области истории и филологии, для возрождения в Одессе занятий по византиноведению и славяноведению. Одесса в прошлом была крупным центром византиноведения и славяноведения; необходимо всемерно стремиться к тому, чтобы увеличить кадры одесских византистов и славяноведов и создать условия для плодотворной их работы над такими научными проблемами, которые связаны с жизненными интересами нашего отечества. В университетском здании открыта обширная выставка, отражающая развитие у нас византиноведения и славяноведения со второй половины XIX в. до наших дней.

На выставке имеются отделы:

- I. Русское византиноведение до семидесятых годов XIX в.
- II. В. Г. Васильевский и его школа.
- III. Ф. И. Успенский и его школа [1) Одесский период его деятельности, 2) Константинопольский период, 3) Ленинградский период].
- IV. Византисты вне двух основных школ.
- V. История славянских народов.
- VI. Византийское искусство.

Выставка рассчитана на продолжительный срок, чтобы дать возможность путем лекций и объяснений познакомить с ней студентов и педагогов одесских школ.

ВИЗАНТИЙСКАЯ ГРУППА ИНСТИТУТА ИСТОРИИ АН СССР

В ноябре 1943 г. при Институте истории АН СССР была создана группа византиноведения во главе с членом-корреспондентом АН СССР Е. А. Косминским. Первое заседание группы состоялось 11 ноября 1943 г. На этом заседании руководитель группы Е. А. Косминский поставил перед советскими византистами задачу всестороннего расширения исследовательской работы в области византиноведения, как отрасли исторической науки, в которой русские ученые занимали одно из ведущих мест в мировой науке. Е. А. Косминский ставил целью работы группы объединение и сплочение вокруг единого центра всех советских византистов; подготовку новых научных кадров, возобновление преподавания истории Византии; пропаганду византиноведения путем устройства лекций, докладов; издание учебной и популярной литературы; обследование советских рукописных фондов для издания новых, неопубликованных до сих пор источников.

За время своего существования группа византиноведения провела 34 заседания, на которых был заслушан 21 научный доклад и проделана большая организационная работа.

18 ноября 1943 г. на заседании группы был заслушан доклад доктора исторических наук проф. Н. В. Пигулевской на тему: „Византия и Иран на рубеже VI—VII вв.“. Этот доклад представлял собой углубленное научное исследование одного из мало изученных периодов истории Византии — периода правления императоров Тиверия, Маврикия, Юстиниана II и Фоки. Автор поставил себе задачей изучение взаимоотношений Византии с сасанидским Ираном в этот период и привлек для этой цели ряд важных и до сих пор мало изученных источников как греческих, так сирийских и арабских (например, греческий анонимный трактат о военном искусстве, Феофан Симокатта, Агафий Мембический, Михаил Сириец, Табари, деяния Несторианских соборов и т. д.). На основе изучения этих источников Н. В. Пигулевская пришла к интересным выводам, как по внешнеполитической истории Византии, так и по специально экономическим вопросам.

9 декабря 1943 г. группа заслушала доклад старшего научного сотрудника Института истории АН СССР Б. Т. Горянова на тему „Восстание зилотов в Византии (1342—1349 гг.)“, представляющий

собой основные выводы кандидатской диссертации докладчика. Исследовав большое количество документов XIV в. (акты, грамоты, хрисовулы и др.) и ряд произведений византийских историков этого времени, докладчик дал анализ развития социально-экономических отношений в Византийской империи эпохи Палеологов, — одного из наименее изученных периодов византийской истории, — обратив особое внимание на развитие форм поздневизантийского феодализма, на борьбу мелкого и крупного землевладения. На основании этого материала Б. Т. Горянов осветил революционное движение зилотов Византии, являющееся одним из центральных событий в истории византийского государства эпохи Палеологов.

7 января 1944 г. старший научный сотрудник Ленинградского отделения Института истории АН СССР Е. Э. Липшиц сделала доклад на тему „Из истории византийской культуры в IX в.“. В этом докладе основное внимание было уделено деятельности выдающегося представителя византийской науки, ректора Константинопольского университета Льва Математика. На основе сопоставления и детального анализа разноречивых данных византийских историков и хронистов Е. Э. Липшиц восстановила биографию ученого и определила направление его научных интересов. По мнению докладчика, Лев Математик является представителем светского, передового течения в византийской науке IX в., направленного к изучению природы и меньшее внимание уделявшего религиозным вопросам. Удивительные ученые познания Льва Математика и произведения его технического мастерства, представлявшие для своего времени значительные достижения, снискали ему известность далеко за пределами Византии. Они демонстрировались чужеземным послам, и в том числе русской великой княгине Ольге, и нашли, таким образом, отражение и в русской исторической традиции. Лев Математик был учителем патриарха Фотия и Константина (Кирилла) — просветителя славян.

Доклад Е. Э. Липшиц — часть ее большой работы, посвященной вопросам византийской культуры IX—XI вв.

20 января 1944 г. старший научный сотрудник ЛОИИ Н. С. Лебедев сделал на заседании группы доклад, посвященный крупнейшему русскому византинисту академику В. Г. Васильевскому. Доклад Н. С. Лебедева „В. Г. Васильевский“ представлял собой главу из диссертации о корифее русского византиноведения В. Г. Васильевском. Центральное место в докладе было отведено вопросу русско-византийских отношений в трудах В. Г. Васильевского, в частности анализу одной из выдающихся работ В. Г. Васильевского — „Византия и печенеги“.

23 февраля 1944 г. на заседании группы был заслушан доклад доктора исторических наук профессора М. В. Левченко, дающий критический анализ книги Г. Острогорского „История Византийского государства“ (Мюнхен, 1940).

Большая научная и организационная работа группы позволила ей выступить на сессии Отделения истории и философии АН СССР, состоявшейся 5—6 мая 1944 г., где был поставлен ряд докладов по истории Византии. Доклады на этой сессии носили характер обсуждения общих проблем и ставили, главным образом, своей задачей выявить роль Византии в ее связях с окружающим миром, а также привлечь внимание советской научной общественности к вопросам византиноведения.

На сессии были заслушаны доклады: 1) члена-корреспондента АН СССР Е. А. Косминского „Византия и Запад“; 2) члена-корреспондента АН СССР В. И. Пичета „Византия и славяне“; 3) доктора исторических наук, проф. Н. В. Пигулевской „Византия и Восток“; 4) доктора исторических наук, проф. М. Н. Тихомирова „Византия и Московская Русь“ и 5) старшего научного сотрудника Института истории АН СССР Б. Т. Горянова „Русское византиноведение“.

15 июня 1944 г. проф. Б. Н. Заходер сделал доклад о книге В. А. Гордлевского „Государство сельджукидов Малой Азии“ (1941). Докладчик дал всесторонний анализ этой работы одного из выдающихся советских ориенталистов — В. А. Гордлевского, посвященной сложному и малоисследованному вопросу о генезисе, социальной природе, общественном устройстве и культуре государства сельджуков.

22 июня 1944 г. Б. Т. Горянов сделал доклад об Андронике Комнине (1183—1185). Докладчик расценивал государственную деятельность Андроника как попытку реформами сверху нейтрализовать широкие народные движения против феодальной эксплуатации. С этой целью Андроник пытался ограничить расширение крупного феодального землевладения, улучшить провинциальный административный аппарат, облегчить налоговый гнет крестьянства. В борьбе за проведение этих реформ Андроник резко расправлялся с феодальной знатью, жертвой которой он и пал. Крушение плана реформ этого „крестьянского царя“, как его называл Ф. И. Успенский, устранило последнюю преграду к дальнейшему росту крупного феодального землевладения в Византии.

20 июля 1944 г. А. К. Бергер зачитал на заседании группы доклад на тему: „Политическая теория Юстиниана“, в котором на основе изучения законодательства Юстиниана, главным образом

его новелл, а также привлекая другие источники этой эпохи, автор дал анализ политических взглядов Юстиниана.

9 ноября 1944 г. Е. Э. Липшиц сделала интересный доклад на тему: „К вопросу о славяно-аварских нападениях в VI в.“. Докладчик поставил и по-новому осветил, на основании сопоставления данных византийских историков и хронистов с новейшим археологическим материалом, очень сложный вопрос о славяно-аварских нападениях на территорию Византийской империи, придя к заключению, что уже в VI в. славяно-аварские нападения приобрели большой размах и что на территории Византии имелись уже славянские поселения крестьянского типа. Е. Э. Липшиц связала вопрос о славяно-аварских нападениях в VI в. с актуальной проблемой славянской колонизации Византийской империи и роли свободной крестьянской общины в социально-экономической истории Византии.

30 ноября 1944 г. Е. Ч. Скржинская сделала доклад на тему „Крымские исторические памятники после немецкой оккупации“. Е. Ч. Скржинская поделилась своими впечатлениями о поездке в Крым и в своем докладе ярко и красочно нарисовала потрясающую картину варварского разрушения немецкими оккупантами крымских исторических памятников.

13 января 1945 г. состоялся доклад Н. В. Пигулевской на тему: „Византийская дипломатия на Ближнем Востоке“.

В своем докладе Н. В. Пигулевская на основе анализа и сопоставления данных византийских историков, хронистов (Малала, Феофан, Прокопий, Нонн и др.), агиографической литературы и сведений сирийских источников, в частности исключительно ценного источника, так называемой „Книги Химьяритов“, нарисовала яркую картину византийской дипломатии на Ближнем Востоке, связав ее с важными религиозными и социальными проблемами.

19 января 1945 г. был заслушан доклад аспиранта Института истории АН СССР А. П. Каждан на тему: „Крестьянская собственность в Византии по актам монастыря Лемвиотиссы“.

В своем докладе А. Каждан, на основании анализа некоторых локальных документов, в частности монастыря Лемвиотиссы, поставил вопрос о значении и реальном содержании отдельных византийских феодальных терминов в поздний период истории Византии, как, например, терминов „пáрик“, „эпик“, „прония“ и др. Доклад Каждана является началом важной работы над исследованием эволюции византийской феодальной терминологии, имеющей большое значение для изучения социально-экономической истории Византии.

30 января 1945 г. состоялся доклад Е. Ч. Скржинской „Константинополь и итальянские колонии в XIV в.“, зачитанный впоследствии на юбилейной сессии в честь Ф. И. Успенского.

6 февраля 1945 г. Б. Т. Горянов прочитал доклад на тему: „Феодальная терминология в византийской литературе“. В своем докладе он проследил развитие некоторых феодальных терминов в произведениях византийских историков, а также показал картину изменений, внесенных в византийский быт феодализацией византийского общества.

В заседаниях 20 и 27 февраля 1945 г. был заслушан доклад аспирантки З. В. Удальцовой на тему: „Виссарион Никейский“, представляющий собой главы из кандидатской диссертации. В своем докладе З. В. Удальцова осветила деятельность одного из выдающихся византийских ученых-гуманистов и крупного политического деятеля XV в. Виссариона Никейского. Докладчик связал деятельность Виссариона с ожесточенной партийной борьбой, развернувшейся в Византии накануне ее падения, борьбой между латинофильской партией, возлагавшей надежды на спасение византийского государства Латинским Западом и готовой ценой религиозной унии купить помощь Запада, и национально-православной партией, выступавшей против сближения с Западом, показав, что Виссарион являлся главой и признанным вождем латинофильского течения в Византии.

8 марта 1945 г. состоялся доклад проф. М. Е. Масона на тему: „Взаимоотношения Византии и Средней Азии по нумизматическим данным“. На основе обследования музейных фондов и частных собраний Средней Азии докладчик установил наличие большого количества византийских монет, что позволяет судить о развитии торговых связей между Византийской империей и Средней Азией.

На заседании 21 мая 1945 г. проф. Ф. М. Россейкин познакомил членов группы с направлением своей работы о византийской дипломатии и церковной миссии IX века, которая составляет продолжение его исследования о патриархе Фотии, вышедшего в свет в 1915 г.

Работа группы содействовала сплочению сил советских византистов, дальнейшему восстановлению и развитию советского византиноведения, которое должно занять почетное место в ряду ведущих отраслей советской исторической науки.

З. В. Удальцова

В ВИЗАНТИЙСКОЙ ГРУППЕ ЛЕНИНГРАДСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ АКАДЕМИИ НАУК СССР

Византийская группа при Ленинградском отделении Института истории начала свою работу во второй половине 1939 г. в составе трех научных сотрудников: проф. М. В. Левченко — руководителя группы; кандидата исторических наук Е. Э. Липшиц и проф. А. М. Шангина. После перехода последнего в 1941 г. на работу в Москву в состав группы вошли Е. Э. Гранстрем и Н. С. Лебедев.

В начале своей работы группа поставила перед собой следующие задачи: 1) сосредоточиться на разработке важнейших вопросов социально-экономической истории Византии, в частности вопросов аграрной истории V—VII вв.; 2) по возможности пробудить общественный интерес к византиноведческим занятиям, показать значение и роль Византии в мировой истории путем издания общего курса истории Византии; 3) начать публикацию новых, не изданных еще византийских источников, хранящихся в наших библиотеках; 4) объединить вокруг себя наличные кадры советских византинистов; 5) начать подготовку кадров византинистов на Историческом факультете Ленинградского государственного университета.

В 1940 г. была издана „История Византии“ М. В. Левченко.

М. А. Шангиным была начата работа по публикации новых, не изданных еще византийских источников, в частности писем знаменитого Арефы Кесарийского. Он подготовил к печати издание трех произведений этого автора, снабдив их переводом и научным комментарием. Группа объединила, далее, вокруг себя наличные кадры советских византинистов. На заседаниях группы обычно присутствовали и выступали с научными докладами, кроме штатных членов группы, работники Эрмитажа, Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина, Института истории материальной культуры. В работах группы принимали постоянное участие академик Н. С. Державин, профессора В. Вальденберг и П. В. Ернштедт, А. П. Алявдин, А. В. Банк, А. Ф. Вишнякова, Е. Э. Гранстрем, А. Л. Якобсон, М. А. Тиханова, А. Е. Елизарова.

Была начата подготовка кадров византинистов в Ленинградском государственном университете, где ежегодно читался курс „Истории Византии“ и велись специальные занятия с аспирантами-византинистами университета.

В 1940 г. группа подготовила к печати „Византийский сборник“ (изданный в 1945 г.) со следующими статьями: 1) М. В. Левченко — „Задачи советского византиноведения“ и „Материалы

по внутренней истории Восточно-римской империи V—VI вв.“. 2) Е. Э. Липшиц — „Византийское крестьянство и славянская колонизация“, 3) А. П. Дьяконов — „Византийские димы и факции V—VI вв.“, 4) В. Вальденберг — „Философские идеи Михаила Пселла“, 5) М. А. Шангин „Византийские политические деятели X в.“ и др.

Для многотомника „Всемирной истории“, по заданию Института востоковедения, М. В. Левченко написал статью „Византия IX—XI вв.“. М. В. Левченко сделал 3 научных доклада в группе на темы: 1) *Metrocomiae* и *vici publici*, 2) Императорские домены V—VI вв., 3) Сенаторское землевладение V—VI вв.

Е. Э. Липшиц в 1940 г. написала для многотомника по всемирной истории статью на тему: „Византийская культура“; сделала доклад в группе „Византия эпохи иконоборчества“.

М. А. Шангин написал статьи „Новые географические тексты“ и „Византийская политика на окраинах“.

В 1941 г. М. В. Левченко написаны 2 работы: 1) „Церковное и монастырское землевладение Восточно-Римской империи V—VI вв.“, 2) „Византия времени первого крестового похода“ и сделаны научные доклады на эту тему. Е. Э. Липшиц производила подбор источников и литературы для монографии „Византийская культура и ее взаимоотношения с древней Русью“. В 1941 г. она написала несколько глав, в которых дала характеристику главных течений византийской науки в VI—IX вв., остановившись подробно на византийской светской науке в лице ее виднейшего представителя Льва Философа (Математика). Е. Э. Липшиц сделала в 1941 г. доклад „К вопросу о византийской науке IX ст.“

М. А. Шангин в 1941 г. сделал перевод „Готской войны“ Прокопия с научным комментарием, закончил работу „Византийская политика на окраинах“, начал работу над монографией „Письма Арефы Кесарийского“, сделал на эту тему доклад на группе.

Введенная в штат группы Е. Э. Гранстрем защитила кандидатскую диссертацию на тему: „Из истории науки греческой палеографии“, в которой дала хорошо продуманную схему описаний греческой рукописи. В 1941 г. Е. Э. Гранстрем работала также над подготовкой к печати византийских писем и документов из сборника Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина № 250.

Н. С. Лебедев выступил с двумя докладами на заседании группы: 1) „Византия и монголы в XIII в.“ и 2) „Обзор научных работ профессора С. П. Шестакова по византиноведению“. В 1941 г. группой был заслушан также доклад М. Я. Сюзюмова „Иконоборцы и харистики“, в котором автор привел ряд интересных данных и сообра-

жений по вопросу о состоянии монастырского хозяйства до начала иконоборчества.

Длительная блокада Ленинграда и эвакуация научных работников византийской группы в различные города сорвала в 1942 г. коллективную работу группы и затруднила индивидуальную работу.

В настоящее время весь состав группы снова находится в Ленинграде. Победа Советского Союза над германским фашизмом в Великой Отечественной войне и переход к работе в мирных условиях ставит и перед группой по истории Византии Ленинградского отделения Института истории АН СССР новые и сложные задачи в области развития советского византиноведения, над выполнением которых будет работать группа.

М. В. Левченко

ВИЗАНТИНОВЕДЕНИЕ В ЛЕНИНГРАДСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

В Ленинградском государственном университете с 1939 г. на историческом факультете читался специальный курс проф. М. В. Левченко по истории Византии. Одновременно при кафедре средних веков велась подготовка аспирантов по истории Византии.

На филологическом факультете при кафедре классической филологии по инициативе заведующего кафедрой, доктора филологических наук проф. О. М. Фрейденберга, в 1940/41 учебном году было создано первое в СССР Византийское отделение, работа которого была прервана войной, но в настоящее время возобновлена. Задачей Отделения является подготовка филологов-византинистов, лингвистов и литературоведов.

На первый курс было принято 12 студентов. В обстановке военного времени и блокады Ленинграда ряды студентов сильно поредели, но группа продолжает свои занятия и сейчас.

Основной установкой кафедры при подготовке студентов-византинистов является основательная языковедческая подготовка — изучение греческого языка во всем его историческом развитии с упором на средне-греческий. Студенты проходят греческий язык на базе классического греческого языка. Средне-греческий язык изучается в связи с теорией и историей возникновения ново-греческого языка. Последнему также уделяется много внимания.

Основные языковедческие занятия греческим языком поручены доктору филологических наук, проф. П. В. Ершtedту.

До войны занятия ново-греческим языком успешно вел погибший во время Отечественной войны лингвист-эллинист Ф. Г. Яко-

види. Кроме того занятия греческим и латинским языками вел доц. Я. М. Боровский.

Кроме занятий греческим языком, которые велись со студентами, кандидат исторических наук Е. Э. Липшиц вела занятия по истории византийской литературы и искусства и по памятникам византийской агиографии, проф. О. М. Фрейденберг и С. Н. Полякова — по памятникам ранне-христианской литературы.

На старших курсах предусмотрено большое число специальных курсов по вопросам связей византийской литературы с древнерусской, славянскими и восточными (сирийской, армянской, грузинской, арабской); предусматривается и соответствующее расширение круга изучаемых языков.

Е. Л.

М. А. ШАНГИН

Некролог

В годы Великой Отечественной войны против немецких захватчиков, когда ученые силы страны были разбросаны в различных областях Советского Союза, как-то незамеченной прошла смерть Мстислава Антониновича Шангина, безвременно скончавшегося в 1942 г. в г. Махач-Кала (в Дагестане) от тяжелой болезни. Сейчас, советские византинисты достигли новых больших успехов в развитии византиноведения, особенно тяжело переживается эта утрата ученого, находившегося в расцвете своих творческих сил, ученого, от которого многого могло еще ждать советское византиноведение.

М. А. Шангин родился в 1897 г. Получив среднее образование в классической гимназии, он поступил в Петроградский историко-филологический институт, являвшийся выдающимся высшим учебным заведением по подготовке научных работников в области классической филологии и истории античности. Здесь, в течение ряда лет, он работал под непосредственным руководством академика Ф. И. Успенского, одним из ближайших учеников которого он был.

М. А. Шангин был прекрасным знатоком греческой и специально византийской палеографии и эпиграфики и ввел в научный оборот большое количество неизданных текстов. Напечатанные им работы отличаются высоконачной, безукоризненной подготовкой весьма сложных византийских текстов, которые он сопровождал переводами и нередко комментариями, имевшими значение самостоятельных исследований.

Наиболее ценным вкладом М. А. Шангина в науку является подготовленное им собрание русских астрологических кодексов, которое вошло XII томом в фундаментальное международное издание *Catalogus codicum astrologicorum graecorum*, начавшееся в 1898 г. по инициативе Fr. Cumont и теперь им руководимое (т. XII. *Codices Rossicos descripsit M. Sanguin, 1936, VIII, 268 pp., 6 tabulae*).¹ Это издание имело целью охватить все европейские рукописные собрания, описать их и опубликовать новые памятники астрологической литературы. Колоссальная работа, проделанная объединением ученых всего мира, превратила это издание в важный источник науки о греческой палеографии и истории культуры.

XII том „Каталога“, изданный М. А. Шангиным, встречен был почетными отзывами видных мировых ученых. По поводу *Codices Rossici* Fr. Cumont произнес *homage* в Академии надписей в Париже, в котором сказал: „Этот том, посвященный русским рукописям, не только содержит их в количестве пятидесяти (в отрывках или полностью), но и богатый *appendix*, воспроизводящий многочисленные памятники. Мы должны быть признательны М. Шангину, что он довел до счастливого окончания предприятие, во многом трудное, и предоставил в распоряжение ученых такое количество малодоступных сведений и памятников, которые он опубликовал со скрупулёзной тщательностью“.² В другом отзыве выдающийся специалист А. Delatte писал об этом издании М. А. Шангина: „Описание русских рукописей счастливо дополняет *Catal. cod. astrol.*, богатый уже 16 томами... Обширный том в своих 147 страницах посвящен изданию наиболее интересных трактатов... Тексты, собранные и опубликованные М. Шангиным, представляют огромный интерес... Этот том „Каталога“ является истинным родником для исследования истории астрологии, магии, дивинаций, а также для византистов“.³ В томе, изданном М. А. Шангиным, описаны ленинградские рукописи, рукописи Московского исторического музея, преимущественно те, которые были привезены из Афона в 1655 г. Арсением Сухановым, а также одна Харьковская и одна Киевская рукописи. Среди изданных М. А. Шангиным памятников следует отметить метеорологический календарь, представляющий вариант текста Аэтия Амидского, сочинение о животных, камнях и растениях из Гарпократона Александрийского, неизданная глава о пу-

¹ См. автореферат М. А. Шангина (Вестник древней истории, 1939, № 1(6), стр. 178—185).

² Académie des Inscriptions et Belles Lettres, Comptes-rendus, 1936. Bulletin d'Octobre—Décembre, Paris, 1936, p. 245.

³ L'antiquité classique, V (1936), pp. 485—487.

тешествах из Гефестиона Фиванского, неизданная глава из Михаила Пселла, в которой он осуждает астрологов, и др.

М. А. Шангин был неутомимым искателем и комментатором неизданных текстов, которых он издал большое количество. Назовем среди них „Абу Ма'шар в рукописи Библиотеки Академии Наук СССР“ (Известия Академии Наук СССР, 1926); „Ямбическая поэма Иоанна Каматира“ (ИАН, 1927); „Аттическая свинцовая табличка“ (Вестник древней истории, 1938, № 2); „Херсонесские надписи“ (Вестник древней истории, 1938, № 3); „Новый географический текст“ (Вестник древней истории 1938, № 4). Для Византийского сборника М. А. Шангин подготовил к печати неизданные тексты Арефы Кесарийского, представляющие ценный источник для изучения внутренней истории Византии X в.

Работая всю жизнь над образцами византийской палеографии, М. А. Шангин в 1940 г. закончил свою работу „Византийское книжное письмо“, которая представляет собой первый в русской научной литературе сводный труд по византийской палеографии. В этом же году эта работа была защищена им в качестве докторской диссертации в Ученом совете Института мировой литературы имени А. М. Горького АН СССР.

На сессии в апреле 1945 г., посвященной памяти Ф. И. Успенского, Отделение истории и философии АН СССР постановило издать эту работу, как пособие для изучения греческо-византийской палеографии. Выполнение этого постановления будет лучшим памятником безвременно погибшему скромному труженику на ниве советского византиноведения.

Б. Т. Горянов

СПИСОК НАУЧНЫХ РАБОТ М. А. ШАНГИНА

Книги

1. *Codices Rossici Catalogus codicum astrologicorum graecorum*, t. XII, Bruxelles, 1936, VIII, 268 p., 6 tab., рецензия в *Antiquité Classique*, t. V (1936), p. 485—487.
2. История Византийского книжного письма. Работа выполнена по поручению Института истории Академии Наук СССР.
3. Византийские источники о войнах Святослава. Работа выполнена по поручению Института истории Академии Наук СССР.

Статьи

1. Абу Ма'шар в рукописи библиотеки Академии Наук. Известия Академии Наук, 1926, стр. 907 сл.

2. Sextus Empiricus in einer Handschrift der Russ. Akademie der Wissenschaften. Philolog. Wochenschrift, 1927, S. 217 ff.
3. Академическая рукопись Пиндара и Эсхила. Известия Академии Наук, 1927, стр. 499 сл.
4. Ямбическая поэма Иоанна Каматира. Известия Академии Наук, 1927, стр. 425 сл.
- 5—6. Фрагменты греческих рукописей из Музея палеографии. ч. I, Доклады АН, 1927, стр. 138 сл.; ч. II. Доклады АН, 1927, стр. 200 сл.
7. Эрмитажная рукопись Панафинейской речи Элия Аристиды, Известия Академии Наук, 1928, стр. 311 сл.
8. Некоторые наблюдения из области античного фольклора. Известия Ленинградского университета, т. I, 1928, стр. 89 сл.
9. Греческая рукопись из Музея палеографии. Доклады АН, 1928, стр. 241 сл.
10. Машилах. De pluviis et ventis. Известия Академии Наук, 1929, стр. 707 сл.
11. Georgius philosophus. Liber de astronomiae disciplinae peritia. Известия Академии Наук, 1930, стр. 145 сл.
12. О роли греческих астрономических рукописей в истории знания. Известия Академии Наук, 1930, стр. 307 сл.
13. Латинская рукопись, принадлежавшая Г. В. Крафту. Доклады АН, 1929, стр. 39 сл.
14. О средневековом гадании „по Пифагору“. Доклады АН, 1930, стр. 109 сл.
15. Латинская парафраза из утраченного сочинения Машиллаха: „Семь ключей“. Зап. Колл. востоковедов, V, 1931, стр. 1235 сл.
16. Заметка о греческой бытовой сказке. Советск. этнография, 1934, вып. 4, стр. 108 сл.
17. Catal. codd. astrol. graec. (1898—1935). Архив истории науки и техн., т. VII, стр. 483 сл.
18. Аттическая свинцовая табличка. Вестник древней истории, 1938, № 1, стр. 101 сл.
19. Некоторые надписи Херсонесского музея. Вестник древней истории, 1938, № 3, стр. 72 сл.
20. Новый географический текст. Вестник древней истории, 1938, № 4, стр. 252 сл.
21. XII том русских рукописей из „Каталога астрологических рукописей“. Автореферат. Вестник древней истории, 1939, № 1, стр. 178 сл.
22. Отрывок из неизвестного произведения Оссиана. Вестник древней истории, № 3, 1939, стр. 137 сл.

23. Византийский писатель Арефа — автор „Слова о мире с болгарями“. Историк-марксист, 1939, № 3, стр. 177.
24. Первая известная греческая азбука очкового письма и глаголический алфавит. Историк-марксист, 1940, № 2, стр. 168 сл.
25. Византийские политические деятели первой половины X в. Византийский сборник, М.—Л., 1945, стр. 228 сл.
26. Рецензия на книгу Левченко „История Византии“. Историк-марксист, 1940, № 12, стр. 120 сл.
27. Новые географические тексты. Рукопись.
28. Два договора. Историк-марксист, 1941, № 2, стр. 114—115.
29. Комментарии к двум статьям договора Игоря с греками 945 г. Историк-марксист, 1941, № 5, стр. 111.
30. Византийские мероприятия по охране границ. Написано для „Историка-марксиста“.
31. Византийская наука и ее рукописные памятники. Написано для „Научного наследства“.
32. Письма Арефы — новый источник о политических событиях в Византии в 931—945 гг. Печатается в т. I (XXVI) „Византийского Временника“.
33. Письма Арефы юридического содержания. Будут печататься в т. II (XXVII) „Византийского Временника“.
34. Эллинские изречения в греческой литературе IV—VII вв. Вестник древней истории, 1946, № 2 (16), стр. 119—121.

Хроника

Сессия Отделения истории и философии АН СССР, посвященная памяти Ф. И. Успенского. — Чествование памяти Ф. И. Успенского в Одесском государственном университете имени Мечникова — Византийская группа Института истории АН СССР. — В византийской группе Ленинградского отделения Института истории АН СССР. — Византиноведение в Ленинградском государственном университете	370
М. А. Шангин (некролог)	383
Список научных работ М. А. Шангина	383

ОГЛАВЛЕНИЕ ПЕРВОГО (ДВАДЦАТЬ ШЕСТОГО) ТОМА

От редакции	3
Ф. И. Успенский. Движение народов из Центральной Азии в Европу. Турки и монголы	9

Статьи и исследования

Б. Т. Горянов. Ф. И. Успенский и его значение в византиноведении . .	29
Н. С. Лебедев. Научное рукописное наследство академика Ф. И. Успенского	109
А. Г. Готалов-Готлиб. Ф. И. Успенский как профессор и научный руководитель	114
Я. А. Манандян. Когда и кем была составлена „Армянская география“, приписываемая Моисею Хоренскому	144
Е. Э. Липшиц. Славянская община и ее роль в формировании византийского феодализма	164
М. В. Левченко. Венеты и прасины в Византии в V—VII вв.	184
Н. В. Пигулевская. Византийская дипломатия и торговля шелком в V—VII вв.	213
Е. Ч. Скржинская. Генуэзцы в Константинополе в XIV в.	235
М. А. Шангин. Письма Арефы — новый источник о политических событиях в Византии 931—945 гг.	235

Краткие сообщения и заметки

Б. Т. Горянов. Первая гомилия Григория Паламы, как источник к истории восстания зилотов	261
М. Я. Сюзюмов. О запрете накопления наличными деньгами в Византии	267

Библиография

С. Н. Каптерев. Uspenskiana (I. Хронологический указатель трудов. II. Литература о Ф. И. Успенском)	270
К. Р. Симон. Библиографические работы в области византиноведения	314
Е. Елеонская. Иностранная библиография по истории Византии . . .	316
А. К. Бергер. Новая серия журнала „Byzantion“	345

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР

*

Технический редактор О. В. Залышкина
Корректор О. А. Руднева

*

РИСО АН СССР № 2397. А — 00365. Подписано
к печати 14/II 1947 г. Печ. л. 24 1/4 + 1 вкл. Уч.-изд. л. 26 1/4.
Формат бум. 70 X 108 1/16. Тираж 3000 экз. Заказ № 401

1-я Типография Издательства АН СССР
Ленинград, В. О., 9 линия, 12.

О П Е Ч А Т К И

стр.	строка	Напечатано	Должно быть
40	7 стр.	spectania	spectantia
75	9 "	Никити Акоманат	Никита Акоминат
75	8 "	1894	1374
76	11 "	Сомириха	Сотириха
85	9 "	Измида	Измира
87	3 "	Равение	Равенне
164	2 св.	М. В. Лавченко	М. В. Левченко
165	10 стр.	age of Justinian	age of Iustinian
173	23 "	паасинов	прасинов
179	3 "	arrivii	azzuri
"	"	Holiani	Italiani
226	2 "	Joh. Cant l.	Joh. Cant. l.
282	7 "	Мелиоранский	Мелиоранский
311	21 "	chez es	chezles
320	16—17 св.	Kirchenväter-Comm.	Kirchenväter-Komm.

Византийский восточник Т. I (XXVI)